

Семенов Ю.И.

Введение в науку философии

Книга 4
Современные проблемы
теории познания,
или логики разумного мышления

*Умозримый мир в себе и для нас,
факты, проблема,
понимание и объяснение,
идея, интуиция, холия,
гипотеза, теория*

Глава 1	
Умозримый мир в себе и для нас. Основные типы словопонятий и идеальных универсатов	8
1. Повторение пройденного	8
2. Проблема типологии словопонятий	20
3. Первый основной тип (род) словопонятий — сингулатно-универсатные (сингулоуниверсатные) словопонятия	21
4. Второй основной тип (род) словопонятий — универсатно-универсатные (униуниверсатные) словопонятия	24
5. Общее и сущность. Этажи мира. Виды сущности	27
6. Третий основной тип (род) словопонятий — квазисингулатно-универсатные словопонятия	30
Глава 2	
Мышление: Словопонятийная и пунктолинейная энграммная корковая сети	32
1. Проблема связи между понятиями	32
2. Словопонятийная сеть и пунктолинейная корковая энграммная сеть	34
3. Мыслительный процесс: мыслеручьи и мыслепоток. Активное и субактивное мышление	40
4. Психологи и психология о двух видах мышления	45
Глава 3	
Создание чувствоумозримого мира для нас как воссоздание в сознании человека мира в себе, объективной реальности	49
1. Вступительные замечания	49
2. Учение И. Канта о чувствоумозримом мире для нас	49

3. Неогумбольдтианство. Концепция лингвистической относительности (гипотеза Сепира—Уорфа)	53
4. Язык, речь и лингвофонд. Концептофонд, мышление и ментофонд	57
5. Проблема детерминации концептофонда	61
6. Основные этапы развития концептофондов и языков	63
7. Наука и новоментальные языки	66
8. Пример России: от староментального языка к новоментальному	68
9. Языковая проблема до и после распада СССР	70
10. Отношение между чувствозримым и умозримым мирами для нас	73

Глава 4

Проблема особенностей и форм разумного мышления 76

1. Проблема разума и рассудка в современной философской и научной мысли	76
2. Проблема единиц мышления вообще, единиц разумного мышления в частности	81
3. Проблема взаимоотношения (взаимоперехода) мышления (мысли, смысла) и речи (высказывания, речевого сообщения, текста) в психологии и лингвистике	86
4. Лингвотекст, рациотекст и разумотворения (идеи и теории). Текстуализация и интеллектуализация	92
5. Проблема соотношения художественного литературного образа и лингвотекста	97

Глава 5

Мир для нас как единство реального, парареального, псевдореального, фидереального и реально-фидереального миров 102

1. Вводное замечание	102
2. Первая разновидность мыслечувствотворений (квазиобразов) — параобразы	102
3. Вторая разновидность мыслечувствотворений (квазиобразов) — фантаобразы (псевдообразы и фидеобразы)	104
4. Мыслетворения: образы и квазиобразы	106

5. Структура мира для нас: реальный мир, парареальный мир, псевдореальный мир, фидереальный мир и реально-фидереальный мир	107
6. Мир для нас вообще, этномир и персономир	107

Глава 6

Факт как исходная категория теории разумного мышления	109
--	------------

1. Понятие факта	109
2. Обретение житейских и научных фактов. Два основных способа добывания научных фактов: наблюдение и эксперимент	113
3. Критика источников как способ нахождения фактов в исторической науке	116
4. Первичная обработка фактов — их превращение из единичных в общие	123

Глава 7

Проблема понимания и объяснения фактов	125
---	------------

1. Проблема понимания и объяснения в философии и науке	125
2. Герменевтика и понятие понимания (истолкования, интерпретации)	126
3. Объединение (унитаризация) фактов. Два вида унитаризации фактов: эссенциализация и холизация	131
4. Понимание и объяснение	136

Глава 8

Идея — главная, ключевая форма разумного мышления	140
--	------------

1. Идея в понимании ученых и философов	140
2. Идея и истина	144
3. Идея эссенциальная и идея холическая	145
4. Проблема и идея	146
5. Идея и суждение	149

Глава 9

Интуиция как форма разумного мышления	151
--	------------

1. Рождение идеи. Озарение (инсайт) и интуиция (наитие)	151
2. А. Пуанкаре, В. А. Стеклов, Л. де Бройль, А. Эйнштейн, Э. Мах и Е. Л. Фейнберг о двух видах мышления	154

3. Проблема интуиции в истории философской мысли	161
4. Проблемно-фактуальная интуиция как необходимый момент разумного мышления	164
5. Разум и рассудок: проблема их «приручения», «окультуривания», «одомашнивания»	171
Глава 10	
Житейская и расследовательская идея и холизация	177
1. Житейская стихийная (бессознательная, имплицитная) холизация	177
2. Житейская сознательная холизация	182
3. Профессионально-специализированная (расследовательская) холизация	187
Глава 11	
Холизация в науке	198
1. Проблема специфики исторического знания	198
2. Идея (система идей) и холия в исторической науке	201
3. Концепция «вживания» в образы исторических деятелей как пути к пониманию истории	208
4. Универсальная холия и теория в исторической науке	211
5. Идея и холия в иных, кроме историологии, гуманитарных науках	214
6. Холическая идея и холия в естественных науках	214
Глава 12	
Проблема научного знания в истории философской и научной мысли Нового и Новейшего времени	216
1. Проблема научного знания в философии и естествознании XVII–XIX веков	216
2. Проблема научного знания вообще, теоретического в частности, в позитивистской философии XX века	221
3. Проблема научного познания вообще, теоретического в первую очередь, в советской философии	231
Глава 13	
Факты, идея, гипотеза и теория	233
1. Теория и гипотеза	233
2. Способы проверки истинности гипотезы и теории	234

3. Два компонента теории и два пути развития теоретического знания	240
4. Проблема соответствия фактов теории	241
5. Проблема рациональности познания	245
6. Проблема структуры теории (и предтеории, гипотезы) . .	251
7. Проблема теории в советской и постсоветской «философии науки»	254
8. Проблема «теоретической нагруженности» фактов	261
Глава 14	
Теорозримый мир в себе и для нас	269
1. Мышление как отражательное творчество, творческое отражение	269
2. Отделение в сознании человека чистоумозримого (теорозримого) мира от чувствоумозримого мира. Проблема «физической реальности»	271
3. Проблема отношения «физической реальности» и природы	274
4. Структура мира для нас, появление нового знания и обогащение концептофонда	283
Глава 15	
Категориальный аппарат теории (логики) разумного мышления	285
1. Онтогностические и гностические формы разумного мышления	285
2. Диалектики: <i>summa summarum</i>	288
Именной указатель	294

Глава 1. Умозримый мир в себе и для нас. Основные типы словопонятий и идеальных универсатов

1. Повторение пройденного

Как было показано во второй книге цикла «Введения в науку философии» — «Вечные проблемы философии» (II.2.1-7)¹, великим открытием философии было выявление того, что мир существует не только вне сознания человека, объективно, но и в сознании человека. И тогда перед философией встал вопрос об отношении между миром, как он существует сам по себе, вне и независимо от сознания (вещами в себе, миром в себе) и миром, как он существует в сознании человека (вещами для нас, миром для нас).

Так как в указанных разделах второй книги рассматривалось в основном чувственное познание, то эта проблема была значительно сужена: в основном обсуждался вопрос об отношении мира, каков он сам по себе, к миру, каким он предстает не в сознании вообще, а лишь в чувственном познании. Но мир существует не только в чувствах, но и в мыслях. Поэтому неизбежно встает вопрос об отношении мира, каков он в человеческом мышлении, к миру самому по себе, миру, существующему вне и независимо от сознания человека, а тем самым и вопрос об отношении мира, каков он и в чувствах, и в мыслях (в сознании в целом) к объективному внешнему миру.

Сведение мира для нас к миру, каков он в наших чувствах, имело серьезные причины. Существования мира в сознании было открыто прежде всего как существование его в чувственном познании (Парменид, Демокрит, Г. Галилей, Т. Гоббс, Дж. Локк, Дж. Беркли, Д. Юм, И. Кант). Что же касается настоящего цикла книг, то в разделах о чувственном познании второй книги «Вечные проблемы физики» (II.1-2) понятие мира в сознании было сужено до понятия мира в чувственном познании в чисто дидактических целях. Чувственное познание человека насквозь пронизано мышлением, осмысленно.

¹ При ссылке на другие разделы книги вначале указывается глава, затем — раздел (арабскими цифрами). При ссылке на другие книги цикла вначале римскими цифрами указывается номер книги, а затем арабскими — номера главы и раздела.

Но с тем чтобы выявить его специфические особенности, необходимо было первоначально рассмотреть его, абстрагируясь от мышления, рассмотреть его в «чистом» виде, в котором он, разумеется, у человека не существует.

Теперь же необходимо рассмотреть мир для нас во всей его сложности и полноте. Он в действительности включает в себя, кроме мира, каким он существует в чувствах, также и мир, каким он существует в понятиях, в мышлении. Вопрос об отношении умозримого мира в себе и для нас был уже рассмотрен во второй книге цикла (II.13.1), но лишь в самом общем плане, лишь частично. Но этого недостаточно.

Проблема нуждается в более тщательном исследовании. Чтобы выявить, как именно мир существует в понятиях, необходимо прежде всего рассмотреть основные типы (роды) понятий. Но для этого нужно хотя бы кратко напомнить то, что было сказано о природе этих клеточек, элементарных единиц мышления в той же самой второй книге (II.10-13).

Мышление неразрывно связано с языком. Понятия всегда выражаются в словах или в словосочетаниях. Поэтому крайне важен вопрос об отношении мышления и языка, понятия и слова. Слово — один из видов знаков, естественный человеческий язык — один из видов знаковых систем. Слова естественного человеческого языка относятся к категории *языковых знаков-символов*. Эти знаки не имеют ни сходства, ни физической связи с представляемыми (замещаемыми) ими предметами. Слова, или знаки-символы, естественного человеческого языка, представляющие собой название предметов, в философии и логике нередко называются также *именами*.

Важным шагом в понимании природы знаков-символов вообще, слов, или имен в частности, было создание выдающимся немецким логиком, математиком и философом Фридрихом Людвигом Готтлобом Фреге (1948-1925) учения о соотношении *знака* (имени, слова, языкового выражения), *значения* знака (предмета, обозначаемого знаком) и *смысла* знака². Для разъяснения отношений между знаком, значением и смыслом широко используется фигура, которая получила название семантического треугольника, или треугольника Фреге.

Ее чаще всего изображают в виде равнобедренного треугольника.

Вершина этого треугольника — знак — материальное явление, замещающее другие явления. Нижняя левая вершина треугольника — явления, которые представляет знак. Каждое такое явление составляет *предметное значение* знака и обычно именуется *денотатом*, или *референтом*, знака.

² См.: Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2013.

Отношение знака к денотату носит название *обозначения*, называния или именованя. Знак обозначает денотат. Нижняя правая вершина треугольника — *смысловое значение* знака, или просто смысл знака. Его именуют также *сигнификатом*, или *десигнатом*, знака.

Отношение знака и сигнификата называют *выражением*. В сигнификате выражается смысл знака. Таким образом, знак обозначает явление (денотат) и выражает смысл, имеет сигнификат.

Больше всего споров среди специалистов по семиотике и современной формальной логике вызывает понятие смысла, или смыслового значения знака. По вопросу о том, что следует понимать под смыслом знака, у них никакого единства нет.

Я исхожу из того, что смысловым значением (смыслом, десигнатом, сигнификатом) слова естественного языка, или имени, является понятие. Имена, как и понятия, могут быть единичными или общими. Предметным значением слова, выражающего общее понятие, его денотатами являются все предметы, образующие объем данного понятия, его логический класс.

Слово (имя) и понятие неразрывно связаны. Нет общего имени без понятия. Если слово лишено смысла (понятия) — оно не слово. Но нет и понятия без слова. Понятие не может существовать без материальное оболочки. Таким образом, слово и понятие в определенном смысле есть одно и то же. Слово включает в себя понятие. Понятие имеет своей материальной оболочкой слово. Долгое время люди не различали слово и понятие, да и сейчас для многих они представляются одним и тем же.

В действительности же между ними существует принципиальное отличие. Слово (имя) — материально. Смысл слова, т. е. понятие, в принципе не может быть материальным. Его либо нет, либо оно идеально. Если мы будем исходить из того, что понятие все же существует, то мы должны признать его идеальным. А идеальное в главном смысле этого слова есть единство субъективного и объективного, есть субъективный образ объективного мира.

Различие между словом и понятием есть различие между материальным и идеальным. Поэтому нельзя сказать, что слово есть образ мира. Отражает лишь понятие, но не слово. Так же ошибочно будет сказать, что понятие обозначает что-то. Обозначает только слово, но не понятие.

Все это создает определенные неудобства при изложении проблем теории мышления. Всякий раз, когда речь заходит об обозначении, приходится говорить, что слово, выражающее определенное понятие, обозначает, или имеет своим денотатом, то-то и то-то.

Не лучше обстоит дело и тогда, когда мы заменяем выражение «слово, выражающее определенное понятие» выражением «слово, являющееся материальной оболочкой определенного понятия».

Избежать такого рода трудности позволяет введение такого своеобразного термина, который обозначал бы одновременно и понятие, составляющее смысл слова, и слово, выражающее данное понятие, являющееся его материальной оболочкой. Этот термин (а тем самым и понятие) — «*словопонятие*», или «*имяпонятие*».

Словопонятие включает в себя понятие, поэтому о нем можно сказать, что оно что-то отражает, копирует, имеет вне себя оригинал, или коррелят (от лат. *correlatio* — соответствие). Словопонятие включает в себя слово (имя), и поэтому о нем можно сказать, что оно что-то обозначает, имеет денотат. Словопонятие и отражает, и обозначает, имеет и оригинал (коррелят), и денотат.

Решить проблему природы понятий означает выявить его отношение к объективному миру. Для начала рассмотрим какое-нибудь самое простое общее понятие, например понятие «собака». Оно неразрывно связано со словом «собака». Последнее применяется для обозначения любой отдельной конкретной собаки. Иначе говоря, слову «собака» соответствует во внешнем мире любая из существующих в нем собак.

Но решение вопроса о том, что соответствует во внешнем мире слову «собака», отнюдь не есть решение вопроса о том, что соответствует во внешнем мире понятию «собака». Ведь слово и понятие — не одно и то же, они принципиально отличаются друг от друга. Существует тем самым и принципиальное различие соответствия между словом и миром и соответствие между понятием и миром. Первое является конвенциональным, второе, в случае его существования, может быть только иконическим.

Таким образом, проблема природы понятий приобретает в данном случае облик вопроса о том, имеется ли во внешнем объективном мире что-либо соответствующее понятиям, и если да, то что представляет собой это соответствующее. Можно его сформулировать и по-другому: имеется ли в понятии объективное, т. е. пришедшее из объективного мира, содержание, и если оно имеется, то что оно собой представляет. Не трудно заметить, что перед нами в несколько иной форме снова встает все тот же основной вопрос философии.

Применительно к данному конкретному случаю это вопрос о том, имеет ли понятие «собака» объективное содержание и, если имеет, то что является этим объективным содержанием? Если сказать, что содержанием этого понятия является собака, то сразу же возникнет вопрос: какое же именно из множества отдельных конкретных животных, принадлежащих к данному виду?

Ясно, что понятие «собака» не имеет своим содержанием ни одну из отдельных конкретных собак, принадлежащих к этому их множеству. Не является содержанием понятия «собака» и совокупность всех собак, вместе взятых. Множество всех собак является содержанием иного понятия — понятия «собаки». Как явствует из сказанного, если при выявлении природы восприятия можно и должно ставить вопрос о чувствозримом конкретном предмете восприятия, то о чувствозримом конкретном предмете понятия говорить нельзя. Можно ставить вопрос лишь о существовании во внешнем объективном мире какого-то нечувственного, но тем не менее объективного коррелята понятия.

Содержанием понятия «собака» является не множество всех собак и не какая-то отдельная конкретная собака, а *собака вообще*. Содержание понятия «собака» может быть объективным только в том случае, если во внешней объективной реальности существуют не только отдельные конкретные собаки, но и собака вообще. Все это в равной степени относится и к другим общим понятиям: содержанием понятия «кошка» является кошка вообще, понятия «дом» — дом вообще, понятия «береза» — береза вообще и т. п.

Когда понятие было отделено от слова и тем самым открыто (это было сделано Платоном), было обнаружено и существование общего, по меньшей мере как содержание понятия. И тем самым перед философией встал вопрос, от ответа на который зависело решение проблемы природы понятий. Конкретные отдельные собаки, кошки, дома, березы и т. п. во внешнем мире, бесспорно, существуют. В мире, несомненно, существует отдельное. Но существуют ли в нем собака вообще, кошка вообще, дом вообще, береза вообще? Существует ли во внешнем объективном мире не только отдельное, но и общее?

Если в мире общего нет, то это означает, что понятия не имеют объективного содержания, т. е. не являются образами внешнего мира, а тем самым, что мышление не есть отражение объективного мира. Но если общее существует не только в сознании человека, но и вне и не зависимо от его сознания, то возникает вопрос, как оно в нем существует.

По существу всем философам, если не эксплицитно, то имплицитно было понятно, что общее ни в коем случае не может существовать как нечто материальное, в принципе не может быть материальным. Отсюда следовало, что общее в случае объективного его существования с неизбежностью должно быть нематериальным.

А так как понятие нематериального обычно считалось равнозначным понятию идеального, духовного, то получалось, что объективно существующее общее могло быть только идеальным, духовным и никаким другим. Именно такой точки зрения придерживались все сторонники того направления в решении проблемы общего, которое принято называть *реализмом*. Именно из реализма возник объективный, или абсолютный, идеализм. Одни реалисты считали, что общее существует трояко: (1) образуя особый духовный мир, (2) в вещах и (3) в сознании человека в виде понятий (крайний реализм), другие признавали его существование только в вещах и в человеческом сознании (умеренный реализм).

Не могли не понимать, что общее не может существовать в объективном мире как материальное, и материалисты. Поэтому для них признание объективности общего было равнозначно принятию взгляда, согласно которому в объективном мире существует нечто нематериальное. А так как и они приравнивали понятие нематериального к понятию идеального, духовного, то и для них признание объективности общего выступало как согласие с учением о существовании в мире объективного духа, т. е. переход на позиции объективного идеализма. Поэтому они встали на путь отрицания существования общего в объективном мире. Общее они понимали либо как знак, имя, либо как человеческое понятие. Это течение принято называть *номинализмом*. К нему принадлежали не только материалисты, но и субъективные идеалисты и феноменалисты.

Для материалистов принятие номинализма было плохо тем, что означало отступление от теории отражения и тем самым подрыв своих собственных позиций. До конца последовательный материализм с неизбежностью должен признавать объективное существование общего. Ясно, что материалисты ни в коем случае не могли согласиться с положением о том, что общее существует помимо вещей. А вот принять тезис о существовании общего в вещах они вполне могли. Но только при этом не в качестве духовного, идеального. А возможно ли это? Ведь объективное общее не может быть материальным, если оно объективно существует, то только как нематериальное.

Выход из создавшегося положения можно найти, если принять во внимание, что нельзя ставить знак равенства, как это привыкли делать, между понятиями нематериального и идеального. Идеальное, конечно, есть нематериальное. Но как уже было показано в той же самой второй книге цикла (II.6.2), не всякое нематериальное обязательно есть идеальное. Существуют две формы объективно-реального бытия: самобытие, или самосуществование, и виинобытие, или вииносуществование.

Суть последовательно-материалистического решения проблемы общего и отдельного заключается в том, что общее, безусловно, существуя в объективном мире, не имеет в нем самостоятельного бытия. Оно существует в ином и только через иное. И этим иным, в котором общее существует и только и может существовать, является отдельное. Таким образом, существует кардинальное различие между бытием общего и бытием отдельного. Имплицитное осознание этого различия проявилось в очень своеобразной формуле, которая время от времени встречалась в философских трудах. Говорилось, что общее *существует*, но *существует не как таковое*, или, что то же самое, *не существует как таковое*.

Таким образом, бытие общего есть не самобытие, а только въинобытие. Но не только общего нет без отдельного. И отдельного нет и не может быть без общего. Отдельное и общее неразрывно связаны друг с другом. Они не существуют друг без друга. Общее существует только в отдельном и в этом смысле всегда является и отдельным. Всякое отдельное несет в себе общее и в этом смысле всегда является и общим. Общее и отдельное есть, таким образом, и не одно и то же, и в то же время одно и то же. Их единство есть единство противоположностей.

Первым среди материалистов осознал огромную важность проблемы отдельного и общего и попытался ее материалистически разработать Владимир Ильич Ленин (1870-1924). Сделал он это в «Философских тетрадах», которые не представляли собой законченного произведения и не предназначались для печати, что не снижает ценность содержащихся в них идей. Именно у него мы впервые находим абсолютно четкую формулировку материалистического решения проблемы общего и отдельного. «Отрицать объективность понятия, — писал В. И. Ленин, — объективность общего в отдельном и особенном, невозможно»³. «Противоположности (отдельное противоположно общему), — раскрывал он, — тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т.д.»⁴.

Только существующее в мире самостоятельно, имеющее самобытие является материальным. Материальным является только отдельное.

³ Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 160.

⁴ Ленин В.И. К вопросу о диалектике // Философские тетради... С. 318.

Въиносуществующее, будучи объективным, не представляет собой материального. Общее, существующее в мире вне и независимо от сознания человека, является объективным, но не материальным. И это нематериальное не является идеальным.

Существуют два качественно отличных вида нематериального: идеальное, которое в главной своей форме является единством субъективного и объективного, и нематериальное, которое объективно и только объективно. Мною уже было предложено называть его *объектальным* (П.6.2). Общее принадлежит во второму виду нематериального. Оно объектально. Поэтому данное решение проблемы общего и отдельного, отличное и от реализма и от номинализма, можно назвать *объектализмом*.

Объективный мир есть неразрывное единство отдельного и общего. Выражаясь метафорически, общее образует каркас, костяк, скелет мира, отдельное представляет плоть и кровь, которыми этот костяк, этот скелет облечен. Это только метафора в том смысле, что когда речь заходит об организме, то самосуществуют не только плоть и кровь, но и костяк, скелет. А в случае объективного мира общее не имеет самостоятельного существования, что не мешает ему пронизывать все этот мир, делая его единым. Материя есть неразрывное единство материального и объектального.

Отдельное и общее представляют собой два уровня объективного мира, из которых один (уровень общего) существует не самостоятельно, а только в другом (уровне отдельного). Но общее общему рознь. Существуют более широкое и менее широкое общее. Менее широкое общее выступает по отношению к более широкому как особенное. Таким образом, уровень общего подразделяется на множество подуровней, которые существуют не рядом, а один в другом. Более широкое общее всегда существует в менее широком общем, в особенном. Высшим видом общего является предельно общее, которое отражается в категориях диалектики.

Только верное разрешение проблемы общего и отдельного открывает путь к пониманию природы человеческого познания. Именно потому, что объективный, материальный мир есть неразрывное единство отдельного и общего, человеческое познание раздвоено на сенситивное и мыслительное, представляет собой единство чувственности и мышления. Чувственное познание есть отражение отдельного, мышление — отражение общего. Без правильного понимания сущности общего и его отношения к отдельному невозможно решить проблему природы понятий, а тем самым и мышления в целом.

Для лучшего понимания этой проблемы необходимо также уточнение используемого категориального аппарата. Слово «общее» — единственное, которое в русской философской литературе употребляется для обозначения того, что противостоит отдельному, предметам, по своему происхождению суть прилагательное. Это крайне затрудняет его использование в качестве существительного, а в философском языке оно прежде всего нужно именно в этом качестве. Неудобство проявляется прежде всего в том, что у него нет множественного числа.

В мире же существует множество разных особенных общих: дом вообще, собака вообще, дуб вообще и т. п. И в русском философском языке должно быть слово для обозначение общего, которое имело бы не только единственное, но и множественное число. Найти подходящий термин очень не легко. В дальнейшем изложении для обозначения общего будет использоваться слово «*универсат*» (от лат. *universalis* — общий, всеобщий) и, соответственно, будет идти речь об *универсате* и *универсатах*. Таким образом, если понятие есть образ, то оно есть образ универсата, разные понятия — образы разных универсатов. Вполне понятно, что наряду со словами «универсат» и «универсаты» я буду продолжать использовать и слово «общее».

Все, что сказано о неудобствах слова «общего» как философского термина, относится и к словам «отдельное» и «единичное». И здесь нужен термин, который мог бы употребляться и в единственном, и во множественном числе. Конечно, можно употреблять слова «отдельность» и «отдельности», «единичность» и «единичности», но трудно ожидать, что они привьются. В философской литературе все чаще в качестве противоположности термину «универсальный» используется термин «сингулярный» (от лат. *singularis* — отдельный, особый)⁵. Производное от него слово «сингулат» будет использоваться для обозначения отдельного, единичного и, соответственно, будет идти речь о *сингулате* и *сингулатах*. Введение этого термина отнюдь не означает полного отказа от слов «отдельное» и «единичное». Они по-прежнему будут применяться наряду с новым, более точным термином.

Выявление существования общего в объективном мире дает ключ к решению проблемы природы понятий. Подобно тому, как восприятию в мире соответствует объективный предмет, понятие имеет в этом мире объективный коррелят. Этим коррелятом является существующее в мире объективное общее, объективный универсат.

В восприятии отражается объективное отдельное — сингулат, в понятии — объективное же общее — универсат. Восприятие является образом отдельного объекта, понятие — образом общего, универсата.

⁵ См., например: *Поппер К. Логика научного исследования // Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983. С. 88 сл.; Истина и благо: Универсальное и сингулярное. М., 2002 и др.*

Мышление не в меньшей степени, чем чувства, является отражением объективного внешнего мира. Взгляда на понятия как на умственные образы, мысленные изображения объективного мира придерживались К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. Но мало сказать, что понятия представляют собой образы объективного мира. Нужно раскрыть процесс отражения мира в человеческих понятиях.

Общее не имеет самостоятельного бытия, оно «погружено» в отдельное, заключено в отдельном, скрыто в нем. Поэтому познать общее значит «извлечь» его, «высвободить» его из отдельного, «очистить» его от отдельного, представить его в «чистом» виде, в таком, в котором оно может существовать только в сознании, но ни в коем случае не в реальном объективном мире. Именно это «очищение» общего от отдельного имеется в виду, когда говорят об отвлечении, абстрагировании.

Но все эти слова: «извлечь» общее из отдельного, «очистить» от отдельного, позволяя понять важную сторону процесса познания общего, не дают еще представления о том, чем в целом он является. Чистое общее может существовать только в понятиях, лишь как содержание понятий. Поэтому познания общего есть процесс возникновения понятий.

Восприятия возникают в результате воздействия предметов на органы чувств человека. Они имеют своим источником внешний мир. Общее не имеет самостоятельного бытия, поэтому оно не может воздействовать на органы чувств человека. А это значит, что понятия возникают совершенно иным способом, чем восприятия. Восприятия порождаются организмом, а именно высшим отделом центральной нервной системы — мозгом. Понятия создаются, творятся человеком. Они могут возникнуть только как творения, создания человека, творения его духа. Творениями человека являются не только элементарные единицы мышления, но и состоящие из нескольких понятий более сложные его единицы; суждения, умозаключения, идеи, гипотезы, теории. Все эти единицы являются мыслетворениями.

Творя понятия и их системы, человек тем самым создает чистое общее, т. е. общее в таком виде, в котором оно в объективном мире существовать не может, идеальное общее. Поэтому этот процесс нередко называют идеализацией. Творя чистое, идеальное общее, человек создает то, чего во внешнем мире нет и быть не может. Создание в сознании того, чего в мире нет, всегда называлось фантазией. Таким образом, создание любого, даже самого элементарного понятия предполагает работу воображения.

Как писал В. И. Ленин: «И в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее („стол“ вообще) есть известный кусок фантазии»⁶.

Творя чистое общее, человек создает то, чего в мире нет. Если подходить к этому чисто формально, то человек тем самым отходит от мира, удаляется от реальности. В действительности же, он тем самым углубляется в мир, проникает в сущность мира. Творя чистое общее, не существующее в мире, человек тем самым познает реальное общее, существующее в мире, но не в чистом виде, а в отдельном и через отдельное. И другого способа познания существующего в мире объективного общего кроме как создания не существующего в мире чистого общего нет и быть не может.

Таким образом, существуют две формы бытия общего. Одна — бытие в реальном мире. Там общее существует только в отдельном и через отдельное. Другая форма бытия общего — его существование в сознании. Там оно существует в чистом виде, в таком, в котором его в мире нет и быть не может. В сознании общее существует вне отдельного и без отдельного. В этом смысле оно там, в отличие от мира, существует самостоятельно, существует как отдельное, самосуществует. Но самосуществует оно только в сознании, но не в реальном мире. Это отдельное — не материальное, а идеальное.

Если понятие есть образ общего, универсала, то это значит, что его содержанием является данное объективное общее, определенный объективный универсал. Понятие, как и восприятие, есть образ мира. И так же как восприятие оно одновременно и субъективно и объективно, субъективно по форме, объективно по содержанию.

Содержанием понятия является то или иное общее, тот или иной универсал. Общее объективно. Поэтому объективно и содержание понятия. Но универсал как содержание понятия существует иначе, чем универсал в объективном мире. В объективном мире общее не имеет самостоятельного бытия, оно существует только в отдельном и через отдельное. В понятии же универсал существует в чистом виде, в форме, в которой он в мире никогда не существует и существовать не может, существует как идеальное.

Выше уже много говорилось о вещах в себе и вещах для нас, мире в себе и мире для нас, но в основном применительно лишь к чувствозримому миру. Но эти понятия в равной степени важны и в отношении умозримого мира.

В применении к мышлению вещи в себе — универсалы, как они существует во внешнем объективном мире, а существует они там только в отдельном и через отдельное, т. е. объективно.

⁶ Ленин В. И. Конспект книги Аристотеля «Метафизика» // Философские тетради... С. 330.

Вещи для нас — универсаты, как они существуют в сознании, в чистом виде, в оболочке понятий. Они идеальны. И в применении к мышлению также важно различие двух видов идеального: иконидеального и дубльидеального. Иконидеальным являются понятия и их системы (гипотезы, теории и т. п.). Дубльидеальное — чистые универсаты, существующие как содержание понятий и их систем. Объектальные универсаты, существующие в объективной реальности, можно было бы называть *реальными универсатами*, или, короче, *реуниверсатами*, а существующие в сознании в чистом виде, — *идеальными универсатами*, или, короче, *идеуниверсатами*.

Кстати, после введения для обозначения отдельного термина «сингулат», можно различать существующие в объективной реальности материальные, *реальные сингулаты (ресингулаты)* и существующие в сознании *идеальные сингулаты (идесингулаты)*. Как было уже сказано, общее в сознании существует как отдельное. В этом смысле идеальный универсат есть одновременно и идеальный сингулат. Но назвать его просто идеальным сингулатом нельзя. Ведь этот термин выше уже был введен для обозначения существующих в сознании настоящих, подлинных сингулатов. Когда в последующем будет заходить речь об идеальных универсатах как самосуществующем в сознании отдельном, я буду называть их *идеальными квазисингулатами* (от лат. *quasi* — как будто, будто бы), или просто *квазисингулатами*.

Реальные универсаты образуют умозримый мир в себе, идеальные универсаты — умозримый мир для нас. И отношение между этими мирами в принципе таково же, что и отношение между чувствозримыми мирами в себе и для нас. Они совпадают и одновременно не совпадают. Мир реальных универсатов неизмеримо шире, чем мир идеальных универсатов. Огромная масса реальных универсатов существует только вне сознания, только в себе. И только ограниченная часть их существует не только в себе, не только вне сознания, но и в сознании, для нас в форме идеальных универсатов. В применении к такому случаю реальные и идеальные универсаты есть одновременно и одно и не одно и то же. Они совпадают по содержанию, но различаются по форме. Реальные универсаты существуют только в отдельном, только в явлении, когда они становятся содержанием сознания, то начинают там существовать в чистой виде, в субъективной форме.

Но несовпадение умозримых миров в себе и для нас по содержанию не сводится лишь к тому, что в первом существуют универсаты, которые не входят во второй.

В умоузмримом мире для нас наряду с универсатами, которые существуют не только в сознании, но и вне сознания, и, разумеется, существуют там не в чистой форме, а в отдельном и через отдельное, имеются и такие идеуниверсаты, которые существуют только в сознании, являются вещами только для нас.

2. Проблема типологии словопонятий

Выше нам уже неоднократно приходилось сталкиваться с тем, что существуют разные типы понятий. Это обстоятельство не осталось незамеченным теми, кто занимался формальной логикой. Упомянутая наука дает определенную классификацию понятий, которая кратко была уже рассмотрена во второй книге (II.9.2). Но там же было показано, что эта типология далека от совершенства. Нужна иная, которая была бы не формально-логической, а гносеологической.

В основу такой типологии должен быть положен тезис, что понятия (исключая единичные понятий, которые здесь рассматриваться не будут) суть отражение общего, субъективные образы объективных универсатов.

Но объективные универсаты могут быть разными. Поэтому понятия, являющиеся образами реальных универсатов разных видов, с неизбежностью должны отличаться друг от друга и видами идеальных универсатов.

Но при создании типологии понятий недостаточно учитывать только различие между реуниверсатами и обусловленное им различие между идеуниверсатами. Ведь понятие всегда выступает в материальной оболочке слова. Нет понятия, которое не было бы выражено в слове, имени. Но слово всегда не только выражает понятие, но и что-то обозначает, имеет денотат или денотаты. Поэтому любая гносеологическая типология понятий должна учитывать природу не только универсатов, но денотатов слов, выражающих эти понятия. Но денотаты слов, как и универсаты понятий, могут быть разными. Типология понятий должна быть классификацией не только и просто понятий, а словопонятий. И в основе гносеологической классификации словопонятий должна быть положена комбинация типа универсата, отражаемого понятием, являющегося содержанием понятия, и типа денотата, обозначаемого словом.

Как уже говорилось (II.6.3), когда в мозгу возникает восприятие, то для субъекта оно существует не как восприятие, а как вне его находящаяся вещь. Вещь для нас выступает для субъекта как вещь сама по себе, как вещь в себе. И для этого есть определенное основание: вещь в себе и вещь для нас не только не одно и то же, но и одно и то же. О существовании же у него восприятия обычный человек может даже и не подозревать.

Когда в сознании человека, не занимающегося исследованием проблем познания, появляется понятие, то оно для него как таковое, как понятие тоже не существует. Как и в случае с восприятиями, люди тоже долгое время даже не подозревали о существовании у них понятий. Но это отнюдь не значит, что они вообще для них не существовали. Любое понятие всегда несомненно существовало и для человека, но существовало для него как нечто отличное от понятия. Прежде всего оно существовало для него как слово, имя. Но оно никогда не было для него только словом. Для человека всегда существовала не только внешняя форма понятия, но и его содержание, т. е. его идеальный универсат, причем этот идеальный универсат существовал для человека не как таковой, не как идеальный универсат, а как реальный универсат. И разные типы словопонятий отличались друг от друга не только разными универсатами и денотатами, но и тем, как они существовали для субъектов.

Проблема типологии словопонятий необычайно сложна. Ее более или менее детальное рассмотрение возможно только в специальной работе. Здесь же я ограничусь выделением основных типов, или, короче, родов, словопонятий.

3. Первый основной тип (род) словопонятий — сингулатно-универсатные (сингулоуниверсатные) словопонятия

Как уже указывалось, существует много видов общего, или, иначе, универсатов. Одним из них является то общее, которое в философии давно уже принято называть *качеством*. Понятие качества является одной из важных категорий философии вообще, диалектики в первую очередь. Именно на примере отражения качества можно наглядно видеть все основные особенности первого основного типа словопонятий.

Качество есть определенность отдельной вещи, отдельного предмета, короче, сингулата, которая, с одной стороны, роднит данную вещь с целым рядом других вещей, с другой, — отделяет все данные вещи от всех остальных. Качество есть единство тождества и различия. Оно выражается в понятии, а тем самым в слове, имени. Когда мы, например, называем данный объект собакой, то тем самым фиксируем его тождество со всеми другими собаками и его отличие от всех объектов, которые собаками не являются.

Качество внутренне присуще вещи, неотделимо от вещи. Нельзя изменить качество вещи и в то же время оставить ее такой, какой она была, сохранить ее.

Изменение качества вещи есть ее превращение в иную вещь. Этим качество отличается от другой определенности вещи — *количества*. Последнее есть внешняя определенность вещи. Георг Фридрих Вильгельм Гегель (1770-1831) называл его безразличной определенностью вещи ⁷.

Количество безразлично по отношению к качеству вещи. Вещи, обладающие одним и тем же качеством, могут иметь разные количественные характеристики. Собака может быть крошечной, может быть огромной, но при этом она остается собакой. Вещи, обладающие разными качествами, могут иметь совершенно одинаковые количественные характеристики. Собака может по весу и размерам тела совершенно не отличаться от кошки, что ни в малейшей степени не стирает качественного различия между ними. При изменении количественной характеристики вещи она вполне может сохранять свое качество и в этом смысле оставаться той же самой вещью. Воду, например, можно нагреть от 0 градусов до 99, но она при этом будет оставаться жидкостью.

Качество всегда проявляется в свойствах. Точнее даже, качество существует только в свойствах. Оно представляет целостность всех своих свойств. Нет качества вне свойств и без свойств. Нет свойств без качества. Свойства подразделяются на существенные и несущественные. Качество не может потерять ни одно из своих существенных свойств, не перестав быть при этом данным качеством. Потеря или приобретение несущественных свойств не ведет к изменению качества.

Грань между существенными и несущественными свойствами относительна. Соответственно относительна грань и между качествами. Один и тот же предмет может обладать множеством качеств. Например, данное конкретное домашнее животное, имеющее индивидуальную кличку, например Джерри — главный герой романа Джека Лондона «Джерри — островитянин», является одновременно: (1) ирландским терьером; (2) терьером; (3) собакой; (4) хищником; (5) плацентарным животным; (6) живородящим животным; (7) млекопитающим; (8) позвоночным животным; (9) хордовым животным; (10) многоклеточным животным; (11) просто животным; (12) ядерным организмом (эукариотом); (13) живым телом; (14) физическим телом.

На приведенном примере можно наглядно видеть, что качества образуют множество пирамид, которые могут существовать и друг в друге и рядом друг с другом. Соответственно могут существовать и существует множество пирамид понятий, отображающих эти объективно существующие качества. В силу существования пирамиды качеств качественные различия одновременно и относительны и абсолютны.

⁷ Гегель Г. Наука логики. Т. 1. М., 1970. С. 256.

Конкретное отдельное животное по кличке Джерри как терьер тождественно всем другим терьерам и отлично от всех не терьеров, как собака тождественна всем другим собакам и отлична от всех не собак, как хищник тождественен всем хищным животным и отличен от всех нехищных и т. п. Одни и те же индивиды могут одновременно быть и качественно тождественными и качественно различными. Например, две конкретные собаки одновременно и качественно отличаются друг от друга как, скажем, ирландский терьер и ротвейлер, и одновременно они же как собаки имеют совершенно одно и то же качество.

Но качественные отличия не только относительны, но и абсолютны. Они относительны в пределах пирамиды качеств в целом, но абсолютны на каждом конкретном ее уровне. Данное существо на данном уровне является либо кошкой, либо собакой; либо хищником, либо приматом; либо млекопитающим, либо земноводным и т. п.

Если вспомнить изложенные выше (II.9.2) основные положения учения традиционной формальной логики о понятиях, то нетрудно догадаться, что понятия, которые в этой науке характеризуются как общие и одновременно как конкретные (собака, береза, дом и т. п.), представляют собой не что иное, как отражения, образы определенных качеств. Существенные признаки понятия суть отражения существенных свойств отображаемого качества. Объем понятия (логический класс) составляют все предметы, обладающие качеством, которое нашло свое отражение в данном понятии. Пирамида качеств нашла свое отражение в формальной логике в виде учения о субординации понятий. Все дедуктивные умозаключения, которые описывает формальная логика, есть не что иное, как движение мысли от более высокого уровня пирамиды качеств к более низкому.

Таким образом, рассмотренные выше словопонятия отражают определенные объективные качества вещей, что дает основание для их характеристики как *качественных*, или *квалитных* (от лат. *quality* — качество). Качества, существующие в объективном мире только в вещах, в понятиях выступают в чистом виде, как чистые качества. Такого рода идеальные универсаты можно назвать *квалитиверсатами*. Любое такое квалитное словопонятие имеет своим денотатом каждый из реальных предметов (каждый из реальных сингулатов), обладающий этим качеством. Поэтому точнее они могут быть названы *сингулатно-квалитным*, или, короче, *сингулоквалитными*.

Для человека, не искушенного в теории познания, сингулоквалитные понятия существуют, во-первых, как имя определенных предметов (сингулатов), во-вторых, как объективное сходство всех сингулатов, обозначаемых этим именем.

Словопонятия, денотатами которых являются чувствозримые отдельные предметы, в трудах адептов аналитической философии вообще, неопозитивизма в частности, характеризуют как слова, имеющие чувственные корреляты.

В отличие от обычных людей, если не все, то многие философы, когда они сталкиваются с сингулокавалитными словопонятиями, более или менее четко осознают, что они имеют дело не просто с чувствозримыми вещами и их чувствозримыми же именами (знаками), а с чем-то еще иным: деревом вообще, собакой вообще, дубом вообще, т. е. универсатами. Даже те из них, которые не признавали объективного существования общего, в данном случае не могли не заметить бытия чистого идеального общего — квалиуниверсатов. Общее название, которое они чаще всего дают идеуниверсатам всех типов понятий, — идеальные, или идеализированные, объекты. В применении к сингулокавалитным словопонятиям эти идеальные объекты нередко именуется *эмпирическими объектами*. При этом обычно специально подчеркивается, что эти эмпирические объекты существуют только в сознании, но не в реальности.

Сингулокавалитные словопонятия — не единственный тип словопонятий, отражающих общее (универсаты), но обозначающих отдельное (сингулаты). Они являются одним из нескольких типов (видов), вместе образующих более широкой тип, или род, словопонятий, которые сингулатны по денотату, обозначаемому словом, и универсатны по содержанию понятия. Все словопонятия, относящиеся к этому основному типу, или, иначе говоря, роду, могут быть названы *сингулатно-универсатными*, короче, *сингулоуниверсатными*.

4. Второй основной тип (род) словопонятий — универсатно-универсатные (униуниверсатные) словопонятия

Словопонятие «собака», безусловно, является обычным сингулатно-кавалитным, а тем самым и сингулатно-универсатным словопонятием. Его можно превратить в словопонятие «собака вообще». Это тоже качественное, квалитное словопонятие. Его содержанием является качество «собака», т. е. определенное общее, определенный универсат. Но по денотату оно резко отличается от словопонятия «собака», ибо его денотатом является не каждая из конкретных собак, а собака вообще, т. е. качество, взятое само по себе.

Иначе говоря, денотатом этого словопонятия является не отдельное, не сингулат, а его же собственное содержание — универсат, общее. Причем денотат обозначает общее, существующее не в каком-то одном виде: в виде либо реуниверсата либо идеуниверсата, а общее в любом его виде: и реальном, и идеальном. Такого рода словопонятие относится совершенно к иному роду словопонятий, которые можно назвать *универсатно-универсатными*, или, короче, *униуниверсатными*. Операция с превращением словопонятия «собака» в словопонятие «собака вообще» выглядит как искусственная. Словопонятие «собака вообще» никогда не звучит в обыденной речи. Им пользуются лишь философы. Иное дело словопонятия типа «красное вообще», «сухое вообще». Они постоянно присутствуют в обыденном языке, но только в другой словесной оболочке: «краснота», «сухость», «громкость», «вежливость», «храбрость», «бедность», «болезнь» и т. п. и т. д. Все они являются типичными универсатно-универсатными словопонятиями. Общее является не только содержанием, но и денотатом этих словопонятий.

Во всех этих словопонятиях те или иные общие свойства предметов, их атрибуты выступают как своеобразные субстанции. Но, разумеется, это общее предмета не является истинной субстанцией.

Известный языковед, создатель концепции лингвистической относительности Бенджамин Ли Уорф (1897-1941) обратил особое внимание на существование в языках цивилизованных народов двух видов имен существительных. Один вид — существительные, обозначающие отдельные предметы: дерево, собака, кошка и т.д. Второй вид — существительные, обозначающие, как пишет Б. Уорф, «вещества»: вода, молоко, мясо, ткань, песок, гранит, медь, железо и т. п. Вещество Б. Уорф определяет как «однородную массу, не имеющую четких границ», как нечто «бесформенное»⁸.

Нетрудно заметить, что в данном случае за различием видов слов скрывается различие типов словопонятий. В первом случае перед нами уже знакомые нам сингулатно-квалитные, сингулатно-универсатные словопонятия, во втором — словопонятия совсем иного типа. Эти новые словопонятия тоже отражают общее, но иное, чем качества. Этот новый вид общего в объективной реальности тоже существует только в отдельном, но его отношение к отдельному является иным. Любое «вещество» является бесформенным только в чистом идеальном виде. Лишь в сознании оно может существовать как чистое бесформенное содержание. В объективной реальности «вещество» всегда оформлено, существует в определенной конкретной форме.

⁸ Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика. I. Новое в зарубежной лингвистике. Избранное. М., 1999. С. 66, 67.

И это существующее в реальной действительности единство содержания («вещества») и формы является отдельным, сингулатом: кусок меди, железный топор, лоскут ткани, мешок муки, ломоть хлеба, брусок мыла, стакан воды, тарелка супа, ком теста и т. п.

На первый взгляд может показаться, что рассматриваемые понятия, так же как и качественные, имеют чувствозримые денотаты. Ведь, например, и железный меч, и железный топор вполне чувствозримы. Но только не тот и не другой предмет не является денотатом словопонятия «железо». Первый является денотатом словопонятия «железный меч», а второй — словопонятия «железный топор».

Денотатом же словопонятия «железо» является только железо вообще, причем в обоих своих формах: и железо вообще, существующее в реальности только в отдельном и через отдельное (в различного рода железных предметах и т. п.), и железо вообще, как оно существует в мышлении, чистое идеальное железо вообще. Таким образом, и у словопонятий данного вида денотатами являются их же собственное содержание. Иначе говоря, они являются универсально-универсальными словопонятиями.

Для обычных людей такие словопонятия существуют одновременно и как объективные «вещества», из которых образованы чувствозримые вещи, и как слова, обозначающие эти «вещества». В литературе по философии науки существующие в этих понятиях идеальные универсаты выделяются и, так же как и квалиуниверсаты, именуется в самом общем виде идеальными, или идеализированными, объектами, а более конкретно — эмпирическими объектами.

Наряду со словопонятиями типа «медь», «молоко» и т.п. существует еще целая группа словопонятий в ряде отношений сходных с ними. Примерами могут послужить словопонятия «масса», «энергия», «электричество», «обмен веществ», «ассимиляция», «диссимиляция», «стоимость», «феодализм», «капитализм», «общественно-экономическая формация» и т. п. Если словопонятия типа «железо», «тесто» могли появиться и появлялись до возникновения науки, то словопонятия, подобные перечисленным выше, в большинстве своем являются научными.

Эти словопонятия отражают более глубокое общее, чем рассмотренные ранее «вещественные» словопонятия. Они тоже относятся к числу универсально-универсальных. Денотатом их понятий является общее в обеих его видах: в виде реального общего (реального универсата) и в виде идеального общего (идеального универсата).

Существования последнего не могли не заметить философы, занимавшиеся изучением научного познания. Общее его название — *идеальный, или идеализированный, объект*, более конкретное — *абстрактный объект, теоретический объект, теоретический конструктор*.

Если они особо подчеркивали, что и эмпирические объекты существуют только в мышлении, то тем более относили они это определение к теоретическим, абстрактным объектам. Отличие такого рода словопонятий от тех, что были мною названы сингулатно-универсатными, они видели в том, что эти понятия не имеют чувственных коррелятов.

Полное отсутствие у такого вида словопонятий не просто даже чувствозримых денотатов, но вообще всякой связи с чувствозримым миром, с реальными сингулатами связано с тем, что их возникновение в значительной степени связано с познанием особого вида общего, отличного от качества. Этим видом является *такая сущность, которая является общим и только общим*. Но это отнюдь не значит, что подобного рода словопонятие является образом сущности.

Вообще ошибочной является довольно распространенная в свое время в советской философской науке точка зрения, согласно которой научные понятия представляют собой образы сущности. Ее в свое время отстаивал известный в 20-е гг. философ Абрам Моисеевич Деборин (наст. фам. — Иоффе) (1881-1963). «Понятие, передаваемое словом, — писал он, — призвано выражать сущность явления»⁹. «Следует твердо помнить, — уточнял далее автор, — что научный термин — не просто слово, а выражение сущности данного явления»¹⁰.

Дело в том, что сущность рассматриваемого вида является законом или системой законов. Законы представляют собой такие общие связи, которые определяют движение, появление и исчезновение той или иной совокупности явлений. Поэтому такого рода сущность никогда не может представлять собой одного единственного универсата. И будучи целой системой реальных универсатов, она может найти свое отражение только в системе же понятий. Система понятий, отражающих такого рода сущность, носит название *теории*. Сущность может найти отражение только в теории. Любое же словопонятие рассмотренного типа в самом лучшем случае лишь обозначает сущность, но не отражает ее во всей ее целостности. В нем отражаются только некоторые моменты сущности, но не более того.

5. Общее и сущность. Этажи мира. Виды сущности

В предшествующем изложении слова «общее» и «сущность» чаще всего ставились рядом, одно за другим. Существует несколько оснований для этого. Первое, сразу же бросающееся в глаза: и общее, и сущность можно зреть только умом.

⁹ Деборин А. М. Заметки о происхождении и эволюции научных понятий и терминов // Вопросы языкознания. 1957. № 4. С. 43.

¹⁰ Там же. С. 45.

Они исключительно умозрамы. Второе основание: нередкое совпадение сущности и общего. Однако, как уже указывалось раньше, такое совпадение имеет место не всегда и не является полным.

Качество, несомненно, есть общее, причем существенное общее. Но оно не есть сущность. Таким образом, не всякое общее есть сущность. А с другой стороны, сущность не всегда является только общим. Есть такие сущности, которые представляют собой только и только общее. Общим и только общим, только универсалами являются законы. Но наличествуют сущности и иного рода.

Чтобы понять их природу, нужно принять во внимание существование очень своеобразного подразделения материального мира. Его можно было бы назвать подразделением на уровни, если бы термин «уровни мира» не был бы уже использован выше для обозначения подразделения мира на отдельное и общее, случайное и необходимое и т. п. (II. 11.5). Поэтому приходится искать другое слово. В качестве такового я буду употреблять слово «этаж» и соответственно говорить о существовании нескольких этажей мира. Но эти этажи своеобразны и не похожи на этажи в привычном смысле этого слова. Этажи многоэтажного здания, например, возвышаются один над другим и находятся тем самым в связи, но высшие этажи при этом не включают в себя низшие этажи. Иной характер носит многоэтажность мира. Каждый низший этаж мира входит в состав высшего этажа, и соответственно каждый высший этаж включает в себя все низшие этажи.

Один из такого рода этажей — *макромир* (от греч. «макро» — большой, длинный). Это мир привычных для нас явлений, привычного для нас отдельного: материальных тел, событий, материальных потоков, мир *макросингулатов*. Именно этот мир является для нас чувствозримым, именно макросингулаты вызывают у нас восприятия и становятся их содержанием.

Другой этаж — *микромир*. Это тоже мир отдельного, мир сингулатов, но таких, которые недоступны органам чувств человека. Эти *микросингулаты* доступны лишь уму. Они зримы только умом. Идея о существовании микросингулатов, а тем самым и микромира, появившаяся, как об этом говорилось во второй книге (II.8.2), у Анаксагора, была развита Левкиппом, Демокритом, Эпикуром и Лукрецием. В последующем эта догадка подтвердилась: были открыты молекулы, атомы, элементарные частицы.

Еще один этаж — *мегамир* (от греч. «мега» — большой). Некоторые фрагменты Демокрита можно истолковать как допущение им бытия *мегасингулатов* и мегамира. К ближайшему мегамиру относятся Земля как планета, другие планеты, Солнце, к дальнему мегамиру — звезды, галактики, квазары, черные дыры и т. п. Одни мегасингулаты частично доступны чувственному познанию, другие — могут быть зримы только умом.

Первый шаг по пути к познанию сущности событий, происходящих в макромире, состоит в выявлении общего. Но то, что в макромире выступает как общее, может быть проявлением движения сингулатов в микромире или мегамире. Таким образом, сущностью явления макромира может быть динамика микросингулатов или мегасингулатов. Как следствие можно выделить по меньшей мере два вида сущностей: (1) сущность как общее и только общее, а именно как закон или система законов и (2) сущность, что представляет собой общее на одном этаже мира, но динамику сингулатов, движение сингулатов, т. е. сингулатный процесс — на другом его этаже. Например, сущностью наблюдаемого в макромире движения Солнца по небосводу является вращение Земли вокруг своей оси. Сущностью процесса кипения и испарения жидкости является достижение ее молекулами такой скорости, что они начинают отрываться от жидкости.

Но важно подчеркнуть, что открытие сущности-процесса не в меньшей степени, чем открытие сущности-закона, предполагает создание теории. Дело в том, что сущность-процесс ни в микромире, ни в мегамире нельзя открыть, не выявив законов, управляющих этим процессом.

Если подходить чисто формально, то такие словопонятия, как «атом», «электрон», «позитрон» и т. п. выступают перед нами как отражающие те или иные качества и обозначающие все сингулаты, обладающие тем или иным качеством, т. е. представляют собой обычные сингулатно-квалитные, сингулатно-универсатные словопонятия. Но сразу же бросаются в глаза и отличия: денотаты этих словопонятий — атомы, электроны, позитроны и прочие микросингулаты не являются чувствозримыми, они могут быть зримы только умом. Если принять во внимание характер денотатов, то сингулатно-квалитные словопонятия, относящиеся к макромиру, являются *сенсосигулатными*, а такие же по форме словопонятия, относящиеся к микромиру, — *ментосингулатными* (от лат. *mens* — ум, разум). За различием денотатов скрывается различие словопонятий и по содержанию. Качества микросингулатов в отличие от качеств макросингулатов суть не только качества, но в той или иной степени и их же сущности. Выявить качество микросингулатов невозможно, не раскрыв их сущности.

6. Третий основной тип (род) словопонятий — квазисингулатно-универсатные словопонятия

Существуют и такие словопонятия, которые не могут быть отнесены к числу ни сингулатно-универсатных, ни универсатно-универсатных. Таковы, например, словопонятия, которыми пользуется математика: «число пять», «число (вообще)», «дифференциал», «интеграл», «логарифм», «треугольник», «квадрат» и т.п. Эти словопонятия тоже являются образами внешнего мира. Как и в других словопонятиях в них отражается общее, которое предстает в понятии в чистом виде. И в то же время они существенно отличаются не только от сингулатно-универсатных, но универсатно-универсатных словопонятий. Как и у последних в качестве денотатов у них выступают не сингулаты, а универсаты. Но у универсатно-универсатного словопонятия денотатом в одинаковой степени было как общее, существующее в мире (реальный универсат), так и общее, существующее в сознании (идеальный универсат).

Иначе обстоит дело с словопонятиями рассматриваемого сейчас уже третьего основного по счету рода. Значением словопонятия «число» является число и только число. Чисел же в мире заведомо нет и быть не может. Число есть не просто общее, а общее в таком виде, в котором оно может существовать только в мышлении, чистое общее, идеальный универсат.

Таким образом, словопонятия третьего основного рода вообще не имеют денотатов во внешнем мире: ни чувствозримых (как сенсосингулатные словопонятия), ни умозримых (как ментосингулатные и универсатно-универсатные словопонятия). Если денотатами униуниверсатных словопонятий в одинаковой степени являются как идеальные, так и реальные универсаты, то денотатами словопонятий третьего основного типа — универсаты только в таком их виде, в котором они существуют лишь в сознании, т. е. исключительно идеальные универсаты и никакие другие. А как уже указывалось (II.13.1), всякий идеальный универсат выступает в сознании не как общее, а как нечто отдельное, как идеальный сингулат. Такого рода идеальный сингулат был уже выше назван идеальным квазисингулатом. Все особенности идеального квазисингулата наглядно проявляются в денотатах словопонятий третьего основного рода. Здесь идеальное общее выступает как нечто единичное, как идеальная единичная вещь, которой можно манипулировать. Поэтому такого рода словопонятия могут быть названы *квазисингулатно-универсатными*.

Именно потому что денотатами этих словопонятий были исключительно идеальные универсаты, выступающие как идеальные сингулаты, они и были замечены первыми из всех родов понятий. Во второй книге цикла (II.13.2) было сказано, что понятия впервые были отделены от слов и тем самым открыты Платоном. Теперь пришло время внести определенные уточнения. Открытию понятий вообще предшествовало открытие математических понятий, да и то не всех, а лишь понятий отдельных чисел, числа вообще и некоторых других. Именно эти понятия первыми были отделены от знаков (в данном случае от слов и цифр). В силу того, что числа не имеют никаких денотатов в мире, легче было осознать их чисто идеальную природу и тем отличить от знаков, которые всегда материальны. Честь этого открытия принадлежит опять-таки философам — древнегреческому мыслителю Пифагору (580-500 до н. э.) и его последователям — пифагорейцам.

Пифагорейцы, во-первых, открыли идеальную природу чисел, во-вторых, убедились, что между операциями с числами и происходящими во внешнем мире событиями существует какое-то определенное соответствие. Это соответствие, в действительности, свидетельствовало о том, что операции с числами были отражением происходящих во внешнем мире процессов. Но пифагорейцы истолковали его совершенно иначе. Ими был сделан вывод, что числа лежат в основе мира, составляют его внутреннюю неизменную сущность и определяют течение происходящих в нем процессов. Так была создана первая система объективного идеализма. Она была довольно ограниченной, ибо основывалась на выявлении природы не всех вообще понятий, а лишь ряда математических концептов. Первой всеобъемлющей и детально разработанной системой объективного идеализма стала лишь философия Платона, открывшего понятия не одного лишь определенного рода, а понятия вообще.

Математические квазисингулатно-универсатные понятия отражают пространственные формы и количественные отношения объективного мира. В этом смысле по содержанию их можно было бы назвать пространственно-количественными.

Но квазисингулатно-универсатными могут быть не только математические словопонятия. Если обратиться к физике, то к числу квазисингулатно-универсатных следует отнести словопонятие «абсолютно черное тело», «идеальный газ» и т. п. Поэтому словосочетание «пространственно-количественные словопонятия» не исчерпывает всего содержания квазисингулатно-универсатных понятий.

Глава 2. Мышление: Словопонятийная и пунктолинейная энграммная корковая сети

1. Проблема связи между понятиями

Если обратиться к семантическому треугольнику (треугольнику Фреге) (см. П.10.1), то в нем знак со своим значением и смыслом составляет совершенно самостоятельное, самодовлеющее явление. Для понимания как триады в целом, так и каждого из ее элементов нет никакой необходимости обращаться к другим таким же знакам. В формальной логике, которая фактически знает одни только общие конкретные понятия (синулокалитные), для понимания понятия достаточно знать его содержание и объем. Содержание понятия — совокупность его существенных признаков, объем — все предметы, обладающие набором этих признаков. Формальная логика тоже таким образом исходит из того, что в сущность любого понятия можно проникнуть, не обращаясь к другим понятиям. И даже если руководствоваться взглядом на понятие как на образ мира, то тоже вполне можно прийти к выводу, что понимание понятия предполагает знание лишь его отношения к своему корреляту — тому или иному универсату.

Иначе говоря, все три подхода к понятию предполагают его независимость от всех остальных понятий. Понятия есть дискретные единицы мышления, каждая из которых может быть понята изолированно от всех остальных.

Но стоит обратиться к рассмотрению реальных понятий, как такое представление начинает рушиться. Особенно это заметно на примере униуниверсатных словопонятий. Говоря о них, я подчеркнул, что они не отражают сущность в целом, а лишь обозначают ее. Никакое понятие, взятое само по себе, не может отразить сущность ни природных, ни социальных явлений. Сущность может быть отражена только в особом рода системе понятий — теории. Слово «стоимость» обозначает определенную сущность. Но если мы будем пользоваться только им, то никакого знания об этой сущности у нас не возникнет. Когда мы ознакомимся с этим словом, то будем знать, что существует стоимость, но не больше. Знания реальной стоимости оно, взятое само по себе, нам не принесет. «Известное вообще, — говорил Г. Гегель, — от того, что оно *известно*, еще *не познано*»¹.

¹ Гегель Г. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа // Соч. Т. 4. М., 1959. С. 16.

В меньшей степени это заметно, когда мы обращаемся к качественным, качественным понятиям. Ведь многие из этих понятий нам давно известны, ибо мы все время имеем дело с их денотатами — реальными сингулатами. Причем, когда мы имеем дело с такими словопонятиями, то они выступают перед нами прежде всего как имена вещей и событий. Их содержание, их смысл всегда находится на втором плане и сколько-нибудь четко не проступает. Попробуйте попросить рядового человека раскрыть смысл словопонятия, которым он давно и уверенно пользуется. Результат, как правило, будет довольно плачевным. Ну а когда при нас называют предмет, с которым мы никогда ранее не сталкивались и о котором мы ранее ничего не слышали, то перед нами простой звуковой физический комплекс, не имеющий ни значения (=предметного значения), ни смысла. Чтобы он обрел для данного человека значение и смысл, нужно ему дать определение.

В формальной логике есть раздел, специально посвященный проблеме определения понятий. Она учит правильно определять понятия. Определить то или иное понятие можно только через посредство других понятий. Иначе говоря, определить понятие можно только поставив его в связь с другими понятиями. Важнейшим способом определения понятия формальная логика считает определение через *ближайший род* и видовое отличие. В таком случае понятие определяется с привлечением двух других понятий. Кроме собственно определения формальная логика выделяет несколько форм, сходных с ним. Это прежде всего *характеристика предмета*, когда называются отдельные наиболее важные в каком-либо отношении признаки предмета, и *описание предмета* — перечень как существенных, так и иных его признаков. При этом могут использоваться не два, а значительно большее число других понятий.

Формальная логика признает, что объем одного понятия может включать в себя в качестве части объем другого понятия. Таково отношение между объемом подчиняющего (родового) понятия и объемом подчиненного (видового) понятия. Некоторые логики даже считают возможным говорить, что подчиняющее понятие включает в себя подчиненные понятия.

Но утверждая это, они вступают в явное противоречие с основными положениями своей науки. Понятие имеет не только объем, но и содержание.

И согласно формальной логике, соотношение содержаний подчиняющего и подчиненного понятия противоположно соотношению их объемов. Если объем подчиняющего понятия *включает* в себя объем подчиненного понятия в качестве своей части, то его содержание, наоборот, *включено* в содержание подчиненного понятия в качестве части последнего. Согласно формальной логике, содержание подчиняющего понятия всегда уже, беднее содержания подчиненного понятия. Это означает, что согласно ее основным принципам, подчиняющее понятие заведомо не может включать в себя подчиненное.

Говорить, что одно понятие включает в себя другое можно только в том случае, когда первое понятие включает в себя второе понятие целиком, полностью, т. е. включает в себя не только его объем, но и содержание. В случае с родовым (подчиняющим) понятием оно должно включать в себя не только объемы, но и содержание всех своих видовых понятий, т. е. быть богаче, шире содержания видовых своих понятий. Формальная логика это полностью исключает. О включении же родовых понятий в видовые никто из формальных логиков даже и не пытался говорить.

По существу, формальная логика исходит из того, что все используемые понятия остаются внешними по отношению друг к другу, что понятия не могут образовывать никаких других соединений, других комбинаций, кроме суждений и умозаключений.

Если руководствоваться тем пониманием понятия, которое существует в формальной логике, то так оно и должно быть. Но формальная логика крайне упрощает реальную картину мышления. В действительности, когда мы даем определение какого-либо понятия, характеристику или описание его предмета, мы раскрываем его содержание через содержания других. Тем самым выявляется, что содержание понятия включает в себя содержания множества других понятий, т. е. что понятие включает в себя множество других понятий.

2. Словопонятийная сеть и пунктолинейная корковая энграммная сеть

Все понятия внутренне связаны друг с другом и не существуют вне этой связи. Существует огромная сеть понятий (а тем самым и слов, их выражающих, т. е. имен), вне которой понятия не могут иметь и не имеют бытия. Ее можно назвать *словопонятийной (вербально-концептуальной) сетью*. Узлами этой сети являются слова (имена). Их можно назвать *словесными узлами*. Эти словесные узлы связаны между собой *межузловыми, или межсловесными, линиями*. Словопонятийная сеть имеет сложнейшую структуру.

Ее узлы расположены не в одной плоскости, а во многих. Она не одноэтажна, а многоэтажна. Важнейшими составными частями этой сети являются упоминавшиеся выше пирамиды качественных понятий, но не только они.

Словопонятийная сеть наложена на кору головного мозга. Каждое слово есть физическое, чувствозримое явление. Когда нервное возбуждение, вызванное воздействием слова на рецепторы человека, приходит в кору головного мозга, возникает не только восприятие, но энграммный пункт, содержащий информацию о слове, но вполне понятно о слове как исключительно физическом объекте. Такого рода энграммный пункт можно назвать *словесным энграммным пунктом*. Словесных энграммных пунктов существует в коре головного мозга человека столько, сколько слов действовало на его рецепторы.

Эти словесные энграммные пункты образуют особое множество, отличное от того множества энграммных пунктов, которое во второй книге (II.6.4) уже было названо пунктоэнграммный конгломератом. И энграммные пункты, вызванные действиями несловесных (предметных) раздражителей, — предметные энграммные пункты — могли быть связаны друг с другом нервными связями, нервными линиями. Но целостную систему они не составляли. Иное дело — словесные энграммные пункты. Они связаны нервными линиями таким образом, что все вместе взятые образовывали одну единую энграммную систему. И что самое важное — нервные связи между ними тоже несут информацию о внешнем мире, являются энграммами, но не пунктовыми (точечными), а линейными. Словесные энграммные пункты вместе с энграммными линиями образовывали в коре головного мозга огромную энграммную сеть, узлами которой являются словесные энграммные пункты. Эта *пунктолинейная энграммная сеть* является физиологической, материальной основой описанной выше словопонятийной сети.

Чтобы физический (звуковой, зрительный, кинестезический и т. п.) комплекс обрел значение и смысл, стал именем, словом, выражающим понятие, необходимо, чтобы порожденный его воздействием энграммный пункт был включен в пунктолинейную энграммную сеть в качестве одного из ее узлов. Только тогда в словопонятийную сеть войдет имя и выражаемое им понятие.

Каждый словесный энграммный пункт, взятый сам по себе, содержит в себе информацию только о физическом объекте, который своим воздействием на рецепторы и тем самым на мозг ее породил, и ни о чем другом. Информацию о существующем в мире общем, о существующих в нем универсалах несут межузловые энграммные линии, но только взятые не по отдельности, а в комплексе.

Комплекс, который образует вся пунктолинейная энграммная сеть в целом, подразделен на множество меньших комплексов.

Наименьшей единицей этой сети является определенный словесный энграммный пункт вместе со всеми энграммными линиями, связывающими его с другими такими же словесными энграммными пунктами. По отношению к отходящим от него энграммным линиям словесный энграммный пункт выступает в качестве центра.

Получается фигура, состоящая из центра и определенного числа отходящих от него лучей. В математике ее называют звездным множеством. Я буду именовать ее просто звездой.

Когда имеется в виду словесный энграммный пункт вместе с отходящими от нее энграммными линиями (лучами), то такое физиологическое образование можно назвать *энграммной звездой*, или *звездной энграммой*. И эта энграммная звезда является материальной основой того первичного, или элементарного, понятия, или словопонятия, которое одно только и знакомо формальной логике. Поэтому ее можно назвать *звездопонятийной энграммой*.

Первичное словопонятие представляет звезду, состоящую из центра, которым является слово (имя, словесный узел), и множества отходящих от него линий, связывающих его с точно таким же множеством других слов (имен, словесных узлов), которые по отношению к первому выступают как периферийные. Эти периферийные слова (имена, словесные узлы) образуют границу данной звездной сферы. Подобное понятие можно назвать звездным, точнее, однозвездным понятием, короче *звездопонятием*. Все отходящие от центра звезды линии, являясь межсловесными, межузловыми, выступают по отношению к нему как лучи.

Нетрудно заметить, что наименьшие единицы словопонятийной сети (звездопонятия) находятся не просто рядом друг с другом, а взаимно пересекаются и переплетаются. Ни одна из образующих данное звездопонятие межсловесных линий не является его монопольным достоянием. Так как каждая такая линия всегда соединяет два слова, то она одновременно входит в состав двух звездопонятий, является общей для них. Каждое звездопонятие, таким образом, является совокупностью межсловесных линий, каждая из которых обязательно входит в состав одного из других смежных звездопонятий. Каждое звездопонятие частично совпадает с каждым из множества звездопонятий, с которыми его связывают межсловесные линии, и в этом смысле частично включает их в себя.

Таким образом, различие между центральным и периферийными словами (словесными узлами) является относительным. Каждое слово (словесный узел) является центральным в одних отношениях, периферийным — в других. Оно одновременно и центр собственной звезды, и периферия всех слов, с которыми оно соединено межсловесными линиями.

Но каждое звездопонятие находится в тесной связи, переплетается не только с непосредственными своими соседями. При определении того или иного понятия, которое возможно только с использованием других понятий, совершенно отчетливо проявляется существование тесно связанной с ним целой совокупности словопонятий. Связь слов (словесных узлов) не сводится лишь к межсловесным линиям, каждая из которых, согласно данному выше определению, представляет собой непосредственное отношение двух слов (словесных узлов). Каждое слово (словесный узел) может быть связано с другими словесными узлами) не только непосредственно, но и через посредство других слов (словесных узлов). В результате могут возникнуть и возникают длинные цепи, состоящие из множества звеньев, которыми являются межсловесные линии, — *цепные межсловесные линии*, короче, *словесные цепи*. Эти словесные цепи могут состоять из множества звеньев. И они могут связывать множество словесных узлов, являющихся центрами звездопонятий, а тем самым связывать и сами звездопонятия.

От каждого словесного узла может отходить не одна словесная цепь, а несколько таких цепей. В результате вокруг такого центрального словесного узла, а тем самым и центрального звездопонятия, может сгруппироваться большое число периферийных словесных узлов, а тем самым и периферийных звездопонятий. Если такое объединение многих периферийных звездопонятий вокруг одного, выступающего в данном случае в роли центрального, возникает стихийно, то его можно было бы назвать *клубком звездопонятий*, или *звездопонятийным клубком*.

Образование звездопонятийного клубка является первым шагом на пути объединения множества периферийных звездопонятий вокруг центрального. Последнее не просто вступает в связь с периферийными звездопонятиями, а включает, втягивает их в себя, ассимилирует их. Тем самым центральное звездопонятие, не переставая быть звездопонятием, становится ядром понятия более высокого типа, состоящего из многих звездных (однозвездных) понятий. Перед нами теперь уже не звездопонятийный клубок, а единое целое составное, комплексное понятие. Это уже не понятийная звезда, а целое понятийное созвездие или многозвездие, не звездное (однозвездное), а созвездное, или многозвездное, понятие, короче, *созвездопонятие*, или *многозвездопонятие*. Если материальной основой звездопонятия является звездопонятийная энграмма, то материальной основой созвездопонятия — созвездопонятийная энграмма. Центром, ядром каждого созвездопонятия является одно определенное звездопонятие.

Вполне понятно, что различие центрального и периферийных звездопонятий имеет смысл применительно только к определенному конкретному созвездопонятию. Каждое звездопонятие всегда, с одной стороны, само является ядром одного определенного звездопонятийного клубка или созвездопонятия, с другой, — входит в качестве периферийного во множество других звездопонятийных клубков, или созвездопонятий. Созвездопонятия могут формироваться стихийно, как звездопонятийные клубки. Это *клубковые созвездопонятия*. Но созвездопонятия могут сознательно создаваться человеком. Это *системные созвездопонятия*. К числу последних относятся все теоретические понятия.

Из двух выделенных видов понятий, а именно звездопонятий и созвездопонятий формальная логика знает только первые, ибо они и только они являются понятиями рассудочного мышления, рассудка. Что же касается созвездопонятий, то они являются понятиями разумного мышления. Выше было сказано, что понятия — единственная форма мышления, которая присуща как рассудочному, так и разумному мышлению. Теперь это положение можно уточнить. Действительно, понятия являются формами и рассудочного, и разумного мышления, но при этом рассудочные и разумные понятия представляют собой два качественно отличных вида понятий. Выше они были названы звездопонятиями и созвездопонятиями. Но эти обозначения тогда важны, когда мы рассматриваем словопонятийную сеть и ее материальную основу — пунктолинейную энграммную сеть. Когда же мы от нее отвлекаемся и рассматриваем только и просто мышление, то употребление этих терминов теряет смысл. В таком случае лучше всего говорить просто о понятиях рассудка (рацио), рассудочных (рациональных) понятиях, короче, *рационалиях* и понятиях разума (интеллекта), разумных (интеллектуальных) понятиях, короче, *интеллектуалиях*.

Впервые заговорил об этих двух видах понятий, по-видимому, Г. Гегель. «Нужно, — писал он в „Науке логики“, — различать между *понятием* в спекулятивном смысле и тем, что обычно называют понятием. Тысячи и тысячи раз повторявшееся и превратившееся в предрассудок утверждение, что бесконечное не может быть достигнуто посредством понятия, имеет в виду понятие в последнем, одностороннем смысле»².

² Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 94.

Открытие словопонятийной сети и созвездопонятий (интеллектуалий) дает возможность решить проблему природы единичных понятий, с которой так и не смогла сладить формальная логика. Единичное понятие формируется, когда слово, обозначающее единичный предмет, включается в словопонятийную сеть, когда возникают линии, связывающие его с другими словами. Формирование его завершается, когда оно становится созвездопонятием.

Понятие есть в своей сути образ общего, отражение реального универсата. Но оно может быть образом и отдельного, отражением того или иного реального сингулата. Образом сингулата может быть только интеллектуалия, но не рационалия. Отображение в мышлении сингулата происходит путем включения в созвездопонятие, центром которого является словопонятие, обозначающее сингулат, множества понятий, каждое из которых отражает те или иные качества или свойства данного сингулата. Примером может послужить описание какого-нибудь конкретного человека. Каждое из используемых при этом описаний понятий отражает общее, какой-нибудь универсат и только универсат. Но все эти абстрактные понятия вместе взятые могут дать детальнейший мысленный образ данного конкретного индивида. Это относится не только к человеку, но ко всем чувствозримым сингулатам.

Когда говорят о конкретном, то чаще всего имеют в виду чувственный образ предмета. Но чувственная конкретность может быть выражена и в понятиях. Пока перед нами лишь одно словопонятие, обозначающее наряду с другими сингулатами и данный, рассматриваемая конкретная чувственная вещь выступает в нашем уме как нечто крайне абстрактное. Создавая созвездопонятие этой вещи путем соединения множества звездопонятий, каждое из которых всегда абстрактно, мы приходим к конкретному, но теперь уже не чувству, а мысли. Мысленное конкретное есть целостная совокупность огромного числа абстракций.

«Конкретное потому конкретно, — читаем мы у Карла Маркса (1818-1883), — что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление испаряется до степени абстрактного определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизводству конкретного посредством мышления»³.

³ Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1857-1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 12. С. 727.

«Значение *общего*, — писал Ленин, — противоречиво: оно мертво, нечисто, неполно etc. etc., но оно только и есть *ступень* к познанию *конкретного*, ибо мы никогда не познаем конкретного полностью. *Бесконечная* сумма общих понятий, законов etc. дает *конкретное* в его полноте»⁴.

Рассмотренный процесс Г. Гегель, а вслед за ним К. Маркс, называл восхождением от абстрактного к конкретному. Восхождение от абстрактного к конкретному — единственный частный разумомыслительный процесс, из множества других, входящих в качестве моментов в разумное мышление (т. е. мышление не как субъективную деятельность человека, а как объективный процесс), который стал предметом специального изучения ряда советских исследователей, в первую очередь философов⁵. Остальные частные разумомыслительные процессы до сих пор остаются совершенно неизученными.

3. Мыслительный процесс: мыслеручьи и мыслепоток. Активное и субактивное мышление

Для лучшего понимания протекания мыслительного процесса необходимо рассмотрение его материальной нервно-физиологической основы. Этой его основой является пунктолинейная энграммная сеть. Образующие эту сеть энграммные пункты (пунктовые, точечные энграммы) и энграммные линии (линейные энграммы) всегда несут информацию о внешнем мире. Но эта информация, существуя в организме, не всегда существует для организма, не всегда существует в его субъективуме (см. II.6.3), применительно к человеку — в его сознании. Информация, заключенная в энграммных пунктах и линиях, начинает существовать в субъективуме, в сознании, только тогда, когда эти пункты и линии оказываются в активном поле коры мозга, в ее *актививуме* (см. II.5.4; II.6.3-4). Актививум существует и у животных. И у них он перемещается по коре головного мозга, но это движение происходит в результате взаимодействия внешних и внутренних раздражений. Особенность человеческого актививума состоит в том, что его передвижение управляется и контролируется самим человеком.

⁴ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии» // Философские тетради... С.252.

⁵ См.: Розенталь М. М. Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса. М., 1955; Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2011; Он же. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997; Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении (логико-психологическая проблема построения учебных предметов). М., 1972. С. 296-316; Зиновьев А. А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М., 2002 [1954] и др.

Крупнейший отечественный физиолог Николай Иванович Красногорский (1882-1969) четко сформулировал положение о существовании не только активно действующего поля коры, но и центра максимальной возбудимости этого рабочего поля. «„Действующее поле“, — писал он, — имеет свой центр максимальной возбудимости, который движется по коре больших полушарий, причем вовлекаемые структуры определяют содержание анализаторно-синтетического процесса»⁶. Если активное поле коры было поименовано активиумом, то центр его максимальной возбудимости может быть назван *центрактивиумом*. Центрактивиум перемещается по активиуму, и соответственно с этим активиум передвигается по коре головного мозга.

Перемещая центрактивиум по активиуму, человек тем самым передвигает активиум в целом по коре головного мозга. Передвигая активиум по своему мозгу, человек тем самым управляет мозговыми процессами, и соответственно своими действиями. Активиум такого рода, существующий только у человека, является материальной основой сознания и воли. Его бытие делает человеческие действия не рефлекторными, а волевыми, сознательными.

Когда речь заходит о мышлении, нас интересуют не все вообще энграммные пункты, а только те, что вместе с энграммными линиями образуют материальную основу словопонятийной сети — пунктолинейную энграммную сеть. Наименьшими, элементарными единицами этой сети являются звездопонятийные энграммы. Когда тот или иной участок пунктолинейной энграммной сети оказывается в активиуме, объектальное, содержащееся в возбужденных звездопонятийных энграммах, входит в субъективиум человека, начинает существовать для него в качестве умозримых объектов. Человек начинает мыслить. Материальной основой мыслительного процесса является движение нервного возбуждения по линейным энграммам, соединяющим словесные энграммные пункты. Эти процессы идут внутри активиума, который может некоторое время оставаться на месте, а может и перемещаться. В ходе движения активиума одни участки пунктолинейной энграммной сети входят в него, а другие выпадают.

Простейшим актом является движение нервного возбуждения от одного словесного энграммного пункта к другому по соединяющей их нервной энграммной линии. Тем самым идет движение мысли от одного словесного узла к другому по соединяющей их межсловесной линии.

⁶ Красногорский Н. И. О некоторых основных закономерностях в работе головного мозга у детей // Красногорский Н. И. Труды по изучению высшей нервной деятельности человека и животных. Т. 1. М., 1954. С. 316.

Более сложный мыслительный акт — движение по целой цепочке межсловесных линий: от первого словесного узла ко второму, от него к третьему и т. п. Именно эти мыслительные акты, которые можно назвать *мыслительными ручьями (мыслеручьями)*, и нашли свое отражение в понятийном аппарате формальной логики. В первом случае происходит процесс соединения двух звездопонятий (рационалий) и образование суждения, во втором — соединение суждений — умозаключение, а затем и цепь умозаключений — рассуждение. Других мыслительных процессов традиционная формальная логика не знает.

Но мыслительный процесс никогда ни на каком этапе не сводится к одному только цепочно-узловому мыслительному ручью. Процесс нервного возбуждения никогда не идет строго по одной цепочке межузловых энграммных линий: от первого словесного энграммного пункта к второму, от него к третьему и т. п. Нервное возбуждение сразу же растекается по всему вошедшему в активию участку пунктолинейной эшрам мной сети, охватывает множество словесный энграммных пунктов и межузловых линейных энграмм. В результате возникает *мыслительный поток (мыслепоток)*, состоящий из множества *мыслеручьев*.

Если бы мыслительный процесс в каждый момент времени сводился бы к одному мыслительному ручью, то никакой бы другой науки о мышлении, кроме формальной логики, не понадобилось бы. Тогда вполне можно было бы ограничиться рассмотрением одних лишь рационалий и движений от одних таких мыслительных единиц к другим, т. е. суждениями и умозаключениями, как они трактуются в формальной логике. Ни о каком движении самих понятий, о их переходе, переливе не могло быть и речи. Не могло быть в таком случае и никакого разговора о получении принципиально новых знаний.

Мышление как мыслительный поток, конечно, состоит из множества мыслительных ручьев. Однако он ни в коей мере не сводится к простой их совокупности. Мыслепоток по самой своей сути представляет собой процесс не только перехода от одних звездопонятий к другим, а движение созвездопонятий. Только созвездопонятия (интеллектуалии), включающие в свой состав множество звездопонятий (рационалий), способны к движению, к превращению друг в друга. Когда в звездопонятийном клубке или созвездопонятии роль центра переходит от одного звездопонятию к другому, одно созвездопонятие превращается в другое. Разные созвездопонятия могут включать в себя одни и те же звездопонятия, и тем самым взаимно проникать друг в друга. Они могут взаимно поглощать друг друга, включать друг друга в свой состав. Границы между созвездопонятиями крайне относительны. В принципе каждое из созвездопонятий (интеллектуалий) способно включить в себя все остальные созвездопонятия (интеллектуалии).

Выписав данное Г. Гегелем в «Лекциях по истории философии» определение диалектика как «чистого движения мышления в понятиях»⁷, В. И. Ленин комментирует его: «Другими словами, этот „фрагмент“ Гегеля должен быть передан так: Диалектика вообще есть „чистое движение мысли в понятиях“ (т. е., говоря без мистики идеализма: человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их „искусство оперировать с ними“ (Энгельс) требует всегда изучения *движения* понятий, их связи, их взаимопереходов)»⁸. О взаимозависимости всех без исключения понятий, о переходах из одного в другое всех без исключений понятий В. И. Ленин пишет и в конспекте гегелевской «Науки логики»⁹. «Каждое понятие, — резюмирует он, — находится в известном **отношении**, в известной связи со *всеми* остальными»¹⁰.

Мыслительный поток не есть движение только по уже готовым межсловесным линиям. В ходе его происходит перестройка слово понятийной сети. Возникают новые межсловесные линии, исчезают некоторые из старых. Именно в ходе мыслительного потока происходит получение принципиально нового знания, совершаются открытия. Во второй книге цикла (II.9.3) уже шла речь о логических (частнологических) процессах, воспроизводящих внутреннюю необходимость тех или иных конкретно-реальных процессов, и вселогическом процессе, выражающем сущность всех частнологических процессов. Вполне понятно, что такого рода логическим процессом может стать только мыслепоток. Лишь он способен к движению по закону диалектики — наиболее общим законами всякого движения.

Мыслеручьи взятые по отдельности представляют собой рассудочное мышление, мыслепоток — разумное мышление. Таким образом, мышление в целом есть единство рассудочного и разумного мышления. Если назвать движение мышления в целом *размышлением*, то мыслеручьи можно именовать *рассуждениями*, а мыслепоток — *разумением*. Размышление всегда есть единство рассуждения и разумения. Рассуждение есть движение от рационали к рационали, разумения — переход, перелив, взаимопревращение интеллектуалий, возникновение новых рационалий и интеллектуалий.

⁷ Гегель Г. Лекции по истории философии. Кн. 1 // Соч. Т. 29. [Л.], 1932. С. 211.

⁸ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии»... С. 226-227.

⁹ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики»... С. 178-179.

¹⁰ Там же. С. 179.

Человек может направлять процесс и рассуждений, и разумения. Он может регулировать и процессы, идущие внутри активнума, и процесс его передвижения. Более полному и точному контролю поддаются рассуждения, мыслеручьи взятые по отдельности, изолированно друг от друга. Каждый из таких мыслеручьев представляет собой волевое сознательное действие человека.

Сложнее обстоит с регулированием мыслепотока, разумения как целого. Он может направляться только в общем и целом. Существуют два способа управления им. Один — через посредство управления теми или иными мыслеручьями. Он и нужен и важен. Но результаты его ограничены. При помощи его можно направлять движение активнума в том или ином направлении, но не более.

Главный способ управления мыслепотоком — это его самое общее, предельно общее ориентирование. Оно заключается прежде всего в постановке проблемы, которую необходимо решить, и в обеспечении фактическим и иным материалом, необходимым для ее решения. Что же касается конкретных мысленных действий, то они заранее не планируются и тем самым не предопределяются волей человека. Не имеет значения, какие именно конкретные мыслительные акты совершаются, важно лишь то, что они в общем и целом направлены на переработку материала, имеющую целью обеспечить решение намеченной задачи. В результате мыслепоток приобретает характер автономного, во многом самостоятельного, в значительной степени независимого от самого мыслящего человека процесса. Некоторыми творчески мыслящими людьми эта автономия их собственного мыслепотока была достаточно четко уловлена. Так, например, французский политический деятель и поэт Альфонс Мари Луи де Ламартин (1790-1869) в одной из своих работ с удивлением отметил, что не он сам думает, а «мои мысли мыслят вместо меня»¹¹.

В этой автономии четко проявляется сущность разумного мышления, которое в отличие от рассудочного мышления является не субъективной деятельностью человека, а объективным процессом, идущим по объективным же законам.

Для решения той или иной проблемы необходимо использование большого материала, хранящегося в пунктолинейной энграммной сети. Он вовлекается в оборот, когда участки этой сети, содержащие нужную информацию, оказываются в активнуме. Однако активнум не может быть беспредельным. Втягивание в него новых участков пунктолинейной энграммной сети с необходимостью предполагает выход из активнума участков этой сети, ранее в него вовлеченных.

¹¹ Цит.: *Налчаджян А. А.* Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания (интуиция в процессе научного познания). М., 1972. С. 250.

Но если бы данные участки пунктолинейной энграммной сети после выхода из активиума полностью бы «погасали», то это было бы серьезным препятствием для решения мыслительных задач.

Необходимо было, чтобы процесс мышления шел не только в активиуме, но и тех областях, что только что были в активиуме, но теперь вышли из него.

Это обусловило отличие звезднопонятийных энграмм от всех прочих. Если обычные энграммы по выходе из активиума полностью «гаснут», погружаются во тьму, то звезднопонятийные энграммы «гаснут» только наполовину. Они не «горят», но «тлеют», «пышут жаром», сохраняются в полувозбужденном состоянии. В результате, хотя содержание этих звезднопонятийных энграмм перестает существовать в сознании, в данных участках пунктолинейной сети продолжает идти процесс мышления.

Таким образом, наряду с активиумом, в коре головного мозга существует своеобразный *субактивум*, наряду с активным сознательным, «светлым» мышлением идет мышление, не существующее для сознания, «сумеречное», «серое» мышление. Грань между активиумом и субактивумом, а тем самым между активным и субактивным мышлением крайне относительна. Активум и субактивум находятся в неразрывной связи и постоянно взаимно превращаются. Активум при своем движении оставляет за собой в качестве следа субактивум, а участки пунктолинейной энграммной сети, находящиеся в субактивуме, способны мгновенно снова войти в активум.

Таким образом, мыслительный процесс одновременно идет и в активиуме, и в субактивуме. Вполне понятно, что субактивное мышление не может быть субъективной волевой деятельностью человека. Оно возможно в силу того, что является разумным мышлением, а последнее, как уже неоднократно отмечалось, представляет собой не субъективную деятельность человека, а объективный процесс. Если бы человеческое мышление сводилось бы к рассудочному мышлению, то объективное мышление, разумеется, существовать бы не могло.

4. Психологи и психология о двух видах мышления

Все сказанное выше — не досужие беспочвенные чисто философские рассуждения. Они имеют под собой солидную фактографическую базу. Исследованием мышления занималась и занимается не одна лишь философия. Оно, в частности, было и является объектом изучения одной из конкретных наук — психологии.

В XX в. окончательно оформилась специальная научная дисциплина — психология мышления. Литература по психологии мышления поистине необозрима. Я здесь остановлюсь лишь на некоторых результатах исследований в этой области знания. Если не все, то многие специалисты по психологии мышления пришли к выводу о существовании двух качественно отличных видов мышления. Называют они их по-разному. Один из этих видов мышления именуется логическим, дискурсивным, систематизирующим, вербальным, обсервационным и т. п. мышлением, другой — творческим, бессловесным, интуитивным и т. п. мышлением. Различия между ними столь велики, что некоторые психологи иногда даже не решаются именовать второй из названных видов мышления мышлением и предпочитают говорить об интуитивном и т. п. познании.

Отмеченные выше специалисты по психологии мышления по сути дела выявили бытие тех двух видов мышления, которые задолго до них были открыты философами, прежде всего Г. Гегелем, а именно рассудочного и разумного мышления. Но как это не покажется странным, никто из них об этом, по-видимому, даже не догадывался. Даже те из них, которые знали о подразделении философами мышления на рассудок и разум, никак не поставили в связь с этим открытием свои выводы о существовании двух видов мышления.

К созданным психологами концепциям (именно концепциям, а не концепции, ибо их взгляды по этому вопросу нередко существенно различались) двух видов мышления, мне придется не раз обращаться в последующем изложении. Здесь же я остановлюсь лишь на одной их особенности. Авторы многих этих концепций видели одно из существенных различий между логическим и интуитивным мышлением в том, что первое является сознательным, а второе идет в подсознании, является бессознательным, подсознательным. Хотя в таком тезисе есть доля истины, полностью согласится с ним вряд ли возможно. Действительно, только разумное мышление может происходить в подсознании, но оно совершенно не обязательно является только субактивным. Оно и может быть и действительно является и активным, причем именно активная (сознательная) составляющая его не только не менее, а, наоборот, более важна, чем субактивная (подсознательная).

Вероятно, из всех работ, посвященных психологии мышления, проблема бессознательности интуитивного мышления наиболее глубоко разработана в трудах американского специалиста по психологии и педагогике Гарольда Рагга (1886-1960) «Воображение» (опубликован посмертно в 1963 г.).

Г. Рагг исходит из того, что между полностью сознательным и полностью бессознательным нет абсолютной грани. Между ними находится промежуточная, переходная область, соединяющая особенности сознательного с особенностями бессознательного. Именно к этой области относится творческое мышление. Это мышление в любой момент способно перевалить порог, отделявший данное предсознательное состояние от полностью сознательного. Поэтому данное мышление он называет транслиминальным умом (*transliminal mind*) (от лат. *trans* — сквозь, через и *limes (limitis)* — межа, граница, предел)¹².

Не только Г. Рагг, но и многие другие ученые задолго до него отличали и отличают мыслительное бессознательное от того бессознательного, разработкой которого занимался Зигмунд Фрейд (1856-1939) и другие исследователи. Еще английский психолог и антрополог Фрэнсис Гальтон (1822-1911) в «Исследованиях человеческих способностей и их развитии» (1907; 1911; 1919) сравнивал зону сознания с залом для приемов, к которому примыкает прихожая. «Идеи, которые находятся в данный момент в моем полном сознании, — писал он, — как бы притягивают к себе наиболее подходящие из числа других идей, находящиеся поблизости, но не в полной мере внутри сферы моего сознания»¹³.

Американский философ и психолог Уильям Джеймс (Джемс) (1842-1910) называл мыслительное бессознательное даже не подсознательным, а «краевым сознанием» (*fringe-consciousness*)¹⁴. Английский психолог Грэм Уоллес (1858-1932) в книге «Искусство мысли» (1926; 1945; 1946) говорит о градациях, оттенках сознания, о переходе от полного сознания, через предсознание (*foreconsciousness*) к явному бессознанию (*non-consciousness*). Для пояснения своей мысли он прибегает к аналогии с чувством зрения. «„Поле видимости“ наших глаз, — читаем мы у него, — состоит из маленького круга полной или „фокальной“ видимости, окруженного неопределенной областью „периферийной“ видимости, которая становится все более и более расплывчатой по мере приближения к пределу видимости»¹⁵.

Понятием краевого сознания широко пользовался крупный французский математик Жан Соломон Адамар (1865-1963) в своей знаменитой книге «Исследование психологии процесса изобретения в области математики» (1945; доп. изд., 1959; рус. пер.: М., 1970).

¹² Rugg H. *Imagination*. New York, Evanston, London, 1963. P. 40.

¹³ Galton F. *Inquiries on Human Faculty and its Development*. London, 1919. P. 146.

¹⁴ James W. *The Principles of Psychology*. Vol. 1. New York, 1904. P. 130; Джемс В. Научные принципы психологии. СПб., 1902. С. 124-125. Переводчиком оговорено, что английское слово *fringe* передано русским словом «ореол».

¹⁵ Wallas G. *The Art of Thought*. London, 1919. P. 20.

Взгляда на интуитивное мышление как на происходящее вне сознания придерживались и многие отечественные психологи. Из их работ можно особо отметить книгу Альберта Агабековича Налчаджяна «Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания (интуиция в процессе научного творчества)», в которой особо подчеркивается, что такого рода мышление точнее всего характеризовать не как бессознательное, а как подсознательное¹⁶. О бессознательном мышлении писали также психолог и нейрофизиолог Филипп Вениаминович Бассин (1905-1992)¹⁷, философ и психолог Анатолий Соломонович Кармин¹⁸, математик и физик Р. Пенроуз¹⁹ и многие другие.

Не приводя больше имен, ограничусь лишь тем, что к настоящему времени среди психологов и физиологов положение о существовании подсознательного (бессознательного) мышления пользуется всеобщим признанием.

¹⁶ *Налчаджян А. А.* Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания (интуиция в процессе научного творчества). М., 1972. С. 88 сл.

¹⁷ *Бассин Ф.В.* У пределов распознанного, к проблеме предречевой формы мышления // Бессознательное: Природа. Функции. Методы. Исследования. III. Тбилиси, 1978.

¹⁸ *Кармин А. С.* Интуиция и бессознательное // Бессознательное: Природа. Функции. Методы. Исследования. III. Тбилиси, 1978.

¹⁹ *Пенроуз Р.* Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и новых законах физики. 4-е изд. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2011. С. 347-348.

Глава 3. Создание чувстоумозримого мира для нас как воссоздание в сознании человека мира в себе, объективной реальности

1. Вступительные замечания

Выявление основных видов реальных универсатов, типов понятий и идеальных универсатов и рассмотрение структуры и протекания мыслительного процесса открывает путь к пониманию умозримого мира для нас, а тем самым и к пониманию мира для нас во всей его сложности, мира, как он существует в чувствах и мыслях. Важнейшей задачей является выявление соотношения чувствозримого мира для нас и умозримого мира для нас. Прежде всего нужно ответить на вопрос, образуют ли они вместе взятые один единый чувстоумозримый мир для нас, или существуют полностью или частично раздельно. Первым, кто попытался решить проблему чувстоумозримого мира для нас, был Иммануил Кант (1724-1804). С рассмотрения его взглядов по этому вопросу я и начну.

2. Учение И. Канта о чувстоумозримом мире для нас

И. Кант понимал под феноменами (вещами для нас) вещи как содержание чувственного познания. Но было ошибкой считать, что он сводил свой мир для нас к миру, каков он в чувственном познании. И. Кант считал, что в результате воздействия вещей в себе на органы чувств человека в сознании последнего возникает хаотический поток ощущений. Мир для нас в точном смысле слова возникает только тогда, когда в этот хаос вносится порядок. Первыми формами упорядочивания чувственного материала являются, по Канту, пространство и время. Эти две формы чувственного созерцания носят априорный характер. Существовая до чувственного опыта, они представляют собой необходимые условия этого опыта.

Но для упорядочивания хаоса ощущений этих двух форм, по Канту, недостаточно. Окончательно навести порядок можно лишь при помощи системы категорий рассудка. Перечень их уже был дан в одном из предшествующих разделов (II.9.3). В действительности все эти общие понятия были категориями не рассудка, а разума. Но при изложении взглядов И. Канта я, разумеется, буду придерживаться используемой им терминологии.

Эти рассудочные формы И. Кант рассматривал как априорные, возникшие до опыта и без всякого опыта. Рассудок, используя эти формы, вносит в мир всеобщее и необходимое, сущность, законы и тем самым упорядочивает его. При помощи категории качества, например, все вещи в себе раскладываются по полочкам, ставятся в определенное положение по отношению друг к другу. Таким образом, мир для нас, по Канту, не есть мир только феноменов. Он — продукт синтеза чувственного (эмпирического) и рационального, и поэтому является не просто и не только чувствозримым, а чувствоумозримым. Помимо всего прочего своим учением И. Кант пытался преодолеть односторонность эмпиризма (сенсуализма) и рационализма, соединить чувственное и умственное, слить их в единое целое. «Ни одну из этих способностей, — подчеркивал он, — нельзя предпочесть другой. Без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один нельзя было бы мыслить. Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы. Поэтому в одинаковой мере необходимо свои понятия делать чувственными (т. е. присоединять к ним в созерцании предмет), а свои созерцания постигать рассудком (*verständlich zu machen*) (т. е. подводить их под понятия). Эти две способности не могут выполнять функции друг друга. Рассудок ничего не может созерцать, а чувства ничего не могут мыслить. Только из соединения их может возникнуть знание»¹.

Человек вносит порядок в мир. Он создает, творит мир из сырого материала, которым являются ощущения. Мир, каков он для нас, со всеми своими законами, есть творение рассудка. Таким образом, мышление у И. Канта выступает как нечто активное, как творчество. Во взгляде И. Канта на мышление как на творца мира содержится значительная доля истины, если, конечно, иметь в виду не мир в себе, а мир для нас. Мышление, получив в свое распоряжение чувственный материал, действительно создает из него мир, каким он существует для нас, в нашем сознании.

Но с точки зрения И. Канта, этот мир не имеет никакого отношения к миру в себе. И это вполне понятно. Ведь согласно его взглядам, ощущения, восприятия, порожденные воздействием вещей в себе, не представляют собой образов объективно существующих предметов, не несут, выражаясь языком современной науки, никакой информации об объективном мире.

¹ *Кант И.* Критика чистого разума // Соч.: в 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 155.

Не являются образами объективного мира и категории рассудка. Они вообще не имеют никакого отношения к опыту, даже в кантианском смысле этого слова, не говоря уже о материалистическом его понимании. Поэтому вполне естественно, что являющийся синтезом чувственности и рассудка чувствоумозримый мир не имеет и не может иметь никакого отношения к миру в себе.

По сути дела И. Кант открыл, что познание мира человеком есть творчество. Но так как для него творчество исключало отражение, то отсюда с неизбежностью следовал вывод, что познание не есть отражение. Понять, что творчество и отражение не исключают друг друга, что человеческое познание есть единство творчества и отражения, он оказался не в состоянии.

И во взглядах на восприятия, и во взглядах на категории И. Кант был не прав. И восприятия, и категории суть образы объективного мира; первые отражают отдельное (сингулаты), вторые — общее (универсаты). Поэтому человек, *создавая* чувствоумозримый мир для нас, тем самым *воссоздает* в своем сознании мир в себе. *Создание* мышлением мира для нас есть не что иное, как *воссоздание*, *воспроизведение* им в сознании мира в себе. Заметив первый момент, И. Кант не заметил и не захотел заметить второго. Результатом такой абсолютизации и явилась его концепция, которая, являясь в целом ошибочной, тем не менее содержит в себе значительную долю истины. И. Кант был прав, когда рассматривал чувствоумозримый мир для нас как синтез чувственного и рационального. Но этот синтез он понимал в значительной степени упрощенно, что диктовалось уровнем развития тогдашнего и философского, и научного знания. Говоря о рациональном, он имел в виду в основном лишь категории рассудка, т. е. самые общие, предельно общие понятия. Об остальных понятиях в данном контексте он ничего не говорит. А между тем, вряд ли могут быть сомнения, что в создании чувствоумозримого мира для нас участвуют не только предельно общие, но и вообще все понятия. Для наведения порядка в хаосе ощущений, для отделения друг от друга, размещения чувствоумозримых вещей для нас по полочкам явно недостаточно одной лишь категории качества вообще. Нужны понятия о конкретных качествах: терьер, собака, хищник, млекопитающее, позвоночное и т. п. Весь чувственный мир у человек всегда осмыслен. Отказ рассматривать здесь понятия меньшей степени общности, скорее всего, связан у И. Канта с тем, что он допускал их возникновение на основе опыта. «Понятие, — писал он, — бывает или *эмпирическим*, или *чистым* понятием (*vel empiricus vel intellectualis*). Чистое понятие — то, которое не извлечено из опыта, но по *содержанию* происходит из рассудка...

Эмпирическое понятие возникает из чувства путем сравнения предметов опыта и от рассудка получает лишь *форму всеобщности*. Реальность этих понятий основывается на действительном опыте, из которого они почерпнуты по своему содержанию. Существуют ли *чистые рассудочные понятия* (*consertus rigit*), которые как таковые возникают исключительно из рассудка и независимо от всякого опыта, — должна исследовать метафизика»². А для его концепции чувстоуозримого мира нужны лишь бесспорно априорные понятия. Таковыми он считал предельно общие понятия, категории рассудка. В характеристике категорий как априорных, несомненно, заключена определенная доля истины. Они, действительно, не вырабатываются заново каждым конкретным человеком в процессе его индивидуального опыта. В этом смысле они для него действительно априорны. Но в таком значении априорными для каждого конкретного человека являются почти все, если не все, прочие понятия. По меньшей мере подавляющее большинство понятий каждый индивид получает в готовом виде. Для него они бесспорно априорны. Но все они были выработаны в процессе практической деятельности предшествующих поколений, являются продуктом их опыта. И в этом смысле они всегда имеют опытное происхождение, являются апостериорными.

До сих пор говоря как о чувстоуозримом мире для нас, так и чувстоуозримом мире для нас, я всегда имел в виду мир в сознании не каких-либо конкретных людей, а мир в сознании вообще, мир в сознании человека вообще, людей вместе взятых, человечества. И этого было вполне достаточно для решения всех ранее рассматриваемых проблем. Теперь же необходимо принять во внимание, что мир для нас вообще состоит из огромного числа миров, существующих в сознании отдельных индивидов, миров, которые нужно уже называть мирами не просто для нас, а *мирами для меня, Я-мирами, эго-мирами* или *персономирами*.

А между миром для человека вообще, на одном полюсе, и мирами для каждого конкретного индивида (персономирами), на другом, существует целая иерархия миров для нас различных человеческих общностей. И возможно, что без учета особенностей по крайней мере некоторых из этих общностей невозможно обойтись при решении гносеологических проблем. Интереснейшей проблемой является вопрос о становлении и структуре миров для меня, Я-миров, персономиров. Но здесь я не буду заниматься данной проблемой, ибо это увело бы далеко в сторону.

² *Кант И.* Логика. Пособие к лекциям // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 395-396. См. также: *Кант И.* Критика чистого разума... С. 154.

Когда речь заходит теперь об использовании индивидом кристаллизованного в понятиях опыта предшествующих поколений, сразу же встает вопрос, являются ли понятия, которые усваивает индивид и использует для строительства чувстоуомозримого мира для нас, одинаковыми для всех людей. Если да, то чувстоуомозримый мир для нас одинаков у всех людей, если нет, то неизбежно должны существовать какие-то различия между чувстоуомозримыми мирами тех или иных индивидов. Этот вопрос в философии практически никогда не ставился, а тем самым и сознательно не решался. Но в целом философы, не отдавая себе в этом отчета, склонялись к первому ответу. По существу эта проблема встала перед философами, когда некоторые представители одной из конкретных гуманитарных наук попытались обосновать второе ее решение. Это сделали языковеды.

3. Неогумбольдтианство. Концепция лингвистической относительности (гипотеза Сепира—Уорфа)

Еще в работах Вильгельма фон Гумбольдта (1767-1835) встречается мысль о зависимости мировоззрения того или иного народа от языка. «Человек, — писал он, — живет с предметами преимущественно так, как знакомит его с ними язык, — можно сказать даже — исключительно так, если взять в соображение зависимость чувств и поступков человека от его представлений. Развивая из себя самого язык, он сам развивается в нем лично, и каждый язык образует вокруг народа свою сферу, которую надобно оставить, чтобы перейти в подобную сферу другого народа. Поэтому *изучение чужого языка* должно бы быть приобретением новой точки мирозерцания; в некоторой степени так и бывает, потому что в каждом языке содержится особенная ткань понятий и представлений одной части человечества»³. Эти взгляды легли в основу целого направления в языкознании, которое получило общее название *неогумбольдтианства*⁴. В Германии самым видным его представителем был крупный лингвист Йоханн Лео Вайсгербер (1899-1985).

³ Гумбольдт В. фон. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2013. С. 56-57. См. также: Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 80.

⁴ Обзоры см.: Чесноков П. В. Неогумбольдтианство // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М., 1977; Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982; Даниленко В. П. Вильгельм фон Гумбольдт и неогумбольдтианство. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010.

В США в достаточно более четкой форме вывод о различии между чувствоуозримыми мирами разных групп людей был сделан известным лингвистом и этнографом Эдуардом Сепиром (1884-1939). Этот взгляд получил развитие и более или менее основательное обоснование в трудах его последователя Бенджамина Ли Уорфа (1897-1941), появившихся в 1939-1940 гг. В результате данная концепция получила название *гипотезы Сепира—Уорфа*.

Б. Уорф достаточно четко изложил взгляд, с критикой которого он выступил. Согласно этому подходу, который он назвал естественной логикой, речь представляет собой всего лишь внешний процесс, связанный только с сообщением, но не формированием мыслей. Мышление представляет собой вполне самостоятельный процесс, не связанный с природой отдельных конкретных языков. «Мысль, согласно этой системе взглядов, — писал Б. Уорф, — зависит не от грамматики, а от законов логики или мышления, будто бы одинаковых для всех обитателей вселенной и отражающих рациональное начало, которое может быть обнаружено всеми разумными людьми независимо друг от друга, безразлично говорят ли они на китайском языке или языке чоктав. Естественная логика утверждает, что различные языки — это в основном параллельные способы выражения одного и того же понятийного содержания и поэтому они различаются лишь незначительными деталями, которые только кажутся важными»⁵.

Такая точка зрения, продолжает Б. Уорф, казалась вполне оправданной, пока науке были известны только современные европейские языки, а также латинский и греческий. Системы этих языков действительно во всех своих существенных чертах совпадали. Это обусловлено тем, что все они представляют собой индоевропейские диалекты, построенные в основном по одному и тому же плану и исторически развившиеся из того, что когда-то было одной речевой общностью. Следствием этого является сходство в описании мира у современных ученых.

Но в последующем в поле зрения науки оказались языки совершенно иного типа. И тогда выяснилось, что «мыслительный мир» (микрокосм) у носителей разных языков является разным. «Было установлено, — писал Б. Уорф, — что основа языковой системы любого языка (иными словами, грамматика) не есть просто инструмент для воспроизведения мысли.

⁵ Уорф Б. Л. Наука и языкознание. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // Зарубежная лингвистика. I. Новое в лингвистике. Избранное. М., 1999. С. 93.

Напротив, грамматика сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивида, средством анализа его впечатлений и их синтеза... Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе потому, что мы — участники соглашения, подразумевающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка»⁶.

Таким образом, подчеркивает Б. Уорф, ученые столкнулись с новым принципом относительности, который состоит в том, что сходство физических явлений само по себе не может обеспечить сходства картины вселенной у разных групп людей. Необходимым является сходство языковых систем. Та наука, которую мы считаем универсальной, является в действительности только европейской. Если бы носители языков какого-либо другого типа попытались бы создать науку, то она была бы совсем иной. Иной была бы у них, в частности, и математика и физика⁷.

Как ученые, так и философы по-разному отнеслись к концепции *лингвистической относительности*. Одни в главном и основном приняли ее. Возникла целая лингвистическая дисциплина — *этнической лингвистики (этнолингвистики)*. Некоторые приверженцы неогумбольдтианства оказались даже более радикальными, чем Э. Сепир и Б. Уорф. Если последний говорит о «лингвистически детерминированном мыслительном мире», мире, каким он предстает в понятиях людей, понятийной, мыслительной картине мира, то И. Вайсгербер ввел понятие *языковой картины мира*, отличной от мыслительной его картины⁸.

Эта идея была широко подхвачена. Вот для примера названия нескольких книг, вышедших в самом недалеком прошлом: «Языковой образ мира» (М.; СПб., 2003); Е. Бартоминьский «Языковой образ мира. Очерки по этнолингвистике» (М., 2005); А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев «Ключевые идеи русской языковой картины мира» (М., 2005); «Языковая картина мира и системная лексикография» (М., 2006); Ю. А. Рылов «Аспекты языковой картины, русский и итальянский языки» (М., 2006).

⁶ Уорф Б. Л. Наука и языкознание... С. 97-98.

⁷ Там же. С. 101-104.

⁸ Вайсгербер И. Л. Родной язык и формирование духа. 3-е изд. М.: URSS, 2009.

А после так называемого лингвистического поворота такую точку зрения приняли многие западные и не только западные философы. Не имея возможности заняться разбором взглядов конкретных представителей этого направления, приведу высказывание одного отечественного философа, содержащее квинтэссенцию этого подхода к миру и его познанию. «Язык оказался той силой, — пишет доктор философских наук Александр Павлович Огурцов, — которая формирует категориальные структуры человеческого познания и сознания, задает перспективу видения мира. Не только гносеология, но и онтология формируется языком как творческой силой, строение мира задано структурой языка, правда, сама структура трактовалась по-разному — в этом и заключался тот важнейший сдвиг, который произошел в философии на рубеже веков. Язык — не просто пластический материал выражения мысли и ее форм — понятий и идей, а та *energeia*, которая создает сам способ мысли и ее категориальные формы»⁹. Гипотеза Сепира—Уорфа легла в основу концепции онтологической относительности, созданной американским логиком, философом и математиком Уиллардом ван Орман Куайном (1908-2000) и изложенной в целом ряде работ, в частности в книге «Слово и объект» (1959).

Если одни языковеды с готовностью приняли концепцию лингвистической относительности, то другие выступили с решительным ее опровержением. Некоторые лингвисты и этнографы подвергли критическому анализу данные об языках тех народов, которые были приведены Б. Уорфом в качестве доказательства своей правоты. Выяснилось, что в ряде случаев он допускал прямые фактические ошибки, а в других — давал неверную интерпретацию фактов. Таковы работы психолингвистов и этнологов Эрика Леннеберга (1953), Роджера Брауна (1958; 1991), Эххарта Молотки (1983), Лоры Мартин (1986), Джеффри Палама (1991) и др. Крупный лингвист Ноам Абрам Хомский противопоставил гипотезе лингвистической относительности концепцию «ментальных грамматик», лежащих в основе знания человеком конкретного языка и «универсальной грамматики», лежащей в основе каждой такой конкретной ментальной грамматики.

В самое последнее время против гипотезы лингвистической относительности выступил известный психолингвист Стивен Пинкер в нашумевшей книге «Язык как инстинкт» (1994). Не буду разбирать собственную концепцию С. Линкера, состоящую в том, что язык есть не культурное, социальное, а биологическое явление.

⁹ Огурцов А. П. Проблема универсалий в философии XX в. // Истина и благо: универсальное и сингулярное. М., 2002. С. 261.

Он представляет собой сложный врожденный биологический навык, подобный тому, например, который выражается в плетении пауком паутины¹⁰. На мой взгляд, такое понимание языка глубоко ошибочно. Язык в сущности своей явление не биологическое, а социальное. Но интересен критический разбор С. Пинкером воззрений Б. Уорфа. Опираясь на работы большого числа психолингвистов и этнографов, он заключает: «Не существует научного подтверждения тому, что язык существенно влияет на образ мышления носителя языка»¹¹.

4. Язык, речь и лингвофонд. Концептофонд, мышление и ментофонд

Невозможно разобраться в поставленной выше проблеме и выяснить, в чем правы и в чем не правы как приверженцы гипотезы лингвистической относительности, так и ее противники без введения новых понятий.

В процессе развития языкознания ученые в конце концов с неизбежностью пришли к выводу о необходимости провести различие между языком как определенной системой, с одной стороны, и речью как деятельностью по использованию языка для общения (языковой деятельностью, языковым поведением), как процессом, — с другой. Считается, что впервые эксплицитно различие между языком и речью было практически одновременно проведено российским языковедом Иваном Александровичем Бодуэном де Куртенэ (1845-1929) в литографированном курсе 1913-1914 гг. «Введение в языкознание» и швейцарским лингвистом Фердинандом де Соссюром (1857-1913) в его университетских лекциях по языкознанию, которые были подготовлены к печати и изданы его учениками под названием «Курса общей лингвистики» (1916).

«По нашему мнению, — говорил последний, — понятие языка (*langue*) не совпадает с понятием языковой деятельности вообще (*langage*); язык — только определенная часть, правда важнейшая, языковой деятельности. Он, с одной стороны, — социальный продукт речевой способности, с другой стороны — совокупность необходимых условий, усвоенных общественным коллективом для осуществления этой способности у отдельных лиц. Взятая в целом, языковая деятельность многоформенна и разносистемна; вторгаясь в несколько областей, в область физики, физиологии и психики, она кроме того относится и к индивидуальной и к социальной сфере; ее нельзя отнести ни к одной из категорий явлений человеческой жизни, так как она сама по себе не представляет ничего единого.

¹⁰ Пинкер С. Язык как инстинкт. 2-е изд. М.: URSS, 2009. С. 10-13 сл.

¹⁰ Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1999. С. 15. (7-е изд. М.: URSS, 2013.)

¹¹ Там же. С. 48.

Язык, наоборот, есть замкнутое целое и дает базу для классификации. Отводя ему первое место среди всех и всяких явлений языковой деятельности, мы тем самым вносим естественный порядок в такую область, которая иначе разграничена быть не может»¹². Кратко и точно изложил взгляды Ф. Соссюра по этому вопросу известный отечественный психолог и нейрофизиолог Александр Романович Лурия (1902-1977): «Язык (*langue*) — исторически сложившаяся объективная система знаков — ...речь (*parole*), процесс передачи сведений при помощи языка»¹³.

Далеко не все языковеды поняли и приняли разграничение языка и речи. Поэтому понадобились работы, в которых бы не просто провозглашалось бы это различие, но более или менее обстоятельно обосновывалось. Самая известная из них — статья крупного британского лингвиста Алана Хендерсона Гардинера (1879-1963) «Различие между „речью“ и „языком“» (1935)¹⁴.

Язык как явление отличное от речи ни в коем случае не сводится к словарному фонду, не представляет собой простой совокупности слов. Он является системой, в которой все слова теснейшим образом связаны посредством грамматики языка.

Это разграничение сейчас принимается почти всеми лингвистами и вообще специалистами в области гуманитарных наук, хотя, конечно, имеются и исключения. Как явствует из приведенных выше высказываний Б. Уорфа, последний такого различия не проводил.

Разграничение языка и речи крайне важно. Но к нему нужно добавить еще одно разграничение, а именно различие двух форм существования речи. Одна форма — речь как деятельность, действие, процесс, говорение, оказывание; речь происходящая, совершающаяся, протекающая, идущая, произносимая. Это речь в буквальном смысле слова. Но когда речь закончилась, свершилась, она не исчезла. В случае устной речи она продолжает сохраняться в памяти говорившего и его слушателей, причем иногда очень долго. Приобретая облик произведения словесности, речь может передаваться от поколения к поколению. Письменная речь фиксируется на папирусе, бумаге и т. п. и в таком виде становится доступной читателям.

¹² Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1999. С. 15. (7-е изд. М.: URSS, 2013.)

¹³ Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. 3-е изд. М.: URSS, 2009. С. 11.

¹⁴ Полный текст в переводе на русский язык: Гардинер А. Различия между «речью» и «языком» // Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., 1965. С. 14-21.

Таким образом, вторая форма бытия речи — речь как результат, речь уже свершившаяся, происшедшая, закончившаяся; речь не сказываемая, произносимая, а уже сказанная, произнесенная.

Совокупность всех уже произнесенных, свершившихся и сохранившихся речей можно назвать *лингвофондом*.

К сходному выводу склонялся крупный советский лингвист академик Лев Владимирович Щерба (1880-1944). В статье «О тройном аспекте языковых явлений и об экспериментах в языкознании» (1931) он поставил вопрос о необходимости различать не только «языковую систему» и «речевую деятельность», но и «языковый материал»¹⁵. Но последнее понятие было у него столь неопределенным, что эта идея не получила широкого признания в науке.

Выявление различия между языком, собственно речью, и лингвофондом дает возможность глубже понять мышление. Само собой напрашивалось подразделение мышления на (1) систему понятий, (2) на деятельность по использованию этих понятий, т. е. собственно мыслительный процесс, и (3) результаты мыслительного процесса, т. е. знания, приобретенные в процессе мышления. К сожалению, никто из тех, кто обращался к проблемам мышления: ни те же самые лингвисты, ни психологи, ни нейрофизиологи, ни, наконец, философы к этому выводу не пришли.

Прежде всего нужно присвоить мышлению как системе определенное название. Таким названием могут стать словосочетания «*понятийный фонд*», «*концептуальный фонд*» или, короче, слова «*понятиефонд*» и «*концептофонд*». Концептофонд не представляет собой простой суммы, совокупности понятий. Все составляющие его понятия теснейшим образом связаны между собой, образуют одну единую систему. Но далеко не все связи, которые проявляются и образуются в процессе мышления, входят в концептофонд. Эту систему образуют только прочные, постоянные связи. Примером могут послужить рассмотренные выше связи внутри пирамиды качественных (квалитных) понятий.

Выше уже неоднократно говорилось о неразрывной связи мышления и языка вообще. В применении к концептофонду можно сказать, что он существует в материальной оболочке языка как системы. В свою очередь, язык как система прежде всего является формой, в которой существует концептофонд. Последний представляет собой своеобразный мыслительный (ментальный) концентрат. Как любой концентрат ментоконцентрат для использования должен быть разбавлен, растворен. Аналоги: чайная ложка кофейного порошка превращается в чашку душистого напитка; сухое молоко трансформируется в молочную жидкость. «Разбавление» концептофонда начинается вместе с усвоением человеком языка.

¹⁵ Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об экспериментах в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. 4-е изд. М.: URSS, 2008.

Когда человек овладевает языком, в коре его головного мозга возникает та самая словопонятийная сеть, которая является основой мышления как процесса. Здесь невольно напрашивается аналогия с компьютером и постановкой на нем определенной программы. Усвоение человеком языка есть своеобразная установка в его мозгу определенной программы. Когда программа поставлена, компьютер начинает совершать многообразные операции. Точно так же с установкой словопонятийной сети начинается многообразный мыслительный процесс, который постоянно дает определенный результат, новые знания.

Если концептофонд есть аналог языка, собственно мышление — речидеятельности, собственно речи, то многообразные результаты мыслительного процесса — лингвофонда. В концептофонд входят только словопонятия и постоянные связи между ними. Результат мыслительного процесса включает в себя не только словопонятия и постоянные связи между ними, но множество самых разнообразных форм мышления: суждения, умозаключения, идеи, гипотезы, теории и т. п., т. е. все многообразие связей между ними, включая и временные, преходящие. Все это вместе взятое можно назвать *мыслительным (ментальным) фондом*, короче, *мыслефондом*, или *ментофондом*. Ментофонд возникает на базе концептофонда. В его основе лежит мыслительный понятийный концентрат, который теперь «растворен», «разбавлен» мышлением и готов к употреблению. Концептофонд и ментофонд неразрывно связаны. Концептофонд есть ядро, центр ментофонда.

На существование ментофонда обратили внимание и ученые, и философы. «Знание, которое не уничтожается одновременно с прекращением жизни мыслящего мозга, сохраняется и после смерти и поэтому имеет способность накапливаться с течением времени и передаваться от одного мыслящего субъекта к другому, от одного поколения к другому, — писал выдающийся российским математик, академик Владимир Андреевич Стеклов (1863/64-1926), — начинается только с момента изобретения речи. Из субъективного чувственно постигаемого лишь отдельными индивидами оно превращается в объективное, закрепленное и сохраняемое в определенных звуках речи, а затем получает еще более характер объективного внешнего материала, подлежащего наблюдению и исследованию наряду с иными вещами внешнего мира, после изобретения письменности»¹⁶.

¹⁶ Стеклов В. Математика и ее значение для человечества. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010. С. 128.

Фактически именно о ментофонде шла речь во многих работах выдающегося советского философа Эвальда Васильевича Ильенкова (1924-1979)¹⁷. «Вопрос об отношении материи к сознанию, — читаем мы в его помертно вышедшей книге „Ленинская диалектика и метафизика позитивизма“ (1980), — осложняется тем, что индивидуальному сознанию сознание общественное („коллективно-организованный“, „гармонизированный“, очищенный от противоречий опыт) с самого начала предшествует как нечто заранее данное, существующее до, вне и независимо от индивидуального сознания, так же как и материя. И даже более того. Это общественное сознание — разумеется, в его индивидуализированном виде, в виде сознания ближайших воспитателей, а затем и всего того круга людей, которые появляются в поле зрения человека, формирует его сознание в гораздо большей мере, чем „материальный мир“»¹⁸. Заметил бытие ментофонда и Карл Раймунд Поппер (1902-1994). Он фигурирует в его построениях под названием «третьего мира». Но сути ни концептофонда, ни мышления-процесса, ни ментафонда он так и не понял.

5. Проблема детерминации концептофонда

Б. Уорф, поставив вопрос о том, что является первичным: культура или язык, воздержался от ответа, заявив о их совместном развитии и взаимном влиянии друг на друга. Но на вопрос об отношении языка и такого элемента культуры как мышление он отвечал однозначно: язык первичен, мышление вторично, производно.

Не имея здесь возможности сколько-нибудь обстоятельно заняться понятием культуры (это сделано в другой моей работе), ограничусь самым общим его определением. Культура есть опыт деятельности людей, имеющий жизненное значение для какой-то определенной их общности. Этот социально значимый опыт выражается и закрепляется в языке, в структуре и образах мышления, произведениях словесности, различных приемах и способах действий, нормах поведения, различного рода созданных человеком материальных вещах (орудиях труда, сооружениях и т. п.)¹⁹.

¹⁷ См.: Ильенков Э. В. Идеальное // Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962; *Он же*. Проблема идеального // Вопросы философии [далее — ВФ]. 1979. №6, 7.

¹⁸ Ильенков Э. В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. Размышления над книгой В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». М., 1980. С. 34.

¹⁸ Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 194.

¹⁹ Семёнов Ю. И. Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М., 2003. С. 43-45.

Человечество в прошлом всегда существовало как множество более или менее обособленных групп людей. Жизненный опыт этих групп не мог быть полностью одинаковым. Поэтому каждая такая группа с неизбежностью должна была иметь свою собственную особую культуру и тем самым свой собственный особый язык. Эти культурно-языковые общности принято называть народами. Хотя слово «народ» имеет не один, а несколько смыслов, я для простоты буду пользоваться им для обозначения всех типов культурноязыковых общностей. Различие культур и языков такого рода групп ни у кого никогда не вызывало сомнения. Вопрос, который предстоит рассмотреть и на который нужно найти ответ, заключается в том, одинаковыми или различными являются концептофонды у разных культурно-языковых общностей (= народов).

Понятия являются образами объективного мира, который одинаков для всех. Поэтому, казалось бы, само собой напрашивается ответ, что они одинаковы у всех народов. Но абсолютно верным считать его нельзя. Разные народы, например, могут жить и живут в разных географических условиях. И естественно, что у обитателей крайнего севера нет и не может быть понятий о крокодилах, бананах, пальмах и т. п., а у населения тропиков — о снеге, льде, моржах, тюленях и т. п. Но такого рода различия между концептофондами разных народов не носят принципиального характера и уж, разумеется, не детерминируются особенностями языков.

Но даже когда народы обитают примерно в одинаковых географических условиях их концептофонды не обязательно будут совершенно одинаковыми. Познание мира диктуется потребностями практической, прежде всего производственной деятельности. Практика, скажем, народа А может требовать мысленного выделения одних определенных свойств тех или иных предметов (например, свойств К и Л) и пренебрежения другими определенными их свойствами (свойствами Т и Ф), а практика народа Б — мысленного выделения последних и пренебрежения первыми. Результат — возникновение разных понятий, разная классификация предметов, разное членение объективного мира. Этот факт признается не только сторонниками, но и противниками гипотезы лингвистической относительности. Но последние при этом подчеркивают, что такое разное членение мира никак не обусловлено особенностями ни языков вообще, ни их грамматического строя в частности. И они правы.

Характер концептофонда детерминируется не спецификой языка, а, во-первых, природой объективного мира, во-вторых, запросами практической, прежде всего производственной, деятельности людей. Но это отнюдь не означает, что особенности языка вообще не оказывают никакого влияния на концептофонд и вообще на мышление в целом. Как уже указывалось, концептофонд всегда существует в оболочке языка.

Отношение между концептофондом и языком (в узком смысле — языком как системой) во многом есть отношение между содержанием и формой. Но как известно, форма никогда не является безучастной по отношению к заключенному в ней содержанию. Возникнув как оболочка содержания, она в последующем активно воздействует на него. Таково же отношение между языком и концептофондом. Концептофонд, будучи всегда облеченным в языковую оболочку, в известной мере должен зависеть от нее.

6. Основные этапы развития концептофондов и языков

Это особенно наглядно видно, когда мы обращаемся к эволюции концептофонда. Человеческая практическая деятельность никогда не стоит на месте. Она развивается и для своего прогресса требует непрерывного совершенствования познания, прежде всего, конечно, мышления. Прогресс мышления ни в коем случае не может быть сведен к простому добавлению к сумме ранее существовавших понятий новых концептов. Практика требует не только и не просто познания все новых и новых объективных предметов, но и проникновения во все более глубокую сущность мира. Возникает нужда не только и просто в познании все новых и новых универсатов, а универсатов новых типов, которые раньше были недоступны для мышления. Это предполагает создание не просто новых понятий уже существующих типов, а понятий совершенно новых, ранее не существовавших типов. В результате становится необходимым не просто расширение концептофонда, а его коренная перестройка. А так как концептофонд существует в языковой оболочке, то необходимостью становится преобразование языка. Новое содержание требует новую форму.

Таким образом, в истории человечества имеет место смена стадий развития не только общества (общественно-экономических формаций), но и концептофонда и языка. Эта идея является совершенно чуждой современной лингвистической и вообще всей гуманитарной науке. Сейчас не только не предпринимаются попытки создания стадияльной типологии языков, но вообще с порога отвергается возможность существования такой типологии. Это делают ученые, которые в вопросе об отношении языка и мышления находятся на диаметрально противоположных позициях. «Поскольку дело касается языковой формы, — писал предтеча концепции лингвистической относительности Э. Сепир, — Платон шествует с македонским свинопасом, Конфуций — с охотящимся за головами дикарем Ассама»²⁰.

²⁰ Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 194.

«Существуют общества, находящиеся на уровне каменного века, — вторит ему бескомпромиссный противник гипотезы Сепира—Уорфа С. Пинкер, — но не существует такого понятия как язык уровня каменного века»²¹. «Я считаю, — пишет крупный польский языковед Анна Вежбицкая, — что люди действительно обладают одинаковыми мыслительными возможностями, но думаю, что это связано с использованием языка и тем фактом, что все естественные языки, в принципе, обладают одинаковой выразительной силой»²². «Никакой тип языка, — читаем мы в одной из работ французского лингвиста Эмиля Бенвениста (1902-1976), — не может сам по себе ни благоприятствовать, ни препятствовать деятельности мышления»²³. Такого взгляда давно уже придерживаются многие отечественные языковеды. «Все современные языки, — категорически утверждал известный лингвист Алексей Алексеевич Леонтьев (1936-2004), — стоят на одной генетической ступени. Встречающиеся в них архаические черты всегда сочетаются с чертами, свидетельствующими о высокоразвитости. Поэтому непосредственно сопоставлять языки, утверждая, что один из них более примитивен, чем другой, неправомечно»²⁴. В известной степени идея неравноценности языков пробивает дорогу лишь в социальной лингвистике. Но и социолингвисты не идут далее различения функционально менее развитых и более развитых языков²⁵.

Вопреки взглядам Э. Сепира и С. Пинкера все же можно выделить в качестве находящихся на первой стадии развития концептофонды и соответствующие им языки людей, живущих в первобытном обществе (включая в него и эпоху предклассового общества). Первобытный концептофонд можно назвать *древнеконцептуальным* (*древнепонятийным*, *археоконцептуальным*) фондом, а языки, в которые он был облечен, *древнементальными* (древнемысленными, археоментальными) языками.

Первый крупный перелом в развитии мышления и языка произошел при переходе от первобытного общества к классовому (цивилизованному) обществу.

²¹ Пинкер С. Указ. соч. С. 18.

²² Вежбицкая А. Семантические универсалии и «примитивное мышление» // Вежбицкая А. Язык, культура, познание. М., 1996. С. 293.

²³ Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1972. С. 114.

²⁴ Леонтьев А. А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963. С. 118.

²⁵ См., например: Плунгян В. А. Почему языки такие разные. М., 1996. С. 63-67.

Важнейшую роль сыграло здесь возникновение письменности, а затем и преднауки. Все это привело к существенной перестройке концептофона и языков²⁶. Первый из древнепонятийного превратился в *староконцептуальный* (*старопонятийный*, *палеоконцептуальный*) фонд, а древнементальные языки соответственно трансформировались в *староментальные* (*старомышленные*, *палеоментальные*) языки.

Следующий переворот связан с появлением науки в полном и точном смысле этого слова, становлением современного естествознания. Произошло превращение староконцептофона в новоконцептофонд. Соответственно староментальные языки стали преобразовываться в *новоментальные* (*новомышленные*, *неоментальные*) языки. Только с превращением староментальных языков в новоментальные мог завершиться процесс становления науки²⁷.

До возникновения науки и новоментальных языков концептофоны разных народов всегда отличались друг от друга, обладали культурной, или как принято говорить, этнической спецификой. С возникновением науки положение резко изменилось. Если не весь концептофонд, то по крайней мере та его часть, которую образуют научные понятия, полностью лишилась культурной, этнической специфики.

Выше уже были приведены высказывания Б. Уорфа о том, что если у народов с иным типом языка, чем в Западной Европе, возникнет наука, то она будет иной, чем ныне существующая. Он далеко не одинок. Сейчас многие гуманитарии довольно часто говорят о современной науке как явлении, специфическом для западной культуры, западной цивилизации. Другие (а иногда и те же самые) твердят о существовании двух качественно отличных видов науки (или двух качественно отличных видов мудрости): восточной и западной. И те, и другие совершенно не правы: нет и не может существовать никакой особой восточной науки.

²⁶ К настоящему времени накоплен большой материал, свидетельствующий о связанном с появлением письменности огромном шаге вперед в развитии мышления и языка. См., например, обзор работ, посвященных этому сюжету, в труде американского психолога Джерома С. Брунера «Культура и познавательное развитие» (*Брунер Дж. Психология познания*. М., 1977. С. 220-358).

²⁷ Подробнее об этом см.: *Семёнов Ю. И.* Поздние первобытные и предклассовые общества Севера Европейской части России, Сибири и Русской Америки в составе Российской империи // Национальная политика императорской России. Поздние первобытные и предклассовые общества Севера Европейской России, Сибири и Русской Америки. М., 1998; Он же. Этнополитология: трудный путь становления новой научной дисциплины (Размышления над книгой М. Н. Губогло. Языки этнической мобилизации. М., 1998) // Отечественная история. 2001. №4; Он же. Этническая культура и политическая борьба // Философия. Культура. Философия культуры. М., 2004. М., 2004.

Существует одна и только одна наука, которую принято именовать западной. Но западной она является в одном и только одном смысле: она возникла в Западной Европе. Но ничего специфически западного в ней нет. Еще раз необходимо подчеркнуть, что она начисто лишена какой бы то ни было культурной, этнической, или, как модно ныне говорить, цивилизационной специфики. Наука едина и одна для всего человечества. И не только для него.

У американского фантаста Бима Хораса (Генри) Пайпера (1904—1964) есть рассказ «Универсальный язык» (1957). Земная экспедиция ведет исследование памятников давно погибшей марсианской цивилизации, которая в своем развитии достигла индустриального уровня. Найдено здание марсианского университета, в котором масса книг и надписей. Руководитель экспедиции — старый археолог, который на родной планете вел раскопки в Двуречьи, убежден, что эти надписи никогда не удастся прочесть. Для расшифровки нужно привлечь материалы уже известного родственного языка, а никакого родства между языками Земли и Марса заведомо быть не может.

Но вот археологи вошли в одно из университетских помещений и увидели там на стене таблицу, которая показалась им удивительно знакомой. Не сразу, но они поняли: перед ними Периодическая таблица элементов. В клетках таблицы были вписаны марсианские цифры и названия элементов. И археологи с ходу начали переводить на земной язык эти марсианские надписи. На вопрос вызванного в зал руководителя экспедиции: «Где же у вас уверенность, что эти слова обозначают „водород“, „гелий“, „кислород“? Откуда вы знаете, что их таблица элементов была такая же, как наша?», последовал ответ: «Это не только марсианская таблица элементов. Никакой другой быть не может... Смотрите у атома водорода один протон и один электрон. И если было больше, то это был не водород, а какой-то другой элемент. А водород на Марсе ничем не отличается от водорода Земли, Альфы Центавра или даже другой Галактики»²⁸.

7. Наука и новоментальные языки

Новоконцептуальный фонд может существовать только в оболочке одного из новоментальных языков. Поэтому человек, который не владеет ни одним из таких языков, не может овладеть научным знанием.

²⁸ *Пайпер Б.* Универсальный язык // Научно-фантастические рассказы американских писателей. М., 1960. С. 251-252.

В силу неравномерности исторического развития одни общества ушли далеко вперед, а другие отстали. В то время как в Западной Европе возник капитализм и вместе с ним наука, в других регионах земного шара общества продолжали оставаться на докапиталистических стадиях развития. И когда в докапиталистических классовых обществах возникала нужда в научных знаниях, им не оставалось ничего другого, кроме как заимствовать их с Запада. Но язык в этих социоисторических организмах был староментальным, что мешало их членам овладеть наукой.

Важно подчеркнуть, что препятствием было вовсе не строение мозга. Он в принципе устроен одинаков у всех современных людей, совершенно независимо от их принадлежности к той или иной расе, тем более культурно-языковой общности. Препятствие заключалось вовсе не в отсутствии в данном обществе достаточного числа умных людей. Преградой был тип языка, на котором говорило общество, его принадлежность к староментальным языкам. Выше уже была использована аналогия, где мозг уподоблялся компьютеру, а овладение языком — установке программы. Как известно, на одинаковые устроенные компьютеры могут быть установлены совершенно разные программы, в результате чего одни ЭВМ окажутся способными на такие операции, которые недоступны для других. Чтобы добиться от такого компьютера выполнения более сложных операций, нужно установить на него более совершенную программу. Так обстоит дело и в рассмотренной выше ситуации: чтобы человек мог заниматься наукой, он должен усвоить новоментальный язык.

Это совершенно не обязательно означает, что этот человек должен совсем отказаться от своего родного языка в пользу чужого. Дело в том, что нет языков, которые в принципе не были бы способны превратиться в новоментальные. Любой староментальный язык может трансформироваться в новоментальный. Но для этого необходимо, во-первых, время, причем довольно продолжительное, во-вторых, наличие достаточно большого числа людей, которые стали бы заниматься научной деятельностью. Ряд обществ оказался в состоянии пойти по этому пути. Их языки в течение определенного периода смогли превратиться из староментальных в новоментальные. В результате указанное препятствие развитию науки в данном обществе было снято. Но пока шла языковая трансформация, члены формирующегося в данной стране научного сообщества вынуждены были постоянно пользоваться чужими новоментальными языками. В тех же обществах, в которых условий для превращения традиционного староментального языка в новоментальный не существовало, людям, желавшим заниматься наукой, не оставалось другого выхода, кроме как переход, по крайней мере в данной сфере деятельности, на чужие, но зато новоментальные языки.

8. Пример России: от староментального языка к новоментальному

Яркий пример первого пути развития дает история России. У нас и раньше появлялись и сейчас появляются работы, в которых описывается развитие философской мысли и естественно-научных знаний в Древней Руси и средневековой России. К сожалению, они находятся не в ладах с исторической реальностью. Ни философии, ни науки в России вплоть до XVIII в. не было. И в этом веке они появились, но не в результате предшествующей самостоятельной эволюции русской мысли, а были позаимствованы с Запада.

Говоря об успехах философской и научной мысли России в XVIII в., обычно ссылаются на знаменитую «Оду на день восшествия на Всероссийский престол... Елисаветы Петровны» первого русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова (1711-1765), которая содержит следующие строки:

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих!
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Рачением вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать²⁹.

И при этом совершенно не замечают главного: М. В. Ломоносов исходит как из само собой разумеющегося, что в России никогда раньше не было ни философов (Платонов), ни ученых (Ньютонов). И сейчас ей приходится звать специалистов «из стран чужих», и она еще только должна доказать, что в ней могут рождаться собственные философы и ученые.

Когда в XVIII в. в Россию стали проникать наука и философия, русский язык, который к тому времени уже около тысячи лет был языком письменным, оказался не приспособленным для выражения и изложения научных знаний и философских идей. Он был староментальным. Люди, владевшие одним лишь русским языком, были лишены возможности полноценно теоретически мыслить. Одним из немногих русских историков, который пытался объективно, без прикрас нарисовать картину приобщения России к науке и философии, был Афанасий Прокопьевич Щапов (1830-1876).

²⁹ Ломоносов М. В. Одна на день восшествия на Всероссийский престол... Елисаветы Петровны 1747 года // Ломоносов М. В. Стихотворения. М., 1984. С. 85.

В работе «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа» (1870) он писал: «По выражению писателей XVIII века, „*дурачество* и тупость, непонятливость или *неудобность*, *неприятие* и *невзятие наук*“ — вот характеристические умственные черты наибольшей части первого послепетровского поколения. Мыслительные способности русских людей еще до того были не развиты, что они не способны были еще, путем высших, сложнейших рефлексов головного мозга, или абстрактно-логическим процессом чистого мышления, не способны были еще обрабатывать в головах своих данного внешними чувствами запаса простых, элементарно-конкретных, или непосредственно-предметных впечатлений... Особенно маловосприимчива и тупа была детская интеллигенция и мысль первого послепетровского поколения к европейским наукам — математическим и другим... В школах цифирных и математических даже элементарные науки не давались русскому уму. Учеников часто высылали из школ назад, „за *неудобностью* и *неприятием науки*...“»³⁰. «Вообще, — продолжает А. П. Щапов, — рассудочная сила мышления, интеллигенции, понимания и во втором послепетровском поколении еще так была недоразвита и не самостоятельна, что умы русские, даже лучшие, передовые, не могли как следовало, переварить, понять, усвоить и ассимилировать глубоких идей западной философии и естествознания XVIII века»³¹.

Неспособность тогдашнего русского языка выразить новые идеи и понятия привела к тому, что образованная часть российского общества стала пользоваться иностранными языками, достигшими новоментальной стадии, — прежде всего немецким и французским, «Когда-нибудь должен же вслух сказать, — писал в 1825 г. в одном из писем величайший знаток русского языка Александр Сергеевич Пушкин (1799-1837), — что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского (ясного точного языка прозы — т. е. языка мысли)»³².

³⁰ Щапов Л. П. Социально-педагогические условия умственного развития русского народа. 2-е изд. М.: Красанд/URSS, 2010. С. 95-96.

³¹ Там же. С. 101.

³² Пушкин А. С. Письмо П. А. Вяземскому, 13 июля 1825 г. // Полн. собр. соч.: в 10 т. Изд. 4. Т. 10. М., 1979. С. 120.

«Положим, — развивал он эту мысль в одной из своих работ, написанной в том же 1825 г., — что русская поэзия достигла уже высокой степени образованности: просвещение века требует пищи для размышления, умы не могут довольствоваться одними играми гармонии и воображения, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялась; метафизического языка у нас вовсе не существует. Проза наша еще так мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных, так что леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно готовы и всем известны»³³.

Другой русский писатель Петр Андреевич Вяземский (1792-1878) был еще более пессимистичен, чем А. С. Пушкин. Он считал, что у нас плохо не только с «метафизическим языком». «Наш язык, — писал он, — происходит, пожалуй, от благородных, но бедных родителей, которые не могли оставить наследнику своему ни литературы, которой они не имели, ни преданий утонченного общежития, которого они не знали. Славянский язык хорош для церковного богослужения. Молиться на нем можно, но нельзя писать романы, драмы, политические, философские рассуждения»³⁴.

Потребовалось почти сто лет деятельности возникавшего российского научного сообщества и русской интеллектуальной, включая литературную, элиты, чтобы возникла русская научная терминология и русский язык превратился в новоментальный. И только тогда использование иностранных языков как средства общения внутри русской среды стало ненужным. Во второй половине XIX в. русский язык окончательно стал одним из сравнительно немногих полноценных новоментальных языков, ни в чем не уступавшим ни французскому, ни немецкому, ни английскому.

9. Языковая проблема до и после распада СССР

В России, какой она стала после победы Великой Октябрьской рабоче-крестьянской революции, т. е. в Советском Союзе, только один из всех существовавших в ней языков был новоментальным — русский. Все остальные языки были либо староментальными, в лучшем случае уже сделавшими первые шаги по пути превращения в новоментальные, либо древнементальными. Последних было большинство, ибо многие народы ко времени вхождения в состав России находились на стадии предклассового общества. Они к данному времени не имели даже собственной письменности.

³³ Пушкин А. С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова // Полн. собр. соч.: в 10 т. Изд. 4. Т. 7. Критика и публицистика. Л., 1958. С. 23.

³⁴ Вяземский П. А. Старая записная книжка // Полн. собр. соч. Т. 8. СПб., 1883. С. 39.

Многие публицисты в период перестройки и особенно сразу же после распада СССР без конца говорили, да нередко и сейчас продолжают говорить, об имевшем в годы советской власти место вытеснении русским языком языков других народов из многих сфер деятельности и тем самым сокращении поля их применения. Но эти люди либо сами добросовестно заблуждались, либо намеренно вводили широкую общественность в заблуждение.

Все дело в том, что вся практическая деятельность народов, находившихся к моменту вхождения в состав России на стадии предклассового общества, была ограничена сферой быта. Никаких других у них не было. Соответственно их языки были приспособлены к обслуживанию только этой единственной сферы. Когда в результате последующего развития представители этих народов были втянуты в другие сферы деятельности, характерные для индустриального общества, все эти языки оказались неспособными их обслуживать.

Как пишут исследователи, в Казахстане «из 50 социальных функций, которые необходимы любому языку для нормального функционирования, казахский язык реализует на практике лишь около 10 функций»³⁵. Некоторые специалисты при этом утверждают, что во всем виноват русский язык, который вытеснил казахский язык из многих сфер жизни³⁶. Это совершенно неверно. В действительности казахский язык не был и не мог быть вытеснен из сферы, например, науки по той простой причине, что он никогда в этой сфере не действовал. Он не выполнял 40 из 50 функций, потому что будучи древнементальным в своем исходном состоянии не был способен их выполнять. Чтобы проникнуть в сферу науки и вообще начать выполнять многообразные функции, необходимые в индустриальном обществе, казахский язык должен был претерпеть коренную трансформацию.

Как уже указывалось, в принципе каждый язык способен стать новоментальным. Но это трудно даже для староментальных языков, не говоря уже о древнементальных. Для этого необходимо время и другие условия, о которых выше уже шла речь. Поэтому для немногочисленных народов трансформация их древнементальных языков в новоментальные была исключена, для более крупных — необычайно трудна и маловероятна.

Именно этими обстоятельствами, а вовсе не насильственной русификаций, объясняется широкое распространение русского языка среди народов СССР, повсеместное использование русского языка в высшей школе и частичный и даже полный (в автономиях Российской Федерации и в Белоруссии) переход преподавания в средней и даже начальной школе на русский язык.

³⁵ Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998. С. 419.

³⁶ См., например: Фиерман У. Поворот языкового сдвига в Казахстане // Этнографическое обозрение. 2005. №6.

Обойтись без русского языка было совершенно невозможно. Он был единственным языком, который мог действовать в новых сферах деятельности, прежде всего в сфере науки. Традиционные языки для обслуживания их были не пригодны.

В период перестройки особенно после распада СССР усердно начала пропагандироваться идея «национального возрождения». Ее взяли на вооружение правящие круги и определенная часть интеллектуальной элиты не только союзных республик, превратившихся в 1991 г. в независимые государства, но и бывших автономных республик и автономных областей Российской Федерации. Важнейшей составной частью программы «национального возрождения» было «возрождение» национальных языков, в частности перевод преподавания в начальной, средней и даже высшей школе на эти языки.

Если говорить о Российской Федерации, то любая попытка потеснить, тем более вытеснить русский язык, будет иметь своим следствием регресс в деле образования и вообще во всех областях знания и деятельности. Если попытаться преподавать, скажем, физику, на древнементальном или даже староментальном языке, то ее никто знать не будет. Все попытки реализовать программы «национального возрождения», предусматривающие перевод преподавания в средней и высшей школе с русского языка на традиционные, могут причинить представителям тех народов, культуру которых намереваются «возродить», только огромный вред, ибо закроют им путь к современному образованию.

Это прекрасно поняла основная масса людей, принадлежащих к значительному числу так называемых титульных наций республик в составе России. В результате попытки «национальной» политической и интеллектуальной элиты принудить детей «титульного» населения учиться в школах, где преподавание велось на языке данного народа, во многих случаях встретило сопротивление со стороны этого населения, большая часть которого упорно желали, чтобы их дети получали образование на русском языке. На научных конференциях мне, например, приходилось выслушивать жалобы поборников «национального возрождения» на неблагодарность своего народа, упорно не желающего «возродиться».

Если обратиться к положению в бывших союзных республиках, ставших независимыми государствами, то применение во многих из них жестких административных мер, имеющих целью насаждение государственного языка и вытеснение русского языка, красноречиво свидетельствует об отсутствии в недалеком прошлом этих республик насильственной русификации.

В противном случае никакой нужды насильственно вытеснять русский язык не было бы. С достижением республикой независимости и прекращением навязывания русского языка он сам по себе должен был бы утратить свои позиции. Упорная борьба с русским языком при помощи государственного аппарата, помимо всего прочего, означает, что титульный язык не способен выдержать свободной конкуренции с русским языком. По существу это означает молчаливое признание неравноценности русского и государственного языков данного социального образования, точнее большей ценности первого языка по сравнению с вторым.

Со всеми этими проблемами сталкиваются не только на территории бывшего Советского Союза. Древнементальный характер аборигенных языков — одна из причин, заставившая многие молодые страны Африки сохранить после достижения ими независимости в качестве государственных языков языки изгнанных европейских колонизаторов, которые все были новоментальными. В Танзании, Уганде, Малави, Нигерии, Гамбии, Гане, Сьерра-Леоне, Замбии таким языком стал английский, в Чаде, Центрально-Африканской республике, Того, Кот-д'Ивуаре, Бенине, Габоне, Буркино-Фасо, Конго, Мали, Сенегале, Нигере — французский, в Экваториальной Гвинее — испанский, в Мозамбике, Кабо-Верде и Анголе — португальский.

Английский язык продолжает оставаться одним из государственных языков Индии и Филиппин. На английском языке издается в Индии практически почти вся научная литература, в частности научные журналы. Конфликт между правительствами и научной общественностью имеет место в ряде стран Северной Африки, которые ранее находились в зависимости от Франции. Власти настаивают на введении в высшей школе преподавания на арабском языке, ученые же и преподаватели утверждают, что отказ от французского языка приведет к резкому падению знания современной науки ³⁷.

10. Отношение между чувствозримым и умозримым мирами для нас

Как уже неоднократно говорилось, только философы оказались в состоянии открыть, что мир существует не только вне сознания человека, но и в его сознании. Причем это открытие прежде всего относилось к чувствозримому миру. Но было время, когда все люди без исключения были наивными реалистами, да и сейчас большинство человечества принадлежит к их числу.

³⁷ См.: *Шагаль В.Э.* Что препятствует арабизации в странах Магриба? // Восток. 1992. №2.

Для наивных реалистов, как и для субъективных идеалистов, существуют не два чувствозримых мира: один, существующий вне сознания (мир в себе), и другой, существующий в сознании (мир для нас), а только один единственный. Но если для субъективных идеалистов этим единственно существующим миром является мир для нас, то для наивных реалистов — мир в себе.

Еще хуже у наивных реалистов обстояло и обстоит дело с умозримым миром. В данном случае не признается бытие не только умозримого мира для нас, но и умозримого мира в себе. Реальный объективный мир, мир в себе всегда был и является единством отдельного и общего, объективных сингулатов и объективных же универсатов.

Соответственно, человеческий мир для нас всегда был и является единством чувствозримого мира для нас и умозримого мира для нас. Однако умозримый мир для нас долгое время выступал в целостном мире для нас не как что-то самостоятельное, отличное от чувствозримого мира, а (как это было у И. Канта) в качестве костяка, скелета, каркаса чувствозримого мира. Этот понятийный скелет был облечен плотью и кровью чувствозримых явлений для нас: был «спрятан» в них, был «вмонтирован» в чувствозримый мир для нас и поэтому был совсем или почти совсем незаметен. Люди долгое время просто не замечали существования умозримого мира для нас, а тем самым и умозримого мира в себе. Они всегда зрели мир не только чувствами, но и умом, но долгое время не подозревали о существовании у себя умозрения. Напомню, что существование умозримого в мире и тем самым умозрение было открыто только философами.

Процесс возникновения чувствоумозримого мира для нас в значительной степени верно был обрисован в работах И. Канта. Он возникает из хаоса ощущений в результате упорядочения этого хаоса при помощи понятий. Выше уже говорилось о том, какие поправки необходимо внести в построения Канта с тем, чтобы этот процесс выступил не просто как процесс создания мира для нас, но и как процесс воссоздания мира в себе.

Прежде всего необходима трактовка ощущений и восприятий как образов внешнего объективного мира. Далее необходимы два дополнения. В упорядочении чувственного материала принимают участие не только категории, но и все вообще понятия, весь концептофонд. И этот фонд, включая категории, не существует в сознании индивида изначально в совершенно готовом виде, а формируется в нем в процессе усвоения индивидом языка.

Каждый конкретный человек становится мыслящим существом тогда, когда в его мозгу в процессе овладения языком, а тем самым и концептофондом своей культурно-языковой общности, начинает формироваться словопонятийная сеть. Когда последняя возникает, каждая из энграмм, вызванная действием внешнего раздражителя, не являющегося словом (назовем такие энграммы для краткости пунктопредметными), оказывается связанной множеством линейных энграмм с множеством словесно-узловых энграмм. С другой стороны, если не все, то многие словесно-узловые энграммы становятся непосредственно связанными множеством линейных энграмм с множеством пунктопредметных энграмм. Пунктолинейная энграммная сеть обволакивает пунктоэнграммный конгломерат. В результате каждое восприятие, а тем самым и каждое представление оказывается теснейшим образом связанным с множеством понятий, оказывается насквозь омысленным, обмысленным, осмысленным, ментализированным. Возникновение чувствозримого мира для нас является одновременно и его осмысливанием, его ментализацией. Чувствозримый мир для нас никогда не бывает только чувствозримым. Он всегда является чувствоумозримым.

Эта форма осмысления, ментализации мира можно назвать его *опонятиванием, концептуализацией*. Важнейшей составляющей этой концептуализации является *окатегоривание, категоризация*.

Но если для каждого индивида концептофонд заново возникает, то для культурно-языковой общности, к которой он принадлежит, а в случае с научными понятиями — для всего человечества в целом, он существует как нечто готовое, как концентрированное хранилище опыта предшествующих поколений. Но возникает, формируется не только концептофонд индивида. Возник в свое время и коллективный концептофонд, и он не просто существует, а постоянно обновляется: преобразуются старые понятия и, главное, постоянно возникают новые. И, конечно, новые понятия создаются индивидами, а затем переходят в коллективный концептофонд. Важнейшая задача философии — раскрыть процесс возникновения принципиально нового знания. Такое знание является продуктом не просто мышления, а мышления разумного. Поэтому необходимо исследовать деятельность разума.

Глава 4. Проблема особенностей и форм разумного мышления

1. Проблема разума и рассудка в современной философской и научной мысли

О существовании двух форм мышления: рассудка и разума философы догадывались давно. Но путь к пониманию сущности различия между тем и другим был проложен только Г. Гегелем (см. II.9.3), открывшим мышление как объективный процесс. Г. Гегель много сделал для создания теории разумного мышления. Однако довести это дело до конца он не смог: помешал идеализм. Подлинная теория разумного мышления может быть только материалистической. Лишь диалектический материализм может стать подлинной наукой о разумном мышлении, диалектической логикой.

Основоположники диалектического материализма принимали проведенное Г. Гегелем подразделение мышления на рассудочное и разумное. Но теоретической разработкой этой проблемы они никогда специально не занимались. По существу имеется всего лишь одно обстоятельное высказывание Ф. Энгельса, прямо относящееся к этому вопросу. «*Рассудок и разум*, — читаем мы в „Диалектике природы“, — это гегелевское различие, согласно которому только диалектическое мышление разумно, имеет известный смысл. Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: *индукция*, *дедукция*, следовательно, также *абстрагирование* (родовые понятие у Дидо: четвероногие и двуногие), *анализ* незнакомых предметов (уже разбивание ореха есть начало анализа), *синтез* (в случае хитрых проделок у животных) и, в качестве соединения обоих, *эксперимент* (в случае новых препятствий и при затруднительных положениях). По типу все эти методы, — стало быть, все признаваемые обычной логикой средства научного исследования — совершенно одинаковы у человека и высших животных. Только по степени (по развитию соответствующего метода) они различны. Основные черты метода одинаковы у человека и животных и приводят к одинаковым результатам, поскольку оба оперируют или довольствуются только этими элементарными методами.

Наоборот, диалектическое мышление — именно потому, что оно имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий — возможно только для человека, да и для последнего лишь на сравнительно высокой стадии развития (буддисты и греки), и достигает своего полного развития только значительно позже, в новейшей философии; и *несмотря на это* — колоссальные успехи уже у греков, задолго предвосхищающие исследование»¹.

Полагаю, что почти все сказанное здесь Ф. Энгельсом ошибочно. Рассудок есть волевая сознательная деятельность людей по оперированию понятиями. Но у животных вообще нет никакой сознательной волевой деятельности: ни физической, ни духовной. Нет у них и понятий, ибо нет у них ни слов, ни языка. Это не единственное ошибочное утверждение Ф. Энгельса. Но об остальных его ошибках будет сказано ниже.

Вообще положению о существовании двух видов мышления явно не посчастливилось в истории марксистской философской мысли. Ему не нашлось места не только в учебных пособиях по диалектическому материализму, но и в научных трудах. Интерес к понятиям рассудка и разума в известной степени возродился в советской философской литературе лишь в 60-х годах XX в. О рассудке и разуме как о разных видах мышления, по-видимому, впервые заговорил доктор философских наук Филипп Игнатьевич Георгиев (1904-1974) в книге «Противоположность марксистского и гегелевского понимания сознания» (М., 1961).

В 1963 г. в № 4 журнала «Вопросы философии» появилась статья крупного советского философа, в последние годы жизни директора института философии, члена-корреспондента АН СССР Павла Васильевича Копнина (1922-1971) «Рассудок и разум и их функции в познании». В последующем он повторил те же самые положения в других своих работах. Несомненная заслуга П. В. Копнина состоит в том, что он привлек внимание к данной проблеме. Но понять, что рассудок есть мышление как субъективная деятельность человека, а разум — мышление как объективный процесс, он так и не смог. В результате, несмотря на отдельные интересные мысли, статья в целом дала не слишком много. «Разум, — писал автор, — можно определить как высшую форму теоретического познания действительности...»². И когда П. В. Копнин пишет о неразрывной связи разума и рассудка, то речь у него идет об их единстве лишь в пределах теоретического научного познания. Он полностью принимает положение Ф. Энгельса о существовании рассудка у высших животных, добавляя к этому, что сейчас можно говорить о рассудке применительно и к вычислительным машинам.

¹ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 20. С. 537-538.

² Копнин П. В. Рассудок и разум и их функции в познании // ВФ. 1963. № 4. С. 69.

В 1967 г. В. Е. Никитиным была защищена кандидатская диссертация «Категории рассудок и разум», в которой было прослежено развитие этих понятий в история мировой философской мысли. В отличие от П. В. Копнина, диссертант не связывал разум исключительно с теоретическим познанием. Корни как рассудка, так и разума он ищет еще в первобытном мышлении ³.

В 1960-70-х гг. появилась несколько работ доктора философских наук Владимира Илларионовича Шинкарука, посвященных наследию немецкого классического идеализма: «Логика, диалектика и теория познания Гегеля» (1964), «Теория познания, логика и диалектика И. Канта» (1974) и «Единство диалектики, логики и теории познания» (1977). В них в числе прочих проблем рассматривался и вопрос о рассудке и разуме. Судя по книгам, автор принимал положение о существовании этих двух видов мышления, но, к сожалению, сколько-нибудь четкой собственной их характеристики не дал. Настолько можно его понять, он считал отстаиваемый Г. Гегелем взгляд на разумное мышление как на объективный процесс объективно-идеалистическим и не совместимым с материализмом, с чем вряд ли можно согласиться. В результате, проблема разума и рассудка так осталась у него нерешенной.

В 1968 г. появились работы кандидата (в последующем — доктора) философских наук Любови Артемьевны Суловой, посвященных категориям рассудка и разума в трудах И. Канта и Г. Гегеля ⁴. Она приходит к выводу, что рассудок и разум, как они выступают у Гегеля, суть два уровня познания, один из которых — рассудок — низший, а другой разум — высший. Рассудок относится к эмпирическому познанию, а разум представляет собой теоретическое познание ⁵.

³ См.: *Никитин В. И.* Источники становления рассудка и разума в первобытном мышлении // Материалы первой городской научно-теоретической конференции по общественным наукам (апрель 1966 г.). Ростов н/Д, 1966. С. 93-94.

⁴ *Сулова Л. А.* Категории рассудка и разума в философии Гегеля // Проблемы философии и социологии, Л., 1968; *Она же.* Категории рассудка и разума в теории познания Канта и проблема эмпирического и теоретического уровней знания // Ученые записки Калининградского университета. Вып. 1. 1968; *Она же.* Категории рассудка и разума в философии Гегеля и проблема уровней знания // Ученые записки... Вып. 3. 1968.

⁵ *Сулова Л. А.* Категории рассудка и разума в философии Гегеля и проблема уровней знания... С. 66-68.

В последующие годы проблема разума и рассудка советскими философами практически перестала разрабатываться. И положение дел нисколько не меняло появление таких книг, например, как работа Наталии Сергеевны Автономовой «Рассудок. Разум. Рациональность» (1988). Но за многообещающим названием таится полная пустота. Как явствует из текста, автор ничего не понимает в рассматриваемой проблеме, ни в малейшей степени не представляет себе ни что такое рассудок, ни что такое разум и вообще не имеет никакой собственной точки зрения.

Но все же проблема рассудка и разума считалась достойной рассмотрения вплоть до конца 1980-х гг. Об этом говорилось в статье «Рассудок и разум» в последнем советском «Философском энциклопедическом словаре» (1989).

В постсоветские годы отечественные философы утратили всякий интерес к этой проблеме, что наглядно проявилось в одноименной статье в книге «Философия. Энциклопедический словарь» (М., 2004). «Рассудок и разум, — пишет редактор словаря доктор философских наук Александр Архипович Ивин, — философские категории, сложившиеся в рамках классической немецкой философии и предназначенные для проведения различия между двумя якобы принципиально разными ступенями рационального познания»⁶. Не будем придираться к допущенным автором неточностям, хотя они сами по себе свидетельствуют, что знание этой проблемы у него довольно приблизительно. Но дальше он пишет такое, что не лезет ни в какие ворота. «Различению рассудка и разума, — безапелляционно заявляет А. А. Ивин, — может быть придана какая-то ясность, только если предполагается, что существует два принципиально разных мира: несовершенный и совершенный (земной и небесный миры; нынешнее несовершенное общество и будущее совершенное коммунистическое общество и т. п.). Для познания первого из них, взятого в изоляции, достаточно рассудка, для познания второго мира и его связей с первым необходима самая высокая ступень познания — разум, причем диалектический разум»⁷. И заключительный аккорд: «Отказ от противопоставления небесного мира земному и последующий крах коммунистической утопии и нужной для ее обоснования диалектики привели в конечном счете к тому, что противопоставление рассудка и разума потеряло даже слабые намеки на ясность»⁸.

В 1970-1980-е гг. интерес к проблеме рассудка и разума в какой-то степени продолжал сохраняться у некоторых советских психологов, занимавшихся исследованием мышления. Крупный психолог Василий Васильевич Давыдов (1930-1998) в своей ранней работе «Виды

⁶ Ивин А. А. Рассудок и разум // Философия. Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. М., 2004. С. 716.

⁷ Там же. С. 717.

⁸ Там же.

обобщения в обучении (логико-психологические проблемы построения учебных предметов)» (М., 1972) говорил о двух типах мышления: мышлении эмпирическом и мышлении теоретическом. Соответственно, он выделял и два типа понятий: понятия эмпирические и понятия научно-теоретические. В более позднем, посмертно изданном труде «Деятельностная теория мышления» (М., 2005) он именует эмпирическое мышление также и рассудочным, а теоретическое — также и разумным. Он вводит понятия рассудочно-эмпирического и разумно-теоретического мышления.

В понятие эмпирического мышления В. В. Давыдов вкладывал несколько иной смысл, чем большинство философов. Последние обычно понимают под эмпирическим мышлением первый уровень научного познания, за которым следует второй, высший уровень — теоретическое мышление. В. В. Давыдов рассматривает эмпирическое мышление как особый вид мыслительной деятельности. Фактически под рассудочно-эмпирическим мышлением он понимает житейское, обыденное мышление. «Это мышление, — пишет он, — начальная ступень познания...»⁹. Но тут же добавляет, что теоретическое мышление «имеет древнее происхождение»¹⁰. Возможно, это связано с его тезисом, что рассудочно-эмпирическое мышление основывается на наблюдении, а разумно-теоретическое — на преобразовании вещей человеком. А так как люди преобразовывали мир всегда, то ему и приходится противоречиво совмещать взгляд на рассудочно-эмпирическое мышление как начальную ступень познания с положением о древнем происхождении разумно-теоретического мышления.

Подводя некоторые итоги всему сказанному, необходимо прежде всего подчеркнуть, что ни в коем случае нельзя отождествлять разумное мышление и теоретическое познание. Теоретическое познание возникло довольно поздно, впервые лишь в Древней Греции, и по-настоящему проявило себя лишь в Новое время. А разум существовал всегда с тех пор, когда возникло человеческое мышление. Последнее всегда было неразрывным единством рассудка и разума. Нет рассудка без разума и разума без рассудка. Об этом неоднократно говорил Г. Гегель.

⁹ Давыдов В. В. Деятельностная теория мышления. М., 2005. С. 97.

¹⁰ Там же. С. 99.

«По своему *содержанию*, — писал он, — разумное столь мало является собственностью философии, что скорее следует сказать, что оно существует для всех людей, на какой бы ступени образования и духовного развития они ни находились; в этом смысле человека исстари справедливо называли разумным существом»¹¹.

Но в разные эпохи человеческой истории соотношение рассудка и разума было неодинаковым. На первых порах на переднем плане находился рассудок. Он был первым открыт и достаточно детально изучен. Наука о нем — формальная логика — возникла еще в античное время. О существовании разума долгое время в основном только догадывались. Окончательно он стал зримым лишь в Новое время, когда получило развитие теоретическое познание. Не всякое разумное мышление есть теоретическое мышление. Но теоретическое мышление может быть только разумным. Теоретического рассудочного мышления нет и быть не может. Только с развитием теоретического естествознания разум мог быть по-настоящему открыт. Решающий шаг был сделан Г. Гегелем, заложившим основы науки о нем — диалектической логики.

2. Проблема единиц мышления вообще, единиц разумного мышления в частности

Формы рассудочного мышления давно уже хорошо известны. Это понятия, суждения, умозаключения. Естественно, напрашивается вопрос, являются ли они одновременно и формами разумного мышления, или же последнее имеет и свои, только ему присущие формы. Причем речь идет не о категориях диалектики, которые, безусловно, представляют собой формы разумного мышления, но только формы содержательные, а о таких формах, которые присущи только мышлению, чистых мыслительных формах.

Но прежде чем заняться этой проблемой, нужно обратиться к одному терминологическому вопросу, который уже рассматривался во второй книге (II.13.1). Как это ни странно, но ни в философии, ни в логике, ни в психологии до сих пор не существует термина, который обозначал бы любую единицу мышления, будь она простой или сложной, независимо от ее принадлежности к тому или иному виду этих единиц. Ведь все бытующие термины: понятие, суждение, умозаключение, рассуждение обозначает прежде всего виды (классы) единиц мышления и тем самым отдельные единицы, относящиеся к этим видам (классам). А потребность в термине, который обозначал бы любую единицу мышления вне зависимости от ее принадлежности к тому или иному виду (классу) этих единиц, существует. В качестве такого термина во второй книге было предложены слова «*мыслетворение*» или «ментоконструкт» («ментоконструкция»).

¹¹ Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики... С. 211.

Как уже указывалось, не все советские философы принимали подразделение мышления на рассудочное и разумное. Но и те из них, которые прямо этого не делали, все равно так или иначе занимались вопросом об отличии между ними. Эта проблема вставала перед ними в форме вопроса об отличии предмета диалектической логики от предмета формальной логики.

Одни из них исходили из того, что никаких других чисто мыслительных форм, кроме понятий, суждений и умозаключений не существует. Критикуя положение о бытии особых «диалектических» форм мышления кандидат, а в последующем доктор философских наук Александр Васильевич Дроздов (1924-1988) писал: «Таковых в природе не существует и существовать не может. Общеизвестные формы мышления — понятие, суждение, умозаключение в их „формально-логическом“ понимании носят объективный общечеловеческий характер. Они служили человечеству на протяжении многих тысяч лет, одинаково хорошо выражая как диалектику, так и метафизику... Диалектическое мышление — это особый способ, метод подхода к изучению и объяснению явлений реального мира. Но он отнюдь не предполагает и *особых форм мышления*. Суждение одинаково хорошо служит для выражения любого способа мышления. Оно, как форма мысли, совершенно безразлично к способу мышления, будь это диалектика или метафизика»¹². Отсюда он сделал вывод, что диалектическая логика занимается анализом лишь содержания мыслей, но не их логической формы. Последняя — исключительное достояние формальной логики. Положение о том, что никаких других форм мышления, кроме трех известных, не существует, принимали многие советские философы, в частности доктор философских наук Марк Моисеевич Розенталь (1906-1975). По его мнению, эти три формы исследуются и формальной логикой, и диалектической логикой, но только последняя делает это по-другому, чем первая¹³. По существу такого взгляда придерживался П. В. Копнин.

¹² Дроздов А. В. Формальная логика и диалектические суждения // Ученые записки Ленинградского государственного университета. №247. 1957. Серия философских наук. Вып. 12. С. 84-85.

¹³ См.: Розенталь М. М. Принципы диалектической логики. М., 1960. С. 90 сл.

«Мы, — писал он, — встречаемся с попытками, с одной стороны, ограничить изучение форм мышления только одной формальной логикой, с другой стороны, направить нашу логику по бесплодному пути изобретения таких форм мышления, которых нет в науке, и в этом смысле противопоставить диалектическое мышление научному»¹⁴. Нельзя в этой связи не заметить, что именно отрицание П. В. Копниным существования особых форм разумного мышления, отличных от форм рассудочного мышления, помешало ему раскрыть различие между рассудком и разумом.

Точка зрения, отстаиваемая М. М. Розенталем и П. В. Копниным, пользовалась широким признанием, ибо в определенной степени согласовывалась с тем, что встречалось в работах и Г. Гегеля и Ф. Энгельса. Как известно, Г. Гегель пытался создать, кроме уже существующего формально-логического учения о понятиях, суждениях и умозаключениях, также и диалектическое. Этому полностью посвящен первый раздел третьей книги «Науки логики» (Большой логики), носящей название «Учение о понятии» и точно так же озаглавленный третий раздел «Науки логики», составляющей первый том «Энциклопедии философских наук» (Малая логика). Эта попытка Г. Гегеля была полностью одобрена Ф. Энгельсом в «Диалектике природы»¹⁵.

Но в действительности эта попытка Гегеля кончилась полным крахом. Как совершенно верно отметил известный советский философ, доктор философских наук Арсений Владимирович Гулыга (1921-1996), все собственные построения Гегеля в этом разделе «искусственные и туманные»¹⁶. Недаром В. И. Ленин при чтении этих страниц «Науки логики» написал: «Эти части работы следовало бы назвать: лучшее средство для получения головной боли»¹⁷.

Другие советские философы считали, что кроме формально-логических форм мышления существуют и диалектические формы. Но эти формы являются своеобразными двойниками формальнологических форм. Наряду с «жесткими», «негибкими» формальнологическими понятиями существуют «гибкие», «эластичные» диалектические понятия. Также обстоит дело и с суждениями, и умозаключениями. Такую точку зрения отстаивал доктор философских наук Виталий Иванович Черкесов (1906-?)¹⁸.

¹⁴ Копнин П. В. Диалектика форм мышления в философии Гегеля // ВФ. 1957. №4. С. 51.

¹⁵ См.: Энгельс Ф. Диалектика природы... С. 538-541.

¹⁶ Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. М., 1986. С. 238.

¹⁷ Ленин В. И. Конспект книги «Наука логики». С. 158.

¹⁸ См.: Черкесов В. И. Материалистическая диалектика как логика и теория познания. М., 1962. С. 257 сл.

Но говоря о существовании двух видов понятий, В. И. Черкесов нигде не раскрывал различия между ними, ограничившись самым общими рассуждениями. Еще хуже обстояло у него дело с выявлением различия между формально-логическими и диалектическими суждениями и умозаключениями.

Собственно и М. М. Розенталь, и все сторонники отстаиваемой им точки зрения, и В. И. Черкесов пытались создать диалектическую логику как учение о чистых формах мышления, причем, по существу, тех же самых, которыми занималась формальная логика. Все их усилия не увенчались и не могли увенчаться успехом. Диалектическая логика не является и не может быть наукой только о формах мышления, тем более рассудочных, она — такая наука о мышлении, которая одновременно является теорией познания и учением о наиболее общих формах и законах объективного мира.

Отстаивая такой, совершенно верный, взгляд на диалектическую логику, Э. В. Ильенков в то же время явно впал в другую крайность. «Предметом Логики, — писал он в статье „О так называемой ‘специфике мышления’ (К вопросу о предмете диалектической логики)“, — являются *объективно-всеобщие (точнее, универсальные) законы и формы предмета познания, т. е. самой действительности, отражаемой в истории познания.* Поэтому „логическое“ — это полный синоним *универсального, объективно-всеобщего*»¹⁹. Отсюда следовал вывод: «Признавать же существование логических законов и форм мышления, присущих-де исключительно мышлению — в отличие от отражаемого в нем мира, и именно в этом видеть их „специфику“, значит сознательно или бессознательно, вольно или невольно отходить от принципа отражения в логике, в понимании самой сути мышления. Это значит отходить от последовательно проведенного материализма в логике»²⁰.

Э. В. Ильенков полностью прав, когда говорит, что у мышления как объективного процесса нет и не может быть других законов, кроме наиболее общих законов объективного мира. Но он совершенно не прав, настаивая на том, что у мышления не существует иных форм, кроме содержательных (категорий диалектики), форм мышления, присущих только мышлению, но не объективному миру. Ведь существование суждений и умозаключений — несомненный факт. Можно, конечно, сказать, что они суть формы лишь рассудочного мышления и поэтому не подлежат изучению наукой о разумном мышлении — диалектической логикой. Но есть и такая форма мышления, которая присуща и рассудочному и разумному мышлению.

¹⁹ Ильенков Э. В. О так называемой «специфике мышления» (К вопросу о предмете диалектической логики) // Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков (Книга-диалог). М., 1997. С. 188.

²⁰ Там же. С. 189.

Это понятие. Можно, разумеется, возразить, что существуют два вида понятий: рационалии и интеллектуалии, из которых только вторые являются формами разумного мышления. Но ведь интеллектуалии являются такими формами мышления, которые присущи только мышлению, но отнюдь не объективному миру.

А главное — совершенно невозможно понять природу интеллектуалий, не занимаясь изучением рационалий. Поэтому диалектическая логика, являясь наукой о разумном мышлении, теории познания, не может не заниматься исследованием и рационалий, и интеллектуалий, и вообще понятий в целом. Она не может не ставить и не решать вопроса о природе понятий, т. е. об их отношении к объективному миру, иными словами, того же самого основного вопроса философии, который не ставит и не решает формальная логика. Но интеллектуалии — не единственный вид разумных мыслетворений.

Существуют и другие их виды, без детального анализа которых диалектическая логика, являющаяся одновременно и гносеологией, обойтись абсолютно не может. Именно потому, что их до сих пор основательно не исследовали, не существует достаточно разработанной теории познания диалектического материализма. В последующих разделах я и попытаюсь детально рассмотреть основные формы разумного мышления, присущие только ему, но не объективному миру.

Здесь же, несколько забегаая вперед, я их лишь назову. Одна из них — теория. Существование теории признается всеми, но как специфическая форма разумного мышления мало кем рассматривается. Это объясняется не только тем, что многими философами существование разумного мышления, отличного от рассудочного мышления, не признается. Большинство философов теория рассматривается как суждение, совокупность суждений или, в лучшем случае, система суждений. Такова, в частности, точка зрения и П. В. Копнина.

А так как суждения, безусловно, суть формы рассудочного мышления, то тем самым теория толкуется как несколько более усложненная форма рассудочного мышления. Как уже отмечалось (I.1.4), это совершенно неверно. Теория не состоит из суждений. Она есть целостная система понятий, причем не рационалий, а интеллектуалий, целостная система идей. Не состоит из суждений и другая специфическая форма разумного мышления — идея. Идея тоже представляет собой систему интеллектуалий. Существует и еще форма разумного мышления, которую я назвал холией, или идеефактуальной картиной. Она детально будет рассмотрена позднее.

Нам здесь вполне достаточно констатировать, что кроме рассудочных мыслетворений, к которым относятся понятия, суждения и умозаключения, существуют мыслетворения и разумные. Таким образом, мыслетворения (ментоконструкты) подразделяются на два качественных отличных рода: рассудотворения (рационоконструкты) и разумотворения (интеллоконструкты).

3. Проблема взаимоотношения (взаимоперехода) мышления (мысли, смысла) и речи (высказывания, речевого сообщения, текста) в психологии и лингвистике

Впервые проблема перехода от мысли к слову была поставлена, конечно же, философами. Это было сделано одним из представителей старших софистов — Горгием. Им было выдвинуто три тезиса: 1. Ничего нет. 2. Если бы нечто и было, то оно было бы непознаваемым. 3. Даже если бы нечто было познаваемым, то это знание невозможно было бы выразить в словах и передать другому. Горгий, таким образом, считал невозможным выражение мыслей в словах.

Проблема эта в последующем надолго ушла в тень и ею снова занялись лишь в XIX в. К настоящему времени по ней накопилось море литературы, в которое легко окунуться, но можно затем и не выбраться. Поэтому я вынужден ограничиться самым необходимым, останавливаясь несколько подробнее на работах, являвшихся вехами на трудном и мучительном пути к истине.

Вначале ею занимались преимущественно психологи, специализировавшиеся на изучении мышления. Одна из первых школ в этой области знания — Вюрцбургская, представленная Освальдом Кюльпе (1862-1915), Нарциссом Каспаром Ахом (1871-1946), Карлом Бюлером (1879-1963) и др., трактовала процесс формирования высказывания как воплощение мысли в развернутую речь, а процесс понимания как переход от развернутой речи к мысли. Примыкавший к вюрцбургской школе психиатр Альберт Пик (1851-1924) в работе «Аграмматические расстройства речи» (Vd. 1. 1913) характеризовал процесс формирования речевого высказывания как «путь от мысли к речи», а процесс понимания как «путь от речи к мысли». Исходную «мысль» вюрцбургцы понимали как чистый «духовный акт», не опирающийся ни на какие наглядные образы и не имеющий никакого речевого оформления, а ее превращение в речевое высказывание — как одномоментное «воплощение» полностью готовой идеальной «мысли» в столь же готовую оболочку грамматически построенной речи.

Против подобного упрощенного понимания отношения мысли и речи выступил выдающийся отечественный психолог Лев Семёнович Выготский (1896-1934) в вышедшем посмертно в 1934 г. труде «Мышление и речь». Он тоже, разумеется, исходил из различия мысли и речи. «Единицы мысли и единицы речи, — писал он, — не совпадают. Один и другой процесс обнаруживают единство, но не родство»²¹. Но он тут же подчеркивал, что переход от одного к другому носит очень сложный характер. «Они, — продолжал автор, — связаны друг с другом сложными переходами, сложными превращениями, но не покрывают друг друга, как наложенные друг на друга прямые линии»²².

Далее Л. С. Выготский приводит в качестве примера героя одного из произведений Глеба Успенского, который, выработав «огромную мысль», никак не мог выразить ее в словах. «В этом случае, — комментирует Л. С. Выготский, — отчетливо видна грань, разделяющая мысль от слова, непроходимый для говорящего рубикон, отделяющий мышление от речи»²³. «Мысль, — дополняет он в другом месте, — можно было бы сравнить с нависшим облаком, которое проливается дождем слов. Поэтому процесс перехода от мысли к речи представляет собой чрезвычайно сложный процесс расчленения мысли и ее восстановление в словах»²⁴.

При разработке этой проблемы автор значительное место уделил так называемой внутренней речи. «Внутреннюю речь, — пишет автор, — следует рассматривать не как речь минус звук (в тексте ошибочно приведено вместо слова „звук“ слово „знак“. — *Ю. С.*), а как совершенно особую и своеобразную по своему строению и способу функционирования речевую функцию, которая именно в силу того, что она организована совершенно иначе, чем внешняя речь, находится с этой последней в неразрывном динамическом единстве переходов из одного плана в другой»²⁵. Внутренней речи он отводит особое место. «Мы не соглашались с теми, — указывает он в другом месте, — кто рассматривает внутреннюю речь как то, что предшествует внешней, как ее внутреннюю сторону. Если внешняя речь есть процесс превращения мысли в слово, материализация и объективизации мысли, то здесь мы наблюдаем обратный по направлению процесс, процесс, как бы идущий извне внутрь, процесс испарения речи в мысль»²⁶.

²¹ *Выготский Л. С.* Мышление и речь // Избранные психологические исследования. М., 1956. С. 376.

²² Там же.

²³ Там же. С. 377.

²⁴ Там же. С. 378.

²⁵ Там же. С. 355.

²⁶ Там же. С. 376.

Казалось бы, что из этого должен следовать вывод, что внутренняя речь есть по сути не речь, а мышление. Автор такого вывода пока не делает. «Но речь, — продолжает он, — вовсе не исчезает и в своей внутренней форме. Сознание не испаряется вовсе и не растворяется в чистом духе. Внутренняя речь есть все же речь, т. е. мысль, связанная со словом»²⁷. Однако дальше следует: «Но если мысль воплощается в слове во внешней речи, то слово умирает во внутренней речи, рождая мысль. Внутренняя речь есть в значительной мере мышление чистыми значениями...»²⁸ И наконец, заключительный аккорд: «Внутренняя речь оказывается динамическим, неустойчивым, текучим моментом, мелькающим между оформленными и стойкими крайними полюсами изучаемого нами речевого мышления: между словом и мыслью»²⁹. Таким образом получается, что существует два полюса: внешняя речь и чистое мышление, промежуточное положение между которыми занимает внутренняя речь. Но здесь же мы сталкиваемся и с тем, что чистое мышление, составляя особый компонент, отличный и от внешней и от внутренней речи, все же является элементом «речевого мышления». И автор далее уточняет: «Мысль, не воплотившаяся в слове, остается стигийской тенью...»³⁰

Нетрудно заметить, что Л. С. Выготский в данном разделе работы постоянно вступает в противоречие с самим собой. Это объясняется тем, что схватив некоторые аспекты рассматриваемой сложнейшей проблемы, он не смог ее до конца решить, а тем самым и связать концы с концами. Как отмечал другой крупнейший отечественный психолог, в 1924-1934 гг. близкий сотрудник Л. С. Выготского А. Р. Лурия: «Самому Л. С. Выготскому не удалось со всей полнотой развить свое учение о мысли»³¹.

Но это не помешало А. Р. Лурия принять взгляды Л. С. Выготского за основу, несколько уточнив и одновременно упростив их. Говоря о мысли, он подчеркивает, что она «возникла из постепенно сокращающейся и переходящей внутрь речевой деятельности...»³². И это, пожалуй все. А в последующем изложении, как бы А. Р. Лурия ни отрекался от взглядов вюрцбургцев, мышление выступает у него как чистое духовное явление.

²⁷ *Выготский Л. С.* Мышление и речь... С. 376.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 383.

³¹ *Лурия А. Р.* Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975. С. 7.

³² Там же. С. 8.

Он повсеместно говорит о переход от мысли к речи и от речи к мысли, добавляя лишь, что эти процессы носят не одномоментный, а очень сложный характер. Как «необходимое звено на пути перехода мысли в развернутое высказывание» он рассматривает внутреннюю речь³³. Для обозначения процесса превращения мысли в речь он использует термин «кодирования», для обозначения обратного процесса — понимания — термин «декодирование».

А. Р. Лурия, разумеется, — единственный после Л. С. Выготского психолог, который разрабатывал проблему соотношения мысли и речи. Были и другие. Но в XX в. наряду с ними разработкой проблемы отношения мышления и речи стали заниматься также и лингвисты. Обратимся к ним, а затем уж снова вернемся к психологам.

В формальной логике давно уже является аксиомой расхождение между мыслью и ее словесным выражением. «Каждая мысль, — говорится, например, в одном из учебников традиционной формальной логики, — может быть выражена в слове не только одним единственным способом. Существует, вообще говоря, множество способов грамматического словесного выражения одной и той же мысли»³⁴. А с другой стороны, читаем мы дальше: «Отличие грамматического предложение от логического суждения сказывается в том, что одно и то же грамматическое предложение может выражать — в зависимости от того, на какой вопрос оно отвечает, — не одно и то же, но два и даже несколько различных суждений»³⁵. Известно это было и Л. С. Выготскому.

Во второй половине XX в. лингвисты обратили на это обстоятельство особое внимание. Н. Хомский в книге «Синтаксические структуры» (1957) показал, что существует практически неизмеримое богатство возможных вариантов речевых высказываний, содержащих одно и то же сообщение. По подсчетам филолога Александра Константиновича Жолковского и лингвиста Игоря Александровича Мельчука (1932-1995) одно и то же сообщение может быть выражено буквально миллионами разных фраз³⁶. Само собой разумеется, что лингвисты не оставили без внимания и то, что в одном и том же речевом высказывании могут получить выражение разные сообщения, разные мысли.

При этом в ходе исследований лингвистов выяснилось, что дети в возрасте от полутора до двух с половиной лет в кратчайшие сроки овладевают этим бесчисленным множеством вариативных форм высказывания.

³³ Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975. С. 8.

³⁴ Асмус В. Ф. Логика. М., 1947. С. 291.

³⁵ Там же. С. 30.

³⁶ Жолковский А. К., Мельчук И. А. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. М., 1967. Вып. 19. С. 179-180.

Все это, по мнению Н. Хомского, можно объяснить, лишь предположив, что ребенок усваивает не все богатство форм высказываний, а лишь небольшое число правил, которые лежат в основе всего многообразия речевых структур. Отсюда следовал вывод, что необходимо различать по меньшей мере два разных уровня организации речевых высказываний. Как утверждал Н. Хомский, под всем богатством и всей изменчивостью «поверхностных грамматических структур языка» лежат «глубинные грамматические структуры языка». Эти глубинные грамматические структуры языка являются промежуточным звеном как при переходе от мысли к речи и формированию развернутого речевого высказывания, так при обратном переходе от развернутой речи к мысли при процессе понимания сообщения.

Интересным был вывод Н. Хомского, что если поверхностные грамматические структуры являются особыми для каждого конкретного языка, то немногочисленные правила, лежащие в их основе, одинаково проявляются во всех языках и в этом смысле являются универсалиями. По Н. Хомскому, наряду с основными правилами построения глубинных синтаксических структур существуют и основные правила, по которым одни структуры переходят в другие. Так была создана теория трансформационной грамматики. В заключение можно сказать, что многие приверженцы структурной лингвистики предпочитают говорить не о движении от мысли к речи и обратно, а о переходе от смысла к тексту и от текста к смыслу.

Если лингвисты при исследовании проблемы взаимного перехода от мысли к речи пошли по пути выявления нескольких уровней речевых структур, то психологи — выделения нескольких видов мышления. Как уже указывалось выше (2.4), психологи, занимавшиеся изучением мышления, само того совершенно не подозревая, заново открыли для себя два вида мышления, которые задолго до них были выявлены философами и названы последними рассудочным и разумным мышлением. Так как об этом философском открытии психологи либо совсем не знали, либо знали, но не заметили связи этого открытия с теми выводами, к которым пришли сами, то они дали этим двум видам мышления свои названия, причем иногда довольно различные. Один вид мышления они называли логическим, дискурсивным, обсервационным и т. д., второй — творческим, интуитивным и т. д. Как тоже уже отмечалось, многие из них видели одно из различий между этими видами мышления в том, что первое было сознательным, а второе — бессознательным. В последующем некоторые из психологов открыли еще одно различие, которое они осознали как различие между мышлением вербальным, словесным и невербальным, бессловесным.

Если не все психологи, то многие из числа отечественных исходили из тех положений, что содержались в работе Л. С. Выготского «Мышление и речь». Подметив определенную нелогичность в построениях этого автора, некоторые отечественные его последователи решили ее устранить, «выпрямить» и выправить взгляды автора. Такая попытка была предпринята уже знакомым нам Ф. В. Бассиным в ряде работ, из которых выделяется статья «У пределов распознанного: к проблеме предречевой формы мышления» (1978).

Ф. В. Бассин выражает сожаление, что за более чем сорок лет, протекавших после появления работы Л. С. Выготского «Мышление и речь», выдвинутая им «концепция взаимоотношений, существующих в речи между ее явным текстом и скрытым подтекстом, между легко вербализуемыми, осознаваемыми и коммуницируемыми значениями и трудно или вовсе не вербализуемыми, не всегда осознаваемыми или еще коммуницируемыми смыслами», почти совсем не разрабатывалась³⁷. И ему при изложении собственной трактовки и разработки взглядов Л. С. Выготского не удалось полностью избавиться от противоречий, но в целом его точка зрения более или менее ясна.

Существуют два вида мышления. Одно из них состоит из «вербализованных мыслей», является речевым, словесным, вербализованным мышлением, другое складывается из «чистых смыслов» («предречевых смыслов»), «собственно мыслей» («мыслей без слов»), представляет собой предречевое, невербализованное мышление. При этом Ф. В. Бассин считает (чего, замечу, и в помине не было у Л. С. Выготского), что вербализованное мышление является сознательным, а предречевое, невербализованное мышление — бессознательным. Поэтому при переходе от последнего вида мышления к первому происходит не только вербализация, но и осознание мысли, «чистая мысль» («мысль без слов») превращается в мысль одновременно и вербализованную, и сознательную.

³⁷ Бассин Ф. В. У пределов распознанного, к проблеме предречевой формы мышления // Бессознательное: Природа. Функции. Методы. Исследования. III. Тбилиси, 1978. С. 735-736.

Трудно сказать, знаком ли был уже известный нам Г. Рагг, разрабатывавший идею существования двух видов мышления, с указанной работой Л. С. Выготского. Но в книге «Воображение» (1963) он доказывает, что творческое, интуитивное мышление в отличие от логического является не только подсознательным, но и невербальным, бессловесным³⁸. К взгляду на интуитивное, творческое мышление не только как подсознательное, но такое, в котором «отсутствует словесное выражение мыслей», явно склоняется и уже упоминавшийся А. А. Налчаджян³⁹.

Взгляды указанных выше психологов отличаются от воззрений представителей вюрцбургской школы. Если в концепции вюрцбургцев присутствует только одно единственное мышление, то у названных психологов наличествуют два качественно отличных вида мышления: логическое и интуитивное. Но единственное мышление вюрцбургцев сходно с интуитивным мышлением поздних психологов в том, что оно является чистым, бессловесным, безречевым.

4. Лингвотекст, рациотекст и разумотворения (идеи и теории). Текстуализация и интеллектуализация

Существует два разных вида мышления: рациональное и разумное. И так как они качественно отличны друг от друга, то логично предположить, что разным является и их отношение к речи. В результате проблема отношения мышления и речи распадается на две тесно связанные, но тем не менее разные проблемы: на (1) вопрос об отношении рассудочного мышления и речи и на (2) вопрос об отношении разумного мышления и речи. В какой-то степени такая постановка проступает в трудах современных психологов: они рассматривают рассудочное мышление как речевое, словесное, а разумное как безречевое, бессловесное. Но независимо от того, правы они или не правы во взглядах на разумное мышление, у них остается совершенно нерассмотренным вопрос об отношениях мысли и речи в рассудочном мышлении.

Думается, что взгляд на разумное мышление как бессловесное, не связанное с языком, является глубоко ошибочным. Как мы уже видели, основой мышления является словопонятийная сеть, имеющая своим материальным фундаментом пунктолинейную энграммную сеть. Словопонятийная сеть невозможна без узлов, а ими могут быть только слова. Если нет слов, то нет и понятий, а значит нет и никакого мышления. Бессловесное, безъязыковое мышление в принципе существовать не может. Поэтому любое мышление, включая разумное мышление, обязательно должно быть словесным, языковым.

³⁸ Rugg H. Imagination... P. 241-242 etc.

³⁹ Налчаджян А. А. Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания (интуиция в процессе научного познания). М., 1972. С. 146.

Но если ни один вид мышления не может быть бессловесным, безъязыковым, то это отнюдь не означает, что всякое мышление обязательно должно быть речевым. Ведь, как уже указывалось, со времени Ф. де Соссюра и И. А. Бодуэна де Куртенэ почти всеми лингвистами принято различать язык и речь. И хотя тот же самый А. Р. Лурия в работе «Основные проблемы нейролингвистики» (1975) особо останавливается на различии между языком и речью, однако при решении проблемы взаимоперехода мысли и речи он это различие совершенно не учитывает. Не принимают его во внимание и другие психологи, включая Л. С. Выготского.

Но если мы учтем, что язык и речь — не одно и то же, то многое в рассматриваемой проблеме прояснится. Речь состоит из высказываний. Завершенное, связанное, целостное высказывание именуется текстом (от лат. *textus* — ткань, соединение). С появлением семиотики слово «текст» приобрело более широкое значение. Так стали называть целостную последовательность любых знаков. В этом смысле текстом является танец, ритуал и т. п. Но нас здесь интересует текст в старом, привычном смысле, только вербальный текст, который может быть устным или письменным. Текст состоит из предложения или системы предложений. Если слова и предложения являются объектом исследования лингвистики, то тексты изучает особая наука, которая именуется филологией.

Результаты рассудочного мышления всегда существуют в форме суждения или совокупности, системы суждений. Суждения всегда выражаются в предложениях и системах предложений — текстах. Иначе они не существуют и существовать не могут. Однако суждения и предложения никогда полностью не совпадают, не представляют собой тождества. Только тогда, когда Платон отделил понятия от слов, а Аристотель — суждение как форму мышления от предложения как формы речи, смогла возникнуть первая наука о мышлении, а именно наука о рассудочном мышлении — классическая формальная логика. Как мы уже видели, современная формальная логика отказалась отличать суждения от предложений. Она знает только предложения или высказывания. В результате она перестала быть наукой о мышлении.

Отличие суждений и систем суждений от предложений и систем предложений, как мы уже видели (4.3), совершенно отчетливо проявляется в том, что одни и те же суждения могут быть выражены в огромном многообразии разных предложений, а в одних и тех же предложениях могут найти проявление совершенно разные суждения.

Предложения и системы предложений, выражающие суждения и системы суждений, как уже было сказано выше, принято именовать текстом. Необходимо какое-то название для суждений и систем суждений, содержащих завершенные сообщения. В качестве такого может послужить термин «*рациотекст*». Соответственно предложения и системы предложений, в которых выражены суждения и системы суждений (рациотексты), можно обозначить как *лингвотексты*.

Рациотексты не существуют без лингвотекстов, но не тождественным им. Поэтому существует проблема перехода от лингвотекста к рациотексту и от рациотекста к лингвотексту. Мы уже видели (4.3), как она обсуждалась и решалась психологами и лингвистами. Переход от рациотекста к лингвотексту я предпочитаю именовать *лингвотекстуализацией*, а обратный процесс — процесс перехода от лингвотекста к рациотексту, — *рациотекстуализацией*.

Именно переход от рациотекста к лингвотексту А. Р. Лурия назвал кодированием, а переход от лингвотекста к рациотексту — декодированием. Он выделяет несколько уровней декодирования. Первый — понимание «внешнего значения» текста, второй — его «внутреннего смысла» («подтекста»). «Переход от внешнего значения предложения к его внутреннему смыслу, — поясняет он, — отчетливо выступает в пословицах: *Куй железо, пока горячо* вовсе не означает эпизода из жизни кузнеца, а *Не в свои сани не садись* вовсе не ограничено ситуацией из жизни крестьянина»⁴⁰.

Когда Н. Хомский за богатством речевых высказываний одного конкретного языка, выражающих одно и то же сообщение, видел «глубинные грамматические структуры языка», подчиненные небольшому числу правил, одинаковых для всех языков, то и эти структуры и эти правила были вовсе не языковыми, не речевыми. Это были структуры и правила рассудочного мышления, рациональные, логические.

Если результаты рассудочного мышления выражаются в суждениях и системах суждений, то результаты разумного мышления — прежде всего в идеях и теориях. Эти разумотворения не состоят из суждений. Они суть ни суждения, ни совокупности, ни системы суждений, т. е. не рациотексты. Идеи и теории представляют собой системы понятий разума, интеллектуалий. Не будучи рациотекстами, они тем самым не выражаются в лингвотекстах, в речевых высказываниях. Разумное мышление будучи языковым в то же время не является речевым.

⁴⁰ Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики... С. 43.

С отождествлением языка и речи связаны все метания и противоречия в работе Л. С. Выготского «Мышление и речь». С одной стороны, он видел, что если не все мышление, то по крайней мере высшее не является речевым, с другой — не мог допустить существования мышления без языка. И когда его приверженцы его «поправляли», то устраняя допущенную им нелогичность, они приписывали ему тезис, который он никак не хотел принять, — положение о возможности существования бессловесного, безъязыкового мышления. Выход из положения, в котором оказался Л. С. Выготский, состоял в признании того, что безъязыковое, бессловесное мышление невозможно, а безречевое вполне может существовать и существует. Но этого выхода он не нашел.

Но созданные людьми идеи и теории обязательно должны быть доведены до сознания других людей, сообщены им. А это значит они должны быть выражены в высказываниях, в лингвотекстах. Но их нельзя выразить в лингвотекстах, не передав их в рациотекстах. Этот процесс может быть назван *текстуализацией* разумотворений (идей и теорий). Он включает в себя рациотекстуализацию и лингвотекстуализацию. Результат текстуализации — создание рациотекстов и соответственно лингвотекстов, содержащих сведения об идеях и теориях. Главное здесь, разумеется, создание рациотекстов: идеетекстов и теоретекстов.

Процесс текстуализации идей и теорий является не легким. Он требует немало труда. Это сознавали, пусть не в адекватной форме, по меньшей мере некоторые творцы научных идей и теорий. «Что приводит к такой интимной связи между языком и мышлением? — писал Альберт Эйнштейн (1879-1955). — Разве нет мышления без пользования языком, а именно, в понятиях и комбинациях понятий, для которых на ум не должны прийти слова? Не приходило ли каждому из нас биться над словами, хотя связь между „вещами“ была уже ясна»⁴¹.

Значительно раньше об этом же писал уже известный нам Ф. Гальтон, согласно взгляду которого, у по крайней мере части людей (включая его самого) мышление вначале является бессловесным и только позднее облекается в языковую оболочку. «Тот факт, что я не могу свободно думать словами, является для меня серьезной помехой, когда я что-либо пишу; еще более, когда я объясняюсь. Часто случается, что после того, как я долго работал и достиг результатов, которые для меня совершенно ясны и удовлетворительны и которые я хочу выразить словами, я должен настраивать себя в совершенно другом интеллектуальном плане. Я должен перевести свои мысли на язык, который дается мне нелегко.

⁴¹ *Einstein A. The Common Language of Science // Einstein A. Out of My Later Year. New York, 1950. P. 112.*

Я теряю много времени, отыскивая подходящие слова и фразы, и я отдаю себе отчет, что, когда мне приходится выступать без подготовки, меня часто трудно понять из-за такой неуклюжести речи, а отнюдь не из-за неясности моих представлений. Это одна из наибольших неприятностей в моей жизни»⁴². С ним полностью солидаризируется тоже уже известный нам Ж. Адамар: «В точности так же, как для Гальтона, такой перевод мысли на язык требует от меня всегда более или менее напряженных усилий»⁴³.

Идеетексты и теоротексты многими философами и учеными принимаются за сами идеи и сами теории. Это грубая ошибка. Идеетексты и теоротексты существенно отличаются от идей и теорий. Если идеи и теории состоят из интеллектуалий, представляют собой системы интеллектуалий, то идеетексты и теоротексты — из суждений, представляют собой системы суждений. И никакое знакомство с этим суждениями само по себе взятое не дает знания ни идей, ни теорий. Можно наизусть заучить все эти суждения и при этом не иметь никакого представления об идеях и теориях, сведения о которых эти суждения содержат. Значение идеетекстов и теоротекстов в том, что человек, получив их в форме лингвотекстов, приобретает возможность познать идеи и теории. Идеетексты и теоротексты представляют своеобразные руководства, которые помогают человеку воссоздать в своем разуме созданные разумом других людей идеи и теории. Другого пути к познанию этих идей и теорий, кроме самостоятельного создания их в разуме познающего человека, не существует. Отличие деятельности человека, воссоздающего идеи и теории, созданные другими людьми, от деятельности их первооткрывателей заключается том, что он располагает инструкциями — идеетекстами и теоротекстами, которых не было в распоряжении первооткрывателей. Это процесс воссоздания на основе идеетекстов и теоротекстов, содержащих сведения об исходных интеллектоконструктах, самих разумотворений (идей и теорий) может быть назван *интеллектуализацией*.

Процесс интеллектуализации тоже нелегок. «Довольно часто случалось так, — пишет Р. Пенроуз, — что, слушая своего коллегу, пытающегося объяснить мне какую-нибудь математическую выкладку, я практически совсем не улавливал логической связи между следующими друг за другом наборами слов.

⁴² Цит.: Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970. С. 66-67.

⁴³ Там же. С. 67.

Однако в моей голове постепенно формировалась догадка о содержании передаваемых мне идей — причем складывалась она в рамках моей собственной терминологии и скорее всего была мало связана с ментальными образами, которыми оперировал мой коллега, обращаясь к данной проблеме, — и тогда я отвечал. К моему удивлению, эти ответы чаще всего воспринимались как адекватные, и беседа продолжала развиваться в том же ключе, причем к концу становилось ясным, что состоялся поистине позитивный обмен мнениями. Однако сами предложения, которые произносил каждый из нас в ходе беседы, чаще оставались не поняты!»⁴⁴.

Собственно процесс и текстуализации идей и теорий и интеллектуализации идеетекстов и теоретекстов был уже описан в одном из первых разделов (I.1.4), но только чисто эмпирически. Здесь же он теоретически осмыслен.

5. Проблема соотношения художественного литературного образа и лингвотекста

Сходные с рассмотренными выше проблемы возникают при обращении к художественному творчеству. Художественное мышление во многих отношениях сходно с разумным мышлением. И хотя бы краткое обращение к его проблемам поможет лучше разобраться и в проблемах научного творчества. Тема художественного творчества необъятна. Поэтому я ограничусь лишь самым беглым прикосновением, причем только к литературному творчеству.

Во второй книге цикла (II.15.1) при рассмотрении материального творчества было показано, что оно с необходимостью предполагает духовное творчество, выражающееся, в частности, в создание человеком чувственных образов пока еще не существующих предметов: квазиобразов. При этом создается понятийный костяк, который «обтягивается» чувственным материалом. Именно к созданию чувственных образов несуществующих предметов, мыслечувствотворений уходит корнями и литературное творчество.

В целях экономии места и времени в наброске характера деятельности художника я буду в основном опираться на высказывания трех писателей: Иоганна Вольфганга Гёте (1749-1832), Льва Николаевича Толстого (1828-1910) и Уильяма Сомерсета Моэма (1874-1965).

Писатель, который является настоящим художником, а не беллетристом, всегда имеет определенное понимание жизни, которое невозможно без собственных мыслей, своих собственных идей. Ясность мысли нужна художнику не менее, чем ученому. Как писал И. В. Гёте: «Во всяком произведении искусства, великом или малом, вплоть до самого малого, все сводится к концепции»⁴⁵.

⁴⁴ *Пеңроуз Р.* Новый ум короля... С. 365.

⁴⁵ Гёте *И. В.* Максимы и рефлексии (1822-1832) // Гёте *И. В.* Об искусстве. М., 1975. С. 585.

Но одних только мыслей, идей художнику недостаточно. Чтобы передать их другим людям, он должен выразить их в чувствах. Как говорил о сути искусства Л. Н. Толстой: «Вызвать в себе раз испытанное чувство и, вызвав его в себе, посредством движений, линий красок, звуков, образов, выраженных словами, передать это чувство так, чтобы другие испытали то же чувство, — в этом состоит деятельность искусства. Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно известными внешними знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их»⁴⁶.

«Каждый большой художник, — читаем мы у И. В. Гёте, — захватывает, заражает нас; все, что в нас есть от тех чувств, которые в нем зазвучали, приходит в движение, а так как все мы имеем некоторое представление о великом и известную склонность к нему, то нам нетрудно вообразить, что этот росток заложен и в нас самих»⁴⁷.

Как подчеркивал У. Сомерсет Моэм, чтобы мысли стали чувствами, художник должен облечь их в видимую форму, сделать их вещественными⁴⁸. Он должен создать своим воображением целостный населенный подлинно живыми человеческими существами мир. Для достижения этой цели его понимание жизни должно включать в себя эмоциональное ее переживание. Он должен определенным образом воспринимать эту жизнь, определенным образом относиться к ней, должен пропустить ее через свое сознание, прочувствовать ее.

«Писатель, — поясняет У. Сомерсет Моэм, — строит мир для всех из своего собственного, личного мира и наделяет своих персонажей впечатлительностью, способностью размышлять и богатством эмоций, присущим ему самому»⁴⁹. Писатель создает героев, наделяет их чувствами, умом, характером и помещает в определенную обстановку, создает целый мир, который для него не менее реален, чем среда, в которой он сам живет.

⁴⁶ Толстой Л. Н. Что такое искусство? // Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М., 1996. С. 294-205.

⁴⁷ Гёте И. В. Указ. соч. С. 593.

⁴⁸ См.: Моэм У. С. Подводя итоги. М., 1957. С. 34.

⁴⁹ Там же. С. 208.

«Поэт, — писал И. В. Гёте, — должен изображать. Изображение же достигает своей вершины, лишь когда соревнуется с действительностью, а это значит, что наш дух сообщает описаниям такую жизненность, что начинает казаться, будто все здесь видишь воочию»⁵⁰. «Писателю-художнику, кроме внешнего таланта, — подчеркивал Л. Н. Толстой, — надо две вещи: первое — знать твердо, что должно быть, а второе — так верить в то, что должно быть, чтоб изображать то, что должно быть так, как будто оно есть, как будто я живу среди него»⁵¹. «Психологи говорят нам, — писал У. Сомерсет Моэм, — что для обыкновенного человека образ менее ярок, чем ощущение. Для него это — опосредованный опыт, осведомляющий о предметах, познаваемых чувством, и в мире чувств служащий руководством к действию. Не то писатель. Для него образы, свободные мысли, толпящиеся у него в мозгу, — не руководство к действию, а материал для действия. Они ничуть не менее яркие, чем ощущения. Его мечты для него столь значительны, что туманным представляется уже чувственный мир, и писателю приходится усилием воли к нему тянуться. Его воздушные замки не бесплотные призраки, а настоящие замки, в которых он живет»⁵².

Когда художник создал героев и поместил их в конкретной созданной им же среде, они обретают известную самостоятельность по отношению к своему творцу. Они ведут теперь себя не обязательно так, как может быть, хотелось бы их создателю, а так, как диктует им их характер и обстоятельства, в которых они оказываются. В противном случае читатель не поверит автору.

«Читатель, — указывает У. Сомерсет Моэм, — требует от писателя детерминизма. Выше я уже указывал, как неохотно публика принимает импульсивные поступки в пьесе. Но что такое импульс? Это просто побуждение к действию, причины которого действующий не знает... Но хотя каждый импульс имеет причину, публика его не приемлет, потому что причина не очевидна. Те, кто смотрит пьесу или читает книгу, непременно желают знать причину всякого поступка и не поверят в нее, если она недостаточно убедительна. Каждый персонаж должен действовать сообразно своему характеру; другими словами, он должен делать то, что на основании своих знаний о нем ждет от него публика»⁵³.

Когда один из друзей Л. Н. Толстого сказал ему, что, по мнению очень многих читателей, он слишком жестоко поступил с Анной Карениной, заставив ее умереть под колесами, писатель заметил: «Это мнение напоминает мне случай, бывший с Пушкиным.

⁵⁰ Гёте И. В. Указ. соч. С. 586.

⁵¹ Толстой Л. Н. Письмо к П. И. Бирюкову 1 марта 1887 г. // Полн. собр. соч. Т. 64. М., 1953. С. 21.

⁵² Там же. С. 171-172.

⁵³ Там же. С. 205-206.

Однажды он сказал кому-то из своих приятелей: „Представь, какую штуку удрала со мной моя Татьяна! Она — замуж вышла! Этого я никак не ожидал от нее“. То же самое и я могу сказать про Анну Каренину. Вообще герои и героини мои делают иногда такие штуки, каких я не желал бы: они делают то, что должны делать в действительной жизни и как бывает в действительной жизни, а не то, что мне хочется»⁵⁴.

И вот когда художник слова, поэт или прозаик, сотворил целый мир человеческих существ и судеб, он теперь должен поведать о нем другим людям. Для писателя это означает создать лингвотекст, состоящий из высказываний, из предложений. Этот процесс во многом сходен с тем, что был обрисован выше под названием текстуализации разумотворений — идей и теорий. Художественный мир тоже творение, но только не просто разума, а художественного разума. И его текстуализация необычайно сложный и трудный процесс. Особенно трудно подаются передаче человеческие чувства. Вследствие этого наибольшие трудности с текстуализацией возникали у поэтов при написании лирических стихотворений. Об этих трудностях, о невозможности выразить чувства, переживаемые лирическим героем, в тексте писал прекрасный русский поэт Афанасий Афанасьевич Фет (1820-1892):

Как беден наш язык! Хочу и не могу
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью рокового⁵⁵.

Добавим к этому строфу из стихотворения другого замечательного нашего поэта Федора Ивановича Тютчева (1803-1873), в котором языком поэзии был выражен, но существу, третий тезис Горгия:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь⁵⁶.

Эти же трудности переживали и все вообще подлинные художники. «Искусство, — писал И. В. Гёте, — перелагатель неизречимого: поэтому глупостью кажется попытка вновь перелагать его словами. И все же, когда мы стараемся это делать, разум наш стяжает столько прибыли, что это с лихвой восполняет затраченное состояние»⁵⁷.

⁵⁴ Русанов Г. А. Поездка в Ясную Поляну (24-25 августа 1883 г.) // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2 т. Изд. 2, исправ. и доп. Т. 1. М., 1960. С. 296.

⁵⁵ Фет А. А. Как беден наш язык // Стихотворения, поэмы. Современники о Фете. М., 1988. С. 263-264.

⁵⁶ Тютчев Ф. И. Silentium // Стихотворения. Поэмы. Воспоминания современников. М., 1988. С. 44.

⁵⁷ Гёте И. В. Указ. соч. С. 585.

«Во всем, почти во всем, что я писал, — читаем мы в одном из писем Л. Н. Толстого, — мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собой, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя, а можно только посредственно — словами описывая образы, действия, положения...»⁵⁸. В литературе, по мнению этого великого писателя, «можно писать из головы и из сердца». «Когда пишешь из головы, — продолжал он, — слова послушно и складно ложатся на бумагу. Когда же пишешь из сердца, мыслей в голове набирается так много, в воображении столько образов, в сердце столько воспоминаний, что выражения — неполны, недостаточны, неплавны и грубы»⁵⁹.

Создание писателем мира вымышленной жизни можно назвать *витакопированием* (от лат. *vita* — жизнь, *constructio* — построение). Когда текст литературного произведения поступает читателю, то начинается процесс не совпадающий, но в определенной степени сходный с тем, что был назван в предшествующем подразделе интеллектуализацией. Читатель должен воссоздать в своем сознании мир, который был создан писателем и воплощен в тексте. Это процесс, если можно так выразиться, *витализации*. Причем самое важное при витализации — проникнуться чувствами, которые волновали автора при создании художественного мира. Напомню уже приведенные слова Л. Н. Толстого: «Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно известными внешними знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их»⁶⁰.

⁵⁸ Толстой Л. Н. Письмо Н. Н. Страхову 23 и 26 апреля 1876 г. // Полн. собр. соч. Т. 62. М., 1953. С. 269.

⁵⁹ Толстой Л. Н. Детство (варианты) // Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1928. С. 207-208.

⁶⁰ Толстой Л. Н. Что такое искусство... С. 294-295.

Глава 5. Мир для нас как единство реального, парареального, псевдореального, фидереального и реально-фидереального миров

1. Вводное замечание

В одном из разделов второй книги цикла (II.2.5), помимо всего прочего, говорилось о существовании вещей для нас, которые существуют исключительно в сознании, являются вещами только и только для нас. В другом разделе той же книги (II.15.1) шла речь о том, что кроме образов внешнего мира в сознании человека существуют и квазиобразы, такие копии, которые не имеют оригинала. По существу и там, и там шла речь от одном и том же: об очень важной гносеологической проблеме, которая нуждается не в попутном, как это было в указанных двух разделах, а в детальном рассмотрении.

2. Первая разновидность мыслечувствотворений (квазиобразов) — параобразы

Во втором из указанных выше разделов книги «Вечные проблемы философии» (II.15.1) рассматривались также явления сознания, которые в целом ряде отношений сходны с обычными чувственным образами (восприятиями и представлениями) существующих в объективном мире объективных же сингулатов, и в то же время отличны от них тем, что им в объективном мире не соответствует ни один объективный сингулат. Так как они создаются мышлением не только из мыслительного, но и чувственного материала, они были названы мыслечувствотворениями.

Из всех видов мыслечувствотворений главное внимание было уделено тем из них, которые были знанием о чувствозримых вещах, которые еще не существуют в реальности, но которые человек собирается создать. Подобные мыслечувствотворения были названы целетворениями. Так как эти мыслечувствотворения не имели чувствозримых коррелятов в объективном мире, то они были охарактеризованы не как образы, а как квазиобразы.

Как и образ мира, квазиобраз тоже имеет не только субъективную форму, но облеченное в эту форму определенное содержание — вещь для нас. Данная вещь для нас, взятая в целом, есть идеальный сингулат. Этот идеальный сингулат не имеет в объективном мире коррелята в виде реального сингулата. Поэтому данная вещь для нас есть вещь только для нас.

Казалось бы, на этом можно и закончить разговор об этом виде мыслечувствотворений. Но дело оказывается сложнее. Как уже говорилось (II. 15.1), при работе над целетворением мышление вначале создает понятийный каркас, а затем «обшивает» его чувственным материалом. Цель может быть реализована только в том случае, если понятийный каркас мыслечувствотворения является верным отражением существующих в объективном мире универсатов.

Таким образом, целетворение, не являясь образом реального сингулата, и в этом смысле представляя собой квазиобраз, в то же время является и образом, но только не чувствозримого сингулата, а одного или нескольких умозримых универсатов. Само целетворение, не являясь чувственным образом внешнего мира в целом, включает в себя в качестве компонента умозримый образ этого мира. Поэтому такого рода мыслечувствотворение можно назвать *параобразом* (от греч. «пара» — возле, около). Вещь для нас, которая является содержанием параобраза, в целом представляя собой вещь только для нас, включает себя в качестве компонента такую вещь для нас, которая является вещью и в себе.

К той разновидности квазиобразов, которая была выделена под названием параобразов, относятся не только целетворения, но также и художественные образы. Для простоты я ограничусь только литературными образами, которые всегда являются мыслечувствотворениями. Когда речь заходит о литературных образах, то обычно сколько-нибудь четко не различают образ и его содержание. А делать это необходимо. Одно дело — образ Евгения Онегина, другое — сам Евгений Онегин. Не образ Евгения Онегина убивает образ Ленского, а сам Евгений Онегин убивает Ленского. Евгений Онегин есть не образ, а содержание образа, есть вещь для нас. Имплицированное понимание необходимости разграничения литературного образа и его содержания, вещи для нас выражается в использовании наряду с понятием литературного художественного образа также и понятия литературного героя, или литературного персонажа.

Вещь для нас, существующая как содержание литературного образа, в реалистической литературе есть отдельное, есть сингулат, есть отдельный конкретный человек со всеми своими неповторимыми индивидуальными чувствозримыми и умозримыми чертами.

Характерная особенность этого сингулата заключается в том, что он есть только идеальный сингулат. Это такая вещь для нас, которая является вещью только для нас. В объективном мире этот сингулат не существует. Евгений Онегин, Татьяна Ларина и т. п. существуют только в мире для нас, в мире в себе их нет. Литературные герои есть личности вымышленные. В этом смысле литературный образ есть квазиобраз.

Но творя подлинное литературное произведение, автор создает понятийный костяк как изображаемого им мира в целом, так и каждого литературного образа в отдельности. Эта система идей, если, конечно, речь идет не о литературной поделке, а о подлинном произведении искусства, есть правдивое отражение объективного человеческого мира. И в этом смысле, хотя персонажи литературного произведения есть личности вымышленные, произведение в целом есть правдивое отражение действительности. В этом смысле художественный образ есть параобраз. Литературные герои хотя не существуют в объективном мире, но тем не менее несут в себе содержание, заимствованное из объективного мира.

В случае с содержанием параобразов мы имеем дело с такими идеальными сингулатами, которые хотя и существуют только в сознании, как вещи только для нас, но в принципе вполне могут существовать и в объективном мире. Это особенно наглядно видно на примере целтворений. В процессе практической деятельности сингулат, который существовал только в сознании, становится существующим и в действительности, вещь только для нас становится вещью не только для нас но и вещью в себе. Такого рода идеальные сингулаты можно было бы назвать парасингулатами.

3. Вторая разновидность мыслечувствотворений (квазиобразов) — фантаобразы (псевдообразы и фидеобразы)

Не все мыслечувствотворения относятся к числу параобразов. Существуют квазиобразы и принципиально иного типа. Примеры такого рода мыслечувствотворений уже были приведены в упомянутых выше разделах второй книги (II.2.5, 15.1): кентавры, демоны, ангелы, боги и т. п. И в отношении этих квазиобразов тоже можно говорить об их содержании — вещах для нас. Все такого рода вещи для нас есть сингулаты. И эти сингулаты могут быть только идеальными, но ни в коем случае не реальными.

В основе данных мыслечувствотворений тоже лежат понятийные костяки, но понятия, составляющие их имеют своим содержание такие универсаты, которые существуют только в сознании. В объективном мире таких универсатов нет. Таким образом, не только идеальные сингулаты, но и включенные в них идеальные универсаты являются вещами для нас и только для нас. Их бытие в объективном мире в виде вещей в себе в принципе исключено.

Поэтому такого рода мыслечувствотворения являются квазиобразами в полном и точном смысле слова, фантастическими квазиобразами, короче, *фантаобразами*, *фантатворениями*. Соответственно идеальные сингулаты, являющиеся их содержанием, могут быть названы *фантасингулатами*.

В свою очередь фантатворения (фантаобразы) и соответственно фантасингулаты подразделяются на две основные группы. Первую группу фантатворений составляют такие, содержание которых мыслится людьми как существующее только в сознании, т. е. исключительно как вещь только для нас. Например, для подавляющего большинства, если не всех, современных людей, знающих о кентаврах, они суть существа только фантастические, не существующие и никогда не существовавшие в реальности. Такого рода идеальные сингулаты можно назвать *псевдосингулатами*, а фантатворения содержанием которых они являются, — *псевдообразами*.

Но несомненно, что большинство русских крестьян еще XIX в. верили в реальное бытие леших, водяных, домовых, банников, овишников и других такого же рода существ. Здесь мы сталкиваемся с явлением не знания, а веры, причем слепой веры. Сингулаты, являющиеся содержанием фантатворений такого рода, мыслятся теми или иными людьми как существующие не только в их сознании, но и в реальном мире, как существа не фантастические, а вполне реальные. Происходит «вынесение» в реальный мир, «объективирование», «объективизация» фантасингулатов. Такого рода фантасингулаты можно назвать *фидесингулатами* (лат. *fides* — вера), или *фидесуществами*, а фантаобразы, фантатворения, содержанием которых они являются, — *фидеобразами*.

Всем этим фидесуществам приписывается сверхъестественная сила. Вера в них есть религиозная вера. В религиозно-философской литературе лешие, домовые и т. п. фидесущества чаще всего именуется демонами. К числу демонов относятся также ангелы, черти. Фидесущества более высокого ранга обычно именуется богами (Зевс, Афина, Марс, Сварог, Перун, Один, Тор и т. п.).

Сверхъестественная сила может приписываться и реальным вещам. Реальные вещи, наделенные сверхъестественной силой, в религиоведении называются фетишами. Наряду с *монотеизмом*, *политеизмом*, *демонизмом*, *фетишизмом* существует вера в наличие способности сверхъестественного воздействия на жизнь людей у некоторых случайных события — *омегализм* (от лат. *omen* — примета). Первоначальной формой религии была вера в наличие у некоторых действий людей способности сверхъестественным образом обеспечить желаемый или отворотить нежелаемый результат его деятельности. Это *магия*, *колдовство*, *вошебство*, *чародейство*. Со временем выделились лица, которым стала приписываться большая, чем у обычных людей, способность к совершению колдовских действий, большая магическая сила — маги, колдуны, чародеи.

В результате эти люди начали существовать в сознании окружающих (а зачастую и в собственном сознании) иначе, чем они существовали в объективной реальности. В таком случае происходил разрыв между вещью в себе и вещью для нас, идеальным сингулатом и реальным. Реально существующий человек предстал в сознании частично таким, каким он был в реальности, частично как существо фантастическое, ирреальное. Если демоны были фидереальными и только фидереальными существами, то колдуны — *реально-фидереальными существами*. Соответственно, и фетиши могут быть названы *реально-фидереальными предметами*.

4. Мыслетворения: образы и квазиобразы

Как уже неоднократно указывалось, понятия, идеи, концепции, теории суть создания человека. Они создаются для отражения существующих в мире универсатов. Одни из них действительно являются образами реальных универсатов. Являющиеся их содержанием идеальные универсаты и совпадают и не совпадают с реальными универсатами: совпадают по содержанию, не совпадают по форме.

Но существуют и такие мыслетворения, которые не имеют коррелятов в объективном мире. Их содержание — такие вещи для нас, которые являются вещами только для нас. Эти мыслетворения являются не образами мира, а квазиобразами, фантаобразами. Содержащиеся в них универсаты, которые являются только идеальными, могут быть названы *квазиуниверсатами*, или *фантауниверсатами*.

Когда такие универсаты создаются учеными, то они первоначально считаются существующими не только в сознании, но и в объективной реальности. Примерами таких квазиуниверсатов в физике являются, например, флогистон, теплород и эфир. Были времена когда практически все физики считали, что флогистон, теплород и эфир существуют объективно в объективном мире.

5. Структура мира для нас: реальный мир, парареальный мир, псевдореальный мир, фидереальный мир и реально-фидереальный мир

Таким образом, мир для нас, мир как он в сознании имеет довольно сложную структуру. Первую его структурную единицу образуют такие вещи для нас, которые являются одновременно и вещами в себе. Это — *реальный мир для нас*. Вторую — такие идеальные сингулаты, которые существуют только в сознании, но универсальная основа которых существует не только для нас, но и в себе. Это *парареальный мир для нас*. Третья структурная единица — сингулаты и универсаты, который не только существуют лишь в сознании, но и осознаются как существующие только в сознании. Это — *псевдореальный мир для нас*. Когда сингулаты и универсаты, существующие только в сознании, мыслятся людьми как существующие в объективном мире, перед нами — *фидереальный мир для нас*. Грань между псевдореальным и фидереальным мирами для нас весьма условна: существа, которые один человек рассматривает как лишь сказочные, фантастические, другой может считать реально существующими. И последняя структурная единица — *реально-фидереальный мир*, сочетающий черты реального и фидереального миров.

Говоря о соотношении мира в себе и мира для нас, я уже неоднократно подчеркивал, что они совпадают и не совпадают, причем не только по форме, но и по содержанию. Указывалось, что мир в себе шире мира для нас, он включает в себя много того, что не входит в мир для нас. Это вещи только в себе.

Из всего изложенного выше следует, что не только мире в себе содержит то, чего нет в мире для нас, но в мире для нас может существовать и существует то, чего нет в мире в себе — вещи только для нас. В мире в себе отсутствует то, что существует в парареальном (имеются в виду сингулаты), псевдореальном и фидереальном мирах для нас. Есть и такие реальные существа и предметы, которые по-разному существуют для различных людей. Примеры были выше уже приведены: колдуны, чародей, феи.

6. Мир для нас вообще, этномир и персономир

Как уже говорилось, человечество всегда было подразделено на культурно-языковые общности, между концептофондами и ментофондами которых всегда были различия. А это значит, что человеческий мир для нас подразделен на миры для нас разных культурноязыковых общностей, на этнические миры, или, короче, этномиры.

Полностью общим для человечества является только мир, каким он предстает в естествознании. Естественно-научный мир для нас в главном и основном одинаков для всех ученых. На нем не сказывается принадлежность человека науки к той или иной культурноязыковой общности. Но подразделение мира для нас не ограничивается его делением на этномыры.

Выше также уже отмечалось (3.2), что каждый человек имеет свой особый мир для нас — эгомир, или персономир. И миры для нас разных людей, персономыры могут существенно отличаться даже у людей, принадлежащих к одной культурно-языковой общности. Об одном из этих различий уже шла выше речь. Для одного человека демоны — только продукты фантазии, для другого — вполне реальные существа. И, как мы увидим в последующем изложении, при решении целого ряда гносеологических проблем учет подразделения мира для нас на персономыры абсолютно необходим.

Глава 6. Факт как исходная категория теории разумного мышления

1. Понятие факта

Теперь, когда мы разобрались с миром для нас, попытаемся понять как он создается. А создается он прежде всего разумом, конечно, в союзе с рассудком, но все же разумом. Наша задача теперь — исследовать процесс разумного познания, который является предметом диалектической логики.

Об «основной клеточке мышления» и тем самым об исходной категории формальной логики до сих пор спорят. Одни считают таковой понятие¹, другие — суждение². Диалектическая логика не занимается суждениями. Но рассматривая процесс познания мира, она начинает вовсе не с понятия. Ее исходная категория — *факт* (от лат. *factum* — сделанное). Понятие факта пришло в философию из науки и долгое время не рассматривалось как категория гносеологии, а тем самым и философии.

Но настоящие ученые всегда считали факты исходным пунктом и основой всего научного знания. «Как ни совершенно крыло птицы, — писал великий русский физиолог Иван Петрович Павлов (1849-1936), обращаясь к молодежи, — оно никогда бы ни смогло поднять ее ввысь, не опираясь на воздух. Факты — это воздух ученого. Без них вы никогда не сможете взлететь. Без них ваши „теории“ — пустые потуги. Но изучая, экспериментируя, наблюдая, старайтесь не оставаться у поверхности фактов. Не превращайтесь в архивариусов фактов. Пытайтесь проникнуть в тайну их возникновения. Настойчиво ищите законы, ими управляющие»³.

Отмеченная выше родословная понятие факта привела к тому, что под фактами многие понимали факты лишь науки. Слово-понятие «факт» часто понималось как синоним словосочетания «научный факт».

¹ См., например: *Строгович М. С.* Логика. 3-е изд. М.: URSS, 2010. С. 74 сл.; *Алексеев М. Н.* Диалектика форм мышления. 1959. С. 276-278 и др.

² См., например: *Асмус В. Ф.* Логика. 3-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010. С. 27-31; *Клаус Г.* Введение в формальную логику. М., 1960. С. 59-60; *Копнин П. В.* Диалектика как логика. Киев, 1961. С. 228-233 и др.

³ *Павлов И. И.* [Письмо к молодежи] // Полн. собр. соч. Изд. 2, доп. М.; Л., 1951. С. 22.

³ *Овчинников Н. Ф.* Методологическая функция философии в естествознании // Материалистическая диалектика и методы естественных наук. М., 1968. С. 22-23.

Некоторые философы шли еще дальше. «Научный факт, — утверждал, например, доктор философских наук Николай Федорович Овчинников (р. 1915), — является фундаментальным элементом научного знания, поскольку он входит в определенную теоретическую систему. Вне теоретической системы мы можем иметь дело с чувственными данными, но не с научными фактами»⁴. «Анализ научных фактов, — вторил ему другой доктор философских наук Энгельс Матвеевич Чудинов (1930-1980) в книге „Природа научной истины“ (М., 1977), — приводит к выводу, что они не исчерпываются „чистой эмпирией“. Они включают в себя не только восприятие явления, но и их теоретическую интерпретацию. Наличие теоретической интерпретации делает факт видом знания, придает им статус научных фактов. Вхождение в факты интерпретационных теорий — явление очевидное и общепризнанное»⁵. В таком случае получается, что научные факты возникают только с появлением теории, но никак не раньше, что теория первична, а факты вторичны, производны от нее. На мой взгляд, нельзя согласиться ни с подобным рода толкованием научных фактов, ни с сужением понятия факта до понятия научного факта. Кроме фактов *научных*, бесспорно, существуют факты повседневной жизни, которые условно можно назвать *житейскими*. Конечно, между научными и житейскими фактами существует определенное различие, но и те, и другие находятся в рамках одного общего качества. Выяснением того, что нужно понимать под фактом, занимались как специалисты в области конкретных наук, так и философы. Но единой точки зрения по этому вопросу как не было, так и нет⁶. Не вдаваясь в детали дискуссии, отмечу лишь основные точки зрения. Одна из них состоит в том, что факт есть явление действительности. Вторая — факт представляет собой образ действительности. Третья различает два вида фактов: факты, существующие в реальности, и факты — образы этой реальности. Четвертая — факт есть суждение, высказывание, предложение, содержащее определенные верные сведения.

⁴ Овчинников Н. Ф. Методологическая функция философии в естествознании // Материалистическая диалектика и методы естественных наук. М., 1968. С. 22-23.

⁵ Чудинов Э. М. Природа научной истины. М., 1977. С. 107.

⁵ Цит.: Душенко К. Цитаты из всемирной истории: от древности до наших дней. М., 2006. С. 35.

⁶ Обзор взглядов на природу факта см.: Мерзон Л. С. О некоторых спорных вопросах в освещении проблемы факта науки // Философские науки [далее — ФН]. 1971. № 2; *Она же*. Проблема научного факта. Л., 1972. Хотя со времени написания этих работ прошло много лет, но в положении в этой области знания мало что изменилось. См. также: Никифоров А. Л. Истина в истории // Понятие истины в социогуманитарном познании. М., 2008. С. 178-162.

Несмотря на все различия, существует нечто общее в понимании факта практически всеми учеными (но не обязательно философами). Факт, как он мыслится всеми подлинными исследователями, обладает двумя, казалось бы, несовместимыми особенностями. Первая — его объективность. Факт, взятый сам по себе, не зависит от сознания человека и человечества. Это нашло свое четкое выражение в широко известном высказывании английского публициста Юстуса Баджелла (1686-1737): «Факт — ужасно упрямая вещь»⁷. Под упрямством факта подразумевается его объективность, его независимость от желания и воли людей. Вторая особенность факта состоит в том, что он существует в сознании человека. Именно в сознании человека факты «хранятся», «накапливаются», «группируются», «истолковываются», а иногда и «подтасовываются».

Все это вместе взятое помогает понять природу факта. Факт есть момент действительности, вырванный из нее и пересаженный в сознание, точнее в мышление человека. В сознании факт существует как содержание истинного, т. е. соответствующего реальности, суждения (или нескольких суждений). Но сам он ни в коем случае не является суждением. В сознании этот момент действительности, которая всегда есть нечто целое, будучи вырванным из действительности, выступает как один из ее фрагментов. Таким образом, факт не представляет собой ни образа внешнего мира вообще, ни формы мышления в частности, ни явления действительности само по себе. Факт есть одна из разновидностей вещей для нас, вещей, существующих в нашем сознании, точнее в мышлении. Он — один из видов умозримых вещей для нас. Поэтому факт не материален и не иконидеален. Он — объектален и тем самым, когда он существует для субъекта, дубльидеален.

Фактов в объективном мире самих по себе нет. Но в этом мире есть объективные моменты, которые будучи пересаженными в сознание становятся фактами. Эти объективные эквиваленты фактов, эти вещи в себе я буду называть *эквивфактами* (от лат. *aequus* — равный).

В свете сказанного выше вполне понятно происхождение названных выше толкований понятия факта. Странники первой точки зрения, исходя из несомненной объективности фактов, принимали за факты эквивфакты. Странники второй, обращая внимание на бытие фактов в сознании, на их идеальность, трактовали их как образы реальности. В основу тезиса о существовании двух видов фактов легло бытие эквивфактов и фактов. И наконец, существование фактов как содержания истинных суждений лежит в основе толкования фактов как истинных суждений.

⁷ Цит.: Душенко К. Цитаты из всемирной истории: от древности до наших дней. М., 2006. С. 35.

Как уже указывалось, о фактах написано много, как верного, так и неверного. Но появлялись и такие работы, которые иначе как абсурдными назвать нельзя. К числу их относится, например, статья кандидата, затем доктора философских наук Владимира Семёновича Черняка «Факт в системе научного знания» (1975). «Научные факты, — заявляет автор, — могут быть как истинными, так и ложными. Факты ошибочны тогда, когда они не соответствуют наблюдаемым явлениям»⁸. Но понятие истинности и ложности относится только к определенным формам мысли, в частности к суждениям. Факт есть не форма мысли, а объективное содержание мысли. Поэтому он не может быть охарактеризован ни как истинный, ни как ложный. Он может быть только объективным и никаким другим. Наряду с фактами могут существовать и существуют сознательные или бессознательные вымыслы, выдаваемые за факты. Вымыслами были, например, превращения пшеницы в рожь и наоборот (Г. Д. Лысенко и его приверженцы), вирусов в бактерии и обратно (Г. М. Бошьян), возникновение клеток из бесструктурного живого вещества (О. Б. Лепешинская) и т. п.⁹ Все это нередко называют вымышленными или ложными фактами. Подобного рода вымыслы, которые выдавались за факты, можно, конечно, называть ложными фактами или, короче, лжефактам, но при этом всегда нужно принимать во внимание, что в действительности они никакими фактами не являются и заведомо быть ими не могут. Лжефакт не разновидность факта, а прямая противоположность ему.

«В сознании некоторых буржуазных ученых, — добавляет к сказанному В. С. Черняк, — существует предрассудок, будто факт представляет собой нечто неопровергаемое никаким дальнейшим развитием знания. Подобная точка зрения получила распространение, в частности, в логическом позитивизме. Однако такая абсолютизация факта, превращение его в абсолютно истинный компонент научного знания ничего общего не имеет с реальным процессом развития научного знания»¹⁰.

Ничего оригинального в этом утверждении нет, кроме, пожалуй, стремления представить взгляд на незыблемость факта как буржуазный, а, следовательно, противоположный — как антибуржуазный. В действительности же пропагандируемая им точка зрения давно уже отстаивалась западными философами.

⁸ Черняк В. Факт в системе научного знания // Политическое самообразование. 1975. № 10. С. 55. См. также: С. 56.

⁹ См.: Медведев Ж. Взлет и падение Лысенко. М., 1993; Соиферт В. Н. Красная биология. Псевдонаука в СССР. М., 1998.

¹⁰ Черняк В. Указ. соч. С 54.

«Итак, — писал, например, английский философ и социолог Майкл Малкей, — мы пришли к заключению, опровергающему две основные предпосылки стандартной концепции; то есть наш вывод состоит в том, что фактуальные утверждения науки ни независимы от теории, ни стабильны в своих значениях»¹¹. При этом М. Малкей ссылается на работы западных философов, вышедшие задолго до статьи В. С. Черняка.

Тратить место и время на опровержение этой, на мой взгляд, заведомой чепухи жаль. Поэтому ограничусь приведением высказывания двух ученых. Один из них выдающийся русский исследователь академик Владимир Иванович Вернадский (1863-1945). Затрагивая историю развития минералогии от древности до наших дней, он писал: «Неуклонно все эти века происходила работа нередко чрезвычайно медленного собирания научных фактов, которые в конце концов являются незыблемой основой всякого точного знания. Они, а не захватывающая мысль человека теория в конце концов строят науку. Точно установленный факт по существу всегда дает больше, чем основанная на нем, его объясняющая теория. Он верен и для будущей теории и в исторической смене теорий он остается неизменным. Многие из наших самых современных научных теорий опираются, в своей основе, на старинные наблюдения... Эти и многие другие точно научно установленные факты незыблемы и лишь точнее и полнее выявляются при росте научного знания»¹². Буквально то же самое позднее писал крупный современный французский физик Леон Никола Бриллюэн (1889-1969). «Научные теории, — читаем мы в его книге „Научная неопределенность и информация“ (1964), — вводят связи между эмпирическими фактами, но любая теория может быть отброшена, в то время как факты остаются, если их точно наблюдали, и эти связи сохраняются в какой-либо другой теории»¹³. С такого рода взглядом на факты согласится любой настоящий ученый.

2. Обретение житейских и научных фактов. Два основных способа добывания научных фактов: наблюдение и эксперимент

Прежде чем использовать факты, их нужно получить в свое распоряжение. Житейские факты нередко обретаются стихийно, бессознательно. Ученые же намеренно, специально ищут факты. Здесь сразу же возникает вопрос: можно ли говорить о поисках фактов.

¹¹ Малкей М. Наука и социология знания. М., 1983. С. 62.

¹² Вернадский В. И. История минералов земной коры. Т. 1. Вып. 1. Пп, 1923. С. 3-4.

¹³ Бриллюэн Л. Научная неопределенность и информация. 3-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010. С. 10.

Ведь искать можно только то, что существует, а фактов, как уже указывалось, в объективной реальности нет. Но в ней существуют эквиваленты, и обнаружение эквивалента, который есть вещь в себе, есть не что иное, как вхождение его в сознание, т. е. превращение его в вещь для нас, в факт. Нахождение эквивалента и нахождение факта есть две неразрывно связанные стороны одного и того же процесса.

Поэтому поиски эквивалента и поиски факта это по сути дела одно и то же.

Нетрудно заметить, что нахождение, обретение фактов, будь оно намеренным или ненамеренным, есть не что иное, как еще одна форма осмысления, ментализации мира, отличная от его концептуализации.

Наряду с *концептуализацией* мира в сознании человека происходит и его *фактуализация*.

Существуют разные способы получения, нахождения, обретения фактов. Научные факты специально ищутся, получаются, добываются, устанавливаются, извлекаются и т. п. Но ни коем случае не создаются. Конечно, бывают люди, даже среди ученых, которые выдают за факты продукты своей фантазии. Одни из них являются жертвами самообмана (например, французский физик Рене Проспер Блондло (1849-1930), «открывший» в 1901 г. N-лучи)¹⁴, другие — сознательными мошенниками (например, сбежавший на Запад бывший советский разведчик В. Б. Резун). Людей, которые «фабриковали» факты, всегда называли фальсификаторами. Положение изменилось во второй половине XX в., когда появились философы, которые объявили, что факты не открываются учеными, а создаются, фабрикуются ими. Такой взгляд отстаивают, например, постпозитивисты Томас Сэмюэл Кун (1922-1996), Пол (Пауль) Карл Фейерабенд (1924-1994) и практически все постмодернисты.

Парафилософам и лжефилософам срочно понадобилась лженаука.

Житейские факты в отличие от научных обычно приобретаются в ходе повседневной практической деятельности людей. Это отнюдь не означает, что поиск житейских фактов вообще полностью исключен.

Бывают жизненные ситуации, когда люди начинают специально искать факты. Но в целом, если процесс обретения научных фактов всегда, за немногими исключениями, носит активный целенаправленный характер, то получение житейских фактов в большинстве случаев происходит стихийно. Люди находят факты, хотя их поисками специально не занимаются.

¹⁴ См.: *Сибрук В.* Роберт Вуд. Современный чародей физической лаборатории. М., 1980. С. 229-233; *Кэррол Р. Д.* Энциклопедия заблуждений. М., СПб., 2005. С. 77-78.

¹⁴ *Винклер Г.* Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества. М., 1913. С. 3.

Так как ученые специально ищут факты, то в науке выработались различного рода способы, приемы добывания фактов. Первый из них — *наблюдение*. Наблюдение в науке не «глазение», а систематическая деятельность, имеющая целью не обеспечение успеха определенных конкретных человеческих дел, а получения знания и только знания. О наблюдении как способе получения фактов можно было бы говорить без конца, ибо этой теме посвящено множество работ, но я думаю, что и сказанного вполне достаточно. Своеобразным, но довольно ограниченным приемом обретения фактов является *измерение*.

Но, пожалуй, самым важным в естествознании способом добывания фактов является *эксперимент*, о котором написаны горы литературы. И здесь я ограничусь минимумом сведений. Если наблюдение есть такой вид добывания фактов, при котором человек не вмешивается в протекание объективных, природных или общественных, процессов, то эксперимент предполагает такое вмешательство. Экспериментатор целенаправленно воспроизводит тот или иной объективный, чаще всего природный, процесс и наблюдает за его ходом. Эксперимент всегда включает в качестве своего необходимого момента наблюдение. Эксперимент есть вид практической деятельности, но своеобразный. Цель его состоит в получении не каких-либо житейских благ, а знания, фактов.

Когда речь заходит о научном познании, во всех учебных пособиях по философии обязательно более или менее подробно рассказывается о наблюдении и эксперименте. Это, конечно, хорошо. Плохо то, что рассказ о методах добывания фактов всегда ограничивается характеристикой исключительно наблюдения и эксперимента, причем почти всегда на примере одного лишь естествознания. Почти никогда не указывается, что своеобразные формы наблюдения используются для получения фактов и в социальных науках, в частности в этнологии (этнографии).

И никогда в трудах по гносеологии не говорится о способах добывания фактов в науках, в которых в принципе невозможны ни наблюдения, ни эксперименты. К числу их прежде всего относится историческая наука (историология). Историология исследует прошлое. А это такой объект познания, который к моменту исследования в объективной реальности уже не существует. Ни наблюдать прошлое, ни тем более экспериментировать с ним нельзя. Тем не менее историки добывают факты об этом реально сейчас не существующем объекте. И так как способы получения историками фактов мало кому известны за пределами этой науки, имеет смысл специально на них остановиться.

3. Критика источников как способ нахождения фактов в исторической науке

Историки при изучении прошлого основываются на том, что принято называть *историческими источниками*, или, короче, просто *источниками*. Существует много видов источников, главные из которых источники письменные (документы) и источники вещественные, прежде всего археологические, например развалины храмов, дворцов, орудия, оружие, домашняя утварь и т. п.

Историология возникла как наука об истории классового (цивилизованного) общества, и потому главными в ней всегда считались письменные источники — *документы*. Почти все, если не все историки в прошлом считали, а многие и сейчас продолжают считать, что понятие истории полностью совпадает с понятием писаной истории. «Историей, — писал в начале XX в. известный немецкий ассириолог Гуго Винклер (1863-1913), — мы называем то развитие человечества, которое засвидетельствовано *письменными документами*, которое передано нам в *слове и письме*. Все, что лежит до этого, относится к эпохе доисторической. История, следовательно, начинается тогда, когда нам становятся известными письменные источники»¹⁵. Такое мнение довольно отчетливо проявилось в известном стихотворении Ивана Алексеевича Бунина (1870-1953) «Слово»:

Молчат гробницы, мумии и кости, —

Лишь слову жизнь дана:

Из древней тьмы, на мировом погосте,

Звучат лишь Письмена¹⁶.

В западной науке ни сама история первобытности, ни наука о ней, как правило, никогда не именуется историей. В ходу другие названия: доистория, преистория, праистория, протоистория и т. п.

И особое внимание историков к документам вполне объяснимо.

Сколько бы ни было источников, для реконструкции истории классового (цивилизованного) общества первостепенное значение имеют письменные источники. Мы сейчас, например, прекрасно знаем, что с XXIII в. до н. э. по XVIII в. до н. э. в бассейне реки Инд существовало классовое общество — цивилизация Харатты, или Индская. Но индская письменность до сих пор остается нерасшифрованной. Поэтому об общественном строе этого цивилизованного общества мы можем только догадываться.

¹⁵ Винклер Г. Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества. М., 1913. С. 3.

¹⁶ Бунин И. А. Слово // Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М., 1993. С. 282.

Мы не знаем, была ли Индская цивилизация системой конкретных классовых обществ (социоисторических организмов) типа городов-государств Шумера или одним крупным единым социоисторическим организмом подобным Раннему царству Египта¹⁷. Мы ничего не знаем ни об одном из правителей этого или этих обществ, о событиях, которые происходили в течение пяти веков существования данной цивилизации.

Точно так же долгое время обстояло дело с Микенской цивилизацией (XVI-XII вв. до н. э.), пока Майклом Джорджем Фрэнсисом Вентрисом (1922-1956) не было положено начало дешифровки крито-микенской письменности. В XII в. Микенская цивилизация пала: запустели города, были разрушены дворцы, исчезла письменность. Цивилизация и вместе с ней письменность снова возникли на территории Греции только в VIII в. до н. э. И хотя археологами период с XII по VIII вв. до н. э. на юге Балканского полуострова изучен не хуже, чем время до этой эпохи и после нее, он недаром именуется историками «темными веками». Какие конкретно социоисторические организмы в эту эпоху там существовали, какие события в них происходили, науке не известно: отсутствуют письменные свидетельства.

Источники всегда несут информацию о прошлом, но она в них заточена, скрыта. Факты, содержащиеся в них, нужно еще извлечь, что очень и очень нелегко. Историками разработаны разные способы извлечения фактов из источников. Так как историки всегда придавали первостепенное значение документам, то наиболее детально разработаны методы добывания фактов из письменных источников. Все они вместе взятые традиционно именуется *критикой источников*. Существует множество руководств по критике источников. Лучшим из них, бесспорно, является книга крупных французских историков Шарля Виктора Ланглуа (1863-1929) и Шарля Сеньобоса (1854-1942) «Введение в изучение истории» (1898), которая до сих пор пользуется огромной популярностью как на Западе, так и у нас. Ее я и возьму за основу.

Когда тот или иной исторический документ оказывается в распоряжении специалистов, начинается деятельность, которая называется *внешней, или подготовительной, критикой источников*. Существуют два ее вида: (1) *восстановительная критика* и (2) *критика происхождения*.

Документы, относящиеся к более или менее отдаленным временам, редко представляют собой оригиналы. Чаще всего в руки историков попадают копии, причем снятые не прямо с оригиналов, а с более ранних копий.

¹⁷ О понятии «социоисторический организм» см.: Семёнов Ю. И. *Философия истории...* С. 21-34.

При переписке в документы вкрадываются различного рода искажения. Цель восстановительной критики состоит в очищении и восстановлении подлинного текста. Критика происхождения имеет целью выявить автора (авторов), время и место создания документа, а также выяснить, какими документами пользовался при этом сам автор. В результате такой критики выясняется, является ли данный документ подлинным или же он представляет собой позднейшую фальсификацию.

Науке известно множество разоблаченных подделок документов. Одно из первых разоблачений — выявление итальянским гуманистом Лоренцо Валлой (1405/7-1437) поддельности «Константинова дара»¹⁸. Наиболее известные фальшивки из числа появившихся в XIX в.: «Завещание Петра I», сочиненное рядом западноевропейских авторов; «Краледворская рукопись», созданная чешским филологом и поэтом Вацлавом Ганкой (1791-1861) и выданная им за сборник чешских эпических поэм и лирических песен XIII-XIV вв.; «История Финикии», написанная Фридрихом Вагенфельдом (1810-1846), но представленная им как труд финикийского историка Санхонйатона, переведенный на греческий язык Филоном Библским¹⁹.

Существуют подделки, которые и до сих пор пытаются выдать за подлинные документы. Одна из них — собрание бумаг, известное как «документы Э. Сиссона», долженствующее свидетельствовать о том, что большевики получали от властей Германской империи деньги («золото кайзера») на революционную работу. Эти «документы» были первоначально куплены в России в 1918 г. агентами британской «Секрет интеллигентских сервис» (СИС). Как пишет тогдашний резидент СИС в России Джордж Хилл (1893 — после 1946), он и его коллеги, включая Сиднея Рейли (1874-1921), убедившись, что им подсунили фальшивку, перепродали ее американскому журналисту Эдгару Сиссону (1875-?), который находился тогда в Петрограде в качестве представителя пропагандистского ведомства США — Комитета общественной информации²⁰. В октябре 1918 г. эти «документы» по личному указанию президента США Томаса Вудро Вильсона (1856-1924) были изданы в США отдельной книгой под названием «Германо-большевистский заговор».

¹⁸ См.: *Валла Л.* Рассуждение о подложности так называемой Дарственной грамоты Константина // *Итальянские гуманисты XV века о религии и церкви.* М., 1963.

¹⁹ См.: *Ланч Е.* Литературная фальсификация. М., 1930; 2009; *Уайтхед У.* Серьезные забавы. М., 1986; *Козлов В. П.* Тайны фальсификации. М., 1996; *Белоусов Р.* Драма рукописей // *Белоусов Р.* Рассказы старых переплетов. М., 1985.

²⁰ См. *Хилл Дж.* Моя шпионская жизнь. М., 2000. С. 218-219.

С самого начала подавляющее большинство профессиональных историков, включая и крайне антисоветски настроенных, не сомневалось в поддельности этих «документов»: уж слишком грубо они были сработаны. Один из вдохновителей антисоветского митинга чехословацкого корпуса первый президент Чехословакии Томаш Гарриг Масарик (1850-1937) писал: «Не знаю, сколько за них дали американцы, англичане и французы, но для сведующего человека из содержания сразу было видно, что наши друзья купили подделку»²¹.

В дальнейшем эти «документы» были подвергнуты тщательному анализу в работе американского дипломата и историка Джорджа Фроста Кеннана (1904-2005) «Документы Сиссона» (1956). Он не просто неопровержимо доказал их поддельность, но раскрыл имя фальсификатора. Им оказался петроградский журналист Фердинанд Оссендовский²². Последняя точка в этом деле была поставлена обстоятельной монографией петербургского историка Виталия Ивановича Старцева (1931-2000) «Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского» (СПб., 1994; 2001). Это была последняя точка в исследовании данных «документов» настоящими историками, но, отнюдь, не в использовании их лжеисториками. Их и сейчас пытаются выдать за подлинные. Как абсолютно достоверные документы они были, например, опубликованы в книге «Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор» (СПб., 2001). Другая подделка, которую сейчас усиленно пытаются выдать за текст, написанный в IX в. новгородскими языческими жрецами, — «Велесова книга». Специалисты сразу же без особого труда установили, что она представляет собой довольно грубую фальшивку²³. Но это несколько не мешает различного рода лжеисторикам без конца переиздавать ее и объявлять первоклассным историческим источником²⁴.

Бывают и прямо противоположные случаи: доказательство подлинности документов, объявленных некоторыми, скорыми на выводы историками и филологами фальшивками. Так, например, произошло с трудами инокини, затем настоятельницы монастыря в Гандерсхейме — Гросвиты (ок. 935 — ок. 1002)²⁵.

²¹ Цит.: Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ большевиков. Изд 2. Нью-Йорк, 1989. С. 133.

²² См.: Kennan G. The Sisson Documents // Journal Modern History. XXXVIII. June 1956.

²³ См.: Что думают ученые о «Велесовой книге»? / Сост. А. А. Алексеев. СПб., 2004.

²⁴ См., например: Свято-Русские Веды. Книга Велеса. Перевод, пояснения А. И. Асова. Изд. 3, испр. и доп. М., 2006.

²⁵ См.: Лангдуа Ш.-Б., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 2004. С. 111.

В конце 30-х гг. XX в. французский филолог-славист Андре Мазон (1881-1967) выступил с рядом работ, в которых доказывал, что «Слово о полку Игореве» представляет собой не памятник XII в., а подделку, сфабрикованную в XVIII в. Его идею подхватил крупный отечественный историк Александр Александрович Зимин (1920-1980). При жизни его большой труд «„Слово о полку Игореве“ (Источники. Время написания. Автор)» был опубликован тиражом 101 экземпляр на ротапринтере (1963) для участников закрытого обсуждения (1964)²⁶. Только в 2006 г. вышло его доработанное издание, носящее название «Слово о полку Игореве» (СПб.).

Еще в 1948 г. доводы А. Мазона были последовательно рассмотрены и достаточно убедительно опровергнуты крупнейшим языковедом и литературоведом Романом Осиповичем Якобсоном (1896-1982; с 1921 г. в эмиграции) в статье, помещенной в издании «Слова о полку Игореве», вышедшем в США, что частично вынужден был признать и А. А. Зимин²⁷. После работ последних лет, среди которых прежде всего следует отметить труды доктора исторических наук Антона Анатольевича Горского «„Слово о полку Игореве“ и „Задонщина“. Источниковедческие и историко-культурные проблемы» (М., 1992) и языковеда академика Андрея Анатольевича Зализняка «„Слово о полку Игореве“: взгляд лингвиста» (М., 2004; 2007; 2008) можно считать опровергнутыми и все основные положения концепции А. А. Зимина. Подделываются не только документы, но и вещественные памятники. Одной из самых известных фальсификаций в области палеоантропологии были датированные поздним плиоценом или ранним плейстоценом остатки человека из Пилтдауна, найденные в 1912-1915 гг. Некоторые антропологи с самого начала сомневались в их подлинности, но окончательно это жульничество было разоблачено лишь в 1953 г.²⁸ В 1896 г. Лувром была приобретена золотая тиара, подаренная около 200 г. до н. э. гражданами греческого города-государства Ольвии скифскому царю Сайтоферну (Сайтафарну). Уже тогда нашлись скептики. А в 1903 г. окончательно выяснилось, что она была создана одесским ювелиром Израилем Рухомовским²⁹.

²⁶ Довольно тенденциозный обзор вступлений см.: Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве» // Вопросы истории. 1964. №9.

²⁷ Зимин А. А. Слово о полку Игореве. М., 2006. С. 422-423.

²⁸ См.: Piltdown // Encyclopedia of Human Evolution and Prehistory. Ed. by I. Tattersall, E. Delson, J. van Couvering. New York and London, 1988.

²⁹ См.: Либман М., Островский Г. Поддельные шедевры. М., 1966. С. 35-49.

После завершения внешней (подготовительной) критики документа начинается *внутренняя критика* источника. Она подразделяется ее на (1) *положительную* и (2) *отрицательную*. Положительная критика называется также *критикой истолкования (интерпретации)*, или *герменевтикой*. Истолкование в свою очередь подразделяется на (1) *истолкование буквального смысла* и (2) *истолкование действительного смысла*.

Истолкование буквального смысла — задача филологии, которая выступает здесь в роли одной из вспомогательных исторических наук. Но выявление буквального смысла текста источника не обязательно представляет собой выяснение действительной мысли автора.

Последний мог употребить некоторые выражения в переносном смысле, прибегнуть к аллегориям, шуткам, мистификациям. Текст может содержать намеки, метафоры, гиперболы, фигуры умолчания. По существу речь здесь идет прежде всего о рациотекстуализации лингвотекста, о выявлении воплощенного в нем рациотекста. Это тот самый процесс, что А. Р. Лурия называл декодированием, переходом от внешнего значения к внутреннему смыслу, выявлением подтекста (4.4). Данный процесс может иметь несколько уровней. А если перед нами еще и идеетекст, тем более теоретекст, то следующим шагом должна быть интеллектуализация, т. е. реконструкция идеи (идей) или теории, созданной или развиваемой автором текста. Когда истинный смысл текста установлен, положительная критика заканчивается.

Положительная критика, или критика истолкования, имеет дело исключительно с внутренней умственной работой автора исторического документа и знакомит только с его мыслями, но не с историческими фактами. Одна из грубых ошибок, которую допускают даже некоторые историки, не говоря уже о людях, не занимающихся наукой, заключается в отождествлении доказательства подлинности документа и выявления его действительного смысла с установлением исторической истины. Когда выявлена подлинность документа и правильно истолкован его текст, то у многих возникает иллюзия, что мы теперь знаем, как все происходило в действительности.

Подлинность документа рассматривается как гарантия правильности свидетельств его автора. Но это справедливо лишь по отношению к идеям. Если та или иная идея выражена в документе, то это означает, что она действительно существовала. Здесь дальнейшая критика не нужна.

Со всем остальным дело обстоит гораздо сложнее. Свидетельства о тех или иных явлениях общественной жизни, содержащиеся в безусловно подлинном документе, могут быть как истинными, так и ложными.

Автор документа мог ошибаться, а мог и намеренно вводить в заблуждение. Факты, кроме тех, что относят к духовной жизни автора, нельзя просто заимствовать из документа. Их нужно оттуда извлечь. Это задача *отрицательной внутренней критики источника*. Она распадается на (1) *критику достоверности*, долженствующую выяснить, не лгал ли намеренно автор документа, и (2) *критику точности*, задача которой определить, не ошибался ли он.

По мнению Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса исходным пунктом внутренней критики исторических документов должно быть *методическое недоверие*. «Историк должен, — пишут они, — а priori относиться с недоверием к каждому свидетельству автора документа, так как он никогда не уверен заранее, что оно не окажется лживым или ошибочным. Оно представляет для него только вероятность... Историк не должен ждать, пока противоречия между свидетельствами различных документов наведут его на сомнения, он должен сам начинать с сомнения»³⁰.

В документе может быть и ложное, и истинное. Поэтому документ должен быть подвергнут анализу с тем, чтобы выделить все входящие в него самостоятельные свидетельства. Затем каждое из них исследуется отдельно. Процесс этот необычайно сложен. Существует масса приемов установления достоверности и точности свидетельств.

Одним из самых важных является ответ на вопрос о том, наблюдал ли автор документа сам то, о чем свидетельствует (сообщает), или же исходил из свидетельства иного лица. И если выясняется, что он опирался на чужое свидетельство, то снова возникает вопрос об источнике последнего: было ли это собственное наблюдение или же опять-таки свидетельство другого лица. Этот вопрос может возникать вновь и вновь, уводя все дальше и дальше от автора документа. Как правило, почти в каждом документе большая часть показаний исходит не непосредственно от его автора, а представляет воспроизведение свидетельства других лиц.

Данный вид внутренней критики называется отрицательной критикой потому, что она может абсолютно точно установить лишь ложность того или иного свидетельства. Доказать же с несомненностью истинность какого бы то ни было свидетельства эта критика не в состоянии. Она может установить лишь вероятность истинности того или иного свидетельства, но не его достоверность.

³⁰ Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории... С. 176.

Для установления достоверности того или иного факта необходимо прибегнуть к сравнению свидетельств о нем. «Возможность доказать исторический факт, — пишут Ш.-В.Ланглуа и Ш. Сеньобос, — зависит от числа сохранившихся независимых друг от друга документов относительно этого факта; сохранились или нет нужные документы, зависит вполне от случая, этим и объясняется роль случая в составлении истории»³¹. Самый важный метод установления достоверности исторических фактов состоит в выявлении согласия между ними, что означает переход от собственно критики источников и выявления исторических фактов к их объединению (истолкованию). Легче всего установить достоверность общих фактов, наличие в тех или иных обществах тех или иных нравов, обычаев, учреждений и т. п. Гораздо сложнее обстоит с выявлением достоверности единичных (частных) фактов: действий и слов тех или иных лиц, свершений тех или иных событий. Но по крайней мере некоторые единичные факты также могут быть установлены с достоверностью.

4. Первичная обработка фактов — их превращение из единичных в общие

В естественных науках и во время сбора фактов, и после с неизбежностью идет процесс их первичной обработки. Суть его заключается в обобщении фактов, в превращении их из единичных в общие. Этот процесс был открыт в эпоху, когда была известна лишь одна логика — формальная, и истолкован как деятельность рассудка. Он получил название индукции, и учение о нем было включено в состав формальной логики под названием индуктивной логики. В действительности же этот процесс является деятельностью не столько рассудка, сколько разума. Поэтому, как ни старались формальные логики выразить его в категориях своей науки, истолковать его как выведение одних суждений из других, как особого рода умозаключение, только не дедуктивное, а индуктивное, и подогнать его под законы (в действительности под правила) своей науки, у них мало что получалось.

Попытки выразить этот процесс исключительно в таких концептах, как «понятия», «суждения» и «умозаключения» не только не давало возможность раскрыть его суть, но, наоборот, мешало этому. Для адекватного выражения этого процесса нужны были иные концепты: понятие единичного факта, понятие общего факта и понятие восхождения от единичного (отдельного) к общему.

³¹ Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории... С. 213.

Обработка единичных фактов происходила и в социальных науках, в частности в политической экономии. Своеобразным было положение в исторической науке. Если в естественных науках уже добытые единичные факты после восхождения от них к общим фактам практически вплоть до создания теории переставали приниматься во внимание, то историология всегда продолжала использовать единичные факты. И в исторической науке имел место процесс восхождения от единичного к общему, но он, как правило, никогда не доводился до конца. Факты, которые получались в результате обработки единичных фактов, не были всеобщими. Они всегда были ограничены определенными пространственными и временными рамками, относились не к обществу вообще и истории вообще, а к определенным обществам, существовавшим в определенные исторические эпохи. Такого рода общие факты можно назвать *частнообщими*, или *общечастными* ³².

Своеобразной формой общих фактов являются статистические факты.

³² См.: Семёнов Ю. И. Труд Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» // Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 2004.

Глава 7. Проблема понимания и объяснения фактов

1. Проблема понимания и объяснения в философии и науке

Однако никакая наука не могла ограничиваться сбором и первичной обработкой фактов. Ученым с самого начала было ясно, что знание даже огромного множества единичных или даже общих фактов, относящихся к изучаемому объекту, само по себе взятое, не есть подлинное знание об этом объекте. «Факты, — писал выдающийся русский мыслитель Александр Иванович Герцен (1812-1870), — это только скопление однородного материала, не живой рост, как бы сумма частей ни была полна»¹. «Собрание материалов, разбор, изучение их, — читаем мы там же, — необычайно важны; но масса сведений, не пережженных мыслию, не удовлетворяют разуму. Факты и сведения представляют необходимые документы производимого следствия — но суд и приговор впереди; он опустится на документах, но произнесет свое»². Знания фактов совершенно недостаточно, необходимо их понимание. Понятие *понимания* неразрывно связано с понятием *объяснения*. Понять факты означает дать им то или иное объяснение. Ученые давно пользовались понятиями понимания и объяснения, не пытаясь при этом ни разработать их, ни даже сколько-нибудь четко определить. Но при этом они всегда исходили из того, что понимание и объяснение не есть что-то отличное от познания, а представляет какой-то момент, компонент, какую-то форму, сторону или ступень познания.

Иную позицию заняли философы, точнее определенная их часть. Как уже отмечалось, понятие факта вошло в философию довольно поздно. Долгое время оно совсем не числилось среди категорий теории познания. Еще позднее до философов дошло, что факты нужно не только знать, но еще и понимать. Но когда это произошло начался настоящий ажиотаж. В 1978 г. в Швейцарии даже состоялся Всемирный философский конгресс, посвященный проблемам понимания. Частью философов понимание было объявлено чем-то совершенно отличным от познания. Появились призывы создать особую теорию понимания, отличную от теории познания.

¹ Герцен А. И. Письма об изучении природы // Соч.: в 9 т. Т. 2. М. 1955. С. 106.

² Там же. С. 105-106

О необходимости детальной разработки теории понимания писал постпозитивист Стивен Эделстон Тулмин (1922-2009) в книге «Человеческое понимание» (1972). Но у него нет никакой ясности в вопросе о том, в каком отношении находится познание и понимание и соответственно теория познания и теория понимания. Нигде в его работе нет сколько-нибудь четкого определения ни познания, ни понимания.

Когда философы столкнулись с проблемой понимания, они в поисках ее решения стали обращаться к конкретным наукам. Казалось бы такой наукой могла стать психология, которая этим вопросом давно уже занималась и внутри которой со временем выделилась даже специальная дисциплина по названию психологии понимания. Но этого не произошло. Дело в том, что понимание никогда не рассматривалось психологами как гносеологическое явление. Когда они касались этого аспекта, то не только ничего не давали философам, а, наоборот, все определения заимствовали у них. Это более чем наглядно видно на примере одной из самых последних работ, посвященных разработке этой темы в психологии, — на примере книги отечественного ученого Виктора Владимировича Знакова «Психология понимания. Проблемы и перспективы» (2005). В ней понимание рассматривается как явление преимущественно психологическое. Чтобы представить, в чем заключается такой подход, достаточно назвать некоторые ее разделы: «Межличностное познание и взаимопонимание в общении», «Духовное Я понимающего мир субъекта», «Самопонимание субъекта», «Личностные качества субъекта, определяющие специфику понимания», «Понимание субъектом ситуации экзистенциального выбора: жизнь в страданиях или эвтаназия», «Половые различия в понимании неправды, лжи и обмана» и т. п.

Поэтому значительно большее внимание, чем психология, привлекла философов другая конкретная наука — герменевтика, которая давно уже считалась областью знания, специально занимавшейся разработкой проблем понимания.

2. Герменевтика и понятие понимания (истолкования, интерпретации)

К настоящему времени окончательно оформились две качественно отличные разновидности герменевтики. Об одной из этих герменевтик выше уже шла речь. Это специальная конкретная научная дисциплина, по мнению одних, совпадающая с филологией, по мнению других, представляющая один из ее разделов.

Как мы уже видели, она, помимо всего прочего, использовалась и используется в историологии при внешней критике письменных источников. Вторая — герменевтика как момент, сторона, раздел или даже направление в философии. Ее обычно именуют философской герменевтикой.

Герменевтика зародилась в Античном мире как искусство толкования, истолкования (интерпретации), а тем самым понимания текстов, вначале и устных, а затем в основном только письменных. С этим связано и название этой области знания. Оно произошло от греческого слова «герменеутике» — толковать, истолковывать, разъяснять.

Возродившись в Средние века, герменевтика получила развитие в эпоху Возрождения и Новое время, превратившись в конце концов в теорию и методологию истолкования письменных текстов. В таком статусе она продолжает существовать и в наши дни.

Но на определенном этапе на основе научной герменевтики возникла и начала самостоятельно развиваться философская герменевтика. О времени ее возникновения нет единой точки зрения. По мнению одних, у истоков философской герменевтики стоит Фридрих Шлейермахер (1768-1834), по мнению других — представители так называемой школы «истории духа», прежде всего Вильгельм Дильтей. Последующее развитие философской герменевтики связано прежде всего с именами Эдмунда Гуссерля (1859-1938), Мартина Хайдеггера, Ганса Георга Гадамера (1900-2002) и Поля Рикёра (1913-2005). Почти у всех этих философов герменевтика сливалась и переплеталась с другими философскими направлениями: философией жизни (В. Дильтей), феноменологией (Э. Гуссерль, П. Рикёр), феноменологией и экзистенциализмом (М. Хайдеггер). Поэтому понималась она ими далеко не одинаково. У одних она — всеобщий метод познания наук о духе, у других — «искусство понимания письменно фиксированных жизненных проявлений», у третьих — истолкование языка как «обиталища бытия», у четвертых — учение о бытии, онтология. У тех же современных философов, которые объявили, что в мире, кроме текстов, ничего не существует, герменевтика выступила как самое общее учение о мире.

Герменевтика ни в каком своем обличье ничем не могла помочь гносеологии потому, что слова «понимание», «интерпретация» имели в ней совершенно иной смысл, чем у ученых, работавших с фактами. Научная герменевтика занималась пониманием, истолкованием не фактов, а текстов. Истолковать текст означало не что иное, как выявить его смысл, т. е. заключенные в нем мысли. И больше ничего.

Философская герменевтика всегда претендовала на большее. Эти претензии шли по двум основным линиям. Ведь если исходить из того, что ход истории определяется идеями людей, то герменевтика, вскрывая путем истолкования текстов, идей, которыми руководствовались деятели прошлого, дает тем самым ключ к пониманию истории. Это во-первых. Во-вторых: суть герменевтики заключается в выявлении смысла, а смысл имеют не только вербальные тексты, но и человеческие действия. Эти действия можно понять как знаки, а их последовательность как текст. Социальные факты суть действия людей. Раскрывая смысл человеческих поступков, герменевтика тем самым открывает путь к пониманию социальных фактов и, следовательно, выступает как наука, обеспечивающая понимание общества и его истории.

Но если о смысле человеческих действий, а тем самым, если не всех, то по крайней мере части социальных фактов еще можно говорить, то это абсолютно не применимо к природным фактам. В природе нет никакого смысла. Никакие мысли не скрываются за природными фактами и не проявляются в них. Когда некоторые естествоиспытатели говорят о смысле природных явлений, они имеют в виду вовсе не смысл в точном значении этого слова, т. е. не мысли, а объективную сущность этих явлений. Как уже отмечалось во второй книге цикла (II.14.3), когда естествоиспытатели пишут о рациональности природы, то имеют в виду не какой-либо мировой разум, а существующий в мире объективный порядок, объективную закономерность.

Употребление слова «смысл» в значении «объективная закономерность», «объективная сущность» имеет за собой длительную традицию. Еще Гераклит называл действующую в мире объективную необходимость логосом, т. е. словом. И понятно почему: сущность, закономерность может быть отражена лишь в мыслях, а тем самым и выражена только в словах.

Таким образом, слова «понимание», «истолкование» (интерпретация) в применении к фактам, прежде всего природным, имеют совершенно иной смысл, чем в применении к текстам. И ученые, не занимаясь специально теоретической разработкой смысла эти слов в их применении к конкретным наукам (исключая, конечно, научную герменевтику), пусть не в полной мере, не эксплицитно, но все же значение их понимали.

Некоторые наши философы, определяя понимание как постижение смысла фактов, одновременно настаивали, что этим должно заниматься и естествознание³.

³ См., например: *Васильева Т. В., Панченко А. И., Степанов Н. И.* К постановке проблемы понимания в физике // ВФ. 1978. №7; *Рузавин Г. И.* Понимание как комплексная методологическая проблема // Проблема объяснения и понимания в научном познании. М., 1983. С. 5; *Филатов В. П.* К типологии ситуаций понимания // ВФ. 1983. № 10.

Таким образом получалось, что смыслом обладают и природные явления, что, разумеется, абсолютно несовместимо с материализмом. Другие философы пытались в этом разобраться поподробнее. К их числу принадлежит доктор философских наук Александр Леонидович Никифоров. Не будем придирааться к мелочам, когда он, например, дав свое, довольно узкое определение слова «интерпретация», то и дело использует его в привычном, более широком смысле. Остановимся лишь на самом главном.

Как пишет он, традиционно считалось, что понять нечто значит усвоить (постигнуть) смысл этого нечто. Все это полностью применимо к тому, что до процесса понимания обладало смыслом: к текстам, произведениям искусства, жестам, поступкам, действиям людей. «Если же объект, вещи, процесс лишены смысла, — подчеркивает А. Л. Никифоров, — то, очевидно, их нельзя и понять, бессмысленно даже говорить об их понимании»⁴. Как явствует из сказанного, к объектами понимания автор относит не только явления и факты, но и вещи. Все вещи, созданные людьми, по мнению А. Л. Никифорова, обладают смыслом и поэтому доступны пониманию в традиционном смысле этого слова. Например, обладает смыслом такой предмет, как стул.

Иначе обстоит дело в вещами природы. «Явления природы лишены смысла, ибо не созданы человеком, поэтому их нельзя понять, нельзя даже говорить о их понимании. Если же все-таки говорят о понимании природы, сохраняя в то же время традиционное истолкование понятия понимания, то должно неявно допускать, что явления природы наделены смыслом, т. е. кем-то созданы. Это не приводит к трудностям в рамках религиозного мирозерцания, рассматривающего явления природы как символы божественной воли. Понять явления природы значит открыть их божественный смысл. Но как говорить о понимании природы в традиционном смысле, оставаясь на материалистических позициях?»⁵.

Но естествоиспытатели и говорили и говорят о понимании природы, полностью исключая при этом обращение к сверхъестественным силам и божественному смыслу. Считаюсь с этим, А. Л. Никифоров заявляет, что наряду с традиционным истолкованием понимания должно быть другое. Так как у вещей природы нет никакого смысла, то понять их означает не раскрыть их смысл, а приписать им, придать им смысл. «*Понимание*, — пишет наш автор, — есть *придание*, *приписывание* смысла тому, что мы понимаем...»

⁴ Никифоров А. Л. Семантическая концепция понимания // Проблема объяснения и понимания в научном познании. М., 1983. С. 46.

⁵ Там же. С. 47.

Чтобы объяснить, каким же именно образом приписывание предмету несуществующего в действительности у него смысла дает возможности его понять, А. Л. Никифоров пускается в длинные и крайне путаные схоластические рассуждения, включающие применение формул современной символической логики. Но если попытаться выявить их суть, то все сведется к довольно простой вещи.

Понять природную вещь, по А. Л. Никифорову, означает узнать ее, опознать ее, выявить, к какому классу предметов природы она относится, и больше ничего. Узнавание природных (кстати, так же как, и созданных человеком) вещей, конечно, всегда имеет место и входит в качестве момента в процесс познания, но, когда ученые начинают говорить о понимании природы, они имеют в виду нечто совершенно иное: переход от знания фактов к более глубокому уровню познания. А. Л. Никифоров полностью уходит от этого.

Факты, добываемые естествознанием, а тем самым и стоящие за ними явления природы, он подменил вещами, а движение познания в глубь природы — опознаванием этих вещей. В результате все, что сказано им о понимании во втором смысле слова, не имеет никакого отношения к процессу научного познания. Схватив, в отличие от многих своих коллег, что слово «понимание» в отношении к природе имеет совершенно иной смысл, чем в его применении к текстам, он в то же время так и не смог разобраться в сущности этого различия. «Оно, — утверждает А. Л. Никифоров, — обусловлено различием изучаемого материала: естествознание исследует явления природы, лишённые смысла, а общественные науки имеют дело с осмысленным материалом»⁶. Это, по его мнению: обуславливает «принципиальное различие между общественными и естественными науками»⁷.

В действительности же, в основе границы между двумя видами понимания лежит совершенно иное. Одно из значений слова понимания относится к текстам, а другое к фактам, в которых выражаются явления реальности, причем в одинаковой степени и природной, и социальной. И разобравшись в одном из значений слова «понимание», а именно того, которое оно имеет в герменевтике, нужно обратиться выявлению другого его значения, а именно того, в котором оно используется во всех других науках, когда говорят о понимании как природных, так и социальных фактов.

⁶ Никифоров А. Л. Семантическая концепция понимания // Проблема объяснения и понимания в научном познании. М., 1983. С. 47.

⁷ Там же. С. 47.

3. Объединение (унитаризация) фактов. Два вида унитаризации фактов: эссенциализация и холизация

При выявлении сути фактов особо подчеркивалась такая их особенность, как объективность. Факты, бесспорно, объективны. И в то же время они и субъективны. И эта субъективность фактов заключается вовсе не в том, что они существуют в суждениях как содержания последних. Выше уже отмечалось, что факт есть момент действительности, вырванный из нее и пересаженный в мышление человека. Таким образом, установление факта есть вырывание момента действительности из самой действительности. Разумное познание мира на первых порах с неизбежностью предполагает его раздробление на множество фрагментов. В этой изоляции фактов друг от друга и заключается их субъективность. Ведь в объективной реальности все те ее моменты, которые вошли в сознание в качестве фактов, существуют в неразрывной связи друг с другом. А в сознании они разъединены, оторваны друг от друга.

Образно выражаясь, факты, взятые сами по себе, изолированно друг от друга, суть осколки, обломки мира. И никакая, даже самая большая куча этих обломков, никакая сама большая совокупность фактов не может дать целостного знания о реальности. Если мы разберем, скажем, дом, то этот дом существовать не будет, даже если при этом мы полностью сохраним все до единого его материальные элементы (бревна, доски, оконные рамы, стекла и т. п.), из которых он был построен. Вот потому-то все ученые, настаивая на огромной важности фактов как фундамента, на котором только и может быть воздвигнуто здание научного познания, в то же время без конца говорили о том, что факты, взятые в изоляции друг от друга, ничего не стоят. И они, как правило, указывали, что именно нужно сделать для преодоления субъективности фактов. Их нужно связать друг другом, нужно объединить.

«Простой факт или тысячи фактов, без взаимной связи, — писал крупнейший химик XIX в. Юстус Либих (1803-1873), — не имеют силу доказательств»⁸. «Простое констатирование фактов, — утверждал великий французский физиолог и медик Клод Бернар (1813-1878), — никогда не может составить науку. Напрасно мы умножали бы факты и наблюдения; из этого ничего бы не вышло. Чтобы приобрести познания, необходимо нужно рассуждать о том, что было наблюдаемо, сравнивать факты и судить о них посредством других фактов»⁹. «Вы заметили, вероятно, Мм. Гг., — говорил на собрании российских академиков великий русский химик Александр Михайлович Бутлеров (1828-1886), — что в моем изложении мне приходилось указывать менее на отдельные факты, чем на целые ряды фактов.

⁸ Либих Ю. Письма о химии. Перевод с 4-го нем. изд. Т. 1. М.: URSS, 2012. С. 19.

⁹ Бернар К. Введение в изучение опытной медицины. 2-е изд. М.: URSS, 2010. С. 20.

Знакомство с ними, в их взаимной связи, позволяло делать обобщения, устанавливало понятия, проводило к общим методам. Отдельные факты являются здесь, как слово в целой странице, как определенная тень в картине. Взятые сами по себе, они могут иметь весьма ограниченное значение. Как из ряда слов составляется речь, а из совокупности теней — определенные образы, так из массы постигнутых фактов, состоящих в связи друг с другом, рождается знание в его возвышенном, лучшем смысле... Только тогда начинается истинное человеческое знание, возникает наука»¹⁰. «Голые факты, утвержденные опытом, — указывал выдающийся немецкий биолог Эрнст Геккель (1834-1919), — служат только сырым материалом, из которого без разумного сопоставления и философского соединения не может быть построена никакая наука»¹¹. «Нельзя ли нам удовольствоваться одним только чистым опытом? — спрашивал выдающийся французский математик и физик Жюль Анри Пуанкаре (1854-1912) и тут же отвечал. — Нет, это невозможно: такое стремление свидетельствовало бы о полном незнакомстве с истинным характером науки. Ученый должен систематизировать; наука строится из фактов, как дом из кирпичей; но простое собрание фактов столь же мало является наукой, как куча камней — домом»¹².

«В области явлений общественных, — писал специалист в области уже не естественных, а общественных наук В. И. Ленин, — нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры... Факты, если взять их в *целом*, в их *связи* не только „упрямая“, но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже... Вывод отсюда ясен: нужно установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться, с которым можно было сопоставлять любое из тех „общих“ или „примерных“ рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни.

¹⁰ Бутлеров А. М. О практическом значении научных химических работ // Соч. Т. 3. М., 1958. С. 19-20.

¹¹ Геккель Э. История племенного развития организмов. СПб., 1879. С. 661.

¹² Пуанкаре А. Наука и гипотеза // Пуанкаре А. О науке. М., 1990. С. 116-117.

¹² Ленин В. И. Статистика и социология // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 350-351.

Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без *единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится „субъективная“ стряпня для оправдания, может быть, грязного дела»¹³.

Таким образом, единственный способ преодолеть субъективность фактов заключается в том, чтобы связать их воедино, причем связать их так, как связаны в самой реальной действительности эквиваленты фактов. А это предполагает познание связей, существующих в реальности. Только познав реальные связи между эквивалентами, можно из груды обломков мира построить в сознании мир таким, каким он существует вне сознания, воссоздать реальный мир во всей его целостности.

Получив в свое распоряжение единичные факты, люди начинают их так или иначе упорядочивать: расставляют их во времени и пространстве, классифицируют, обобщают. Но все это пока еще не объединение фактов, а лишь создание условий для него. Объединение начинается тогда, когда вскрываются более глубокие, чем пространственные и временные, отношения между моментами действительности, и каждый факт предстает не изолированно, а в связи с целым рядом других таких же фрагментов.

Именно это связывание фактов друг с другом, их объединение и есть то, что принято называть истолкованием (интерпретацией) фактов. Результат этого процесса — понимание фактов. Проявляется это понимание в объяснении фактов. Связывание, объединение фактов можно было бы назвать *унитаризацией* (фр. *unitaire* от лат. *unitas* — единство), или *монизацией* (от греч. «монос» — один, единый). Унитаризация всегда начинается с появлением идеи. *Идея* есть отражение существующих в объективном мире связей определенного рода, а именно существенных или сущностных. Она — простейшая единица истолкования, элементарная мыслительная форма, в которой может проявиться понимание и тем самым исходный пункт унитаризации. Как совершенно верно указывал великий физик-теоретик Макс Карл Эрнст Людвиг Планк (1858-1947), суть идеи заключается в связывании фактов, которые до этого лишь сосуществовали друг с другом¹⁴. Возникнув, идея в последующем может подвергнуться разработке и превратиться в систему идей — концепцию. Унитаризация фактов есть еще одна форма осмысления, ментализации мира, отличная и от концептуализации, и фактуализации, причем теснейшим образом связанная с последней.

¹³ Ленин В. И. Статистика и социология // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 350-351.

¹⁴ Планк М. Происхождение и влияние научных идей // Избранные труды. М., 1975. С. 591.

Унитаризация фактов происходит по-разному в зависимости от того, какие именно факты связываются, объединяются, интерпретируются. Как уже указывалось, существует два основных рода фактов: факты единичные и факты общие. Соответственно, существуют два основных рода унитаризации фактов: унитаризация единичных фактов и унитаризация общих фактов.

Первый и более простой род унитаризации — объединение единичных фактов. Она заключается в том, что единичные факты при посредстве идеи соединяются, связываются таким образом, что становятся частями одного единого целого. Вполне понятно, что определенную совокупность единичных фактов можно объединить только в том случае, когда соответствующим им в реальности эквиваленты действительно составляют единое целостное образование, действительно представляют собой части одного единого целого.

Понятия целого и частей часто конкретизируются в понятиях «система», «структура», «элементы». Система всегда состоит из более или менее определенного числа элементов, связанных воедино определенной структурой. Именно структура делает те или иные моменты реальности частями единого целого, элементами одной системы. Объединение единичных фактов с необходимостью предполагает выявление объективной структуры, объективного каркаса объективно существующего целостного образования. Идея, чтобы объединить единичные факты, должна представлять собой отражение структуры объективного целого, структурных, целостно-существенных связей, соединяющих элементы объективной системы.

Если образно назвать единичные факты осколками, обломками мира, то такого рода унитаризацию можно охарактеризовать как «склеивание» этих осколков в единое целое. Роль «клея» при этом выполняет идея. Добывание фактов можно сравнить с разбиванием фарфоровой вазы на мелкие осколки, а описанную выше унитаризацию — со склеиванием их, в результате которого перед нами предстает ваза такой, какой она существовала первоначально.

Движение мысли идет при этом от частей к целому. Результатом является умственная конструкция, в которую добытые единичные факты, объединенные посредством идеи или концепции, входят в качестве необходимых ее частей. В моей работе «Труд Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса „Введение в изучение истории“ и современная историческая наука» (2004) она была названа *идеяфактуальной картиной*, или, короче, *идеяфактуалом*¹⁵.

¹⁵ Семёнов Ю. И. Труд Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса...

Как это ни странно, но рассмотренный выше мыслительный процесс до упомянутой выше моей работы никогда не подвергался теоретическому анализу и до сих пор не имеет ни в философии, ни в науке никакого названия. Я буду именовать этот вид унитаризации *холизацией* (от греч. «холос» — целое). Соответственно, результату холизации — созданной целостной картине, частями которой являются единичные факты, можно кроме названия идеефактуальной картины присвоить и более короткое — *холия*, которая существует в двух вариантах: идеехолии и концепциохолии. Соответственно, идею, соединяющую единичные факты, можно назвать *холической идеей* (*холиоидеей*). Представляя собой отражение целостности, холическая идея дает возможность дать картину целого, воспроизвести, воссоздать целое. Холия, или идеефактуальная картина, есть умственная целостная система, в которую единичные факты входят в качестве ее элементов.

Данный род унитаризации в описанном выше виде никогда не использовался и не мог использоваться в естественных науках. В естествознании полученные единичные факты сразу же или иногда несколько позднее, но всегда обобщаются. От единичных фактов мысль естествоиспытателя во всех случаях без исключения движется к общим фактам. Для естественных наук только общие факты имеют значение.

Но даже общие факты, сами по себе взятые, представляют собой лишь фрагменты мира. И самая полная сумма общих фактов не способна дать картины мира. Их тоже обязательно нужно объединить. И самый наилучший, идеальный способ объединения общих фактов — открытие сущности явлений, представленных в мышлении фактами, выявление законов, определяющих динамику этих явлений. Познание сущности, законов дает возможность полноценно объединить общие, а тем самым и стоящие за ними единичные факты. Этот вид унитаризации можно назвать *эссенциализацией* (от лат. *essentia* — сущность), или *номонизацией* (от греч. «номос» — закон). Эссенциализация начинается с создания идеи, представляющей собой набросок, эскиз сущности, — *эссенциальной идеи*. Затем эссенциальная идея разрабатывается и в конечном результате возникает концепция, которая есть уже не эскиз, а картина сущности. Такого рода концепцию принято называть теорией. Поэтому данный процесс можно было бы назвать и *теоретизацией*.

В данном случае объединение означает не воссоздание целого из частей, а выявление общего между всеми данными явлениями, заключающегося в том, что все они подчинены действию одного и того же закона или одних и тех же законов.

Здесь мысль движется не от части к целому, как при холизации, а от одного уровня общего к более глубокому его уровню. С этим связано и определенное структурное различие между эссенциализацией и холизацией. Последняя предполагает существование двух компонентов: (1) холической идеи, или холической концепции и (2) холии — совокупности фактов, связанных воедино этой холической идеей, или концепцией. Эссенциализация предполагает существование лишь эссенциальной идеи и развившейся из нее эссенциальной концепции, которая именуется теорией. Никакой мыслительной конструкции, которая объединяла бы в себе теорию и факты при этом не возникает.

Эссенциализация, или теоретизация, является более высокой формой унитаризации, чем холизация. Она возникает довольно поздно в отличие от холизации, которая в различного рода формах существовала у людей всегда. Теория может быть научной и только научной (понимая под наукой и науку философии). Холия же может быть и чаще всего является не научной, а житейской.

Выше уже отмечалось, что унитаризация есть одна из форм осмысливания, ментализации мира. Как мы видим, она существует в двух разновидностях: в виде холизации и в виде эссенциализации. Различия между ними столь существенны, что их можно рассматривать как вполне самостоятельные формы осмысливания (ментализации) мира. Таким образом, вполне можно говорить о существовании четырех форм ментализации (осмысления) мира: концептуализации (включая категоризацию), (2) фактуализации, (3) холизации и (4) эссенциализации (теоретизации).

В отличие от холизации, процесс эссенциализации давно уже замечен и более или менее детально изучен. По нему существует огромная литература. Но это отнюдь не значит, что его не нужно продолжать исследовать.

4. Понимание и объяснение

Сказанное выше дает возможность понять, что собой представляют понимание и объяснение. Как мы видели, никакого сколько-нибудь четкого определения и понимания и объяснения в философской и научной литературе не существует, так же как не существует определения и понятия интерпретации (истолкования) фактов.

Одни философы практически в той или иной форме отождествляют объяснение и понимание.

Как заявляют они, объяснить означает сделать его понятным¹⁶. Другие полностью отрывают понимание и объяснение друг от друга. Так, например, поступал логический позитивист Карл Густав Гемпель (1905-1997). В его работах, в частности в написанной им совместно с П. Оппенгеймом «Логике объяснения» (1948) речь идет только об объяснении. Понятие понимания там полностью отсутствует. Его примеру последовал видный отечественный философ Евгений Петрович Никитин (1934-2001). В монографии «Объяснение — функция науки» (М., 1970) он вообще обошелся без понятия понимания. Но и те люди, которые тесно связывают понимание и пояснение, и те, которые их отрывают и даже противопоставляют друг другу, практически ничего не могут сказать ни о том, что их роднит, ни о том, что их отличает.

Современное состояние этой проблемы довольно ярко было обрисовано в статье А. Л. Никифорова и Е. И. Тарусиной «Виды научного объяснения» (1987). Хотя этой работе более двадцати лет, за прошедшие годы мало что в этой области знания изменилось к лучшему. «Увы, — пишут авторы, — даже сама постановка вопроса о связи объяснения с пониманием до недавних пор могла показаться несколько странной: широко известно и стало чуть ли не традиционным их противопоставление, как и противопоставление „объясняющих“ наук наукам „понимающим“». Действительно, истолковывая объяснение как подведение под закон, мы, по-видимому, очень далеко уходим от понимания. Причем этот отход имеет и оправдание: пусть житейское, ненаучное представление об объяснении соединяет его с пониманием; более строгое, научное определение понятия объяснения вовсе не обязано следовать за этим представлением и вправе отвлечься от его связи с пониманием. Почему же философы и методологи, анализирующие научное объяснение, так неохотно говорят о понимании? Потому, что содержание понятия понимания чрезвычайно неясно, почти невыразимо в языке. Как замечает Е. П. Никитин, при „попытке более точного анализа самым непонятным оказывается, что такое ‘понятное’“¹⁷. И каким бы ни было содержание понятия понимания, попытка соединить его с понятием объяснения сразу же вынуждает нас говорить не только об объяснении, но и о понимании фактов. Если объяснить — значит сделать понятным, то объяснение явлений природы дает нам их понимание.

¹⁶ См.: Бунге М. Причинность. Место причинности в современной науке. М., 1962. С. 325; *Meyerson E. De l'explication dans les sciences*. Paris, 1921. P. 185; *Dictionary of Philosophy. Ancient — Medieval — Modern*. Ed. by G. R. Dagobert. Ames, Iowa, 1955. P. 104; *Boden M. The Paradox of Explanation // Proceedings of Aristotelian society*. Vol. 62. № 2. P. 159; *Scriven M. Explanations, Productions, and Law // Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. Vol. 3. Ed. by H. Feigl and G. Maxwell. Minneapolis, 1962. P. 175-179 и др.

¹⁷ *Никитин Е. П. Объяснение — функция науки*. М., 1970. С. 7.

Но в каком смысле можно говорить о понимании явлений природы: неужели в том же самом, в котором мы говорим о понимании человека? Вопросы подобного рода показывают, с какими трудностями должна столкнуться всякая попытка соединить объяснение с пониманием. Поэтому в современной методологии научного познания эти понятия оказались так же далеки друг от друга, как Европа и Америка во время Колумба»¹⁸.

Полная беспомощность «современной методологии научного познания» решить проблему понимания и объяснения связана с тем, что она в большинстве случаев является позитивистской. Позитивизм во всех своих вариантах, включая и неопозитивизм и постпозитивизм, знает только рассудок и формальную логику. Понятия же объяснения и понимания суть категории не рассудка, а разума, не формальной, а содержательной логики, являющейся одновременно и теорией познания. Эти понятия невозможно определить, замыкаясь в рамках мышления, тем более одного только рассудочного мышления. Сущности их можно раскрыть только рассматривая их как моменты, стороны процесса познания объективного мира, понимаемого как отражение этого объективного мира.

Ничего дельного не могут сказать о соотношении понимания и объяснения не только сторонники аналитической философии, но и приверженцы философской герменевтики, которые тоже отвергают теорию отражения. П. Рикёр в лекции «Герменевтика и метод социальных наук», побившись над этой проблемой, кончает изложение такой сентенцией: «Понимание *предполагает* объяснение в той мере, в которой объяснение *развивает* понимание. Это двойное соотношение может быть резюмировано с помощью девиза, который я люблю провозглашать: больше объяснять, чтобы лучше понимать»¹⁹.

Выше интерпретация (истолкование) фактов было определено как их связывание, их объединение (унитаризация). Это объединение происходит путем создания либо холической идеи и, соответственно, холии, либо теории. Понимание есть отображение либо целостности, либо сущности явлений. Оно приходит с возникновением либо холической идеи и созданной на ее основе холии, либо эссенциальной идеи и развившейся из нее основе теории.

Использование введенных раньше понятий текстуализации разумотворений и интеллектуализации их радиотекстов дает ключ к выявлению соотношения между пониманием и объяснением.

¹⁸ Никифоров А. Л., Тарусина Е. И. Виды научного объяснения // Логика научного познания. Актуальные проблемы. М., 1987. С. 185.

¹⁹ Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М., 1995. С. 9.

Когда человек, создав холическую идею и холию или теорию, познает целостность или сущность исследуемых явлений, т. е. начинает понимать их, необходимостью является приобщить к этому пониманию и других людей. Единственный путь, ведущий к этому, — текстуализация идей, холий и теорий. Создание идеетекстов, холиотекстов и теоротекстов — это и есть то, что принято называть объяснением. Получив в свое распоряжение идеетексты, холиотексты и теоротексты, люди, не принадлежащие к числу их создателей, должны их интеллектуализировать, т. е. воссоздать с помощью этих рациотекстов в своем мышлении выраженные в этих текстах идеи, холии и теории, усвоить их.

Их можно заучить наизусть и ровным счетом ничего не понимать. С таким явлением столкнулся выдающийся физик, лауреат Нобелевской премии Ричард Филлипс Фейнман (1918-1988) в вузах Бразилии. «Я обнаружил, — писал он, — очень странное явление: я задавал вопрос, и студенты отвечали не задумываясь. Но когда я задавал вопрос еще раз — на ту же тему и, как мне казалось, тот же самый вопрос, они вообще не могли ответить! После длительного расследования я, наконец, понял, что студенты все запоминали, но ничего не понимали... Они могли сдать экзамены, и „учить“ все это, и не знать абсолютно ничего, кроме того, что они вызубрили»²⁰.

Важный способ интеллектуализации состоит в том, чтобы, не ограничиваясь полученными в готовом виде рациотекстами, создавать новые, выражающие те же самые разумотворения. Нужно вспомнить требование настоящих учителей (в широком смысле), научных наставников к своим ученикам (тоже в широком смысле, включая студентов и аспирантов и т. п.) выражать свои знания не чужими, а своими словами. Только тогда, когда человек будет не лихорадочно вспоминать слова данного ему готового, созданного другим человеком лингвотекста, в котором выражена та или иная новая для него идея или теория, а пользоваться при их изложении созданным им самим идеетекстом или теоротекстом, о нем можно с уверенностью сказать, что он понял данную идею или данную теорию, усвоил. Чтобы понять, нужно объяснять. Нельзя при этом не вспомнить известный вузовский анекдот. «Я, — рассказывает преподаватель, — объяснил студентам — ничего не понимают, снова объяснил — опять ничего не понимают, в третий раз объяснил — сам понял, а они по-прежнему ничего не понимают».

²⁰ «Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман!». Необычайные приключения Ричарда Ф. Фейнмана. М.: Ижевск, 2001. С. 295-206.

Глава 8. Идея — главная, ключевая форма разумного мышления

1. Идея в понимании ученых и философов

Как уже указывалось, идея лежит в основе любой унитаризации фактов. Она есть простейшая, элементарная единица унитаризации, интерпретации, истолкования фактов. Унитаризация начинается с появления идеи, которая либо кладется в основу холии либо развертывается в теорию. Унитаризацию с полным правом можно было бы назвать и *идеезацией*. И холия и теория не могут возникнуть без идеи. Идея является ядром, сердцевиной и холии и теории. Поэтому, хотя теория и холия очень важны, все же главной, ключевой формой разумного мышления является *идея*.

И если философы, занимавшиеся научным познанием, в большинстве своем не обращали, да сейчас не обращают внимание на идею, то совершенно иначе обстоит дело у мыслящих естествоиспытателей. Для них понятие идеи не только не менее, а может быть даже более важна, чем понятие факта. О том значении, какое придают ученые идее, свидетельствует хотя бы то, что великий физик-теоретик Макс Планк посвятил этому понятию целую работу, озаглавленную «Происхождение и влияние научных идей» (1933) ¹. «Наука, — писал он, — возникает из жизни и возвращается обратно в жизнь. И она получает стимул, единство и развитие из идей, которые в ней господствуют... Без идей исследование было бы беспланным, и энергия затрачивалась бы попусту. Лишь идеи делают экспериментатора — физиком, хронолога — историком, исследователя рукописей — филологом» ².

«Мы ценим факты, смотря по неизменяемости, — писал Ю. Либих, — а также и потому, что они доставляют почву для развития; но настоящую цену факт получает только от идеи, которая вытекает из него» ³. «Факт сам по себе ничто, — утверждал К. Бернар, — он имеет значение только вследствие идеи, с ним связанной...» ⁴

¹ Планк М. Происхождение и влияние научных идей // Избранные труды. М., 1975. С. 590 сл.

² Там же. С. 602.

³ Либих Ю. Письма о химии. Т. 1. С. 61.

⁴ Бернар К. Введение к изучению опытной медицины... С. 69; см. также: с. 33, 41 и др.

Мысль о связи идеи и фактов была в последующем глубоко раскрыта крупнейшим биохимиком, одним из основоположников молекулярной биологии академиком Владимиром Александровичем Энгельгардтом (1894-1984). «Ученый не должен, — писал он, — ...превращаться в архивариуса фактов. Да, факты важны, но они остаются безжизненными, пока их не одухотворит творческая идея. Если встать на путь метафор, то я сравнил бы факты с камнем, из которого скульптор высекает свое творение, или кирпичами, из которых воздвигают здание, задуманное архитектором. И ваятель, и архитектор держат в своем воображении какой-то образ, какую-то идею, которую они хотят извлечь из камня или воплотить в величественном строении. Именно так, как сопоставление, как сочетание инертного материала и одухотворяющей мысли, взаимодействуют идеи и факты в науке... Мне думается, что между идеями и фактами... существуют отношения комплиментарности. Факты не требуют оправданий своему существованию, если они установлены с достаточной надежностью. Иначе обстоит дело с идеями, где так легко уклониться в область беспочвенных мечтаний, унести в заоблачную высь...»⁵

Огромную роль идей в науке понимали не только естествоиспытатели. «Науку, — читаем мы в работе выдающегося русского историка-античника Михаила Семёновича Куторги (1809-1886), — составляют знания, логически соединенные в систему и проникнутые идеей»⁶.

Идею он определял как духовное начало, вытекающее из знаний. «Являясь результатом знаний, — писал автор об идее, — она их обобщает, проникает в каждое отдельное знание, дает ему жизнь и значение, указывает должное ему место в кругу сродных знаний, творит из частей целое»⁷.

«Вера в идею составляет единственное основание всякого знания. В науке должно искать идеи, — категорически утверждал великий русский литературный критик, публицист и мыслитель Виссарион Григорьевич Белинский (1811-1848). — Нет идей, нет и науки! Знание фактов только потому и драгоценно, что в фактах скрываются идеи; факты без идей — сор для голов и памяти»⁸. Высказываний такого рода можно было бы привести много, но, полагаю, сказанного вполне достаточно.

⁵ Энгельгардт В. А. Факты и идеи в творчестве ученого // Краткий миг торжества. О том, как делаются научные открытия. М., 1989. С. 22-23.

⁶ Куторга М. С. Историческое развитие понятия истории от начала шестнадцатого столетия до нашего времени. М., 1870. С. 6.

⁷ Там же. С. 10.

⁸ Белинский В. Г. Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым, адъюнкт-профессором императорского Александровского лицея. Санкт-Петербург, 1844 // Избранные философские сочинения. Т. 2. 1948. С. 137.

Так как идея является важнейшей, ключевой формой разумных мыслетворений, то только ее рассмотрение дает возможность понять две другие формы разумного мышления — холию (идеифактуальную картину) и теорию.

Не буду задерживаться на истории термина «идея». Как мы уже знаем, в качестве философского понятия, причем важнейшего, идея («эйдос») появляется в системе Платона. В последующем в истории философской мысли в слово «идея» зачастую вкладывалось самое различное содержание. Некоторые философы XVII-XVIII вв. использовали, например, это слово для обозначения даже форм чувственного познания: Джон Локк (1632-1704) называл простыми идеями ощущения и восприятия, Джордж Беркли (1685-1753) употреблял слово «идея» для обозначения ощущений и представлений, Давид Юм (1711-1776) — представлений. Новая его история началась с И. Канта, который стал рассматривать идею как форму разумного мышления. Этот взгляд получил разработку в трудах Г. Гегеля.

Но в дальнейшем развитии философской мысли этому понятию явно не посчастливилось. Само слово «идея» довольно часто употреблялось, но значение его при этом оставалось неясным. Разные авторы вкладывали в него далеко не одинаковый и зачастую довольно неопределенный смысл. Разве только что это слово перестали использовать для обозначения форм чувственного познания.

Понятие идеи в кантовском и гегелевском смысле, т. е. как формы разумного мышления, практически никем специально не разрабатывалось. Нет такой разработки ни у К. Маркса, ни у Ф. Энгельса, ни у В. И. Ленина. Это не значит, что классики марксизма вообще ничего не писали об идее. Наоборот, об идеях у них сказано много. Но везде в своих работах, говоря об идее, они, как правило, имели в виду идею особого рода, не познавательную, а программную, причем такую, которая действует в сфере общественного сознания в узком смысле слова, т. е. социарного сознания, — общественную, социальную идею. К гносеологии это прямого отношения не имело. Не занимались разработкой идеи как гносеологической категорией и советские философы.

По сути единственным философом-марксистом, обратившим внимание на идею как на форму мышления и попытавшимся раскрыть ее сущность был уже известный нам П. В. Копнин. Несомненно, что его интерес к идее был теснейшим образом связан с разработкой им понятий рассудка и разума. Выступив в «Вопросах философии» (1959. № 9) со статьей «Идея и ее роль в познании», он постоянно обращался к этому предмету в своих последующих трудах и, наконец, написал целую книгу «Идея как форма мышления» (Киев, 1963). В этих его работах имеются интересные мысли. Он был вполне прав, когда писал: «Идея — ключ к пониманию научной теории, ее становления и развития»⁹.

Однако, как он ни бился, понять сущность идеи, ее специфику как особой формы мышления, в частности вскрыть ее отличие от такой мыслительной формы как понятие, он так и не смог. Вот как он сам подвел итог своим исследованиям в этой области: «При определении идеи как формы мышления необходимо иметь в виду, что она не имеет никаких формально-логических критериев своего отличия от понятия. Ни по своей логической структуре, ни по своему языковому выражению идею нельзя отличить от понятия. Идея — это форма понятия. Формально-логическая характеристика понятия полностью распространяется на идеи, что и явилось причиной отсутствия описания идеи как специфической формы мышления в трудах по формальной логике»¹⁰.

Беда П. В. Копнина в том, что он так до конца и не понял сути различия между рассудком и разумом, не понял, что каждый из этих видов мышления имеет свои собственные специфические логические формы, которых нет у другого. Формально-логический анализ идеи невозможен потому, что формальная логика исследует только рассудочное мышление, а идея является формой только и только разумного, но ни коем случае не рассудочного мышления.

Непонимание П. В. Копниным качественного различия между рассудком и разумом совершенно отчетливо проявляется и в другом месте книги, где он пишет, что «исследование гносеологии понятия, суждения и умозаключения предполагает установление их места в построении и развитии научной теории»¹¹. В действительности же ни суждения, ни умозаключения не имеют никакого места в структуре теории и никакого отношения к ее развитию, ибо суждения и умозаключения являются формами рассудочного мышления, а теория относится к числу форм разумного мышления.

⁹ Копнин П. В. Идея как форма мышления. Киев, 1963. С. 106.

¹⁰ Там же. С. 80.

¹¹ Там же. С. 106.

Взгляд П. В. Копнина на идею как на один из видов понятий разделял крупный советский философ Алексей Сергеевич Богомолов (1927-1983). Он лишь уточнял, что идея есть тип не просто понятия, а конкретно всеобщего понятия¹². После П. В. Копнина и А. С. Богомолова из числа советских философов понятие идеи широко использовал в качестве гносеологической категории, пожалуй, лишь доктор философских наук Николай Кононович Вахтомин в книге «Генезис научного знания. Факт. Идея. Теория» (М., 1973). Он рассматривал идею как отражение сущности и тем самым форму теоретического знания, теснейшим образом связанную с теорией. «Идея, — писал он, — элемент теории, составляющий ее основу. Идея развивается в теорию, и теория есть развитая идея»¹³. И все же раскрыть сущность идеи не смог и он. В конечном счете идею он, как и П. В. Копнин, трактовал как одну из форм понятия¹⁴.

2. Идея и истина

Как ни пытался П. В. Копнин провести грань между понятиями и идеями, он так не смог заметить важнейшего различия между ними. Нельзя, говоря о словопонятиях, ставить вопрос об их истинности или ложности, за исключением, пожалуй, тех из них, которые обозначают вещи и существа, целиком созданные человеческой фантазией: богов, ангелов, чертей, кентавров и т. п. Ни рационалии, ни интеллектуалии не относятся к числу мыслетворений, способных нести истину.

А идеи, бесспорно, могут быть и реально являются истинными или ложными. Это такая форма разумного мышления, которая способна нести истину. Истинонесущими являются и такие формы разумного мышления как холия и теория. Но их истинность или ложность является производной от истинности или ложности идеи, лежащей в их основе. В этом отношении идея играет в разумном мышлении роль, сходную с той, что играет в рассудочном мышлении суждение. Как известно, в формальной логике и, как следствие, в многих философских учениях суждение рассматривается как единственная форма мышления, в которой выражается истина и заблуждение.

¹² *Богомолов А. С.* Существуют ли «конкретно всеобщие» понятия? // Вестник Московского университета. Серия VIII. Философия. 1968. №6. С. 28.

¹³ *Вахтомин Н. К.* Генезис научного знания. Факт, Идея. Теория. М., 1973. С. 218.

¹⁴ Там же.

И в обыденном и в философском языке часто используется понятие «мысль». Однако, насколько я знаю, оно никогда сколько-нибудь четко не определялось и не определяется. Несомненным является лишь то, что мысль может быть верной или неверной, т. е. истинной или ложной. Из этого вытекает, что под мыслью понимается или суждение, или идея. Когда говорят о том, что данная мысль вытекает из других мыслей, то имеются в виду суждения. Когда человек сообщает, что ему в голову пришла мысль, то имеется в виду идея.

Истинность или ложность и холии и теории зависит от истинности или ложности идей, лежащих в их основании. Если идея является ложной, то ложной будет основанная на ней холия или теория. Истинность идеи делает возможным появление истинной холии или теории. Но связь между истинностью (ложностью) идеи и истинностью (ложностью) холии или теории далеко не исчерпывается сказанным. Истинность (ложность) идеи действительно определяет истинность (ложность) холии или теории. Это с одной стороны. А с другой — нет никакого другого способа выявления истинности или ложности идеи, кроме выявления истинности или ложности созданной на ее основе холии или теории. Идею саму по себе взятую проверить нельзя. Проверить можно только холию или теорию. И если в ходе проверки холии или теории выясняется, что она верна, то это означает, что истинными являются идеи, лежащие в их основе. Ложность холии или теории свидетельствует о ложности лежащих в их основе теорий. Холия или теория верны в том случае, когда факты, которые они должны объяснить, связаны таким же образом, как соединены между собой соответствующие им эквиваленты в объективной реальности.

3. Идея эссенциальная и идея холическая

Подобно тому как существуют два вида унитаризации, существуют и два основных вида идей: один вид — *идея холическая*, другой — *идея эссенциальная*. Холическая идея лежит в основе холии, эссенциальная — в основе теории. Из этих двух видов идей высшей является эссенциальная идея.

Эссенциальная идея представляет собой зародыш, из которого в процессе дальнейшего исследования возникает теория. Эссенциальная идея в своей завершенной форме появляется в истории человеческого познания очень поздно: одновременно с появлением теории и теоретического мышления. Эту высшую форму эссенциальной идеи, а тем самым и идеи вообще можно назвать теоретической идеей. Именно в ней все особенности идеи выражены наиболее ярко.

Она всегда являлась сознательной. Но кроме теоретической могут существовать и более примитивные формы эссенциальной идеи, которые не всегда носили сознательный характер.

Холическая идея есть способ соединения единичных фактов в единое целое. Она присутствовала в разумном мышлении на всех этапах его существования и развития. Холическая идея могла создаваться вполне сознательно, но могла возникать и совершенно стихийно, причем человек, у которого она зародилась, вполне мог не осознавать ни ее появления, ни ее наличия у него. Существовали и существуют разные виды холической идеи от самых примитивных, совершенно стихийных вплоть до самых сознательных, вполне намеренно создаваемых.

Между эссенциальной и холической идеями нет абсолютной грани. Всякая холическая идея предполагает познание определенных связей объективного мира. И это связи такие, без которых невозможно бытие познаваемого объективного целого. В этом отношении данные связи являются если не сущностными, то во всяком случае существенными. Без познания этих существенных, необходимых для данного целого невозможно создать истинную холию. В этом смысле холическая идея в какой-то степени является и эссенциальной. В раннюю пору развития разумного мышления холическая и эссенциальная идеи могли совпадать. Такую же картину в определенных областях можно наблюдать и на самой высшей стадии развития разумного мышления.

4. Проблема и идея

Выше уже неоднократно повторялись слова И. В. Гёте: «В начале было дело». Все это верно и в отношении генезиса идеи. Идее, о которой выше шла речь, — идее познавательной, гносеологической, а таковой является идея и эссенциальная, и холическая, — в процессе развития предшествовала идея практическая. Нужда в ней возникала тогда, когда человек сталкивался с непривычными ситуациями, выхода из которых невозможно было найти, основываясь на одном лишь прошлом опыте. Нужно было искать новые, еще не испробованные пути. Здесь мы сталкиваемся с еще одной важной категорией разумного мышления — понятием *проблемы*. Первые проблемы были практическими: как, например, смочь изготовить орудие из ранее не использовавшегося, незнакомого материала, выйти из опасного положения, в которое люди раньше никогда не попадали и т. п.

Практическая проблема включала в себя два основных момента. Первый — осознание того, что нам неизвестен выход из создавшегося положения, знание о том, что мы не знаем, как нужно действовать, чтобы выйти из сложившейся опасной ситуации. Второй момент — обусловленная этим осознанием задача найти выход из ситуации. Путь к решению этой практической задачи может быть найден только через практическую же идею. *Практическая идея* возникает как ответ на практическую проблему. Возникнув на заре человечества, практическая проблема продолжала существовать на протяжении всей его истории. Одна из важнейших ее форм — проблема создания ранее не существовавших, но нужных человеку вещей — изобретательская проблема. Вместе с ней возникает *изобретательская идея*. Изобретательство всегда было важным видом человеческой деятельности. И, наконец, довольно поздно как ответ на проблемы общественной жизни появляется *социальная программная идея*.

Практическая проблема продолжала развиваться, сохраняясь как таковая. Но постепенно в процессе исторического развития на основе практических проблем и практических же идей возникают познавательные проблемы и познавательные же идеи. Если раньше проблема выступала в форме вопроса о том, как это сделать, то теперь встает вопрос, как это было сделано? И только в дальнейшем наконец исчезает понятие творца, и вопрос приобретает новые формы: вначале «как это устроено?», а затем — «как это возникло?».

Эти вопросы могли затронуть и затронули не только область повседневной практической деятельности людей, но и более широкую сферу действительности, включая самые различные явления природы и общества. И как ответ на него возникло, помимо всего прочего, такое явление духовной жизни людей, которое принято именовать *мифом*. Не вдаваясь ни в какие подробности, ибо это увело бы слишком далеко от основной темы, ограничусь здесь лишь резюме моих работ, посвященных этому сюжету ¹⁵.

В своей исходной первоначальной форме миф (греч. «миф» — слово, сказание, предание) есть передающееся от поколения к поколению повествование, в котором те или иные природные или социальные явления истолковываются и объясняются как результаты действий определенных персонажей — героев этого рассказа, живших в особом прошлом времени. Эти мифические персонажи, которые обычно именуются культурными героями, ввели ныне существующие нормы, обычаи, ритуалы, изобрели определенные орудия, подчинили какие-то силы, например огонь, создали те или природные явления.

¹⁵ Подробнее см.: Семёнов Ю. И. Тотемизм, первобытная мифология и первобытная религия // Скепсис. № 3-4. Весна 2005 г.

Каждый миф, таким образом, содержит более или менее разработанную идею, объединяющую и объясняющую определенные, интересующие людей факты, причем идею по своей внешности эссенциальную, что дало некоторым исследователям основание трактовать миф чуть ли не как своеобразный вариант теории. В действительности же миф резко отличается от теории как по содержанию, так и по форме. Сущность феноменов, нарисованная в мифе, является не реальной, а иллюзорной. И эта иллюзорная сущность, нарисованная в мифе, выражена не в системе понятий, а в художественных образах. Миф есть продукт художественного творчества.

Познавательная проблема, так же как и практическая, включает в себя два момента. Первый — осознание того, что мы чего-то не знаем, точнее что мы чего-то не понимаем и не в состоянии объяснить.

Проблема всегда — прежде всего знание о нашем незнании, понимание отсутствия понимания. Второй момент — вытекающая из первого момента задача — понять, прийти к пониманию этого чего-то и тем самым объяснить его. А для этого нужна новая идея.

Познавательная идея возникает в ответ на познавательную проблему.

Развитие научного, и не только научного знания невозможно без постановки проблемы. Поставить проблему означает понять, что мы чего-то не знаем, чего-то не понимаем. А это не так-то просто. Большинству не только обычных людей, но и рядовых ученых нередко кажется все в основном известным и понятным. «И, — говорил И. П. Павлов, — победа великих умов в том и состоит, что там где обыкновенный ум считает, что им все понято и изучено, великий ум ставит себе вопрос: „Да действительно ли все понято, да в самом деле это так?“. И сплошь и рядом одна уже такая постановка вопроса есть преддверие крупного открытия»¹⁶.

На огромное значение постановки проблемы указывал в своей «Автобиографии» (1939) и посмертно изданной «Идее истории» (1946) известный английский историк и философ Робин Джордж Коллингвуд (1889-1943). «Научные историки, — писал он, — изучают проблемы — они ставят вопросы и, если они хорошие историки, задают такие вопросы, на которые можно получить ответ»¹⁷.

¹⁶ Павлов И. П. Об уме // Неопубликованные и малоизвестные материалы И. П. Павлова. Л., 1976. С. 23.

¹⁷ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 268. См также: С. 335-336, 358 сл.

5. Идея и суждение

Так как существуют различные виды идей, то и возникают они поразному. Однако при всех различиях в генезисе всех идей есть нечто общее, что их всех роднит и в то же время отличает от суждений. Новые суждения выводятся из одного или нескольких уже известных суждений.

Факты существуют в сознании в оболочке суждений. С этим связан отстаиваемый некоторыми философами взгляд на факты как на истинные суждения. Идеи тоже внешне выражаются в суждениях. В этом коренится взгляд на идею как на суждение или совокупность и даже систему суждений. Отсюда попытки представить возникновение идеи как процесс выведения общего суждения из других, единичных или особенных суждений, т. е. как индукцию. Этот взгляд совершенно ошибочен во всех отношениях.

Как уже указывалось выше, он находится в полном противоречии со всеми имеющимися данными. Ошибочно представление о факте как истинном суждении. Хотя любая идея действительно может быть выражена только в суждениях, она не представляет собой ни суждения, ни набора суждений, ни системы суждений. Она есть определенная система понятий разума, интеллектуалий. Нужно совершенно четко различать идею как систему интеллектуалий и ее изложение — идеетекст, которой всегда представляет собой набор суждений, состоящих из словопонятий, рационалий.

Но если об идее ни неопозитивисты, ни постпозитивисты ничего не говорят, ибо такая категория в их понятийном аппарате полностью отсутствует, как нет в нем и понятия холии, то объявляя себя философами науки, они не могут обойти понятия теории. И теорию они понимают как высказывание, предложение или совокупность или даже систему высказываний, предложений. Но хотя теория действительно может быть выражена только в суждениях, состоящих из рационалий, она ни в коей мере не состоит из суждений. Она, как и холия, как и идея, всегда есть система понятий разума, интеллектуалий.

Именно то обстоятельство, что все формы разумного мышления: и идея, и теория, и холия выражаются в суждениях, являющихся формой рассудочного мышления, имеет своим следствием сведение всех их к суждениям, и тем самым — разумного мышления к рассудочному мышлению. Наиболее наглядно это проявляется у неопозитивистов и постпозитивистов. Они совершенно не замечают бытия разумного мышления вообще, существования идеи в частности. Для них существует одно лишь рассудочное мышление. А научное познание есть разумное мышление.

Поэтому люди, претендующие на то, что они философы науки, практически ничего сколько-нибудь дельного о научном познании сказать не могут. Они не знают и заведомо не могут знать специфики научного познания. И дело обстоит именно так, с какой бы стороны мы ни подошли к этой философии. Научное познание есть познание общего, познание сущности явлений. Спрашивается, что могут сказать о нем философы, отрицающие объективное существование общего, сущности. Практически ничего. В этом смысле крах неопозитивизма, а затем и провал постпозитивизма был абсолютно неизбежен.

Глава 9. Интуиция как форма разумного мышления

1. Рождение идеи. Озарение (инсайт) и интуиция (наитие)

Идея не может быть выведена из фактов. Это относится ко всем видам идей, но особенно наглядно это можно видеть на примере высшей формы идеи — теоретической идеи. Возникновение эссенциальной идеи — первый шаг на пути познания сущности, предварительное отображение сущности. Сущности в чистом виде в мире не существует. Она имеет бытие только в явлениях и через явления. Познать сущность — воссоздать ее в мышлении в чистом виде, т. е. в таком, в каком она в реальности не существует и существовать не может. Для этого необходимо воображение, причем не наглядное, а умственное. Как уже отмечалось (П. 14.1), даже создание любого понятия, включая рассудочное, невозможно без фантазии. Тем более только как продукт мыслительной фантазии может возникнуть идея, представляющая собой систему разумных понятий (интеллектуалий). Чтобы создать идею, а затем и теорию, обязательно нужно, с одной стороны, основываться на фактах, а с другой — оторваться от них. Нельзя создать идею, не оторвавшись от фактов, но этот отрыв не должен быть чрезмерным, ибо иначе идея будет ложной.

Создание идеи необходимо предполагает дерзость, смелость мысли, что И. П. Павлов называл абсолютной ее свободой. «Без абсолютной свободы мысли, — говорил он, — нельзя увидеть ничего истинно нового, что не являлось бы прямым выводом из того, что нам уже известно... Только тогда, когда наша мысль может все вообразить, хотя бы это противоречило установленным положениям, только тогда она может заметить новое. И мы имеем прямые указания, идущие от великих мастеров науки, где этот прием применяется полностью, в самой высшей мере. О знаменитом английском физике Фарадее известно, что он делал до такой степени невероятные предположения, так распускал свою мысль, давал такую свободу своей фантазии, что стеснялся в присутствии всех ставить известные опыты. Он запирался и работал наедине, проверяя свои дикие предположения»¹.

¹ Павлов И. П. Об уме // Неопубликованные и малоизвестные материалы И. П. Павлова. Л., 1976. С. 19-20.

Если новое суждение выводится, то идея выведена быть не может. Она не выводится, она рождается. И опять-таки больше всего материала имеется о возникновении, рождении теоретической идеи. Поэтому именно ее я и буду прежде всего иметь в виду. Возникновению идеи всегда предшествует появление проблемы. Появление идеи — реакция на возникновение проблемы. Идея нужна для решения проблемы. Деятельность по созданию идеи есть поиск решения проблемы.

Мыслительная работа, результатом которой является рождение идеи, начинается с по возможности более четкой и точной постановки проблемы. Затем человек концентрирует свое внимание на фактах, которые необходимо объединить, истолковать. Начинает работать мысль. Эта мыслительная деятельность отнюдь не исключает рассуждений. Ведь разумное мышление невозможно без рассудочного. Но главное здесь не рассуждения: не движение от одной рационалии к другой, не выведение одних суждений из других, а процесс движения, перехода, перелива, взаимоперехода и взаимопревращения интеллектуалий. Именно этот процесс имел в виду Г. Гегель, когда говорил о самодвижении понятий. Именно его имеют в виду, когда говорят не о рассуждениях, а о раздумывании, обдумывании, продумывании, разумении.

Если словопонятиями, рационалиями мы оперируем: соединяем их, разъединяем, комбинируем, то этого нельзя сказать об интеллектуалиях. Они сами переливаются, движутся, и наша задача состоит здесь в том, чтобы по возможности поставить этот объективный процесс под наш контроль и направить на достижение нужного нам результата. Помимо постановки проблемы и концентрации внимания на нужном для ее решения фактическом материале, контроль выражается в оперировании предельно общими понятиями — категориями диалектики. Умелое управление этими категориями способствует успеху, неумелое — затрудняет, а иногда и прямо препятствует достижению поставленной цели.

«Первое самое общее свойство, качество ума, — говорил И. П. Павлов, — это постоянное сосредоточие мысли на определенном вопросе, предмете. С предметом, в области которого вы работаете, вы не должны расставаться ни на минуту. Поистине, вы должны с ним засыпать, с ним пробуждаться, и только тогда можно рассчитывать, что настанет момент, когда стоящая перед вами загадка раскроется, будет разгадана.

Вы понимаете, конечно, что когда ум направлен к действительности, он получает от нее разнообразные впечатления, хаотически складывающиеся, разрозненные. Эти впечатления должны в вашей голове быть в постоянном движении, как кусочки в калейдоскопе, для того чтобы после в вашем уме образовалась наконец та фигура, тот образ, который отвечает системе действительности, является его верным отпечатком»².

В результате неустанной работы мышления, бьющегося над решением проблемы, в нем рано или поздно возникает такое сочетание интеллектуалий, которое соединяет воедино, объединяет факты и тем самым дает их понимание и объяснение. Эта система, этот комплекс интеллектуалий и есть идея. С появлением идеи становится ясным то, что было до этого загадкой, было, образно выражаясь, скрыто во тьме незнания. Прекрасное описание рождения новой идеи (и тем принципиального решения мучившей исследователя проблемы) дал И. В. Гёте, вложивший в уста Фауста слова: «Но свет блеснул — и выход вижу я...»³ Рождение идей как *озарения* характеризуют и многие другие авторы. В литературе по психологии мышления за этим явлением закрепилось название *инсайта*. Весь же процесс, результатом которого является рождение идеи, давно уже и в философской и психологической литературе именуется *интуицией*. В русском языке это слово может быть передано и как *наитие*.

Как уже говорилось (2.4), психологи, сами это сколько-нибудь четко не осознавая, заново открыли для себя существование рассудочного и разумного мышления. Выражено было это открытие далеко не в адекватных формах. Видели они различие этих выделенных ими двух видов мышления в том, что одно из них является сознательным, а другое — бессознательным, подсознательным, одно — словесным, речевым, а другое — бессловесным. Но главное различие между ними, по мнению большинства из них состояло в том, что первое было логическим, дискурсивным, а второе с необходимостью предполагало интуицию, было интуитивным.

И проводя это последнее различие, психологи опирались не столько на данные проводимых ими экспериментов, сколько на рассказы выдающихся ученых, которые делали подлинные открытия в науке. Так как при рассмотрении вопроса об интуиции психологи в основном выступали в роли комментаторов, то лучше всего обратиться к первоисточникам. Многие ученые, рассказывая о том, как рождаются идеи и совершаются открытия, ограничивались отрывочными высказываниями.

² Павлов И. П. Об уме... С. 17.

³ Гёте И. В. Фауст / Пер. Н. А. Холодковского. Часть первая. М., 1936. С. 82.

Но были и такие, которые делали и общие выводы и даже пытались создать свои собственные концепции познания. К ним прежде всего относятся математики Анри Пуанкаре и Владимир Андреевич Стеклов и физики-теоретики Луи Виктор де Бройль (1892-1987) и Евгений Львович Фейнберг (1912-2006).

Их работы особенно интересны тем, что в отличие от психологов, они подходили к данным проблемам не с когнитивных, а с философских, гносеологических позиций, для них мышление выступало как процесс постижения истины.

2. А. Пуанкаре, В. А. Стеклов, Л. де Бройль, А. Эйнштейн, Э. Мах и Е. Л. Фейнберг о двух видах мышления

Все названные ученые, основываясь на практике научной деятельности, как своей собственной так и других естествоиспытателей, пришли к выводу о существовании двух качественно отличных видов мышления, т. е. заново, даже не подозревая об этом, открыли для себя подразделение мышления на рассудочное и разумное.

Во второй книге цикла (II.9.2) уже приводились слова А. Пуанкаре о том, что мышление, подчиненное законам чистой логики, не способно дать нового знания, не может положить начало никакой науке. Отсюда им делался вывод: «Для того чтобы создать геометрию или какую-бы то ни было науку, нужно нечто иное, чем чистая логика. Для обозначения этого другого у нас нет иного слова, кроме слова „интуиция“»⁴.

По мнению А. Пуанкаре, ученые мыслят далеко не одинаково. «Одни прежде всего заняты логикой; читая их работы, хочется думать, что они шли вперед лишь шаг за шагом, по методу какого-нибудь Вобана, который предпринимает свою атаку против крепости, ничего не веряя случаю. Другие веряют себя интуиции и подобно смелым кавалеристам авангарда сразу делают быстрые завоевания, впрочем иногда не очень надежные»⁵.

«Оба рода умов одинаково необходимы для прогресса науки; как логики, так и интуитивисты создали великие вещи, которые не смогли бы создать другие»⁶. Только интуиция дает возможность получить новое знание, но она «не может дать нам ни строгости, ни достоверности»⁷.

⁴ Пуанкаре А. Ценность науки // Пуанкаре А. О науке. М., 1990. С. 210.

⁵ Там же. С. 205.

⁶ Там же. С. 207.

⁷ Там же. С. 208. См. также: с. 209.

Доказать правильность того или иного нового положения может только логика. «Таким образом, — резюмирует А. Пуанкаре, — логика и интуиция играют каждая свою необходимую роль. Обе они неизбежны. Логика, которая одна может дать достоверность, есть орудие доказательства; интуиция есть орудие изобретательства»⁸.

Логическое познание всегда сознательно. Интуитивное познание может быть и нередко бывает бессознательным, подсознательным. В математическом творчестве подсознательное «я» играет «роль первостепенной важности». Все это дает основание А. Пуанкаре выдвинуть гипотезу: «„Я“ подсознательное несколько не „ниже“ „я“ сознательного; оно отнюдь не имеет исключительно механического характера, но способно к распознаванию, обладает тактом, чувством изящного; оно умеет выбирать и отгадывать»⁹.

Сходные с А. Пуанкаре идеи высказывал выдающийся отечественный математик В. А. Стеклов в работе «Математика и ее значение для человечества» (1923), которая имеет также и другое название — «Математика и философия познания». Характеризуя процесс научного познания, ведущий к открытию нового, до этого неизвестного человечеству, ученый писал: «Процесс этот производится бессознательно, формальная логика здесь никакого участия не принимает, истина добывается не цепью умозаключений, а именно чувством, которое мы называем интуицией, идущей поверх того, что обыкновенно понимают под именем сознания. Она входит в сознание в виде готового суждения без всякого доказательства. Но, конечно, в последнем нуждается не только сам творец, но и все человечество. Истина, приобретенная таким путем, должна быть либо строго доказана, либо подтверждена всеми предыдущими или следующими за ее открытием опытами и наблюдениями, в противном случае она пропадает бесследно, или лежит иногда по несколько веков без движения и без всякого влияния на практическую и умственную жизнь человечества»¹⁰. Говоря об ученых, творцах научного знания В. А. Стеклов подчеркивает: «Метод открытия и изобретения у всех один и тот же, ибо при помощи логики никто ничего не открывает; силлогизм может только приводить других к признанию той или другой уже заранее известной истины, но как орудие изобретения бессилён»¹¹.

К сходным с А. Пуанкаре и В. А. Стекловым выводам приходил и Л. де Бройль. Он тоже исходил из того, что мышление, всецело подчиненное правилам формальной логики, не в состоянии дать принципиально нового знания (II.9.2).

⁸ Пуанкаре А. Ценность науки... С. 215.

⁹ Пуанкаре А. Наука и метод // Пуанкаре А. О науке. М., 1990. С. 408-409.

¹⁰ Стеклов В. А. Математика и ее значение для человечества. Берлин, 1923. С. 105.

¹¹ Там же. С. 110.

Чтобы совершить открытие, ум должен идти по другому пути. Это другой способ познания Л. де Бройль в одних работ называл индукцией¹², хотя фактически имел в виду воображение и интуицию, в других — прямо воображением и интуицией. «Воображение, позволявшее нам представить себе сразу часть физического мира в виде наглядной картины, интуиция, раскрывающая нам в каком-то внутреннем прозрении, не имеющем ничего общего с тяжеловесными силлогизмами, глубины реальности, — писал он, — являются возможностями, органически присущими человеческому уму; они играли и повседневно играют существенную роль в создании науки»¹³.

Далее Л. де Бройль предостерегает против переоценки значения воображения и интуиции в науке. Они остаются «необходимыми вспомогательными средствами ученого в его движении вперед»¹⁴. Но буквально на той же странице Л. де Бройль характеризует интуицию как способ свершения всех великих научных открытий. «Однако, — категорически утверждает он, — нельзя недооценивать необходимой роли воображения и интуиции в научном исследовании. Разрывая с помощью иррациональных скачков (их важность некогда подчеркивал Мейерсон) жесткий круг, в который нас заключает дедуктивное рассуждение, индукция, основанная на воображении и интуиции, позволяет осуществить великие завоевания мысли; она лежит в основе всех истинных завоеваний науки... Таким образом (поразительное противоречие), человеческая наука, по существу рациональная в своих основах и по своим методам, может осуществлять свои наиболее замечательные завоевания лишь путем опасных внезапных скачков ума, когда проявляются способности, освобожденные от тяжелых оков строгого рассуждения, которые называют воображением, интуицией, остроумием. Лучше сказать, ученый проводит рациональный анализ и перебирает звено за звеном цепь своих дедукций; эта цепь его сковывает до определенного момента; затем он от нее мгновенно освобождается, и свобода его воображения, вновь обретенная, позволяет ему увидеть новые горизонты»¹⁵.

¹² Бройль Л. де. По тропам физики // Бройль Л. де. По тропам науки. М., 1962. С. 177-178.

¹³ Бройль Л. де. Роль любопытства, игр, воображения и интуиции в научном исследовании // Бройль Л. де. По тропам науки... С. 292-294.

¹⁴ Там же. С. 294.

¹⁵ Там же. С. 294-295.

Но тут же Л. де Бройль предупреждает, что освобождение «от оков строгой дедукции» может «вести в заблуждение или даже завести в тупик»¹⁶. Обязательно нужна проверка, и она осуществляется посредством дедукции. Л. де Бройль придает огромное значение «строгости дедуктивного рассуждения». «На самом деле, — подчеркивает ученый, — лишь она мешает воображению впасть в заблуждение, лишь она позволяет после установления индукцией новых исходных пунктов вывести следствия и сопоставить выводы с фактами. Лишь одна дедукция может обеспечить проверку гипотез и служить ценным противоядием против не в меру разыгравшейся фантазии»¹⁷.

Сходных взглядов придерживался Альберт Эйнштейн (1879-1955), хотя в отличие от названных выше авторов, он сколько-нибудь подробно по этому вопросу не высказывался. Он неоднократно категорически утверждал, что теории никогда логически не выводимы из фактов (см.: 12.1; 14.1). С этим тесно связаны его высказывания, в которых идет речь об интуиции как способе познания, отличном от логического. «Высшим долгом физика, — писал он, — является поиск тех общих элементарных законов, из которых путем общей дедукции можно получить картину мира. К этим законам ведет не логический путь, а только основанная на проникновении в суть опыта интуиция»¹⁸. Эти слова почти дословно он повторил и в другой своей работе: «Высшая задача физика состоит в открытии наиболее общих элементарных законов, из которых можно было бы логически вывести картину мира. Единственным способом их постижения является интуиция»¹⁹.

Интересны ответы А. Эйнштейна на вопросы, которые задавали ему корреспонденты нью-йоркских газет на встрече в день его пятидесятилетия (1929). Прямо к интересующей нас теме относились два вопроса:

«Вопрос. В каком соотношении находятся в Вашем творчестве:

- а) произвольное и сознательное мышление,
- б) произвольное, но все же сознательное, мышление,
- в) бессознательное?

Ответ Эйнштейна. Поиски и даже суждения делаются чутьем. Но в большинстве случаев я могу апостериори осознать основания. Последние безусловно необходимы для формулировки.

¹⁶ Там же. С. 295.

¹⁷ Бройль Л. де. По тропам физики... С. 178.

¹⁸ Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // Собр. научн. трудов: в 4 т. Т. 4. М., 1967. С. 40.

¹⁹ Эйнштейн А. Пролог // Собр. научн. трудов: в 4 т. Т. 4. С. 154.

Вопрос. Что Вас побуждает к новым последовательным работам?
Ответ Эйнштейна. Чаще всего всякая работа зависит от какой-нибудь конструктивной внезапной догадки (Einfall)»²⁰.

Сходные мысли встречаются в работах Эрнста Маха (1838-1916), который, как известно, был крупным физиком-теоретиком.

«...Силлогизм и индукция, — писал он в статье „Дедукция и индукция в психологическом отношении“, — не ведут к новому познанию...

Таким образом ясно, что настоящий источник познания нужно искать где-нибудь в другом месте»²¹. «Логика, — повторяет он на другой

странице той же статьи, — не дает никаких новых познаний. Откуда же они получаются?». И на этот вопрос он тут же дает ответ: «В основе нового познания лежит *интуиция*...»²².

В статье «Ощущение, воззрение, фантазия» Э. Мах особо подчеркивает, что «для работы научного исследования требуется сильно развитая фантазия»²³.

Если А. Пуанкаре и Л. де Бройль, не говоря уже о Э. Махе и А.

Эйнштейне, все же писали о двух способах познания (логическом и интуитивном) в основном лишь попутно, то Е. Л. Фейнберг посвятил

этой проблеме целую книгу «Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке» (М., 1981; 2-е изд. М., 1992; 3-е изд. Фрязино, 2004). Автор нигде не использует понятий рассудка и разума. Но на

основе обобщения опыта исследовательской деятельности как своей, так и значительного числа ученых, прежде всего, разумеется,

естествоиспытателей, он приходит к выводу о существовании двух различных видов мышления: мышления дискурсивного, логического и

мышления внелогического, интуитивного. Важнейшая особенность интуитивного мышления заключается в том, что полученные им

результаты не могут быть обоснованы логически. Говоря о логике, логическом характере первого вида мышления, Е. Л. Фейнберг,

разумеется, имеет в виду формальную логику. Соответственно, под логическим обоснованием он понимает выведение одних суждений из

других в соответствии с законами формальной логики.

Не ограничиваясь общими положениями об интуиции, Е. Л. Фейнберг выделяет два вида интеллектуальной интуиции: интуиция-догадка

(интуиция-предвосхищение, «эвристическая интуиция») и интуиция-суждение (интуитивное умозаключение)²⁴. Можно спорить с

применяемыми им обозначениями двух форм интеллектуальной интуиции. Как догадка рождается любая идея. В этом смысле любая

интеллектуальная интуиция может быть названа догадкой.

²⁰ Цит.: *Бернштейн М. А.* Эйнштейн о научном творчестве // Эйнштейновский сборник. 1968. М., 1968. С. 204; *Helle Zeit — dunkle Zeit.* 1956. S. 72.

²¹ *Мах Э.* Дедукция и индукция в психологическом отношении // *Мах Э.* Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М., 1909. С. 316.

²² Там же. С. 318.

²³ *Мах Э.* Ощущение, воззрение, фантазия // *Мах Э.* Познание и заблуждение... С. 159.

²⁴ *Фейнберг Е. Л.* Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. Фрязино, 2004. С. 54-55, 63.

Но по сути Е. Л. Фейнберг во многом прав. Когда идет рассуждение, выведение одного суждения из другого, одновременно с рассудком работает и разум. И разум может опередить рассудок и предсказать вывод, который рассудок еще не успел сделать. А уж затем уже рассудок обосновывает правильность этого вывода. Иначе говоря, Е. Л. Фейнберг, говоря об интуиции-догадке, имеет в виду рассудочное мышление, лишь дополняемое разумным. И ему очень важно отличить от рассудочного мышления совсем иной способ постижения истины, мыслительный процесс совершенно иного рода.

Когда Е. Л. Фейнберг говорит об интуиции-суждении и интуитивном умозаключении, то он вовсе не имеет в виду, что и второму виду мышления присущи те же самые формы, что и первому — дискурсивному. Таким способом он выражает мысль, что интуиция во втором виде мышления играет ту роль, которую в дискурсивном мышлении играют суждения и умозаключения. Суждений же и умозаключений в привычном смысле слова в интуитивном мышлении нет.

Открыв для себя заново существование двух видов мышления, которые традиционно именуются рассудочным и разумным, Л. Е. Фейнберг не стал создавать теорию разумного мышления и выявлять специфические для него логические формы. Это дело уже специалистов по теории познания. Но нельзя не восхититься тем, насколько же он продвинулся дальше в понимании сущности научного познания по сравнению с сонмом профессиональных философов науки.

Как видно из всего сказанного выше, А. Пуанкаре, В. А. Стеклов, Л. де Бройль, А. Эйнштейн, Л. Е. Фейнберг, в меньшей мере Э. Мах заново открыли для себя бытие тех двух качественных отличных видов мышления, о существовании которых философы писали с античных времен и которые были окончательно выявлены Г. Гегелем, — рассудочного мышления и разумного мышления. Но сами эти ученые (как и уже упоминавшиеся в целом ряде разделов специалисты по психологии мышления) об этом философском открытии ничего не знали. С этим связаны и определенные употребляемые ими формулировки. Все они называют логическим только рассудочное мышление.

Это обусловлено тем, что они знали только одну логику — формальную. О существовании иной логики (диалектической) они не подозревали. А она тем не менее существует. И поэтому мышление, которое они называют интуитивным, тоже является логическим, но только не формально-логическим, рассудочным, а диалектико-логическим, разумным.

Для них привычным было не только сведение логики к формальной логике, логического только к формально-логическому, но и мышления — к рассудочному мышлению. Поэтому никто из них не решается прямо назвать познание с помощью интуиции мышлением. Об это говорится лишь косвенно: А. Пуанкаре пишет, причем только в одном месте, о двух «рода умов», Л. де Бройль — о двух путях движения ума: дедукции и интуиции, о присущих уму строгих дедуктивных рассуждениях и о его скачках, Л. Е. Фейнберг — о существовании кроме обычных суждений и умозаключений интуитивных суждений и умозаключений²⁵.

Л. де Бройль, называя интуитивные прорывы к новому знанию «скачками ума», одновременно применяет для их характеристики понятие иррациональности. Он именует их «иррациональными скачками». Если понимать под «рацио» не мышление вообще, а только рассудочное мышление, то такая формулировка верна. Эти скачки действительно лежат за пределами рассудочного мышления, но не мышления вообще. Ведь кроме рассудка существует разум. И будучи нерассудочными, и, в этом смысле, иррациональными, эти скачки остаются в рамках мышления: они суть движения другого вида мышления: разума, интеллекта. Но вряд ли Л. де Бройль вкладывал в слово «рациональность» столь узкий смысл. Скорее всего по традиции он все же под иррациональным понимал нечто отличное, а может быть и противоположное не рассудку, а мышлению вообще. И тем вступал в противоречие с самим собой: ведь он же характеризовал эти скачки как скачки ума, т. е. мышления.

В этой связи нельзя не вспомнить высказывание Г. Гегеля о том, что поскольку спекулятивное, т. е. разумное, мышление выходит за пределы рассудка, то оно может быть названо мистическим. «Все разумное, — пишет он, — мы, следовательно, должны вместе с тем называть мистическим, говоря этим лишь то, что оно выходит за пределы рассудка, а отнюдь не то, что оно должно рассматриваться вообще как недоступное мышлению и непостижимое»²⁶.

²⁵ Бройль Л. де. Роль любопытства... С. 294.

²⁶ Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики... С. 213.

3. Проблема интуиции в истории философской мысли

До сих я рассматривал интуицию в том ее виде, в каком она представляла в работах ученых, которые сами практически имели с ней дело, и в произведениях специалистов, занимавшихся исследованиями психологии мышления и научного творчества. Но задолго до этого проблемами интуиции начали заниматься философы. Было бы, конечно, крайне желательным дать более или менее полный обзор философских трудов, в которых поднимался и решался вопрос о природе интуиции. Но это самостоятельная и большой тема. Заняться ею значит уйти в сторону от основного предмета данного цикла работ. Поэтому я вынужден ограничиться лишь беглыми замечаниями, в которых будут присутствовать лишь некоторые, наиболее важные в этом отношении фигуры. Довольно полную картину развития учения об интуиции, но только в Новое время, можно найти в работе Валентина Фердинандовича Асмуса (1894-1975) «Проблема интуиции в философии и математике» (М., 1965; 2002).

Проблема интуиции тесно связана с вопросом о подразделении мышления на разумное и рассудочное. Философы, которые выделяли два вида мышления, нередко одновременно писали и об интуиции, чаще всего, но отнюдь не обязательно, связывая ее с разумом. Философы, уделявшие в своих построениях особое внимание интуиции, нередко приходили к выводу о бытии двух видов мышления, не всегда впрочем используя для их именованя термины разума и рассудка. Но были и такие мыслители, которые никак не связывали вопрос об интуиции с проблемой двух видов мышления. Одни из них писали только об интуиции, но не о разных видах мышления, а другие — только о двух видах мышления, но не об интуиции. Ситуацию осложняет и то обстоятельство, что говоря о разуме (интеллекте), рассудке (рацио) и интуиции, разные авторы использовали для их обозначения и иные, кроме названных выше, термины, а когда употребляли именно эти, то вкладывали в них далеко не одинаковый, а иногда даже и противоположный смысл.

Говоря о явлении, которое теперь принято называть интуицией, философы в большинстве своем понимали его не совсем так, как ученые-теоретики и специалисты по психологии творческого мышления. В истории философской мысли интуитивное знание чаще всего понималась как такое, которое появляется сразу, мгновенно, без предварительных усилий познающего субъекта и является непосредственным, очевидно истинным, не требующим никаких доказательств. Интуицию обычно подразделяют на чувственную и иную.

С чисто формальной точки зрения к интуитивному знанию относится фактически восприятие предмета. Если я вижу, что предмет, например, белый, то так оно и есть: это совершенно очевидно и не требует доказательств. Но практически, когда речь заходит о чувственной интуиции, то под ней понимают мгновенное узнавание того или иного объекта, при котором сам субъект не в состоянии объяснить, каким образом он опознал это объект.

Но обычно в центре внимания философов была такая интуиция, которая давала знание не о внешних сторонах и вообще внешности объекта, а о его сущности. Дать название этому виду интуиции трудно. Конечно, проще всего было бы назвать ее умственной, мыслительной, интеллектуальной. Те мыслители, которые рассматривали интуитивное познание как вид мышления, так нередко, хотя и не всегда, и делали. Но были и такие философы, которые понимали интуитивное познание как не только качественно отличное от мышления, но даже противоположное ему. Они же нередко понимали интуицию, раскрывающую сущность, как нечто неразрывно связанное с чувственным познанием, хотя и не сводимое к нему.

Платон не только подразделял мышление на рассудочное и разумное, но и признавал существование интуиции, которую он толковал как воспоминание человеческой души о мире эйдосов. Понятие интуиции присутствует и в философии Аристотеля.

В Новое время понятие интуиции играло важную роль в системе Рене Декарта (1596-1650). Последний писал о двух способах познания истины: интуиции и дедукции. «И именно это, — писал он, — два наиболее верных пути, ведущих к знанию, сверх которых ум не должен допускать ничего»²⁷. Бенедикт (Барух) Спиноза (1632-1677) выделял четыре способа познания: (1) понаслышке;

путем беспорядочного опыта; (3) методом выведения причин из следствий и частного из общего и (4) интуитивное, которое одно только и может проникнуть в сущность вещей. Джон Локк (1632-1704) различал (1) сенситивное (чувственное), (2) демонстративное (рациональное) и (3) интуитивное познание. В учении Готфрида Вильгельма Лейбница (1648-1716) интуиция также присутствует в качестве высшего вида познания.

Во второй книге (II.9.1) уже были перечислены крупные философы, которые прямо признавали существование двух видов мышления (Платон, Аристотель, С. Бозций, Иоанн Скот Эриугена, Николай Кузанский, Дж. Бруно, И. Кант, И. Г. Фихте, Ф. Шеллинг, Г. Гегель).

²⁷ Декарт Р. Правила для руководства ума // Избранные произведения. М., 1959. С. 88.

К ним нужно добавить тех, кто эксплицитно не проводил различия между рассудочным и разумным мышлением, но отличал рассуждение как один способ получения знания от интеллектуальной интуиции как другого мыслительного способа познания. Это, как явствует из сказанного выше, — Р. Декарт, Б. Спиноза, Дж. Локк и Г. Лейбниц. Как особую форму познания, отличную от рассудка, интуицию понимал Иоганн Георг Гаман (1730-1788). Фридрих Генрих Якоби (1743-1819) понятие интуиции связывал с понятием разума, который он противопоставлял рассудку. И. Г. Фихте и Ф. Шеллинг тоже связывали интуицию с разумом как высшей формой мышления, отличной от низшей — рассудка.

Как уже отмечалось во второй книге цикла (II.15.3), в конце XVIII - начале XIX в. зародилось философское течение, которое принято называть иррационализмом. Иррационалисты в большинстве своем сводили мышление к рассудку и, отрицая или принижая роль рассудка, тем самым отрицали или принижали значение мышления вообще. В этом смысле они были не просто иррационалистами, а ирменталистами. Принижая роль мышления, они выдвигали на первый план интуицию, которую рассматривали как форму познания не только отличную от мышления, но и противоположную ему. В этом смысле иррационалисты были интуитивистами.

Ярким примером может послужить создатель первой законченной системы иррационализма Артур Шопенгауэр (1788-1860). Последний считал, что рефлексивное познание (мышление) не только ниже интуиции (созерцания), но и полностью основано на ней. Поэтому мышление не способно дать новое знание. «Так как разум всегда возвращает познанию лишь нечто воспринятое иным путем, то, — утверждал философ, — он, собственно, не расширяет нашего знания, а только придает ему другую форму. А именно, то, что было познано интуитивно, *in concreto*, благодаря ему познается в абстрактном и общем виде...»²⁸ Характеристика интуиции как формы познания противоположной мышлению противоречиво сочетается у А. Шопенгауэра с трактовкой ее как чего-то интеллектуального. В результате антиинтеллектуализм у него не доводится до конца²⁹. Интуиция как высший и отличный от мышления вид познания выступает в учениях и других иррационалистов. В работах продолжателя идей А. Шопенгауэра Эдуарда Гартмана (1842-1906) на первый план выходит бессознательное духовное начало.

²⁸ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М., 1992. С. 95.

²⁹ См.: Асмус В. Ф. Проблема интуиции в философии и математике. 4-е изд. М.: URSS, 2011. С. 112-125.

В конце XIX - начале XX в. оформляется философское направление, в центре внимания которого оказывается интуиция. Оно получило название *интуитивизма*. В более или менее завершенном виде интуитивизм присутствует в работах Анри Бергсона (1859-1941). Интуиция у него выступает в качестве такого акта познания, который совпадает с актом порождения действительности. В результате в его концепции исчезает грань между тем, кто познает, и тем, что познается, стирается грань между объективным и субъективным. Интуиция у А. Бергсона выступает как мистический акт, низшей формой которого является инстинкт, а высшим проявлением — творчество художника. Научной картине мира он противопоставляет интуитивное, мистическое его видение. В качестве главного врага у А. Бергсона выступает разум, вообще понятийное мышление. Разуму, науке как идеал противопоставляется религиозное неразумие. По мнению А. Бергсона, религия есть *«защитная реакция природы против разлагающей силы ума»*³⁰.

Другие варианты интуитивизма были созданы Эдмундом Гуссерлем (1859-1938), Бенедетто Кроче (1866-1952) и Николаем Онуфриевичем Лосским (1870-1965). В качестве важнейшего элемента интуитивизм входит в современную разновидность иррационализма — экзистенциализм. Он особенно заметен у Мартина Хайдеггера (1889-1976), который категорически отрицает возможность логического, вообще разумного, понятийного постижения «экзистенции».

4. Проблемно-фактуальная интуиция как необходимый момент разумного мышления

Я совершенно не буду касаться того, что именуется чувственной интуицией. Предметом исследования будет только интуиция, претендующая на выявление сущности. Вся она является не чем-то отличным от мышления, а процессом, идущим в рамках одного из видов мышления, а именно интеллекта, разума. Поэтому ее вполне можно называть, как делают многие специалисты по психологии творческого мышления, интеллектуальной интуицией. Другой термин — разумная интуиция. Именно результатом интеллектуальной интуиции и является идея.

Но идея идее рознь. Существует несколько качественно отличных видов идей. Имеются и такие идеи, как, например, мистические, религиозные и т. п. В соответствии с предметом настоящей работы я здесь буду рассматривать только один из видов идеи.

³⁰ Бергсон А. Два источника морали и религии. М., 1994. С. 130.

Это идея, целью которой является достижение понимания (и тем самым объяснения), т. е. объединения (унитаризации) определенных фактов. Ее можно назвать унитаристской идеей, существующей в двух видах: идеи эссенциальной и идеи холической. Но лучше всего именовать ее *проблемно-фактуальной идеей*. Ведь она возникает как решение проблемы понимания данных фактов и на основе обработки этих и иных фактов. Соответственно и интуиция, результатом которой является такая идея, может быть названа *проблемно-фактуальной интуицией*.

Выше уже многократно отмечалось, что идеи логически не выводимы из фактов. Из этого некоторые делают вывод, что идеи вообще никак не связаны с фактами. Действительно, бывают и такие идеи. Но идеи здравые, а к ним относятся *все* научные идеи, будучи логически не выводимыми из фактов, всецело базируются на фактах, имеют их своей основой. И без этой фактологической основы никакие идеи не могут быть истинными.

Кроме разумного и рассудочного мышления существует и еще один вид его — мышление художественное. Там тоже огромную роль играют интуиция, озарение и идеи. По художественной интуиции, художественному озарению и художественным идеям существует большая литература. Но заниматься этими вопроса я не буду, ибо это далеко увело бы за пределы моей темы. Ограничусь приведением высказывания замечательного русского писателя Константина Георгиевича Паустовского (1892-1968), в котором идет речь о возникновении замысла художественного произведения. «Замысел, — писал он, — это молния. Много дней накапливается над землей электричество. Когда атмосфера насыщена им до предела, белые кучевые облака превращаются в грозные громовые тучи и в них из густого электрического настоя рождается первая искра — молния. Почти тотчас же вслед за молнией на землю обрушивается ливень. Замысел, так же как молния, возникает в сознании человека, насыщенном мыслями, чувствами и заметками памяти. Накапливается это исподволь, медленно, пока не доходит до той точки напряжения, которое требует неизбежного разряда. Тогда весь этот сжатый и еще несколько хаотический мир рождает молнию — замысел. Для появления замысла, как и для появления молнии, нужен чаще всего ничтожный толчок»³¹.

Я ограничусь здесь исследованием одной лишь житейско-познавательной и научной проблемно-фактуальной интуицией, причем основное внимание будет уделено научной интуиции.

Проблемно-фактуальная интуиция резко отличается от интуиции, какой она долгое время представлялась философам: никак не подготовленной, не требующей от познающего никаких усилий и дающей очевидную, не требующую никаких доказательств истину.

³¹ Паустовский К. Г. Золотая роза. Кишинев, 1987. С. 460.

Некоторые из ее особенностей довольно четко подмечены в интереснейшей работе американских исследователей Вашингтона Плэтта (1890-1965) и Росса А. Бейкера, опубликованной в 1931 г. в «Журнале химического образования». Для обозначения интуиции авторы используют слово *hunch*, которое в применении к данному случаю можно перевести как догадка, предчувствие, откровение. Их статья озаглавлена «Отношение научного „откровения" [*hunch*] к исследованию».

Вот данное ими определение научной (т. е. проблемно-фактуальной) интуиции: «Научное откровение есть объединяющая или вносящая ясность идея, которая внезапно появляется в сознании как решение проблемы, в которой мы крайне заинтересованы. В типичных случаях она завершает длительное исследование, но приходит в сознание во время, когда мы над проблемой сознательно не работаем. Прорыв [*spring*] откровения основан на широком знании фактов, но сам он по существу представляет собой скачок воображения, далеко выходящий за пределы заключения, которое любой рационально мыслящий человек мог бы вывести из имеющихся в его распоряжении фактических данных»³². Не все сказанное можно полностью принять, авторы, в частности, терминологически не разграничивают процесс (интуицию, откровение) и его результат (идею), но в целом это определение лучшее из всех встречающихся в литературе по этому вопросу.

Проблемно-фактуальная интуиция с необходимостью предполагает, во-первых, накопление и предварительную обработку фактов, во-вторых, ясное осознание и четкую постановку проблемы, которую нужно решить, в-третьих, длительную и тяжелую работу по глубокой и основательной переработке фактов. Только в результате такой напряженной умственной деятельности может возникнуть проблемно-фактуальная идея.

По словам великого немецкого естествоиспытателя Германа Людвига Фердинанда Гельмгольца (1821-1894), для прихода в голову «счастливой мысли», «всегда было необходимым прежде всего изучить всесторонне эту проблему до такой степени, чтобы держать все острые углы и сложные стороны „в уме“, чтобы можно было пробежать по ним свободно, без записей. Довести дело до такой степени без долгой предварительной работы обычно невозможно»³³.

³² Platt W. and Baker R. A. The Relation of the Scientific «Hunch» to Research // Journal of Chemical Education. 1931. Vol. 8. № 10. P. 1975.

³³ Цит.: Вудвортс Р. Экспериментальная психология. М., 1950. С. 773.

Если аналогом проблемно-фактуальной идеи в рациональном мышлении является суждение, то аналогом проблемно-фактуальной интуиции — умозаключение.

Проблемно-фактуальная интуиция есть скачок от фактов к идее. Как мы уже видели, Л. де Бройль называл ее иррациональным скачком. Если под рациональным понимать исключительно рассудочное мышление, то он прав. Интуиция есть выход за пределы рассудка, ей нет места в рассудочном мышлении. Но будучи нерассудочной, и в этом смысле иррациональной, проблемно-фактуальная интуиция ни в коей мере не является иррациональной. Она ментальна, умственная, мыслительна ничуть не в меньшей степени, чем умозаключение. Она тоже форма движения мышления, но только не рассудочного, а разумного. В ней нет ничего иррационального в том смысле, который вкладывают в это слово иррационалисты и интуитивисты.

Как уже неоднократно указывалось (2.3-4), немалое число и ученых-теоретиков, знакомых с интуицией не понаслышке, и специалистов по психологии творческого мышления рассматривают интуитивное мышление в отличие от дискурсивного либо в значительной степени, либо даже полностью процессом бессознательным или подсознательным. Определенная доля истины в таком взгляде присутствует, но далеко не вся. К определенному преувеличению роли бессознательного ведет уже отмеченная выше автономия процесса разумного мышления. Даже мыслительный процесс, происходящий в активуме (рабочем, активном поле коры головного мозга), обладает значительной степенью независимости от воли человека, автономией. Вот эту автономию, известную неподконтрольность мыслительного процесса некоторые специалисты и истолковывают как бессознательность. Но процесс мышления, как уже указывалось, может происходить не только в активуме, но и в субактивуме.

Как уже отмечалось, для решения той или иной вставшей перед разумом проблемы необходимо использование более обширной области словопонятийной сети, чем та, которая может быть в каждый данный момент находится в активуме. Поэтому активум должен постоянно перемещаться. В результате возникает обширная область (или даже области) субактивума, в которой продолжает протекать мыслительный процесс.

Проблемно-фактуальная интуиция может иметь место в активнуме. Именно в таком случае происходит то, что получило название озарения, или инсайта. Но новая идея может возникнуть и в субактивнуме. Бывает, что человек долго бьется над проблемой, но никак не может ее решить. В результате он на какое-то время прекращает ею сознательно заниматься. Вернувшись через определенный срок снова к ней, человек вдруг обнаруживает, что проблема уже решена, идея родилась и родилась она не в активнуме, а в субактивнуме. Такой исход стал возможным в силу уже упоминавшейся автономии разумного мыслительного процесса.

Между озарением и подобного рода «тихим» рождением идеи существует множество переходных форм. Важно заметить, что помимо всего прочего все особенности интуиции свидетельствуют, что мышление есть не только субъективная деятельность человека, но и объективный процесс. Интуиция является ярчайшим проявлением разумного мышления, которое в отличие от рационального мышления, есть объективный процесс.

Рассудок (рацио) не участвует в рождении идей. В этом смысле интуиция иррациональна. Все разумное мышление качественно отлично от рассудочного (рационального) и в этом смысле иррационально. Но иррациональность в данном контексте в отличие от обычного понимания этого слова ни в коем случае не означает противоположность не только мышлению вообще (об этом выше уже говорилось), но и рассудочному мышлению. Разум лишь нерассудочен, но ни в коем случае не антирационален. Рассудок и разум неразрывно связаны и не могут обходиться друг без друга.

Рождение идеи происходит без участия рассудка, хотя последний, конечно, принимает самое активное участие в сборе и обработке фактов, на базе которых только и могла возникнуть идея. Но когда идея появилась, необходимостью становится создание теории или холии. И к этой работе широко привлекается рассудок. Теории и холии — всегда суть разумотворения, но создать их невозможно без участия рассудка.

Как уже отмечалось, когда теория создана, она должна получить выражение в рациотексте, в данном случае в теоротексте. Но не следует думать, что текстуализация теории происходит только после завершения работы по ее созданию. Текстуализация теории происходит и во время ее создания. Работа над теорией предполагает постоянную ее текстуализацию и столь же постоянную интеллектуализацию теоротекста. Без постоянного движения от теории к теоротексту и, обратно, от теоротекста к теории невозможно создание полноценной теории. То же самое относится и к холии. Без привлечения рассудка невозможно добиться четкости, ясности и определенности теоретической мысли.

Г. Гегель вполне признавал справедливость утверждения, что рассудочное мышление «жестoko и одностoронне». «Но затем, — пояснял он, — следует прибавить, что прежде всего мы должны признать право и заслугу чисто рассудочного мышления, состоящую в том, что как в теоретической, так и в практической области никакая прочность и определенность невозможны без помощи рассудка»³⁴. «Что, наконец, философия, — продолжал Г. Гегель, — также не может обойтись без рассудка, это после всего вышесказанного вряд ли нуждается в особом разъяснении. Для философствования требуется прежде всего, чтобы каждая мысль мыслилась нами во всей строгости и чтобы мы не оставляли ее смутной и неопределенной»³⁵.

Согласно воззрениям, которые долгое время бытовали в истории философской мысли, интуитивное знание всегда является очевидно истинным. Ложным оно по определению быть не может. Это совершенно неверно по отношению к проблемно-фактуальной идее. Эта идея может быть истинной, а может быть и ложной. И поэтому, как писали и А. Пуанкаре, и В. А. Стеклов, и Л. де Бройль, после возникновения проблемно-фактуальной идеи (именно ее они имели в виду, хотя, конечно, не пользовались этим термином) в качестве важнейшего встает вопрос об ее истинности. Идею нужно обязательно проверить, она может быть принята только в том случае, если ее истинность будет доказана.

А. Пуанкаре и Л. де Бройль полагают, что доказать истинность интуитивного знания можно только путем дедукции. Но тем самым они вступают в противоречие со своими собственными взглядами. У них получается, что полученное при помощи интуиции знание всегда может быть в принципе выведено дедуктивно. Но ведь они сами же утверждали, что интуиция только потому становится нужной, что данное знание не может быть достигнуто путем дедукции.

Иную позицию занимает В. А. Стеклов. Все, что добыто путем интуиции, должно быть доказано. «Вот здесь, — пишет он, — и выступает на сцену формальная логика, *либо* повторные и перекрестные опыты и наблюдения. Они нужны не для того, чтобы открыть истину, а для того, чтобы убедить в ее справедливости все человечество...»³⁶ Но даже и в доказательстве путем размышления важную, если не ведущую роль играет интуиция.

³⁴ Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. С. 202-203.

³⁵ Там же. С. 205.

³⁶ Стеклов В. А. Математика и ее значение для человечества... С. 105 (курсив мой. — Ю. С.).

«Математик, — пишет В. А. Стеклов, — иногда наперед высказывает весьма сложное положение, совершенно не очевидное и затем начинает доказывать его. В изобретении чуть ли не каждого шага доказательства играет роль не логика, а интуиция, которая идет поверх всякой логики»³⁷. Еще дальше пошел Е. Л. Фейнберг. Согласно его мнению, истинность знания, полученного посредством интуиции, вообще не может обосновано посредством дедукции. Здесь действуют другие способы доказательства.

Как уже отмечалось, истинность или ложность проблемно-фактуальной идеи обычно выявляется через установление истинности и ложности теории или холии, создаваемой на основе данной идеи. Способы доказательства истинности холии и теории будут рассмотрены позднее при детальном рассмотрении этих двух видов разумных мыслетворений. Здесь же остановлюсь на некоторых важных общих и для холии и для теории моментах.

Идея, если она истинная, в принципе может возникнуть только на основе фактов, лишь как результат длительной работы мысли над фактами. Но когда идея, наконец, возникла, это сказывается на фактах. На основе холической идеи создается холия, на базе эссенциальной — теория. Первоначально неизвестно, является ли данная холия или данная теория истинной и ложной. Предварительную холию, истинность или ложность которой пока еще не установлена, или предхолию, нередко называют *версией*, предварительный набросок теории, предтеорию — *гипотезой*. И версия, и гипотеза нуждаются в проверке. Проверка предлагает привлечение новых фактов из числа уже известных науке и добывание совершенно новых, ранее не известных фактов.

И это привлечение новых фактов не является бессистемным, хаотическим. Оно носит упорядоченный, направленный характер. Обращается внимание прежде всего на такие факты, которые либо подтверждают или опровергают холию или теорию, а тем самым лежащую в их основе идею. Иначе говоря, идея теперь выступает как фактор, определяющий направление поисков фактов. Эта направленность мысли давно уже была подмечена рядом философов. По существу именно это имел в виду Э. Гуссерль, когда говорил о интенциональности сознания (от лат. *intentio* — стремление). Но о связи этой направленности с идеями, тем более об ее обусловленности идеями ни у него, ни у других философов не было сказано ни слова.

³⁷ Стеклов В. А. Математика и ее значение для человечества... С. 110.

5. Разум и рассудок: проблема их «приручения», «окультуривания», «одомашнивания»

Из двух видов мышления высшим является разум. Но античная философия и впервые возникшая в Древней Греции наука на первое место ставили рассудок. Всем хорошо известна характеристика античной философской и научной мысли как рационалистической. При этом под рациональностью здесь понимается не мышление вообще в единстве двух его видов, а рассудок. Столь же известна характеристика восточной мысли как лишенной рациональности. Долгое время в рациональности видели преимущество западной мысли над восточной. Только вместе с рациональностью могла возникнуть и получить развитие наука. На Востоке в противоположность Западу не возникла рациональность, а тем самым и наука. К настоящему времени наряду с привычным взглядом стал утверждаться прямо противоположный. В рациональности западной мысли углядели не ее преимущество перед восточной, а наоборот, ее ограниченность, узость по сравнению с последней.

Если Запад в своих поисках знания положился, если не целиком, то в основном, на низший вид мышления — на рассудок, то Восток взял на вооружение высший его вид — разум. Появились работы, в которых на разные лады доказывается, что восточные мудрецы еще до нашей эры пришли к пониманию истины, которые были открыты западной наукой лишь в XX в. Наибольшее рвение здесь проявил Фритьоф Капра. Его книга «Дао физики: Исследование параллелей между современной физикой и восточным мистицизмом» (1975; рус. пер.: СПб., 2004) была поднята на щит и нашими отечественными философами³⁸. Бредовый характер построений Ф. Капры был глубоко раскрыт в работе доктора физико-математических наук Валерия Борисовича Губина «Анти-, „Дао физики“»³⁹.

Не погружаясь в бездну литературы по этому вопросу, приведу в качестве примера взгляды отечественного математика и философа Василия Васильевича Налимова (1910-1997), изложенные прежде всего в таких его работах, как «Непрерывность против дискретности в языке и мышлении» (Тбилиси, 1978) и «Спонтанность сознания. Вероятность теории смыслов и смысловая архитектура личности» (М., 1989).

³⁸ См., например: *Куракина О. Д.* Физика и реальность: об идейном параллелизме между современной физикой и восточной мудростью (Обзор) // *Математика, естествознание и культура*. М., 1983.

³⁹ *Губин В. Б.* «Анти-, „Дао физики“» // *Губин В. Б.* О методологии лженауки. М., 2004.

Хотя он не пользовался понятиями разума и рассудка, но достаточно четко выделял два вида мышления, одно из которых он характеризовал как континуальное, бессловесное, внеязыковое, внелогическое, интуитивное, а другое — как дискретное, словесное, логическое. Высшим, разумеется является первое. Именно им пользовались восточные мудрецы, отвергая второе.

«Древние мыслители Востока, — писал В. В. Налимов, — были глубоко последовательны, они хорошо поняли, что построение дискретного логического мышления неизбежно приводит к парадоксам в самой системе исходных положений, и пытались выстроить систему представлений, опирающихся на континуальность глубинного мышления. Европейская культура с ее склонностью к компромиссам, отчетливо формулируя парадоксы дискретности, продолжала развивать систему дискретно-логического мышления»⁴⁰.

В примечании к этому высказыванию он добавляет: «О компромиссности европейской культуры мы говорили еще в нашей работе „Структура науки и логика принятия гипотез“. Строго говоря, наука, несмотря на всю свою позитивистскую настроенность, не имеет достаточных логических оснований для своего существования. Древние восточные мыслители это давно поняли и этим, видимо, закрыли в своей культуре пути для развития науки. Европейская мысль пошла иным путем — компромиссным путем»⁴¹.

Не буду продолжать изложение концепции В. В. Налимова. Отмечу лишь, что в конце концов он ставит вопрос: «Является ли человек творцом континуального мышления или только приемником тех потоков, которые протекают где-то вне его. Если справедливо второе предположение, то все усилия человека, направленные на восприятие этих потоков, — медитация, прием психоделических средств, участие в мистериях или, наконец, умение задавать самому себе вопросы на языке дискретных представлений и ждать на них ответа — все это только различные способы настраиваться на прием»⁴². К науке это действительно не имеет никакого отношения. Автор в данном случае не только на словах, но и на деле полностью порывает с наукой.

Становление человеческого мышления завершилось с появлением человека современного физического типа (неоантропа, *Homo sapiens*). Оно с самого начала представляло собой неразрывное единство разума и рассудка. Люди и рассуждали и разумели. Но делали они это стихийно, бессознательно.

⁴⁰ Налимов В. В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. Тбилиси, 1978. С. 57.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 67.

Здесь в слово «бессознательность» вкладывается иной смысл, чем тот, в котором его обычно используют психологи и психиатры и в котором оно употреблялось ранее в этой работе. Здесь имеется в виду то, что люди обладали мышлением, но не знали, что они им обладают, мыслили, но не знали, что мыслят. Их знание о мышлении было не эксплицитным, а имплицитным (II.9.2). Но тем не менее оно было, причем не только рассудочное, но о разумное. Оно выражалось и закреплялось в народных пословицах и поговорках. Недаром существует понятие стихийной диалектики.

До поры до времени людям хватало имплицитного знания о мышлении, главным образом основных правил рассудочного мышления, известных как законы формальной логики. Но наличие только имплицитного знания и тогда сковывало мысль человека, делало ее несовершенной. Это было, например, прекрасно показано крупным советским психологом и нейрофизиологом Александром Романовичем Лурия (1902-1971) в книге «Об историческом развитии познавательных процессов. Экспериментально-психологическое исследование» (М., 1974). Исследования проводились в кишлаках и джайлау (горных пастбищах) отдаленных районов Узбекистана в 1931-1932 гг.

Приведу одну выдержку из книги, в которой рисуются результаты изучения мышления неграмотных узбекских крестьян. «Испытуемым предлагалось два вида силлогизмов. В одном случае силлогизмы строились из посылок, в которых испытуемые *имели собственный практический опыт*, только опыт этот переносился в новые условия. Например: „Там, где жарко и сухо, хорошо растет хлопок; в Англии холодно и сыро; растет ли там хлопок?“ В другом случае силлогизмы оперировали материалом, в котором испытуемые *не имели личного опыта*, и операции вывода из силлогизма должны были носить чисто теоретический характер. Например: „На дальнем севере, где снег, все медведи белые; Новая Земля находится на дальнем севере. Какого цвета там медведи?“ Испытуемые, живущие в наиболее отсталых условиях (прежде всего женщины ичкари), отказывались делать какие-либо выводы даже из силлогизмов, относящихся к первому виду. Они обычно заявляли, что не бывали в неизвестном им месте и не знают растет ли там хлопок... Еще более решительно они отказывались делать выводы, когда предлагался второй вид силлогизмов. Как правило, многие отказывались принять большую посылку, заявляя, что „они никогда не были на севере и никогда не видели медведей; для ответа на этот вопрос нужно обратиться к людям, которые были на севере и видели медведей“. Часто они, полностью игнорируя посылку, заменяли вывод из силлогизма собственными соображениями: „медведи бывают разные, если он родился красным, он и останется красным“; „мир большой, я не знаю, какие бывают медведи“...

Некоторые испытуемые полностью отрицали возможность сделать какой бы то ни было вывод из силлогизма этого вида, заявляя, что „они могут рассуждать только о том, что они видели“, „не хотят врать“, „дать ответ на вопрос могут только те люди, которые или видели или знают“. Даже наводящие вопросы („как получится по моим словам?“) не приводили здесь к успеху. Они отказывались обратиться к операции логического вывода из данных посылок. Полное отрицание возможности сделать вывод из положения, в котором нет собственного опыта, недоверие к любой логической операции, если она носит чисто теоретический характер, однако признание возможности делать выводы из собственного практического опыта — вот наиболее характерные особенности этой группы испытуемых»⁴³.

Несколько по-другому обстояло дело у другой группы испытуемых. У них «процессы рассуждения и умозаключения, связанные с их непосредственным практическим опытом, протекают в соответствии с хорошо известными правилами. Эти испытуемые прекрасно рассуждают о непосредственно занимавших их практических фактах, делают все следующие из них выводы, не обнаруживая в этом никаких отклонений от „правил“ и проявляя большой житейский ум. Картина меняется, как только им приходится перейти к системе теоретического мышления — в данном случае сделать вывод из предложенного силлогизма»⁴⁴. К этому нужно сделать лишь одно уточнение: ни о каком теоретическом мышлении здесь не может быть и речи. Объектом исследования А. Р. Лурия является исключительно рассудочное мышление.

К сходным с А. Р. Лурия выводам пришел американский психолог Майкл Коул, изучавший особенности мышления у кпелле Либерии (Западная Африка). «Показательным примером, — писал он, — является решение силлогизмов. В работе с кпелле мы повторили опыты А. Лурия по логическому рассуждению и обнаружили, что необучающиеся в школе испытуемые склонны опираться на собственное эмпирическое знание и игнорировать логические рассуждения»⁴⁵.

⁴³ Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. Экспериментально-психологическое исследование. М., 1974. С. 111-112.

⁴⁴ Там же. С. 119.

⁴⁵ Коул М. Культурно-историческая психология. Наука будущего. М., 1997 [1996]. С. 104.

Возникновение науки с неизбежностью потребовало перехода от имплицитного знания мышления к эксплицитному. Чтобы могло развиваться научное знание о мире, нужно было, чтобы объектом мышления наряду с объективным миром, природой стало и само мышление, возникло то, что принято называть рефлексией. Мышление, мыслящее о самом себе, есть рефлексивное (рефлексивное) мышление.

Постижение мышления мышлением необходимо для того, чтобы сознательно управлять его движением, направлять этот процесс таким образом, чтобы он вел к истине. Рефлексивное мышление есть «прирученное», «одомашненное», «окультуренное» мышление. Приручение мышления началось с рассудка. Выразилось оно первоначально в попытках сознательного обоснования, доказательства истинности тех или иных суждений, тезисов.

Первым, по-видимому, встал на этот путь «отец философии» — Фалес (ок. 625-545 до н. э.). Было бы крайне интересно проследить последующее движение философской мысли в этой области знания. Но это тема особого исследования. Здесь ограничусь указанием на основные вехи этого процесса: пифагорейцы, элеаты (в первую очередь Зенон (ок. 490-430 до н. э.) с его апориями), софисты, Сократ (469-399 до н.э.), Платон (427-347 до н.э.). В ходе дальнейшего развития учение о доказательстве постепенно расширилось до учения о рассудочном мышлении вообще. Завершился этот процесс созданием Аристотелем (384-322 до н. э.) науки о рассудочном мышлении — формальной логики. Оттачивалось знание о рассудке на материале не столько философии, сколько возникающих математики и естествознания.

В создании философских систем решающую роль играл не рассудок, а разум, подкрепленный рассудком. Поэтому начались попытки окультуривания, приручения и разума. Самая заметная — диалектика Гераклита. Но в учении последнего прямо присутствовала лишь диалектика объективного мира и лишь опосредованно — ума. Уже Платон и Аристотель различали рассудок и разум, но в центре их внимания был в основном первый. Для создания науки о разумном мышлении время еще не наступило.

Это стало возможным только тогда, когда получила развитие высшая форма разумного мышления — теоретическое мышление. Это произошло лишь с появлением современного естествознания и немецкой классической идеалистической философии. Наука о разумном мышлении — диалектическая логика — была создана лишь Г. Гегелем, но в мистической форме. Освобождена она была от этой формы К. Марксом и Ф. Энгельсом. Последние же впервые, открыв роль практической, прежде всего производственной, деятельности, проложили дорогу к решению проблемы обоснования, доказательства истинности продуктов разумного мышления.

Вопреки общепринятому мнению, говорить о полном отсутствии рациональности в восточной мысли вряд можно. Между мудрецами Востока шли всевозможные дискуссии. Поэтому с необходимостью предпринимались попытки создания учения о доказательстве. Однако дальше этого дело не шло⁴⁶. Подлинная наука о рассудочном мышлении на Востоке так и сформировалась. Одна из важнейших причин — отсутствие математической и естественнонаучной науки. Сознательная аргументация использовалась лишь в богословских и философских спорах. До чего-то похожего на «Начала» Евклида восточная мысль так и не поднялась.

Восточные мудрецы не могли не заметить разума, прежде всего таких его проявлений, как озарение, наитие, интуиция. Но все их попытки «приручения» разума сводились к использованию средств, стимулирующих интуицию, озарение. Оно упоминалось в приведенном ранее высказывании В. В. Налимова: медитация, наркотики, участие в мистериях. Результатом были идеи, которые не были основаны на фактах и заведомо не могли быть проверены. Они могли дать только пустознание. Таким образом, на Востоке не было никакого действительно рефлексивного мышления: ни рассудочного, ни разумного. Вообще, действительное «приручение» разумного мышления возможно только после окультуривания рассудка. Рассудок способен дать истину и без помощи разума. Но разум может дать истину лишь в том случае, если он действует совместно с рассудком. На это обратил внимание Г. Гегель. Всегда указывая, что разумное мышление выше рассудочного, он в то же время подчеркивал: «Разум без рассудка — это ничто, а рассудок и без разума — нечто»⁴⁷.

⁴⁶ Краткий обзор материалов по истории логических идей в древней и средневековой Индии см.: *Маковельский А. О.* История логики. М., 1967. С. 10–43.

⁴⁷ *Гегель Г.* Афоризмы. Иенский период // Гегель Г. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. М., 1971. С. 541.

Глава 10. Житейская и расследовательская идея и холизация

1. Житейская стихийная (бессознательная, имплицитная) холизация

Как уже указывалось, холические идеи и холизация существовали на всех этапах человеческого развития. Обретение фактов и их холизация — необходимая составляющая того познания, которое принято называть обыденным, или житейским. Люди всегда обретали факты и всегда их холизировали. И эта холизация могла происходить и происходила в разных формах. Простейшая ее форма — холизация бессознательная.

Под бессознательностью здесь, как и в предшествующей главе, понимается стихийность, имплицитность. У людей появлялись идеи, которые определенным образом объединяли и тем самым истолковывали, объясняли факты. Но сами люди при этом даже и не подозревали ни о существовании у них этих идей, ни о осуществленной в результате их воздействия холизации фактов.

Как уже отмечалось, первой формой осмысления (ментализации) мира является концептуализация чувственных данных. В ее результате возникает чувствопонятийный (чувствоконцептуальный, сенсоконцептуальный) мир для нас, состоящий из двух компонентов: чувственного и понятийного (концептуального). Вслед за концептуализацией и наряду с ней происходит фактуализация, а затем и холизация мира. В результате к *чувствопонятийному* миру для нас добавляется *холиофактуальный* мир для нас. Таким образом, чувствоумозримый мир для нас включает в себя три компонента: один из них чувственный (сенситивный), два других умственные (ментальные) — понятийный и холиофактуальный. Выше уже говорилось, что понятийный мир для нас был «вмонтирован», «погружен» в чувствозримый мир для нас, был «спрятан» в нем и поэтому был совсем или почти совсем незаметен. То же самое относится и к холиофактуальному миру для нас. Люди долгое время просто не замечали существования ни того, ни другого компонентов умозримого мира для нас, а тем самым и умозримого мира в себе. Они были наивными реалистами: для них существовал один только объективный мир, причем исключительно как чувственный.

Выше уже говорилось о подразделении чувстоумозримого мира для нас на этномыры и Я-миры (персономыры). Как уже было показано, в разных этномирах для нас объективный мир может представлять по-разному в зависимости от характера концептофона той или иной культурно-языковой общности. На различии этномиров для нас может сказываться, и иногда существенно сказываются, господствующие в тех или иных человеческих группах идеи, лежащие в основе холизации фактов. Но, пожалуй, больше всего холические идеи влияют на персономыры.

Выше уже говорилось о зависимости истинности (ложности) *холим* от истинности (ложности) идеи. Только истинная идея может вызвать к жизни истинную холию, т. е. такую, в которой вырванные из объективного мира его фрагменты объединены так же, как они связаны в объективной реальности. Ложная идея, т. е. такая, которая является не образом мира, а квазиобразом, с неизбежностью порождает ложную холию, т. е. такую, в которой факты объединены иначе, чем соответствующие им эквиваленты. Ложная идея, вызывая возникновение ложной холии, ведет к отрыву человека от реальности. Возникнув, идея объединяет факты и тем самым играет решающую роль в создании мира, каким он существует для конкретного человека, — Я-мира (персономира). Этот персономир выступает для человека как объективно существующая действительность. Чтобы жить в этом мире, человек должен адекватно реагировать на него. Если персономир в общем и целом совпадает с объективной реальностью, является в основном реальным миром, то реакция человека будет более или менее адекватной. Если между персономиром и действительностью существует расхождение, то адекватная реакция на явления персономира с неизбежностью обернется неадекватной реакцией на объективную реальность. И чем большим будет различие между персономиром и миром реальности, тем разительнее будет контраст между тем, что делает человек, и тем, как он должен был бы на самом деле поступать.

В обыденной и не только обыденной жизни довольно часто говорят о предвзятых идеях, или, что то же самое, о предвзятых представлениях, предвзятом взгляде, предвзятом мнении, предвзятом подходе. Соответственно, человека, находящегося во власти предвзятой идеи, называют предвзятым человеком. Предвзятость обычно оценивается отрицательно.

Но в своем буквальном значении данное слово не несет в себе ничего предвзятости. Ведь после того, как у человека появилась какая-либо идея, он продолжает жить, а тем самым сталкиваться все с новыми и новыми фактами. И по отношению к этим вновь появившимся фактам его идея всегда выступает в качестве предвзятой в точном смысле этого слова: ведь она возникла до встречи с ними.

Эта идея заслуживает отрицательной оценки лишь в том случае, когда ее продолжают придерживаться и тогда, когда она вступила в противоречие с фактами. Именно такую ошибочную и не поддающуюся коррекции идею обычно имеют в виду, когда оценивают ее как предвзятую. Когда такая идея возникла у самого человека, то она могла быть ложной с самого начала, а могла стать таковой в силу происшедших в действительности изменений. Но ложная идея вполне могла быть некритически заимствована у других людей.

Еще одно понятие — навязчивая идея. Это — ложная идея, от которой человек не в состоянии избавиться и которой руководствуется в жизни. Одна из причин появления такой идеи — психическое заболевание, чаще всего паранойя (от греч. «паранойя» — умопомешательство). Такого рода навязчивая идея вместе с создаваемой на ее основе картиной мира носит название бреда: бреда преследования, бреда ревности и т. п. В результате мир, каков он для человека (его персономир), расходится с миром, как он существует сам по себе. Реальный мир для нас у него полностью или частично заменяется квазиреальным миром.

Человек, одержимый бредом преследования, все действия окружающих его людей истолковывает как проявления стремления навредить ему или даже уничтожить его и сам действует в соответствии с такой их интерпретацией. Люди, которые в действительности расположены к нему благожелательно, выступают в его персономире как злейшие его враги. Из реальных существ они под влиянием бредовой идеи преобразуются в его сознании в квазиреальные существа. Как бы ни пытались убедить больного в том, что окружающие его люди не только не таят против него никакого злого умысла, а всемерно заботятся о нем, успеха ждать не приходится. У параноика это отклонение его персономира от реального мира совершенно не поддается коррекции. Он будет упорно все приводимые факты истолковывать так и только так, как диктует ему навязчивая идея. Идея же эта порождается объективной силой — патологическим состоянием головного мозга больного.

Ложные идеи и, соответственно, ложные холии могут совершенно бессознательно возникнуть и возникают и у вполне нормальных людей. И они тоже порождаются определенной объективной силой — главным образом теми или иными интересами человека. Нередко это связано с конфликтными ситуациями. Люди, принимающие участие в конфликте, не всегда правы: неправой может быть одна сторона, неправыми могут быть и все вовлеченные в конфликт лица. И люди, которые не правы, всегда стараются оправдать себя и в чужих, и в собственных глазах, представить происходившие события в выгодном для них свете.

А для этого нужно истолковать, объединить факты иначе, чем соответствующие эквиваленты соединены в действительности. При этом происходит не только выгодное тому или иному человеку объединение фактов, не только полное игнорирование «неподходящих» фактов, но и создание «подходящих» фактов, т. е. лжефактов. При этом человек не обязательно выступает в роли вполне сознательного извратителя фактических данных.

В отличие от научного исследования, в ходе которого ведется систематический поиск и учет фактов, в житейском познании обретение фактов носит стихийный характер. В силу этого человек может не заметить некоторых эквивалентов, а заметив те или иные факты в последующем полностью забыть о них. В силу абберации памяти он может «вспомнить» и о том, чего никогда не было.

Довольно яркая оценка результатов стихийной фактуализации явлений нашла свое выражение в известной сентенции: «врёт как оцеvideц».

В результате происходит значительное расхождение персономиров разных людей, живущих в абсолютно одной и той же объективной действительности. Они, как принято в таких случаях говорить, смотрят на мир под разными углами зрения, разными глазами. Разумеется, под зрением здесь понимается умозрение.

Я не сталкивался с тем, чтобы этой проблемой занимались специалисты по теории познания. Но зато она получила яркое выражение в искусстве, прежде всего — кинематографическом. Самый наглядный пример — вышедший в 1950 г. фильм знаменитого японского режиссера Акиры Куросавы (1910-1998) «Расёмон», созданного по мотивам двух рассказов классика литературы Страны восходящего солнца Аютогавы Рюноскэ (1892-1927) — «В чаше» и «Ворота Расёмон». В фильме одни и те же события изображаются так, как они предстали в персономирах четырех героев: самурая, его жены, разбойника и дровосека. И все четыре персономира существенно отличаются друг от друга помимо всего прочего и фактуально.

Другой пример — кинокартина французского режиссера Андре Кайата «Супружеская жизнь» (1964), в котором крайне своеобразно изображен семейный конфликт. Фильм состоит из двух частей, в первой из которых дается картина событий, какой она представлялась мужу, во второй — какой ее видела жена. Эти два персономира существенно отличаются друг от друга и, как может догадываться зритель, оба они — один в большей степени, другой в меньшей — отклоняются от мира, каков он сам по себе.

В советской печати произведение А. Кайата подверглось критике, причем не за какие-либо обнаруженные в нем художественные просчеты, а за гносеологическую позицию. «Кайат, — писал один из критиков, — отдал дань умозрительным конструкциям, „доказывавшим“ относительность любой истины»¹.

Если обратиться к художественной литературе, то прежде всего следует назвать впервые опубликованный в 1974 г. роман замечательного русского писателя Владимира Осиповича Богомолова (1926-2003) «Момент истины (В августе сорок четвертого)».

В лесу, на пути возможного следования действующей в тылу 3-го Белорусского фронта группы фашистских разведчиков, русских по национальности и одетых в форму офицеров Советской Армии, выставляется «засада с живцом и подстраховкой». Когда немецкие агенты появляются, то два контрразведчика остаются в засаде, а их руководитель — капитан Алехин вместе с приданным его группе помощником военного коменданта местной этапно-заградительной комендатуры выходят им навстречу под видом обычного комендантского патруля.

Начинается проверка документов, которая ничего не дает, ибо они безупречны, и диалог, в ходе которого Алехину постепенно становится все более ясным, что перед ним не советские офицеры, а немецкие шпионы. Такими они предстают и перед розыскниками, находящими в укрытии.

Совершенно иначе все это представляется помощнику коменданта — боевому офицеру, который вынужден временно нести службу в тылу в силу ограниченной годности после тяжелого ранения. Он уже раньше сталкивался с особистами, от которых видел одни только неприятности, и поэтому проникся к ним стойкой неприязнью. К тому же, его в этот день внезапно оторвали от намеченного свидания с любимой девушкой. И если контрразведчики все в большей степени убеждались, что перед ними хорошо подготовленные и очень опытные враги, то помощник коменданта видел перед собой таких же, как и он сам, простых советских офицеров-фронтовиков, над которыми, пользуясь своей властью, издевается ограниченный и тупой самодур-особист.

В порыве негодования он принимает решение написать жалобу на произвол смершевца высшему начальству и совершает действия, которые затрудняют розыскникам выполнение задачи по обезвреживанию немецких агентов. И когда последние, поняв, что они разоблачены, пытаются убить и Алехина, и его напарника, то такой ход событий застает помощника коменданта совершенно врасплох.

¹ Божович Е. И. Кайат Андре // Кино. Энциклопедический словарь. М., 1987. С. 165.

Не сумев быстро сориентироваться в создавшейся обстановке, он гибнет от руки одного из агентов. Таким образом, хотя помощник коменданта наблюдал абсолютно те же самые действия, что и контрразведчики, но понимал, истолковывал он их совершенно иначе. Его персонажи резко расходились и с их персонажами и объективным положением вещей.

2. Житейская сознательная холизация

Кроме бессознательной холизации на всех этапах развития человеческого познания имела место и сознательная холизация. Когда описывают деятельность ученых, то часто говорят о научном поиске. И последнее слово сразу переносит нас в самую отдаленную эпоху человеческой истории. Первобытные люди жили охотой и собирательством. Они занимались поисками в изначальном, буквальном смысле этого слова: мужчины искали животных, пригодных в пищу, женщины — съедобные растения и т. п. Животных охотники искали по следам, которые те оставляли на земле и разных объектах среды. Эти люди занимались исследованием, расследованием в буквальном смысле этих слов. Чтобы разыскать животных по следам, нужно было эти следы превратить в факты, а факты объединить друг с другом и тем самым воссоздать облик и поведение животного, намеченного в жертву. Поиску практическому должен был предшествовать поиск познавательный. Чтобы следование за животным привело к желаемому результату, нужно было провести исследование, расследование, создать холию.

Понять, как происходила такого рода холизация, помогает один восточный анекдот, использованный Вольтером (Франсуа Мари Аруэ) (1694-1778) в философской повести «Задиг». Героя повести, прогуливающегося на опушке рощи, придворные царицы спрашивают, не пробежал ли мимо него кобель их повелительницы. Задиг вначале их поправляет: не кобель, а сука, а затем добавляет: «Это маленькая болонка... Она недавно ошенилась, хромает на левую переднюю лапу, и у нее очень длинные уши»². Но на вопрос о том, видел ли он эту собаку, Задиг дает отрицательный ответ. Его хватают и обвиняют в краже животного. На суде герой объясняет, как он, не видя собаки, так точно ее описал: «Я увидел на песке следы животного и легко распознал, что их оставила маленькая собачка. По едва приметным длинным бороздкам на песке между следами лап я определил, что это сука, у которой соски свисают до земли, из чего следует, что она недавно ошенилась».

² Вольтер. Задиг // Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. М., 1998. С. 264.

Следы, бороздившие песок по бокам от передних лап, говорили о том, что у нее очень длинные уши, а так как я заметил, что след одной лапы менее глубок, чем следы остальных трех, то догадался, что собака... немного хромает...»³.

Холия предполагала идею. Но на этой стадии идея не была чем-то самостоятельным, отличным от проблемы. Идея и проблема в таком исследовании совпадали. Человек создавал холию в ответ на встававшие перед ним практические вопросы. Они не всегда были связаны с поисками природных ресурсов. Известно, что и в те времена отношения между людьми, принадлежавшими к разным общинам, не всегда бывали дружественными. Поэтому, обнаружив свежие человеческие следы, члены той или иной общины всегда пытались воссоздать облик тех, кто их оставил: выявить, свои они или чужие, и если чужие, то сколько их, как они вооружены, откуда они пришли и куда направляются, каковы их намерения и т. п. и т. д. Во всех подобного рода делах люди первобытного общества достигли высокой степени совершенства. Об этом говорят все путешественники, сталкивавшиеся с ними.

Приведу отрывок из книги «Дерсу Узала» (1923) известного исследователя Дальнего Востока Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872-1930). «На самом берегу был след костра. Зола, угли и обгоревшие головешки — вот все, что я заметил, но Дерсу (проводник-нанец. — Ю. С.) увидел больше. Прежде всего он заметил, что огонь зажигался на одном и том же месте много раз. Значит, здесь был постоянный брод через реку. Затем Дерсу сказал, что последний раз, три дня тому назад, у огня ночевал человек. Это был старик, китаец, зверолов, он всю ночь не спал, а утром не решился переходить реку и возвратился назад. То, что здесь ночевал один человек, положим, можно было усмотреть по единственному следу на песке; что он не спал, видно было по отсутствию лежки около огня; что это был зверолов, Дерсу вывел заключение по деревянной палочке с зазубринами, которую употребляют обыкновенно для устройства западней на мелких четвероногих; что это был китаец, он узнал по брошенным улам и по манере устраивать бивак. Все это было понятно. Но как Дерсу узнал, что этот человек был старик? Не находя разгадки, я обратился к нему за разъяснениями.

Как тебя столько лет в сопках ходи, понимай нету? — обратился он ко мне, в свою очередь, с вопросом.

И он поднял с земли улы. Они были старые, много раз чиненные, дырчатые. Для меня ясно было только то, что китаец бросил их за негодностью и пошел назад.

³ Вольтер. Задиг // Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. М., 1998. С. 265.

Неужели понимаешь нету? — продолжал удивляться Дерсу. — Молодой сперва пронесит носок, а старик непременно протопчет пятку.

Как это было просто! В самом деле, стоит только присмотреться к походке молодого человека и старого, чтобы увидеть, что молодой ходит легко, почти на носках, а старик ставит ногу на все ступню и больше надавливает пятку»⁴.

Подобного рода искусством восстанавливать облик и поведение людей по следам должны обладать и войсковые разведчики. Не приводя примеров, которые можно почерпнуть из воспоминаний, остановлюсь на таком, который обеспечит нам логический переход к следующему разделу. Я заимствую его из романа Александра Дюма (1802-1870) «Виконт де Бражелон, или десять лет спустя».

В этом романе король Людовик XIV поручает капитану мушкетеров д'Артаньяну выяснить, что произошло на лесной поляне, где была обнаружена мертвая лошадь. После возвращения д'Артаньяна последовал доклад, в ходе которого король постоянно его перебивал (привожу текст в сокращении, опуская, где это возможно, королевские вопросы):

« — Государь, ваше величество сказали мне, что на поляне в роще Рошен лежит мертвая лошадь; поэтому я прежде всего стал изучать состояние дорог. Я говорю — дорог, потому что в центре поляны пресекаются четыре дороги. Свежие следы виднелись только на той, по которой я сам приехал. По ней шли две лошади бок о бок; восемь копыт явственно отпечатались на мягкой глине. Один из всадников торопился больше, чем другой. Следы одной лошади опережают следы другой на половину корпуса... Лошади крупные, шли мерным шагом; они хорошо вымуштрованы, потому что, дойдя до перекрестка, повернули под совершенно правильным углом... Там всадники на минуту остановились, вероятно, для того чтобы столкнуться об условиях поединка. Один из всадников говорил, другой слушал и отвечал. Его лошадь рыла ногой землю; это доказывает, что он слушал очень внимательно, опустив поводья.

— Значит, был поединок?

Без всякого сомнения.

<...>

— Один из всадников остался на месте — тот, кто слушал; другой переехал поляну и сперва повернулся лицом к своему противнику. Тогда оставшийся на месте пустил лошадь галопом и проскакал две трети поляны, думая, что он едет навстречу своему противнику. Но тот двинулся по краю площадки, окруженной лесом... Ехавший по опушке сидел на вороной лошади.

⁴ Арсеньев В. К. Дерсу Узала. М., 1960. С. 76-77.

- Откуда вы узнали?
- Несколько волос из ее хвоста остались на колючках кустарника, растущего по краю поляны... Другую лошадь мне не трудно описать, потому что она лежит мертвая на поле битвы.
- Отчего же она погибла?
- От пули, которая пробила ей висок.
- Пистолетной или ружейной?
- Пистолетной, государь. И рана лошади выдала мне тактику того, кто ее убил. Он поехал вдоль опушки леса, чтобы зайти своему противнику во фланг. Я пошел по его следам, видимым на траве... Теперь, чтобы ваше величество могли ясно представить себе позиции противников, я покину стоявшего всадника и перейду к тому, что скакал галопом. <...> Лошадь этого всадника была убита наповал.
- Как вы узнали это?
- Всадник не успел соскочить с седла и упал вместе с конем, и я видел след его ноги, которую он с трудом вытащил из-под лошади. Шпора, придавленная тяжестью корпуса, взбороздила землю.
- Хорошо. А что он стал делать, поднявшись на ноги?
- Пошел прямо на противника.
- Все еще находившегося на опушке леса?
- Да, государь. Потом, подойдя к нему ближе, он остановился, заняв удобную позицию, так как его каблуки отпечатались рядом, выстрелил и промахнулся.
- Откуда вы знаете, что он промахнулся?
- Я нашел пробитую пулей шляпу...
- И человек с пробитой шляпой стрелял вторично?
- Он сделал уже два выстрела, государь.
- Как вы узнали это?
- Я нашел пистолетные пыжи.
- Что же случилось с другой пулей?
- Она сбила перо со шляпы всадника, в которого была направлена, и срезала березку на противоположной стороне поляны.
- В таком случае всадник на вороной лошади был обезоружен, тогда как у его противника остался еще заряд.
- Государь, пока упавший поднимался, его противник успел зарядить пистолет. Но он очень волновался, и рука его дрожала.
- Откуда вы это знаете?
- Половина заряда просыпалась на землю, и он уронил шомпол, не успев засунуть его на место...
- Слушая вас, можно ясно представить себе всю картину.
- Я действительно мысленно восстановил ее, может быть, с самыми незначительными искажениями.

— Теперь вернемся к упавшему всаднику. Вы сказали, что он шел на своего противника в то время, как он заряжал свой пистолет?

— Да, в то мгновение, когда он целился, его противник выстрелил.

— О! — перебил король, — и выстрелил?

— Последствия его были ужасны, государь; спешившийся всадник упал ничком, сделав три неверных шага.

— Куда попала пуля?

— В два места; сначала в правую руку, затем в грудь

— Как вы могли догадаться об этом? — спросил восхищенный король.

— Очень просто: рукоятка пистолета была вся окровавлена, и на ней виднелся след пули и осколки разбитого кольца. По всей вероятности раненый потерял два пальца: безымянный и мизинец.

— Относительно руки я согласен; но рана в грудь?

— Государь, на расстоянии двух с половиной футов друг от друга были две лужи крови. Около одной из этих луж трава была вырвана судорожно сжатой рукой, около другой — только примята тяжестью тела...

— И вы считаете, что рана его тяжелая?

— Очень тяжелая, потому что он свалился сразу и долго лежал без движения; однако он имел силу уйти при поддержке двух друзей.

— Значит, вы встретили его, когда он возвращался?

— Нет; но я различил следы трех человек, человек, шедший справа, и человек, шедший слева, двигались свободно, легко, средний же тащился с трудом. К тому же на его следах кое-где видны капли крови...

— Как вы можете доказать, что эти люди пришли после поединка?

— Совершенно неопровержимо: во время поединка дождь перестал, но земля не успела высохнуть, и следы ног ясно отпечатывались на влажной почве. Но после дуэли, когда господин де Гиш лежал без чувств, подсохло и следы отпечатывались не так отчетливо»⁵.

В случае с Дерсу Узала ни проблема, ни идея сколько-нибудь четко не просматриваются. Более того, напрашивается соблазн истолковать все размышления проводника как простую дедукцию. Действительно, по своему прошлому опыту Дерсу знал, что старый человек во время ходьбы нажимает прежде всего на пятку. Отсюда следовал вывод, что китаец, оставивший на привале свою обувь, был стариком.

⁵ Дюма А. Виконт де Бражелон, или десять лет спустя. Т. 2. М., 1978. С. 466-469, 471.

И тем не менее мы имеем здесь дело с житейской холией — объединением единичных фактов. Проблема и идея почти незаметны потому, что Дерсу сталкивается в данном случае с ситуацией, в которой для него нет ничего принципиально нового, и он действует по привычному шаблону.

Иное дело — расследование, которое предпринял д'Артаньян. После выявления первых фактов у него возникает идея, что на лесной поляне происходил поединок. И эта идея позволяет объединить и тем объяснить все обнаруженные им факты. Своеобразие этих фактов заключалось в том, что они без особого труда, легко укладывались один возле другого. Но так бывает далеко не всегда. Это особенно наглядно видим на примере расследований, которые проводятся не от случая к случаю, а являются специализированной профессиональной деятельностью.

3. Профессионально-специализированная (расследовательская) холизация

Такого рода расследования ведут люди, которых именуют сыщиками, или детективами (англ. *detective* — сыщик; от лат. *detectio* — раскрытие), следователи, прокуроры, судьи, адвокаты, контрразведчики, работники внешней разведки, прежде всего сотрудники ее аналитических служб и т. п. Их деятельность по сбору, обработке и объединению фактов является, так же как и научная деятельность, целенаправленной и систематической.

Но если ученым важна истина сама по себе взятая, то названные выше люди ищут ее для того, чтобы решить конкретную практическую задачу: найти и доказать вину преступника (детективы, следователи и т. п.), раскрыть замыслы действительного или вероятного противника (разведчики).

Вот что писал по этому вопросу опытнейший американский разведчик бригадный генерал Вашингтон Плэтт в книге «Информационная работа стратегической разведки. Основные принципы» (1957)⁶: «Многие разведчики, работающие сейчас в информации, в прошлом занимались творческой научной деятельностью в учебных заведениях. Они обнаруживают, что эти две сферы имеют много общего. Ученые, искренне интересующиеся своей работой, обладающие высоким уровнем научной подготовки и гордящиеся, как это полагается, написанными ими трудами, убеждаются, что подобные качества имеют *большое значение* и для информационной работы в разведке.

⁶ В. Плэтт нам уже знаком как один из авторов статьи о научной интуиции (9.4). Он участвовал в первой и второй мировых войнах. В перерыве между службой в армии работал в промышленности, занимался научными исследованиями, получил ученую степень.

В связи с этим многие разведчики вполне естественно упускают из вида *принципиальное отличие* информационного документа от научного труда, написанного, например, профессором истории. Различие заключается в той *цели*, для которой пишутся эти работы. Когда говорят о требованиях, предъявляемых к научному труду, обычно задаются следующими вопросами: способствует ли он расширению границ человеческих знаний. Разбирается ли в нем какой-либо из затронутых вопросов более полно, с большим пониманием дела, более ярко, весомо, интересно, чем это делалось когда-либо раньше?.. В отличие от научного труда, информационный документ разведки преследует одну цель: он должен быть *полезен* для обеспечения государственных интересов уже в данный момент»⁷.

Если научную деятельность я называл *исследованием*, а ученых — *исследователями*, то работу сыщиков и им подобных профессионалов я буду именовать *расследованием*, а их самих — *расследователями*.

Из сказанного выше вытекает, что подразделение человеческого познания на обыденное (житейское) и научное является слишком упрощенным. Расследование есть особый вид познания, отличный и от житейского, и от научного.

Выше уже шла речь и о холических идеях, и о создаваемых на ее основе холиях. Но по-настоящему раскрыть их сущность можно только на примере профессиональной специализированной холизации.

Начну с примеров. В рассказе замечательного английского писателя Артура Конан Дойла (1859-1930) «Союз рыжих» к его любимому герою Шерлоку Холмсу обратился владелец небольшой ссудной кассы, который был крайне озадачен тем, что с ним случилось. Когда ему понадобился помощник, нашелся человек, который был готов служить ему за половинную плату, что его крайне устроило, ибо дела его шли все хуже и хуже. Этот новый служащий был страстным фотографом и без конца лазил в подвал, чтобы проявлять пластинки. Однажды он обратил внимание хозяина на объявление в газете, где говорилось об открытии в Союзе рыжих новой вакансии, и посоветовал ему принять участие в конкурсе. Человеку, занявшему это место, будут прилично платить, а так как хозяин обладал ярко-рыжей шевелюрой, то у него имеются все шансы на успех. И герой рассказа был действительно принят, несмотря на обилие конкурентов.

⁷ *Плэтт В.* Информационная работа стратегической разведки. Основные принципы. М., 1958. С. 50.

Обязанности его состояли в том, что он должен был, не отлучаясь ни на одну минуту, с 10 утра до 1 часу дня сидеть в помещении Союза рыжих и переписывать «Британскую энциклопедию». За это ему полагалось четыре фунта стерлингов в неделю. Через восемь недель, явившись на работу, владелец кассы увидел на двери объявление о роспуске Союза рыжих. Он обратился с вопросом о судьбе союза к хозяину дома, но, как выяснилось, тот ничего о нем даже и не слышал. Ничего не знали о Союзе рыжих и все соседи. После этого огорченный герой сразу же отправился к Холмсу с тем, чтобы тот ему все объяснил.

Проблема здесь была сложнее, чем та, которой занимался д'Артаньян. Масса фактов, но самых, на первый взгляд, нелепейших. Ключ к решению вопроса дало описание помощника, по которому Холмс опознал в нем одного из опаснейших преступников Англии. Возникла идея, которая объединила все факты: готовится ограбление, для которого нужно провести подземный ход из подвала дома, в котором находилась ссудная касса, к месту, где находилась вожделенная добыча. Чтобы хозяин не застал преступников за рытьем подкопа, необходимо было удалять его на определенные часы из дома, причем с полной гарантией, что он внезапно не явится. «Роспуск» мнимого союза означал, что подкоп закончен. Так как это произошло в субботу, то можно было сделать вывод, что ограбление намечено на сегодняшнюю ночь, ибо в таком случае о случившемся станет известно только в понедельник, и тем самым преступники получают в свое распоряжение лишние сутки для того, чтобы скрыться с добычей. Но эту идею и созданную на ее основе холию нужно было проверить. Она могла быть верной только в том случае, если неподалеку от дома с ссудной кассой было помещение, где хранилось бы богатство, ради которого стоило бы предпринять такие расходы и усилия. Как выяснил Холмс, рядом было здание Городского и Пригородного банка, в подвале которого временно хранилось тридцать тысяч упакованных в корзины золотых монет. Попутно Холмс постарался увидеть помощника владельца ссудной лавки и убедился, во-первых, что он именно тот самый человек, которого он опознал по рассказу своего неожиданного клиента, и что, во-вторых, его брюки грязны, помяты и протерты на коленях. Все встало на свое место. На ночь была устроена засада и преступников схватили во время попытки грабежа.

Если приведенный выше случай — плод творческой фантазии А. К. Дойла, то в рассказе профессионального следователя Льва Романовича Шейнина (1906-1967) «Охотничий нож» описывается реальное происшествие. Приказом по Московскому университету два ученых, находившихся в крайне неприязненных отношениях друг с другом: профессор Буров и доцент Воронов, были направлены в годичную командировку на о. Колгуев.

Через два месяца пришло известие, что профессор Буров убит доцентом Вороновым. Следователь по особо важным делам, которому было поручено расследование, по независящим от него причинам сам на остров попасть не мог. Капитану ледокола, курсировавшего в том районе Баренцева моря, был дан приказ доставить в замороженном виде труп убитого, задержать и привезти Воронова, допросить свидетелей, если таковые найдутся, и провести самый тщательный осмотр места происшествия.

На допросе Воронов, признав, что все факты свидетельствуют против него, в то же время заявил о своей полной невиновности. По его словам, они с профессором и каюром поехали на нартах охотиться на озеро в глубине острова. На полпути нарты сломались, и ненец Вася остался их чинить. Охотники прошли пешком оставшиеся три километра. Профессор остался на ближнем берегу озера, а доцент отправился на противоположный. С расстояния в полтора километра было совершенно отчетливо видно, что рядом с профессором никого не было. Вдруг раздался выстрел и профессор упал. Когда доцент добежал до места происшествия, профессор был еще жив, но без сознания. Он был тяжело ранен охотничьим ножом, вонзенным глубоко, по самую рукоятку, в его левый глаз. Пока доцент бегал за нартами, профессор скончался. Никакого объяснения случившемуся доцент дать не мог.

Следователь пришел к выводу, что Воронов не лжет и отпустил его. Невиновность Воронова стала для него фактом. Но несомненным фактом было и смертельное ранение профессора. Нужно было эти, внешне исключаящие друг друга факты объединить. Внимательно вчитываясь в акт судебно-медицинской экспертизы, проведенной выдающимся специалистом Петром Сергеевичем Семеновским, следователь обратил внимание на второй пункт заключения, в котором говорилось, что удар ножом были нанесен с «нечеловеческой силой». На вопрос следователя, что это значит, эксперт ответил: «Это значит, что сила, с которой был нанесен удар ножом, превышает среднюю силу нормального человека. Поэтому я применил выражение „нечеловеческая сила“. Но сказать вам точно, какая это сила, я не могу»⁸.

Затем следователь тщательно осмотрел винчестер и охотничий нож профессора и вдруг обнаружил, что в ручке последнего имелся дефект, бывший следствием недостаточно аккуратной работы. Крохотный кончик металлического стержня, на который была насажена ручка, торчал из нее своим острием. «Следователь ощупал этот крохотный кусочек металла и внезапно вскочил: так обожгла его мысль, блеснувшая как искра в ночной тени»⁹.

⁸ Шейнин Л. Р. Рассказы следователя. М., 2003. С. 145.

⁹ Там же. С. 146.

Через час в его кабинете была собрана группа экспертов — охотников и оружейников. «Скажите, — спросил следователь, обращаясь к охотникам, — скажите, с точки зрения обычной житейской охотничьей практики, как поступит охотник, имеющий за поясом охотничий нож с деревянной ручкой, как он поступит, если патрон при досылке его в магазинную часть ружья почему-либо закапризничает, застрянет, плохо пойдет?» Эксперты чуть удивленно переглянулись между собой и стали шептаться. „В таких случаях, — наконец единодушно решили они, — охотник скорее всего возьмет свой охотничий нож и, постукивая его тупой деревянной ручкой по капсюльной части патрона, постарается осторожно вогнать его до конца“. „И я так полагаю, — улыбнулся следователь. — Ну а теперь осмотрите этот нож, обратите внимание на этот торчащий кончик металлического стержня и представьте себе, что охотник этим ножом постарается вогнать патрон. Что будет?“ Эксперты осмотрели нож, исследовали прочность металла, из которого был изготовлен стержень, и согласились на одном: „Этот кусочек стержня, — сказали они, — по своей остроте и прочности металла вполне может сыграть роль бойка. И если этим ножом ударить по капсюльной части патрона, произойдет взрыв, последует выстрел“¹⁰. Тогда следователь обратился к оружейникам. — „Скажите, — спросил он, — если патрон не дослан до конца, если вследствие неосторожности охотника произойдет взрыв, куда направится сила взрыва, какова степень этой силы?“ — „При таком положении, — ответили эксперты, — сила взрыва пойдет назад, она даст огромный толчок в руку охотника, держащую нож, отбросит эту руку назад, к его лицу. Сила взрыва, сила этого толчка будет очень значительной: примерно это сила давления пяти-семи атмосфер...“¹¹

Казалось бы, проблема была решена. Но возникла одна явная неувязка. Профессор был убит ударом в левый глаз. А судебно-медицинский эксперт убедительно доказал, что если бы все произошло так, как полагал следователь, то профессор своей правой рукой мог поранить себя только в правый глаз, но ни в коем случае не левый. Тогда следователь предположил, что профессор был левша. И эта догадка полностью подтвердилась. Проблема была решена окончательно. Невиновность доцента Воронова была полностью доказана.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 147

Как видно из всего сказанного, расследователям в отличие от ученых-естествоиспытателей, не нужно начинать с раздробления действительности на фрагменты. В их распоряжении первоначально всегда оказывается незначительное число ее осколков, фактов. И все эти факты, взятые в отдельности, мало что дают. Как писал уже известный нам В. Плэтт: «Один факт, взятый вне связи с другими, обычно не имеет почти никакого значения»¹².

Чтобы, например, понять, как произошло преступление и кто его совершил, или, в чем состоят замыслы противника, все полученные факты нужно соединить в единое целое. Только тогда, если не все, то по крайней мере многое станет ясным. Чтобы это сделать, нужна, идея, причем идея холическая, которой была бы схвачена целостность, связь явлений. Создать идею невозможно без фантазии, воображения. Она всегда возникает как продукт разума. Возникнув, холическая идея может разрастись в систему идей — холическую же концепцию (холиоконцепцию).

Простая и сложная холическая идея, базируясь на фактах, не включает их в себя. Но не включая в себя факты, лежащие в ее основе, холическая идея обязательно выступает в качестве средства, с помощью которого объединяются эти факты. Холическая идея выступает в качестве своеобразного клея, с помощью которого факты соединяются в единое целое. Она играет роль иглы с нитью, сшивающей множество лоскутов в единое одеяние. Таким образом, холическая идея (концепция) лежит в основе особой мыслительной конструкции, которая представляет собой синтез этой идеи (концепции) и единичных фактов, картину, в которой все факты связаны посредством идеи друг с другом и выступают как моменты одного единого связанного целого. Выше она была уже названа идеефактуальной (концепциофактуальной) картиной, или холией.

Холия может быть верной, а может быть неверной. Верна она тогда, когда факты соединены в ней точно так же, как связаны моменты реальности в самой действительности, когда каждый факт оказывается на том месте картины действительности, который момент реальности, ставший содержанием сознания, занимает в самой реальности. Но факты можно связать совершенно по иному, они могут занять в холии места совершенно иные, чем вырванные мышлением моменты реальности (эквивакты) занимают в самой реальности. В последнем случае и холическая идея, и холия оказываются ложными.

¹² Плэтт В. Указ. соч. С. 85.

Поэтому необходима проверка идеи и основанной на ней картины действительности. Первое предварительное условия верности холии состоит в том, что она должна обязательно включать в себя все без исключения относящиеся к данному делу факты. Но первоначально фактов, имеющих в распоряжении расследователя, как правило, мало. Поэтому в холии остается много пробелов, «белых» пятен. Их тем больше, чем меньшим числом фактов располагает расследователь. Эти лакуны необходимо заполнить, прибегая к размышлению и фантазии.

Заполнение пробелов в холии напоминает решение кроссворда. В пустую пока строку можно внести не всякое слово, а слово со строго определенным числом букв, а если уже заполнены строки, пересекающие данную строчку, то со строго определенными буквами на строго определенных местах. Поэтому полет фантазии здесь всегда ограничен.

При создании холии свобода воображения тем больше, чем меньшим числом фактов располагает ее создатель. Когда фактов мало, обычно выдвигается не одна, а несколько холических идей и создается не одна, а несколько холий. Любая холическая идея первоначально всегда является догадкой и, соответственно, первоначально любая холия представляет собой лишь вероятную, а не достоверную истину. Такого рода предварительная холическая идея вполне может быть названа *гипотетической* идеей. Для обозначения же таких предварительных холий давно уже применяется слово «*версия*». В последнее время наряду или вместо него все чаще используется позаимствованное из арсенала науки слово «гипотеза». С этим вряд ли можно согласиться. Это слово, на мой взгляд, применимо для обозначения лишь идеи или системы идей, истинность которой является лишь вероятной. Лишь предварительная холическая идея или система идей, но не предварительная, вероятностная холия, может быть названа гипотезой.

При расследовании преступления вначале, если не всегда, то довольно часто возникает несколько холических идей и создается несколько версий происшедшего. Если продолжить аналогию холической идеи (концепции) с иглой и нитью, то первоначально куски ткани не сшиваются, а лишь сметываются на легкую руку.

Из каждой версии вытекает, что кроме уже установленных фактов, должны еще существовать такие-то и такие-то пока не обнаруженные факты, а таких-то и таких-то фактов быть не должно. Если в ходе последующего расследования выясняется, что предсказанные факты действительно существуют, а «запрещенных» нет, то это служит подтверждением истинности данной версии. В результате предварительная, вероятностная холия, а тем самым и идея, становятся доказанными, достоверными, истинными. Продолжая обозначенную выше аналогию с действием портного, после сметки кусков ткани производится примерка одеяния и, если оно оказалось по фигуре, производится сшивание.

Получившая подтверждение холия становится, как говорили когда-то юристы, материальной истиной. Последнее словосочетание нередко приводило в ярость наших философов. Ведь истина и материя — совершенно разные вещи. Истина не может быть материей, а материя — истиной. Но юристы, употребляя словосочетание «материальная истина», имели в виду вовсе не материю в любом смысле этого слова, включая и философский, а всего-навсего материалы, которыми располагает следствие. Материальная истина — холия, подтвержденная всеми материалами следственного дела.

В случае, когда предсказанные факты в ходе поисков не находились, а «запрещенные» обнаруживались, от версии отказывались как от ошибочной. С выдвиганием верной идеи и, соответственно, созданием верной холии получали верное истолкование, становились понятными и получали объяснения все выявленные факты. Простое знание фактов сменялось их пониманием.

О том, что мыслительная деятельность детектива отнюдь не сводится к дедукции и индукции, прекрасно понимали по крайней мере некоторые авторы детективных романов. В романе Агаты Кристи (1891-1976) «Зло под солнцем» ее любимейший герой — Эркюль Пуаро застал одну из дам за разрешением головоломки, состоявшей в составлении картины из множества кусков, на которые она была разрезана. Когда эта дама захотела узнать, в чем состоит его метод расследования, Пуаро разъяснил: «Он напоминает, мадам, немного эту головоломку. Человек подбирает разрозненные фрагменты, будто большую и разноцветную мозаику... Каждая деталь должна лечь на свое место... Порой бывает это сделать сложно, как и решить вашу головоломку... Подбираю фрагменты вдумчиво, внимательно, по цветам, мадам, и оказывается, что деталь, которая должна была подходить к меховому коврику, подходит, как в насмешку, к хвосту черного кота»¹³.

В другом месте того же романа Эркюль Пуаро, выявив десять разных внешне совершенно никак не связанных фактов (ножницы; бутылка, выброшенная из окна; клубок шерсти; вода, спущенная из ванны и др.) рассуждает: «Каждый из этих отдельных фактов должен был иметь свое место, должен был чему-то соответствовать. Все должны были согласовываться друг с другом до конца»¹⁴.

¹³ Кристи А. Зло под солнцем. М., 1991. С. 156.

¹⁴ Там же. С. 169.

Примерно то же самое говорит герой рассказа Карела Чапека (1890-1938) «Гибель дворянского рода Войтицких» полицейский комиссар Мейзлик своему собеседнику: «Прежде всего надо сказать, что гипотеза, признаваемая приемлемой, должна включать в себя *все* имеющиеся факты. Ни одно самое мелкое обстоятельство не должно ей противоречить. Во-вторых, все эти факты должны найти свое место в едином и связном ходе событий... Это мы называем реконструкцией обстановки. Гипотезу, которая согласует все установленные факты в наиболее связном и правдоподобном ходе событий, мы принимаем как несомненную...»¹⁵

Известный автор детективных произведений Эрл Стэнли Гарднер (1889-1970) начинал свою деятельность как профессиональный адвокат. Именно в это время он создал «собственные, специфические теории криминального следствия»¹⁶, которые затем приписал своим любимым героям, в частности окружному прокурору Дугласу Селби. «Но на данном этапе, — сокрушается этот персонаж Э. Гарднера, — обрывки фактов не складываются в целостную картину»¹⁷. «А я, — говорит он в другом месте, — буду считать дело закрытым, когда все факты придут в соответствие друг с другом»¹⁸.

Так рассуждали не только вымышленные герои.

Вот, например, что писал в книге «Теория улик» известный русский криминалист Александр Степанович Жиряев (1815-1856): «Не в количестве только и не в одних лишь внутренних, т. е. при рассмотрении в отдельности открываемых свойств улик надлежит искать речательство в том, что они составляют в данном случае полное доказательство обвинения, но и в *отношении* их как друг к другу, так к противоиуликам и к уликам оправдания. Это отношение может быть выражено следующими двумя краткими положениями: а) улики обвинения должны гармонировать между собой; б) эта взаимная их гармония не должна быть нарушена ни противоиуликами, ни уликами оправдания»¹⁹. «Замечательно, — добавляет к этому автор, — что при величайшем разномыслии криминалистов относительно почти всех пунктов исследуемого нами предмета, существует однако же на счет *взаимной гармонии* улик удивительное между ними согласие»²⁰. И это действительно так.

¹⁵ Чапек К. Конец дворянского рода Войтицких // Соч.: в 5 т. Т. 1. М., 1958. С. 174.

¹⁶ Гарднер Э. С. Свеча прокурора // Гарднер Э. С. Прокурор идет на риск. Классическое убийство. Свеча прокурора. Детективы. 2 книги. Кн. 1. М., 1993. С. 468.

¹⁷ Там же. С. 473.

¹⁸ Там же. С. 468.

¹⁹ Жиряев А. С. Теория улик. Дерпт, 1855. С. 185.

²⁰ Там же.

«Улики, — красочно писал в одном из своих кассационных заключений выдающийся русский юрист Анатолий Федорович Кони (1844-1927), — это обстоятельства, которые лишь в известной совокупности, связанные между собой цепью умозаключений и логикой фактов, могут составить доказательство. Это отдельные кусочки, разноцветные камушки, не имеющие ни ценности, ни значения, и только в руках опытного, добросовестного мастера, связанные крепким цементом мышления, образуют более или менее ценную картину»²¹.

Другой видный русский юрист Леонид Евстафьевич Владимиров в фундаментальном, выдержавшем до революции три издания (Харьков, 1882-1883; 1888; СПб., 1910) труде «Учение об уголовных доказательствах» писал: «Улика есть осколок от происшедшего во внешнем мире изменения. Ваза разбита, осколки ее — это улики. Осколки, вместе собранные, должны восстановить нам вазу, хотя и с трещинами, но в прежнем образе. Осколки должны складываться в одно. Где такого согласия нет, где улики не направляются к одной общей цели, там нет места убеждению, что они имеют одно общее происхождение в том преступлении, в том изменении во внешнем мире, от которого полетели осколки в разные стороны. Как бы много ни было изолированных улик обвинения, они не порождают убеждения, не составляют полного доказательства. Говоря об изолированных уликах, мы имеем в виду *факты*, а не *выводы*... Гармония улик — необходимое условие доказательства посредством улик. Гармония является необходимым следствием единства происхождения собранных по делу улик. Раз улики произошли от одной причины, они не могут не быть в полнейшей гармонии... Гармония улик может быть уничтожена одною какой-нибудь уликою, находящейся в неразрывном противоречии с остальной массой улик»²².

В ходе судебного процесса обвинитель излагает свою холию, в которой подсудимый выступает в качестве преступника. Адвокат, желающий доказать невиновность подзащитного, представляет суду другую холию. Эти холии могут отличаться не только характером истолкования, объединения одних и тех же фактов. Адвокат нередко пытается доказать, что некоторых фактов, на которые опирается обвинение, не было, и что, кроме приведенных обвинителем фактов, были и такие, о которых прокурор либо не знал, либо сознательно умолчал. При столкновении двух различных холий суд для того, чтобы вынести свой приговор, должен принять одну из них и отвергнуть другую. Еще один выход — отправить дело на дополнительное расследование.

²¹ Кони А. Ф. По деду о злом банкротстве купца Акимова и 12-ти соучастниках // Кони А. Ф. За последние годы. Изд. 2, дополн. СПб., 1898. С. 169.

²² Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 425-426.

Холии создаются не только названными выше видами расследователей (детективами, разведчиками и т. п.), но и медиками. Когда к врачу обращается больной, то прежде чем приступить к лечению, нужно определить, чем пациент болен. Чтобы поставить диагноз (от греч. «диагносис» — распознавание), врач должен объединить в уме все обнаруженные симптомы заболевания, т. е. создать вначале предхолию, а затем после дополнительной проверки симптомов и холию. Правда, задача врача в значительной степени облегчается тем, что существует нозология (от греч. «нозос» — болезнь) — раздел патологии, изучающий сущность и характер течения отдельных болезней, включающий описание типичного для каждого заболевания комплекса симптомов (нозографию). Но бывают заболевания со столь стертыми симптомами, что диагностика становится очень трудным делом.

Глава 11. Холизация в науке

1. Проблема специфики исторического знания

Отличие исторической науки (историологии) от естественных наук бросалось в глаза давно. Однако попытки раскрыть сущность этого различия были предприняты довольно поздно. Одна из них была сделана выдающимся немецким историком Иоганном Густавом Дройзеном (1808-1884). Последний проводил резкое различие между природой и историей. Природа есть движущийся материальный мир, история же есть движение нравственного, т. е. духовного, мира. Поэтому естествознание и историческая наука с неизбежностью должны пользоваться различными методами познания.

«Эмпиризм, занимающийся природой, — пишет И. Дройзен, — наблюдая природные факты, познает в них однообразно повторявшееся, правило этого повторения и, если удастся, закон, который определяет материальное бытие по числу и мере, в механических, физических, химических необходимостях»¹. Выводя все изучаемые явления из природной необходимости, естествознание тем самым объясняет их. В отличие от естествознания, «историческое исследование, — утверждает автор, — не стремится объяснить, т. е. выводить как нечто необходимое...»².

Но это отнюдь не значит, что историческая наука ограничивается сбором и описанием фактов. «Чтобы быть наукой, — подчеркивает И. Дройзен, — наше исследование должно добавлять к единичному, который дает эмпиризм, всеобщее...»³. Историк обязательно занимается интерпретацией фактов. Суть этого истолкования заключается в понимании. Настоящее понимание присуще только исторической науке. Его нет ни в философии, ни в естествознании⁴. «Понимание, — по словам И. Дройзена, — есть самое совершенное познание, которое для нас, как людей, возможно»⁵.

¹ Дройзен И. Г. Энциклопедия и методология истории // Дройзен И. Г. Историка. СПб., 2004. С. 72.

² Дройзен И. Г. Очерк истории // Дройзен И. Г. Историка... С. 474.

³ Дройзен И. Г. Энциклопедия и методология истории... С. 72.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 70.

Таким образом, И. Дройзен резко разграничивает объяснение и понимание. Первое характерно для естествознания, второе — для историологии. Впрочем, этот взгляд он не проводит до конца последовательно. Иногда он говорит и об историческом объяснении и о понимании у естествоиспытателей. Но если суть той формы объединения фактов, которая присуща естествознанию он в общем и целом понял, то этого нельзя сказать о той ее форме, которой всегда занимались историки. А эта последняя — не что иное, как холизация. Пытаясь раскрыть специфику интерпретации фактов историками, он пишет: «Наше историческое понимание можно сравнить с тем, как мы понимаем человека, говорящего с нами»⁶. Дает это, конечно, мало. Но в целом ряде мест своих работ, посвященных методологии истории, он все же ощупью приближается к выявлению сущности той формы интерпретации фактов, которая специфична для исторической науки. Он то и дело говорит о необходимости целостности, полноты, понимании частного из целого и целого из частного, о рассмотрении частных в их совокупности и т. п.⁷ В целом же важно то, что И. Дройзен не только, правда в довольно смутной форме, уловил различие между тем, что выше было названо эссенциализацией и холизацией фактов, но и попытался закрепить его терминологически. Основная идея И. Дройзена в последующем была подхвачена Вильгельмом Дильтеем (1833-1911), который противопоставлял естествознанию не одну только историческую науку, но вообще все гуманитарные науки, или, как он называл их, науки о духе. «Природу, — утверждал он, — мы объясняем, душевную жизнь мы понимаем»⁸. Выявлению различия между естественными науками и историологией большое внимание уделили представители баденской школы неокантианства — Вильгельм Виндельбанд (1848-1915) и Генрих Риккерт (1863-1936). В своей речи «История и естествознание», произнесенной 1 мая 1894 г., В. Виндельбанд разделил все науки на два вида. Первые из них ищут в мире общее, законы. Это науки номотетические (от греч. «номос» — закон, «тетос» — установление). К ним относится прежде всего естествознание. Вторые изучают единичное в его исторически обусловленной форме, изучают отдельные явления, то, что было только единожды.

⁶ Дройзен И. Г. Энциклопедия и методология истории... С. 69.

⁷ Дройзен И. Г. Очерк историки...С. 464, 475; Он же. Возведение истории в ранг науки // Историки...С. 537.

⁸ Цит.: Плотников Н. С. Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея // Дильтей В. Введение в науки о духе / Собр. соч. Т. 1. М., 2000. С. 215.

Если номотетические науки стремятся перейти от установления частного к пониманию общей связи, то вторые останавливаются на тщательном выяснении частного. «Одни из них, — писал

В. Виндельбанд, — суть науки о законах, другие — науки о событиях»⁹. Науки второго рода он именует идиографическими (от греч. «идиос» — частное, особенное и «графо» — писать) и прежде всего относит к их числу историологию.

В дальнейшем эта идея была обстоятельно разработана в трудах Г. Риккерта «Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки» (Ч. 1., 1896; Ч. 2., 1902), «Науки о природе и науки о культуре» (1899) и «Философия истории». Автор писал о двух качественно отличных методах научного познания: генерализирующем и индивидуализирующем. Первый из них характерен для естествознания, которое является генерализирующей наукой, второй — для исторической науки. Правда, Г. Риккерт отмечает, что и историческая наука пользуется общими понятиями и может применять наряду со своим главным, индивидуализирующим методом и метод генерализирующий. Но в целом она по сущности своей является наукой индивидуализирующей.

В рассуждениях В. Виндельбанда и Г. Риккерта имеется немало верного. Естествознание действительно никогда не задерживается на единичных фактах. От них она идет к общим фактам, а затем к теории, в которой отражается сущность изучаемых явлений. Историология же всегда обязательно занимается единичными фактами, хотя и не только ими. Среди единичных фактов, которыми располагает историк, имеется множество таких, которые не поддаются превращению в общие. Они неповторимы и индивидуальны. И если историк откажется от таких фактов, уберет их, то у него будет не картина истории, а в самом лучшем случае лишь голая ее схема.

Обратив внимание на эту неотъемлемую особенность историологии, В. Виндельбанд и Г. Риккерт в то же время не заметили другой ее важнейшей особенности. Историология никогда не ограничивается детальным описанием индивидуальных фактов. Она занимается их объединением, их унитаризацией. Но так как она в отличие от естествознания занимается унитаризацией не общих, а единичных фактов, то эта унитаризация приобретает форму не эссенциализации, а холизации. В этом отношении они сделали шаг назад по сравнению с И. Дройзенем, который понимал, что хотя историки и имеют дело с неповторимыми фактами, но они тем не менее не только описывают их, но и интерпретируют, всегда ищут и находят также и общее их понимание.

⁹ *Виндельбанд В.* История и естествознание // Виндельбанд В. Прелюдии. СПб., 1904. С. 320.

2. Идея (система идей) и холия в исторической науке

Историология — одна из тех наук, которая занимается и не может не заниматься холизацией фактов. Обращаясь к ней мы сталкиваемся не с житейской и даже не с профессионально-специализированной холизацией, а с научной. Эта научная холизация имеет много общего с профессионально-специализированной холизацией. Историческое исследование очень сходно с расследованием. Главное отличие заключается здесь в цели деятельности. Если детективы, следователи и т. п. занимаются холизацией как средством решения тех или иных практических задач, то для историков холизация есть способ получения знания самого по себе, способ постижения истины о прошлом человечества. В этом отношении они не отличаются от остальных ученых.

Все, что сказано выше о работе детектива и следователя, во многом относится и к деятельности историков. Сходство работы историка с деятельностью детектива было в свое время подмечено историком и философом Р. Дж. Коллингвудом в книге «Идея истории» (1946)¹⁰. Об этом же писал крупный советский историк Александр Александрович Зимин (1920-1980). «Я даже позднее, — читаем мы у него, — с некоторым преувеличением повторял неоднократно: „Историком меня сделал Дюма, а источниковедом Шерлок Холмс“. Шерлок Холмс соседствует с д'Артаньяном не случайно. Детектив — лаборатория научного поиска. Он учит не только логическому мышлению, но и знакомит со страстями мира разнообразных людей»¹¹.

Историки, исходя из имеющихся в их распоряжении фактов, выдвигают идеи. В случае с исторической наукой эти идеи нередко разворачиваются в целые системы — концепции, и на основе этих идей или концепций создаются холии. Когда в роли объединителя выступает не единичная идея, а система идей — концепция, можно говорить о *концепциофактуальной* картине, или, короче, *концепциофактуале*.

¹⁰ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 261-268.

¹¹ Зимин А. А. Из неопубликованного. В книжном царстве // А. А. Зимин: Библиографический указатель / Сост. В. И. Гульчинский; вступ. статья С. М. Каштанова. М., 2000. С. 136.

Идеофактуальные (концепциофактуальные) картины прошлого могут быть как истинными, так и ложными. В эти холии входят не только единичные факты, но и факты несколько иного рода, сходные с общими фактами, которыми оперирует естествознание, и в то же время отличные от них.

Когда речь идет о явлениях, которые изучает естествознание, то обычно подчеркивается, что они повторяются. Естествознание имеет дело с повторяющимися явлениями, а тем самым и с общими фактами. Все это так и в то же время не совсем так. Каждый раз естествоиспытатель имеет дело не с тем же самым явлением, а с другим. Но это явление ничем существенным не отличается от того, что наблюдалось ранее, практически тождественно ему. Поэтому его можно рассматривать как то же самое явление. В случае со сходными событиями в истории каждое имеет столь индивидуальную окраску, что прямое отождествление их, как это имеет место в естественных науках, просто невозможно.

Единичными фактами в истории являются действия тех или иных конкретных лиц, те или иные конкретные события. Но эти действия и события всегда происходят в обществах с теми или иными социальными порядками. Говорить о повторяемости общественных порядков и их различного рода моментов в данном обществе в точном смысле этого слова нельзя. Они не повторяются, а существуют в течение более или менее длительного времени, сохраняются, длятся, воспроизводятся. В этом смысле можно говорить об общих фактах. Но подобные общие факты истории отличаются от общих фактов естествознания тем, что они относятся не к обществу вообще, как последние к природе вообще, а локализованы в пространстве и времени. Общественные порядки существуют в определенном конкретном обществе (социоисторическом организме) и в определенную эпоху. Если общие факты естествознания всеобщие, то рассмотренные выше общие факты истории являются локально-общими, частнообщими, общечастными. И эти частнообщие факты с необходимостью входят, наряду с единичными фактами в создаваемые историками холии, идеофактуальные картины прошлого.

Создание исторической холии является делом нелегким. Холия должна основываться на твердо установленных фактах. Но с историческими фактами обстоит сложнее, чем с фактами естествознания. Как уже говорилось (6.3), свидетельства о прошлом содержатся в источниках, прежде всего письменных, т. е. документах. Если не прямо, то, в конечном счете, они основаны на чьих-то наблюдениях, которые имели место тогда, когда изучаемое историками прошлое было еще настоящим.

Эти наблюдения очевидцев, как правило, не носили целенаправленного, систематического характера, который присущ наблюдениям современных естествоиспытателей. Они велись очевидцами событий обычно лишь попутно в ходе повседневной житейской деятельности. Поэтому даже в документе, принадлежащем очевидцу, причем такому, который старается сказать правду, сведения не могут отличаться слишком большой полнотой и точностью.

В сознании очевидца, несомненно, содержались факты, которые затем попали в документ. В результате предпринятой историками критики источников эти факты извлекаются и оказываются в сознании исследователей прошлого. Если естествоиспытатели получают факты прямо, то историки — через ряд посредствующих звеньев. Естествоиспытатели сознательно дробят существующую действительность и затем по кусочкам втаскивают ее в свое сознание. Историкам, так же как и детективам и другим расследователям, дробить когда-то существовавшую реальность ни к чему. Она входит в их сознание в виде осколков, фрагментов. Естествоиспытатель может по своему выбору вырвать из действительности тот или иной нужный ему момент и ввести его в свое сознание в виде факта. Историка, особенно когда он исследует более или менее отдаленное прошлое, приходится либо довольствоваться тем, что имеется в его распоряжении, либо начинать поиск новых источников, нередко точно не зная, какие факты в них могут содержаться и могут ли ему понадобиться.

При этом открывается самая широкая возможность фальсификации истории от самой утонченной до самой грубой. Самая тонкая разновидность фальсификации: приводятся все основные факты, но при этом они соединяются совсем не так, как были связаны между собой моменты исторической реальности. В результате получается основанная только на достоверно установленных фактах, но тем не менее извращенная, искаженная картина прошлого.

Более грубая форма — приводятся только действительно установленные факты, но не все, умалчивается о целом ряде других фактов, причем важных. В таком случае автор берет в качестве руководства взгляд на факты, которого придерживался герой одного из произведений великого русского сатирика Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина (1826-1889). «Факты, говорю я, бывают разные. Есть факты подходящие, есть факты неподходящие, есть даже факты, которые совсем, так сказать, не факты...»¹²

¹² Салтыков-Щедрин М. Е. Признаки времени // Собр. соч.: в 20 т. Т. 7. М., 1969. С. 37.

Прием искажения картины исторической реальности, состоящий в отборе подходящих фактов и игнорировании всех остальных, встречается в литературе чаще всего. «...Ведь нет ничего проще, — писал талантливый, безвременно ушедший из жизни российский историк Владимир Борисович Кобрин (1930-1990), — чем, используя факты как иллюстрацию, доказать любую, самую вздорную концепцию: достаточно лишь закрыть глаза на другой ряд фактов, не укладываемых в любезную твоему сердцу схему. Такие априорные схемы, основанные лишь на части фактов, хотя бы сами эти факты и были бесспорными, сеют в обществе ошибочные, а потому вредные представления о своем прошлом и подрывают доверие людей к исторической науке».¹³

Самый грубый вид фальсификации состоит в том, что на основе подлога документов или просто произвольно придумываются факты, которых в действительности никогда не было. Таким образом, к трем видам фактов, выделенных Щедриным персонажем, прибавляется еще: факты, которых, конечно нет, но которые, так сказать, как бы и факты.

При первых двух вариантах фальсификатор еще может найти себе хоть какое-то оправдание. Во многих случаях историк располагает таким большим количеством фактов, что не может их все привести. Он с неизбежностью вынужден делать отбор, а отделить важные факты от малозначительных не так просто. Нелегко провести и грань между верным и неверным соединением фактов. А при третьем варианте никакого оправдания быть не может. Но некоторые авторы трудов, претендующих на то, что они дают верную картину исторической реальности, все же идут по этому пути.

В 1975 г. появилась книга Александра Исаевича Солженицына (1918-2008) «Ленин в Цюрихе» (главы из «Красного колеса»), в центре которой встреча в мае 1915 г. и переговоры между авантюристом и агентом империалистических кругов Германии Парвусом (Израилем Лазаревичем Гельфандом) (1867-1924) и русским эмигрантом В. И. Лениным. Именно в результате их тайного сговора рухнула, согласно Солженицыну, старая Россия.

Этому рассказу поверили многие наши публицисты. «Девяносто пять лет тому назад, в мае 1916 г., — пишет, например, кандидат философских наук Сергей Николаевич Земляной, — ...состоялась одна из встреч, которые изменяют мир. Участниками ее были русский политический эмигрант Владимир Ленин и русский политический эмигрант Александр Парвус (Гельфанд), натурализовавшийся в Германии и работавший на германские Генеральный штаб и МИД.

¹³ Кобрин В. Б. Опасная профессия // Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 212.

Парвус посвятил Ленина в свои далеко идущие планы относительно России и мировой революции, которым было суждено во многом сбыться»¹⁴.

Но суть-то дела в том, что этой встречи просто никогда не было: ни в мае 1915 г. (согласно книге А. И. Солженицына), ни в мае 1916 г. (согласно статье С. Земляного). Но, может быть, А. И. Солженицын был введен в заблуждение каким-то недостоверным источником? Ничего подобного. Он сам ее полностью выдумал, в чем просто душно признается в своем дневнике. «С главой Парвус— Ленин, — пишет он 13 февраля 1975 г., — получается парадоксально: фантастическая глава в строго историческом романе... Встречи, конечно, не было»¹⁵.

Аппетит приходит во время еды: вместо одной главы вышли три. «Получилось, — продолжает автор уже 2 марта, — три главы воображаемой встречи Парвус — Ленин»¹⁶. Затем была добавлена еще одна глава с дальнейшими подробностями этого никогда не имевшего места в действительности события.

И как теперь, после знакомства со всеми этими признаниями, читать то, что пишет А. И. Солженицын Борису Суварину, подвергнутому в статье «Солженицын и Ленин» (1976) уничтожающей критике солженицынский опус: «Произведение художественное, но я приложил все усилия быть безупречным в изложении исторических фактов — до дня и часа...»¹⁷ Особенно раздражает А. И. Солженицына отрицание Б. Сувариным встречи В. И. Ленина с Парвусом. «Гайная встреча Парвуса с Лениным, отрицаемая Сувариным, — уверяет он, — подтверждалась даже ранней советской печатью („Бакинский рабочий“, 1 февраля 1924)»¹⁸. Иначе как полным бесстыдством назвать это нельзя.

Оправдывается А. И. Солженицын весьма своеобразно. Ему нужно было во что бы то ни стало убедить читателей в правильности созданной им картины истории, а без придумывания данной встречи это могло и не получиться. Вот и пришлось лгать. Как говорится, ложь во спасение. Спрашивается, каким же образом у автора появилась идея, для доказательства истинности которой пришлось намеренно вводить в заблуждение читателей.

¹⁴ *Земляной С.* Двойные агенты бога и дьявола-2. Владимир Ленин на острие международной провокации // *Фигуры и лица. Приложение к «НГ».* №12 (75), 28 июня 2001 г. С. 1.

¹⁵ *Солженицын А. И.* Три отрывка из «Дневника Р-17» // *Между двумя юбилеями.* 1998-2003. Альманах. М., 2005. С. 18-19.

¹⁶ Там же. С. 19.

¹⁷ *Солженицын А.* Письмо Борису Суварину // *Нева.* 1993. № 12. С. 231.

¹⁸ *Солженицын А.* О фрагментах Суварина // *Нева.* 1993. № 2. С. 254.

У А. И. Солженицына есть ответ и на этот вопрос: «Ощутимая роль интуиции. Много раз замечал, как нахожу инстинктивные пути и решения — еще прежде, чем ознакомливаться с обильным материалом, а материал потом подтверждает чаще всего, дает углубление, объем, но идет дорога — по угаданному пунктиру...»¹⁹ Иначе говоря, вначале идея, полученная путем, может быть, и проблемной, но, увы, не фактологической интуиции, а затем уже поиск подходящих фактов. А если такие факты не находятся, то их можно и выдумать. И «Ленин в Цюрихе» — далеко не исключение. Переполнены ложью все «Красное колесо», «Двести лет вместе» (литературу см.: 1.1.2) и значительная часть разделов «Архипелага ГУЛАГ»²⁰.

К сожалению, принятие идеи, основанной не на знакомстве с фактами, а имеющей иной источник, а затем подгонка под нее фактов, — явление нередкое в историологии. Это породило у части историков определенное недоверие к идее, концепции, недооценка их важности. Как писал прекрасный отечественный историк Натан Яковлевич Эйдельман (1930-1989), в нашей исторической науке был принят постулат о том, что концепция важнее фактов. И что же получалось в результате? «Концепции, выраставшие из фактов, — пишет он, — усиливали науку, но „недостатки — продолжение достоинств“, и все чаще — по разным причинам — концепции от фактов начали отрываться. Порой они совсем не вытекали из фактов, еще немного — и концепции начали сами группировать и даже создавать факты. Так вползали в науку работы-оборотни, не завершавшиеся, но начинавшиеся с выводов»²¹.

Дошло до того, что еще один выдающийся историк Даниил Натанович Альшиц (1919-2012) противопоставил два направления в отечественной историологии: одно — представленное Петербургской-Ленинградской исторической школой, другое — многими прочими школами. «Петербургская историческая школа, в моем представлении, — писал он, — отличается своим неколебимым, неподверженным никаким конъюнктурным влияниям методом исследования: источник (доскональное изучение его происхождения, достоверности, взаимоотношения со всеми другими, относящимися к теме источниками) → факт → концепция. При этом концепция должна охватывать все без исключения факты и объяснять их взаимосвязь простейшим образом.

¹⁹ Солженицын А. О фрагментах Суварина // Нева. 1993. № 2. С. 23.

²⁰ См., например, работы В. Н. Земскова: ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. №6, 7; К вопросу о политических репрессиях в СССР (1917-1990 годы) // Изм. 1994. № 1; К вопросу о репатриации советских граждан. 1944-1951 годы // История СССР. 1990. №4 и мн.др.

²¹ Эйдельман Н. В предчувствии краха // Эйдельман Н. Из потаенной истории России XVIII-XIX веков. М., 1993. С. 475.

То есть без внесения в их естественную взаимосвязь искусственных („удобных“) построений. С этой точки зрения Петербургская-Ленинградская историческая школа противостоит многим другим школам, допускающим такой метод исторического исследования: концепция (нужная, эффективная и т. п.) → факт (подходящий) → источник (содержащий „нужные“ факты)»²².

О схеме, допускаемой не названными поименно Д. Н. Альшицем «историческими школами» говорить не нужно: здесь все и так ясно. Но далеко не все безупречно и в схеме, приписанной им Петербургской-Ленинградской школе. Концепция не появляется только в самом конце процесса исследования в законченном виде. Вначале на основе осознания проблемы и первичной обработки фактов возникает идея, нередко в форме догадки, и создается холия. Затем идет установление новых фактов и проверка на этой основе холии и тем самым идеи. Если идея не находит подтверждения, она отбрасывается. Если она подтверждается, то подвергается дальнейшей доработке, в частности разворачивается в систему идей — гипотетическую концепцию, совершенствуется холия. За этим следует поиск новых фактов, проверка гипотезы и ее либо подтверждение, либо отвержение. Это может повторяться много раз. И лишь в результате длительного процесса движения от фактов к идеям и холиям и от них к фактам мы можем прийти к истине.

Кстати сказать, прекрасным подтверждением именно такого хода процесса исторического исследования являются работы самого Д. Н. Альшица. Историкам довольно давно было известно, что на страницах последнего тома (Синодального списка) грандиозного Летописного свода, созданного во времена Ивана Грозного и известного как Лицевой свод, имеется много исправлений и приписок. После внесения поправок последний том Лицевого свода был заново переписан. И на страницах этого списка, названного Царственной книгой, снова появились исправления и добавления. Занявшись поиском автора этих добавлений и исправлений, Д. Н. Альшиц высказал предположение, что все они были сделаны самим Иваном Грозным. После поисков новых фактов это положение подтвердилось. Последним звеном в цепи доказательств стала находка единственного дошедшего до нашего времени автографа Ивана Грозного. Почерк совпал²³.

²² Аль Д. Историю России рассказывает Санкт-Петербург. СПб.; М., 2001. С. 364.

²³ См.: Аль Д. Историю России... С. 138-166; Он же. Иван Грозный: известный и неизвестный. От легенд к фактам. СПб., 2005. С. 227-235.

Д. Н. Альшицем было высказано много и других смелых, даже дерзких идей. Так, например, он предположил, что труды, создание которых традиционно приписывается политическому публицисту XVI в. Ивану Семёновичу Пересветову, в действительности созданы: «Большая челобитная» Иваном Грозным, «Сказание о Магмете-султане» сподвижником царя в ранние годы его правления А. Ф. Адашевым²⁴. Эта идея пока не получила признания в отечественной исторической науке²⁵.

Ложная историческая холия, идеефактуальная (концепциофактуальная) картина прошлого — совершенно не обязательно продукт сознательной фальсификации. Историк может просто ошибаться. Имея в своем распоряжении слишком мало твердо установленных фактов, он выдвигает ложную идею и создает искаженную идеефактуальную (концепциофактуальную) картину.

Выявление истинности или ложности исторической холии проводится в принципе так же, как в случае проверки детективной версии. Прежде всего она обязательно должна включать в себя и тем давать объяснение всем без малейшего исключения известным фактам. Далее. В исторической идеефактуальной (концепциофактуальной) картине всегда есть пробелы, которые заполняются историком при помощи размышления и фантазии. Историк делает выводы об обязательном существовании определенных фактов, которые пока не были представлены в источниках, и невозможности бытия целого ряда других мыслимых фактов. Если его предположения подтверждаются, выдвинутая им идея и созданная им историческая холия может претендовать на истинность. В противном случае она должна быть признана полностью или частично ложной.

Такого рода проверку мне самому приходилось проводить неоднократно. Я выдвигал определенную идею и создавал на ее основе из уже известных мне фактов определенную холию. Далее становилось ясным, что и эта идея, и эта картина могли быть верны лишь при условии существования тех или иных, неизвестных мне к этому моменту фактов. И очень часто, обратившись к археологическим, этнографическим и историческим трудам, я эти факты обнаруживал. Разумеется, случались и неудачи. В случае последних приходилось выдвигать иные идеи и создавать иные холии.

3. Концепция «вживания» в образы исторических деятелей как пути к пониманию истории

Работа историка не только сходна с деятельностью детектива, но и отлична от нее. Факты, с которыми детектив сталкивается в процессе расследования преступления, — следы действий преступника.

²⁴ См.: Аль Д. Историю России... С. 49-99; *Он же*. Иван Грозный... С. 18-74.

²⁵ См., например: История отечества с древнейших времен до наших дней. Энциклопедический словарь. М., 1999. С. 330.

Чтобы объединить эти факты, нужно проникнуть в замысел этого человека и выявить причины, которые заставили его внести те или иные изменения в ходе его реализации. «Я убежден, — говорил герой ряда произведений Э. Гарднера прокурор Дуглас Селби, — что разгадав мотивы человеческих поступков, можно соединить в целое все факты»²⁶.

С этим был, например, полностью согласен Гильберт Кит Честертон, который заставлял своего любителя-детектива отца Брауна вживаться в образ преступника. Вот каким образом этот персонаж ответил на вопрос, как он сумел раскрыть загадки нескольких убийств, которые оказались не по зубам полиции: «Понимаете, всех этих людей я убил сам»²⁷. Далее следует разъяснение: «Я не изучаю человека снаружи. Я пытаюсь проникнуть внутрь. Это гораздо больше, правда? Я внутри человека. Я поселяюсь в нем, у меня его руки, его ноги, но я жду до тех пор, покуда я не начну думать его думы, терзаться его страстями, пылать его ненавистью, покуда не взгляну на мир его налитыми кровью глазами и не найду, как он, самого короткого и прямого пути к луже крови. Я жду, пока не стану убийцей»²⁸.

Суть холизации при расследовании преступлений состоит в выявлении смысла фактов. Этот смысл фактов при расследовании данного конкретного преступления — последняя суть, которой вполне достаточно для понимания этого события.

Историк тоже имеет дело с действиями людей, которые ставят перед собой определенные цели и стремятся их реализовать. И первые попытки объединить исторические факты в большинстве случаев состояли в выявлении замыслов, если не всех участников исторических событий, то по крайней мере тех людей, которые играли в них ведущую роль. И здесь холизация, по крайней мере на первых шагах развития историологии, заключалась в выявлении смысла исторических фактов.

Еще до Г. Честертона и его отца Брауна некоторые философы предлагали историкам в качестве способа познания исторических событий вживание в образы ведущих деятелей истории. И здесь обращались к той трактовке понимания, которая была характерна для психологов, прежде всего к тому, как психология рассматривала понимание одним человеком других. «Возможность пережить в моей экзистенции религиозные состояния как для меня, так и для большинства моих современников, — писал В. Дильтей, — резко ограничена.

²⁶ Гарднер Э. С. Свеча прокурора... С. 468.

²⁷ Честертон Г. К. Тайна отца Брауна // Честертон Г. К. Рассказы. М., 1991. С. 291.

²⁸ Там же. С. 292-293.

Однако, читая письма и сочинения Лютера, свидетельства его современников, акты религиозных собраний и церковных соборов, его служебных отношений, я переживаю религиозное событие, когда решается вопрос жизни и смерти, с такой энергией, которая совершенно чужда любым возможным переживаниям моих современников. Однако я могу сопережить это. Я переношу себя в другие условия: все в них требует такого столь необычного развития религиозной жизни души. Я вглядываюсь в развитую в монастырях технику общения с незримым миром, которая придает душам монахов постоянную направленность взора на потусторонние предметы: теологические контрroversы становятся здесь вопросами внутреннего существования. Я вижу, как то, что сформировалось в монастырской жизни неисчислимыми каналами — с помощью проповедей с церковных кафедр, исповедей, трактатов, — распространяется среди мирян... Поскольку Лютер — глава этого движения, мы, основываясь на этой связи, которая пронизывает все — от общечеловеческой до религиозной сферы и от религиозной сферы через ее исторические определения вплоть до его индивидуальности — способны пережить развертывание этого движения. Так, этот процесс открывает нам религиозный мир Лютера и деятелей первых этапов Реформации, и этот религиозный мир расширяет горизонт возможностей человеческой жизни, которые делаются для нас доступными лишь таким образом»²⁹.

Сходные идеи развивал немецкий философ и социолог Георг Зиммель (1858-1918). Как полагал он, изучение истории с необходимостью предполагает психологическое вживание через понимание (*Ferstehen*), воспроизведение, репродукцию (*Nachbildene*) духовной жизни. «Историк, — писал он, — поэтому прежде всего делает предпосылку, что его душа может восстановить в себе психическое состояние его личностей, т. е. что существует какая-то — хотя бы самая отдаленная — аналогия между его и их установленными действиями: что сознательная подкладка, которую имеют или имели бы у него подобные поступки, существовали и у них»³⁰. Утверждая, что тождество познающего субъекта и познаваемого делает возможным историческое познание, и В. Дильтей и Г. Зиммель в то же время понимали, что этого недостаточно. Этим обусловлена и их непоследовательность, противоречивость в их взглядах и поиски иных способов познания истории.

²⁹ Дильтей В. наброски к критике исторического разума // ВФ. 1988. №4. С. 146-147.

³⁰ Зиммель Г. Проблемы философии истории. 2-е изд. М.: URSS, 2011. С. 22.

Еще дальше в этом направлении пошел русский историк и религиозный философ Лев Платонович Карсавин (1882-1952). «Для историка, — писал он, — необходимою предпосылкой его науки является не только и не главным образом его субъективное переживание, а реальное проникновение в иной душевный процесс, подлинное слияние с ним, как бы такое вливание в индивидуальную и коллективную волну ни объяснялось. Для него это факт, и всякое объяснение, сводящее этот факт на иллюзию или самообман, им признано быть не может»³¹.

Историки, искавшие движущие силы истории в замыслах и волях действующих в ней лиц, всегда рано или поздно начинали понимать, что только этим объяснить ее невозможно. Именно поэтому они постоянно прибегали к понятию судьбы в двух ее формах: судьбы-фатума и судьбы-фортуны³². Это было иллюзорной формой осознания того, что история не представляет собой простой совокупности или даже цепи событий, что в этих событиях проявляется исторический процесс, протекающий по законам, независящим от сознания и воли людей.

4. Универсальная холия и теория в исторической науке

Но если история есть объективный процесс, идущий по объективным законам, то подлинное, глубокое понимание ее с неизбежностью предполагает раскрытие этих законов, выявление сущности этого процесса. А это означает необходимость создания не холической, а эссенциальной идеи и, соответственно, теории.

Для понимания того или иного житейского события, например того или иного конкретного преступления, вполне хватает истинной холической идеи и созданной на ее основе холии. Конечно, даже истинная холия может быть более точной или менее точной и, соответственно, давать более глубокое или менее глубокое понимание фактов. Но этот способ в данном случае дает вполне достаточное, а нередко и исчерпывающее понимание и, соответственно, объяснение фактов.

Иное дело исторические факты. Какой бы совершенной ни была холическая идея и созданная на ее основе холия, преподносимое ею понимание исторических фактов всегда является лишь частичным, ограниченным, недостаточным. Холическая идея, даже позволяя приблизиться к некоторым существенным связям исторических явлений, не дает возможности эксплицитного познания их сущности, законов исторического процесса. Глубокое понимание может дать только эссенциализация, создание эссенциальной идеи и развертывания ее в теорию. Историология нуждается не в одной лишь холизации, но и в эссенциализации.

³¹ Карсавин Л. П. Введение в историю (Теория истории). Пб., 1920. С. 16.

³² См. об этом: Семёнов Ю. И. Философия истории... С. 59-60, 152-153.

Первый шаг по пути, ведущему к познанию сущности исторического процесса, — обобщение, но уже не единичных, а частнообщих фактов. Результат — выявление фактов, общность которых не ограничена рамками определенных социоисторических организмов и эпох. Это в принципе создает возможность выдвижения эссенциальной идеи, сотворение гипотезы и превращения ее в теорию. Но только возможность, не более. Чтобы эта возможность превратилась в действительность необходимо еще одно условие.

Эссенциализация в естественных науках сама по себе не предполагает обращения к философии. Иначе обстоит в области историологии. Создание сколько-нибудь общей исторической теории невозможно без обращения к самому общему пониманию истории, которое может возникнуть только как интегральная часть философии, т. е. без обращения к философии истории, историософии. Подлинно научная философия истории в свою очередь никогда не может возникнуть только на базе историологии. Ее возникновение предполагает использование данных всех основных социальных наук, прежде всего политической экономии. А для большинства этих наук, как и для естествознания, характерной является не холизация, а эссенциализация.

Пока такой философии истории нет, проникновение в глубинную сущность исторических явлений или, иначе говоря, создание подлинных теорий в историологии невозможно. Но это отнюдь не означает, что историология до появления такой историософии обречена быть только нарративной (повествовательной) историологией, лишь рассказывающей об исторических событиях и условиях, в которых они протекают. Эссенциализация в этой ситуации действительно не может иметь места. Но при этом возможной является холизация, причем особого рода: холизация не единичных, а общечастных и общих фактов. Кроме сингулярной холизации возможна и имеет место в науке холизация и универсальная, универсальная, генерализованная. При этом вначале возникает холическая идея, которая обычно разрастается в холическую концепцию, и эта холиоидея (холиоидея) объединяет в единое целое определенную совокупность общечастных и общих фактов. Возникает особого рода идеефактуальная или концепциофактуальная картина, которая включает в себя частнообщие и общие факты и тем самым объясняет массу единичных фактов.

Примером подобного рода *универсатных холий* (*универхолий*) являются первые научные периодизации истории: подразделение истории человечества на периоды дикости, варварства и цивилизации, на этапы охотничье-собирабельского, пастушеского, земледельческого и торгово-промышленного общества, на эпохи каменного, медного и железного веков, историю цивилизованного человечества на Античность, Средневековье и Новое и Новейшее время³³. Так как универсатные холиокоцепции отображают если и не сущность исторических явлений, то определенные их существенные связи, то они обычно принимаются за теории. Они действительно, хотя и не являются подлинными теориями, но сходны с ними. Поэтому их можно назвать *паратеориями* (от греч. «пара» — около, возле). На основе паратеорий и универсатных холий могут создаваться и создаются обычные сингулярные исторические холии.

Появление верной философии истории открывает дорогу к созданию подлинных исторических теорий, воспроизводящих внутреннюю необходимость всего исторического процесса в целом или конкретных отдельных процессов, из которых он состоит. Наряду с нарративной историологией возникает уже не паратеоретическая, а подлинная теоретическая историология. Но появление исторических теорий не только не отменяет необходимость создания сингулярных исторических холий, сингулярных идеефактуальных или концепциофактуальных картин, но, наоборот, создает подлинные условия для этого. Когда создана историческая теория, именно она, а не просто холиоидея (холиокоцепция, соединяет факты всех видов, и единичные и частнообщие в единое целое. Возникает холия, качественно иного типа: холия, в основе которой лежит теория, — теоретизированная холия, или, короче, *теорохолия*, не идеефактуальная (концепциофактуальная), а *теорофактуальная картина*. Такого рода холия является высшей формой отражения исторической реальности.

Но пока теоретическая историология, как общая, так и частная, по существу еще не создана. Если в физике давно утвердилось как совершенно законное деление исследователей на физиков-экспериментаторов и физиков-теоретиков, то фигура историка-теоретика для историологии до сих пор совершенно чужда. Достаточно отметить, что курсы теоретической историологии в отличие от курсов истории Древнего Востока, Античного мира, Средних веков, Нового и Новейшего времени, источниковедения и других вспомогательных наук до сих пор нигде у нас не читаются.

³³ Подробнее см.: Семёнов Ю. И. Философия истории... С. 114-125, 166-167.

5. Идея и холия в иных, кроме историологии, гуманитарных науках

История — не единственная гуманитарная наука, занимающаяся холизацией. Сингулярные холии создаются филологами, литературоведами. Ярким примером научного поиска, предполагающего выдвижения холических идей и создание холий, дают труды великого русского филолога и лингвиста академика Алексея Александровича Шахматова (1864-1920), посвященные русскому летописанию. Это поиск красочно описан в книге Н. Я. Эйдельмана «Путешествие в страну летописей» (М., 1965; вышла под псевдонимом: Н. Натанов). Превосходную картину научных поисков дают блистательная книга выдающегося отечественного востоковеда Игнатия Юлиановича Крачковского (1883-1951) «Над арабскими рукописями» (М.; Л., 1945; 2-е доп. изд. 1946; М., 2003) и работы Ираклия Луарсабовича Андронникова (1908-1990) «Загадка Н. Ф. И.», «Портрет»³⁴.

Понятие холии в определенной степени полезно для понимания не только литературоведения, но и самой художественной литературы. Ведь по существу художественное литературное прозаическое (а иногда и поэтическое) произведение (рассказ, повесть, роман и т. п.) есть не что иное, как текстуализация идеефактуальной картины, но очень своеобразной: в это холии авторской идеей объединены созданные самим же автором вымышленные единичные факты.

6. Холическая идея и холия в естественных науках

Для естественных наук, перед которыми стоит задача понимания и объяснения общих фактов, идеальным способом унитаризации является, конечно же, эссенциализация. Но в жизни все обстоит гораздо сложнее. Бывает так, что общие факты той или иной науки накапливаются, но эссенциализации при этом пока не поддаются. Тогда потребность в их объединении удовлетворяется путем универсальной холизации. Наиболее часто это наблюдается в тех науках о природе, которые известный британский историк естественного научного знания Уильям Уэвелл (1794-1866) называл классификаторными. К числу их он прежде всего относил ботанику и зоологию³⁵. Конечно, понимание, которое давали универсальные холии было частичным, недостаточным, ограниченным. Но лучше было иметь такое, чем никакого.

³⁴ См.: Андронников И. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. М., 1980.

³⁵ См.: Уэвелл Б. История индуктивных наук от древнейшего до настоящего времени. Т. 3. СПб., 1869. С. 345 сл.

Несомненной универсалией является система растительного и животного мира, созданная великим шведским ученым Карлом Линнеем (1707-1778). Но универсалии создавались и в других науках, включая и такие, в которых на первом плане находилась эссенциализация.

Пожалуй, самый наглядный пример универсальной холии в такого рода науках — знаменитая периодическая таблица химических элементов, созданная великим русским ученым Дмитрием Ивановичем Менделеевым (1834-1907). Объединяющая все химические элементы идея периодического закона — идея явно не эссенциальная, а холическая. В этой идее и основанной на ней таблице отображены определенные существенные связи, но не сущность. Последняя была раскрыта гораздо позднее с открытием электронов, протонов и нейтронов. К числу холических идей (концепций), лежащих в основе универсальных холий относятся многие из тех научных мыслетворений, которые принято именовать эмпирическими законами и эмпирическими теориями. Они действительно имеют много общего с теориями, что побудило меня назвать их *паратеориями*.

К числу универсальных холиоконцепций, т. е. паратеорий, относятся многие мыслетворения в области социологии, этнологии и политической экономии, которые принято называть теориями. Таковы, например, все так называемые социологические теории среднего уровня.

Глава 12. Проблема научного знания в истории философской и научной мысли Нового и Новейшего времени

1. Проблема научного знания в философии и естествознании XVII-XIX веков

С возникновением современного естествознания, что произошло в XVII в., перед философами и учеными встала проблема исследования не только человеческого знания вообще, но и такого его вида, как научное знание. Одним из первых встал вопрос о его источнике (см.: II.1.1). Он относился не к одному лишь научному знанию, но и знанию вообще. Появились два направления в решении этой проблемы: эмпиризм (он на первых порах обычно был и сенсуализмом) и рационализм. Одновременно возникла и тесно связанная с этим вопросом проблема видов познания, которая затем приняла форму вопроса о ступенях познания. Наряду с давно существовавшей дихотомией чувственного и умственного познания, относившаяся к всему человеческому познанию в целом, постепенно возникла дихотомия эмпирического и теоретического познания, относящаяся лишь к научному познанию. В результате претерпели известное изменение понятия эмпиризма и рационализма. Когда понятие чувственного познания стало отделяться от понятия эмпирического познания, начали все больше и больше расходиться понятия сенсуализма и эмпиризма. Проблема отношения чувств и мысли была уже во второй книге (II.14) более или менее подробно рассмотрена. Теперь наступила очередь рассмотреть отношение эмпирии и теории. Этот вопрос по-разному решали приверженцы уже упоминавшихся выше направлений: эмпиризма и рационализма. Но если во второй книге (II.14) шла речь в основном о сенсуалистах и рационалистах, то здесь — об эмпириках и рационалистах.

Бесспорно, к апостериорному, или эмпирическому, знанию относится совокупность единичных фактов, полученных в ходе наблюдений, измерений и экспериментов. Некоторые исследователи ограничивали понятие эмпирического знания только этим знанием. Но из суждений, фиксирующих результаты наблюдений, люди всегда делают выводы.

Как уже указывалось, движение мысли от частного к общему в логике именуется индукцией. В результате в мышлении наряду с непосредственным опытным знанием возникает знание выводное, индуктивное. Это знание выводится из данных опыта и в этом смысле является пусть опосредованным, но тем не менее опытным, апостериорным знанием. Поэтому большинство мыслителей также относили это знание к разряду эмпирического.

Таким образом, согласно наиболее распространенной точке зрения, эмпирическое знание включает два основных слоя: первичное эмпирическое знание, которое можно назвать *фактофиксирующим*, и вторичное эмпирическое знание, которое можно назвать *индуктивным*, или *выводным*. Последовательные эмпирики не допускали существование научного знания, которое не было бы апостериорным. Поэтому научное знание они, по крайней мере в идеале, сводили к эмпирическому.

Рационалисты не отрицали бытие эмпирического, апостериорного знания, но настаивали на том, что кроме него существует и качественно иное знание — априорное.

Зачатки представления о существовании трех слоев мыслительного знания появились довольно рано. В частности, оно довольно явно просвечивает в известной классификации ученых, содержащейся в «Новом органоне» Фрэнсиса Бэкона (1561-1626). Последний выделял три типа ученых. «Те, кто занимался науками, были, — писал он, — или эмпириками или догматиками. Эмпирики, подобно муравью, только собирают и довольствуются собранным. Рационалисты, подобно паукам, производят ткань из самих себя. Пчела же избирает средний способ: она извлекает материал из садовых и полевых цветов, но располагает и изменяет его по своему умению»¹.

Беда первых в том, что они останавливаются на первом уровне научного познания. Это ограничение преодолено третьими, которые не только фиксируют факты, но обрабатывают их. Что же касается вторых, то их познание такого рода, что оно не имеет никакого отношения к подлинной науке.

Рационалисты и среди них прежде всего Р. Декарт говорили не только о существовании научного априорного знания, но и о его превосходстве над эмпирическим. Как считали они, никакая индукция не может дать всеобщего и необходимого знания, которое одно только и является подлинно научным. Такое знание не может быть извлечено из опыта, оно является знанием априорным.

¹ Бэкон Ф. Вторая часть сочинения, называемая новый органон, или Истинные указания для истолкования природы // Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1972. С. 58-59.

Таким образом, теоретическое знание полностью отрывалось и противопоставлялось эмпирическому знанию. Подобная же точка зрения отстаивалась Г. Лейбницем, а позднее и И. Кантом.

Доказательства, приводимые Р. Декартом и Г. Лейбницем в пользу тезиса о том, что эмпирическое знание не является всеобщим и необходимым, были крайне убедительными. С ними вынуждены были считаться наиболее дальновидные представители эмпиризма. Такой, казалось бы, совершенно непреклонный эмпирик, как Томас Гоббс (1588-1679), вынужден был допустить существование наряду с основанными на опыте индуктивными науками, к которым он относил прежде всего физику, наук дедуктивных, которые покоятся на одном только разуме (геометрия, политика, эстетика). И пальму первенства он отдавал последним². Вслед за ним и Д. Юм, без конца повторявший, что единственным источником знаний является наш чувственный опыт, стал говорить о существовании идей, которые совершенно независимы от опыта и открываются путем чистой мыслительной деятельности. Очевидность положений геометрии, арифметики и алгебры основана не на опыте, а на интуиции или демонстрации. А еще раньше теоретик эмпиризма Дж. Локк ввел в свою теорию познания в качестве своеобразного запасного выхода, наряду с внешним (чувственным) опытом, внутренний (мысленный, рефлексивный) опыт и объявил высшей формой познания интуицию.

Идея о существовании двух видов наук: эмпирических, индуктивных и апостериорных, дедуктивных надолго пережила Гоббса. Но по мере развития научного знания становилось все более очевидным, что и в естественных науках, которых относили к числу бесспорно индуктивных, есть какое-то иное знание, которое не может быть прямо выведено ни из единичных, ни из общих фактов, но которое каким-то непонятным образом связано с фактами, более того, основано на фактах. Его первоначально нередко называли философским. Лишь в дальнейшем оно получило название теоретического. С этим связана традиция включать в название естественно-научных и иных трудов, в которых автор, как считалось, занимается теоретизированием, слова «философия». За примерами ходить далеко не приходится: «Идея философской истории растений» (1673) Неемии Грюю, «Математические начала натуральной философии» (1687) Исаака Ньютона (1643-1727), «Философия ботаники» (1751) Карла Линнея, «Биология или философия живой природы» (1802-1821) Готфрида Рейнхольда Треварануса (1775-1837), «Философия зоологии» (1809) Жана Батиста Ламарка (1744-1829), «Новая система химической философии» (Т. 1, 1808-1810; Т. 2. 1827, 1842) Джона Дальтона (1766-1844), «Опыт философии теории вероятностей» (1814) Пьера Симона Лапласа (1749-1827).

² См.: Гоббс Т. Основы философии // Избранные сочинения. М.; Л., 1926. С. 114-115, 178-179.

Слово «теория» и словосочетание «теоретическое знание» постепенно приобрели право гражданства в науке. Но статус теории, ее природа и особенно ее отношение к фактам, к опыту, к эмпирии долгое время для многих ученых оставались не ясными. Это наблюдалось и в XX в. Особенно в этом отношении характерны взгляды А. Эйнштейна. Когда великий естествоиспытатель обращался к проблеме соотношения теории и эмпирического познания (которое, кстати сказать, он сколько-нибудь четко не отличал от чувственного познания), то запутывался в неразрешимых противоречиях.

С одной стороны он писал: «Все понятия, возникающие в процессе нашего мышления и в наших словесных выражениях, с чисто логической точки зрения являются свободными творениями разума, которые нельзя получить из ощущений... Мир чувственного восприятия отделен от мира понятий и суждений непроницаемой стеной, если подходить к этому вопросу чисто логически»³. «Никакой логический путь, — утверждал он в другой работе, — не ведет от наблюдений к основным принципам теории»⁴. «Не существует логического пути, — снова и снова повторял он, — следуя которому, мы могли бы от чувственного восприятия прийти к принципам, лежащим в основе теоретической схемы»⁵. «Физика представляет собой развивающуюся логическую систему мышления, основы которой можно получить не выделением их какими-либо индуктивными методами из опыта, а лишь свободным вымыслом»⁶. И еще: «Аксиоматическая основа теоретической физики не может быть извлечена из опыта»⁷. Получалось, таким образом, что понятия и теории не основываются на опыте, являются априорными.

С другой стороны, сам же А. Эйнштейн не только в тех самых работах, но буквально на тех же самых страницах столь же категорически настаивал, что «теоретическая система практически однозначно определяется миром наблюдений»⁸, что «теоретические построения в физике зависят и определяются миром чувственного восприятия»⁹, что «опыт есть начало и конец нашего знания реальности»¹⁰ и т. п.

³ Эйнштейн А. Замечания о теории познания Бертрانا Рассела // Собр. научн. трудов. Т. 4 (далее — СНТ-4). М., 1967. С. 251.

⁴ Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // СНТ-4. С. 41.

⁵ Эйнштейн А. Пролог // СНТ-4. С. 154.

⁶ Эйнштейн А. Физика и реальность // СНТ-4. С. 226.

⁷ Эйнштейн А. О методе теоретической физики // СНТ-4. С. 184.

⁸ Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // СНТ-4. С. 41.

⁹ Эйнштейн А. Пролог // СНТ-4. С. 154.

¹⁰ Эйнштейн А. О методе теоретической физики // СНТ-4. С. 182.

Таким образом, в работах А. Эйнштейна теоретическое знание выступает одновременно и как априорное и как апостериорное. Пытаясь каким-то образом преодолеть это противоречие, великий физик прибегает к ссылкам на интуицию и «предустановленную гармонию», «изначальную гармонию»¹¹.

Эта проблема вставала перед философами и естествоиспытателями задолго до Эйнштейна. Одни уходили от нее, другие пытались дать ей какое-то решение. Существовал огромный разброс мнений. Одни были крайними эмпириками и индуктивистами. Они признавали только два слоя научного знания: фактофиксирующее и выводное, индуктивное. Даже когда они и пользовались словом «теория», то фактически сводили теоретическое знание к эмпирическому. Теоретическое знание они понимали как высшую форму индуктивного, эмпирического знания. Они придерживались, как принято говорить, «индуктивной модели» развития науки. Так, в частности, обстояло дело в философии Огюста Конта (1798-1857)¹². Другие мыслители, стремясь как-то перебросить мостик от фактов к теории, усиленно занимались разработкой понятия гипотезы. Ими была создана «гипотетико-дедуктивная модель» развития научного знания¹³.

Когда исследователи обращались к эмпирическому познанию, то одни из них все происходившие на этом уровне мыслительные процессы сводили к индукции, другие обращали внимание и на дедукцию, и редко кто замечал эссенциализацию. Что же касается холизации, то она не только в XIX, но и в XX в. оказывалась совершенно вне поля зрения. И это вполне объяснимо. Сингулярная холизация в естественных науках, а их только и принимали во внимание, полностью отсутствовала. А холические концепции, объединяющие общие факты, принимали за теории.

В XIX в. появилось несколько работ, в которых предпринимались попытки разработки теории научного познания. И в большинстве случаев они принадлежали перу не философов, а естествоиспытателей, историков науки и логиков.

¹¹ Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // СНТ-4. С. 40-41; *Он же*. Пролог // СНТ-4. С. 154; *Он же*. Физика и реальность // СНТ-4. С. 203-204; *Он же*. Автобиографические заметки // СНТ-4. С. 263.

¹² См.: *Конт О.* Дух позитивной философии. Ростов н/Д, 2003. С. 73-77; *Он же*. Общий обзор позитивизма. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2011. С. 81-83.

¹³ См.: *Джеванс С.* Основы науки. Трактат о логике и научном методе. М.: URSS, 2011.

Это прежде всего книги Джона Фридерика Уильяма Гершеля (1792-1871) «Предварительные рассуждения об изучении естественной философии» (1831; рус. пер. под названием «Философия естествознания. Об общем характере, пользе и принципах исследования природы». СПб., 1868; М., 2011); Джона Стюарта Милля (1808-1873) «Система логики, дедуктивной и индуктивной» (Т. 1-2, 1843; рус. пер.: 1865-1867; 1878; 1897; 1900; 1914; М., 2011); Уильяма Уэвелла «История индуктивных наук от древнейшего до настоящего времени» (Т. 1-3. 1846; рус. пер.: СПб., 1867-1969); Клода Бернара (1813-1878) «Введение к изучению опытной медицины» (1865; рус. пер.: СПб.; М., 1866; М., 2010); Уильяма Стэнли Дживонса (1835-1882) «Основы науки. Трактат о логике и научном методе» (1873; рус. пер.: М., 1881; М., 2011); Жюля Эрнеста Навиля (1816-1909) «Логика гипотезы» (1880; рус. пер.: СПб., 1882; М., 2011). В них было немало ценного и интересного. В частности У. Уэвелл особо подчеркнул, что в науке важны не только факты, но и идеи. «Итак, заметим прежде всего, — писал он, — что для образования науки важны две вещи, — Факты и Идеи; наблюдение внешних Явлений и внутренняя деятельность Мысли; или другими словами, Чувства и Разум. Ни один из этих элементов отдельно не может составить научного знания»¹⁴.

К концу XIX - началу XX в., относится появление первых работ, специально посвященных разработке проблемы теории: А. Пуанкаре «Наука и гипотеза» (1902; рус. пер.: *Пуанкаре А. О науке.* М., 1983; 1990.), бельгийского физика (работавшего во Франции) Пьера Мориса Мари Дюгема (Дюэма) (1861-1916) «Физическая теория. Ее цель и строение» (1906; рус. пер.: СПб., 1910; М., 2007; 2011), французского философа Абея Рея (1873-1940) «Теория физики у современных физиков» (1907) и «Энергетическое и механическое миропонимание с точки зрения теории познания» (рус. пер.: СПб., 1910) и в какой-то степени труды немецкого физика Пауля Оскара Эдуарда Фолькмана (1856-1938) «Теоретико-познавательные основы естественных наук» (1896; 2-е перераб. и доп. изд., 1909; рус. пер.: Теория познания естественных наук. СПб., 1911; М., 2010) и русского физико-химика Александра Николаевича Щукарева (1864-1936) «Проблемы теории познания в их приложении к вопросам естествознания и в разработке его методами» (Одесса, 1913; М., 2009).

2. Проблема научного знания вообще, теоретического в частности, в позитивистской философии XX века

Усиленная разработка проблем научного познания началась в западной философии с 20-х гг. XX в. Появилось множество работ, посвященных научному знанию вообще, теоретическому знанию в особенности.

¹⁴ Уэвелл В. История индуктивных наук от древнейшего до настоящего времени. Т. 1. СПб., 1867. С. 6.

Из числа философов одними из первых этим делом занялись представители аналитической философии, прежде всего неопозитивисты. На их взглядах на научное познание необходимо остановиться, ибо они сказались на воззрениях сторонников самых различных гносеологических концепций, включая многих советских философов. И это имело весьма печальные последствия.

Краткие сведения о неопозитивизме, о его основных представителях, о его возникновении и месте в эволюции философии были приведены в первой книге (I.5.2). Как уже говорилось, логические позитивисты были феноменалистами и, соответственно, либо отрицали существование сущности, либо считали ее полностью непознаваемой. Не признавали они, разумеется, и теории отражения. А теория как форма познания всегда есть отражение реальной сущности явлений. Сущность умозрима, а неопозитивисты отрицали бытие умозримого. Существоющим для них было одно только чувствозримое. Науку они понимали как особого рода описание чувственных данных и только. А суть науки заключается в проникновении во все более и более глубокие закономерности мира. Уже поэтому неопозитивисты заведомо не могли понять природу теоретического знания, тем самым и науки в целом.

Неопозитивисты трактовали науку как совокупность высказываний. И теорию они понимали либо как единичное высказывание, либо сумму высказываний. Высшим достижением, но уже не неопозитивистов, а более поздних представителей аналитической философии, был взгляд на теорию как на целостную систему высказываний. Он нашел свое выражение в работах У. ван О. Куайна. «Теория, — писал он, — состоит из предложений, связанных друг с другом при помощи самых разнообразных способов, которые не так просто сформулировать даже предположительно... Теория в целом... представляет собой строение, составленное из предложений, различным способом связанных друг с другом и с невербальными стимулами посредством механизма условной реакции»¹⁵.

Но в реальности теория не есть ни высказывание, ни даже система высказываний, а система понятий. Она не есть текст, она лишь выражается в тексте. И эта подмена теории теоротекстом тоже закрывала путь к ее пониманию. Видели только теоротекст, а не теорию неопозитивисты потому, что не знали о существовании разумного мышления, одной из форм которого и была теория. Разумеется, в их построениях не могло быть места идее, без которой нет и не может быть никакой теории.

¹⁵ Куайн У. ван О. Слово и объект. М., 2000. С. 27.

Но плохо у неопозитивистов обстояло не только с разумом, но и с рассудком, а тем самым и с мышлением в целом. Они не знали не только науки о разумном мышлении — диалектики, диалектической логики, но практически не принимали и науку о рассудочном мышлении — классическую формальную логику. Они принимали одну лишь символическую логику, которая, как уже указывалось, не знает мышления (II.9.2). Для них существуют лишь состоящие из языковых знаков высказывания, или предложения, и выведение одних высказываний из других — исчисление высказываний. В категориальном аппарате логического позитивизма не было места ни понятиям, ни мыслям, ни суждениям, ни умозаключениям, ни идеям, вообще мышлению в любом его виде.

Все высказывания, из которых состояло, по мнению неопозитивистов научное знание, подразделялось ими на две группы. Первую образовывали высказывания, фиксирующие чувственные данные. Это были высказывания о единичном, сингулярные. Не все логические позитивисты придерживались абсолютно одной точки зрения на этот вид знания, кроме того, их взгляды со временем изменялись, и в связи с этим менялась используемая ими терминология. Но суть их воззрений при этом сохранялась более или менее неизменной.

Высказывания, описывающие чувственные восприятия субъекта, они называли протокольными предложениями, предложениями феноменалистического языка, эмпирическими предложениями, предложениями языка наблюдения, вещного языка и т. п. Считалось, что эти предложения (1) гносеологически первичны, ибо только с их установления начинается процесс познания, (2) выражают «чистый» чувственный опыт субъекта, (3) абсолютно достоверны, т. е. истинны, (4) совершенно нейтральны по отношению ко всему остальному знанию. В них нет никакого нового знания по сравнению с тем, что было в чувствах. Совокупность этих предложений образует твердый эмпирический базис науки.

По существу, говоря о протокольных высказываниях, неопозитивисты имели в виду тот слой эмпирического познания, который выше был назван фактофиксирующим познанием. Но трактовали они его иначе. Они понимали его не как слой эмпирического мышления, а как зафиксированные в высказываниях чувственные данные, которые в результате этой фиксации ничего не потеряли и ничего не приобрели. Для них, по крайней мере на первых порах, понятия чувственного и эмпирического познания совпадали. Фактофиксирующее мышление трактовалось как чувстофиксирующее познание, что было, конечно, грубой ошибкой. Факты существуют в оболочке суждений, которые состоят из понятий, представляющие образы не отдельного, а общего. Поэтому уже на этой стадии присутствует знание не только отдельного, но и общего. Все это неопозитивисты полностью игнорировали.

Вторая группа высказываний — общие, универсальные высказывания. Неопозитивисты их называли теоретическими высказываниями, предложениями теоретического языка, языка теории. Таким образом, под названием теоретического они объединяли два качественно отличных слоя научного познания: (1) второй слой эмпирического мышления — выводное, индуктивное знание и (2) теоретическое знание. В результате в разряд теории у них попали такие типично индуктивные суждения, как, например: «Вода кипит при 100 градусах Цельсия», «Все металлы при нагревании расширяются» и т. п.

Правда, в последующем некоторые неопозитивисты в известной степени поняли ошибочность подобного рода объединения. К числу их прежде всего относится Рудольф Карнап (1891-1970). В своей более поздней работе «Философские основания физики. Введение в философию науки» (1966) он подразделил то, что неопозитивисты называли теоретическим знанием, на два уровня. Первый из них — уровень *эмпирических законов*. Они получаются путем индуктивного обобщения результатов наблюдения и измерения. Второй — уровень *теоретических законов*. К этим законам приходят путем создания и проверки гипотез. В основу различия этих уровней Р. Карнап кладет различие используемых терминов. Термины эмпирических законов относятся к наблюдаемым объектам, термины теоретических законов — к ненаблюдаемым объектами, таким, как молекулы, атомы, электроны, протоны, электромагнитные поля и т. п.¹⁶ В целом у Р. Карнапа получаются три уровня научного знания: (1) единичных фактов, (2) эмпирических законов и (3) теоретических законов.

Но вначале все, а в последующем большинство неопозитивистов придерживалось деления научного познания только на два уровня: языка наблюдений и языка теории.

Как они не могли не признать, исходя из своей концепции, в высказываниях выражается не только научное, но все вообще человеческое знание. Сами они занимались только научным знанием. Поэтому важнейшей для них стала проблема демаркации (англ. *demarcation* — разграничение), проведения разграничительной линии между научными и ненаучными высказываниями, т. е. между наукой, с одной стороны, и другими формами духовной деятельности людей — философией, религией, искусством и др. — с другой. Насколько можно понять из их работ, это разграничение не касалось предложений языка наблюдения. По-видимому, их всех нужно было относить к научным. Если так, то получалось, что наука существовала в истории человечества всегда.

¹⁶ Карнап Р. Философские основания физики. Введение в философию науки. 4-е изд. М.: КомКнига/URSS, 2006. С. 303-308.

Проблема демаркации относилась только к общим, универсальным высказываниям. В качестве критерия демаркации неопозитивисты выдвинули верифицируемость (от лат. *veritas* — истинный и *facere* — делать). Высказывание может быть признано научным только в том случае, если оно верифицируемо. Под верификацией неопозитивисты понимали установление истинности высказывания путем наблюдения. Верификация у неопозитивистов есть не только и не просто отделение научных высказываний от ненаучных, оно также одновременно выявление того, имеют те или иные высказывание смысл или не имеют. Неверифицируемые высказывания не только ненаучны, они не имеют смысла, бессмысленны. Ненаучными и тем самым бессмысленными являются все положения философии.

Общее предложение может быть признано научным и осмысленным, если оно верифицируемо, т. е. проверяемо наблюдением. Но хотя неопозитивисты говорили о верификации, проверяемости, по сути они имели в виду лишь подтверждаемость. Поэтому наряду с термином «верификация» ими все чаще использовалось слово «джастификация» (англ. *justification* — подтверждение, оправдание). Верификация все чаще понималась как джастификация.

Верифицировать общее высказывание, согласно неопозитивистским постулатам, можно только одним способом: путем редукции, т. е. сведения его в конечном счете к протокольным высказываниям, предложениям языка наблюдения. Но такое сведение возможно только в том случае, если проверяемое общее высказывание было получено путем индукции, путем выведения из сингулярных высказываний.

И здесь позитивисты вступали в противоречие со своими же общими взглядами. Большинство их отвергало «индуктивную модель» развития науки и придерживалось «гипотетико-дедуктивной модели». Но принимая в принципе последнюю, они совершенно не занимались вопросом о том, как создаются теории. Неопозитивисты вообще не исследовали процесса познания. Они ограничивались рассмотрением уже готового знания.

«Гипотетико-дедуктивная модель» оставалась у них пустым звуком. Вводя же в качестве критерия верификации научного знания редукцию, они тем фактически признавали, что их отрицание индукции является чисто декларативным. Изгоняя индукцию с парадного входа, они впускали ее через заднюю дверь. Введение принципа гносеологической редукции означало, что по мнению неопозитивистов все знание, которое они называли теоретическим, может быть полностью, без остатка сведено к непосредственному опытному знанию.

Иначе говоря, их точка зрения состояла в том, что теоретическое знание не содержит в себе ничего, чего бы не было в чувственном познании. Мышление не дает и не может дать никакого нового знания. На естественно возникавший вопрос о том, зачем же в таком случае нужно теоретическое знание, ответить неопозитивисты, разумеется, не могли.

Философские высказывания в принципе не могут быть редуцированы. В результате неопозитивистами были объявлены бессмысленными все положения философии. Но не лучше у них получилось и с наукой.

С трудностями неопозитивисты сталкивались даже тогда, когда пытались редуцировать выводное знание, когда они рассматривали общие высказывания о чувствозримых объектах. Особенность таких высказываний состояла в том, что используемые в них понятия (они же слова) имели, как принято выражаться, чувственный коррелят. В действительности все понятия, кроме единичных, всегда имеют своим коррелятом общее, которое в принципе не может быть чувственным. По существу речь здесь идет о таких словопонятиях, которые, отражая общее, обозначают единичные явления, словопонятия, имеющие чувствозримые денотаты. И с такими высказываниями неопозитивистам при редуцировании пришлось много повозиться. Пришлось прибегать к различного рода ухищрениям, чтобы как-то свести концы с концами.

Но совсем плохо им пришлось, когда они столкнулись с подлинным теоретическим знанием. Оно выражалось в таких высказываниях, где использовались словопонятия, которые не только отражали, но обозначали общее, универсаты, которые не имели никаких чувствозримых денотатов. Денотатами их были универсаты, прежде всего идеальные универсаты, которых неопозитивисты именовали абстрактными, или теоретическими, объектами, теоретическими конструктами и т. п. Такое же название они употребляли и для обозначения не только универсатов, но и такого отдельного, таких сингулатов, которые можно зреть лишь умом: атомов, электронов, протонов, мезонов и т. п.

Верификация таких высказываний была совершенно невозможной. Их нельзя было редуцировать. Следуя принципам неопозитивизма, все такого рода высказывания должны были быть объявлены ненаучным и бессмысленными. Но тем самым из науки была бы убрана вся теория, т. е. наука была бы упразднена. Прямо решиться на это неопозитивисты не могли. Им пришлось выкручиваться.

Одни из них, объявив, что теория не являясь сама по себе никаким знанием, представляет инструмент познания, способ удобного описания чувственных данных, их упорядочения, сокращенного экономного изложения полученного знания. Это направление получило название инструментализма. Зародившись еще в недрах «второго» позитивизма, инструментализм расцвел с появлением неопозитивизма.

Объявляя понятие типа «атом» лишенным реального смысла Э. Мах. В 1910 г., когда атомизм был принят практическими всеми учеными, он, полемизируя с М. Планком, категорически заявил, что «если вера в реальность атомов является столь критической, тогда я отказываюсь от физического образа мышления. В этом случае я не могу оставаться физиком-профессионалом и отказываюсь от своей научной репутации»¹⁷.

Британский физик Герберт Дингл (1890-1978) единственной реальностью считал лишь чувствозримые явления. Что же касается молекул, атомов, электронов и т. п., то они являются лишь *dummies* (фишки) и *counters* (счетные единицы), предназначенные лишь для того, чтобы связать чувственные восприятия¹⁸.

Едко и остроумно показал всю абсурдность такой точки зрения крупнейший физик-теоретик Макс Борн (1882-1970). «Сопоставим этот род реальности (той, которой обладают атомы, электроны и т. п. — Ю. С.) со следующим случаем: вы видите, как стреляет ружье и как находящийся в ста метрах от него человек падает. Откуда вы знаете, что извлеченная из раны пуля действительно попала в тело из ружья? Никто ведь ее не видел, да и никто и не мог видеть, кроме ученого, после обстоятельной подготовки, т. е. после изготовления сложного оптического аппарата вроде того, что изобрел Мах для фотографирования летящих снарядов. Тем не менее я убежден, что вы верите в то, что пуля в краткий промежуток времени между выстрелом ружья и ранением человека описывала определенную траекторию, и вы верите также, что в этот промежуток времени она действительно была там. И разве вы позволите себе удовлетвориться чистой констатацией: „О, я этого не знаю; достаточно знать феномены выстрела и ранения. Все, что лежит между ними, есть игра теоретической фантазии; летящая пуля есть чистая *dummy*, которая была изобретена для того, чтобы связать оба явления посредством законов механики“. С помощью логических аргументов я не могу опровергнуть такое положение.

¹⁷ Цит.: *Вайнберг С.* Мечты об окончательной теории. М.: URSS, 2008. С. 139.

¹⁸ *Dingle H.* Philosophy of Physics, 1850-1950 // *Nature*. 1951. Vol. 169. № 4276.

Я только хочу указать, что тот, кто отрицает существующую доказательную силу атомного следа, хотя он *наблюдаем*, должен также отрицать и существование летящих пуль, которые не *наблюдаемы*, и также многие подобные вещи»¹⁹.

Г. Дингл был не одинок. В более смягченной, не в столь откровенно субъективно-идеалистическом виде эта идея присутствует в работах и других позитивистов. Американский физик и философ Генри Маргенау (1901-1997) называл электроны и т.п. «конструкциями» (*constructs*)²⁰, неопозитивист Гане Рейхенбах (1891-1953) объявил их «интерфеноменами» (междуявлениями), связующими феномены — чувственные, наблюдаемые явления²¹.

Некоторые неопозитивисты были еще более радикальными. Английский философ Фрэнк Памплон Рамсей (Рэмси) (1903-1930) выдвинул и попытался обосновать положение о том, что научное знание может быть выражено высказываниями только о чувственных данных, соединенных логическими связками «и», «или», «не». Теоретические термины оказываются при этом полностью исключенными, элиминированными (от лат. *eliminare* — изгонять). Предложенная им процедура получила название «Рамсей-элиминации теоретических терминов». Беда была только в том, что никто из ученых этим приемом не захотел пользоваться. И понятно почему: сделать это было невозможно и не нужно.

Логический позитивист К. Гемпель выдвинул так называемую дилемму теоретика. «Если термины и принципы теории, — писал он, — выполняют свои функции, то они не нужны, как только что было показано выше; а если они не выполняют своих функций, то они тем более не нужны. Но для любой данной теории, ее термины и принципы или выполняют свои функции или не выполняют их. Следовательно, термины и принципы любой теории не нужны»²².

Таким образом, философы, которые претендовали на то, что создали подлинную философию науки, по существу вели дело к тому, чтобы уничтожить, элиминировать науку. Предложенный ими критерий демаркации научного знания с неизбежностью вел к признанию самого главного в науке — теории — бессмыслицей. Он же вел к причислению к науке обыденного, житейского знания.

¹⁹ Борн М. Физическая реальность // Борн М. Физика в жизни моего поколения. М., 1963. С. 272-273.

²⁰ См.: Margenau H. The Nature of Physical Reality. A Philosophy of Modern Physics. New York, Toronto, London, 1950. P. 68-72.

²¹ См.: Reichenbach H. Philosophic Foundations of Quantum Mechanics. Berkeley and Los Angeles, 1946. P. 21.

²² Гемпель К. Г. Дилемма теоретика: исследование логики построения теории // Гемпель К. Г. Логика объяснения. М., 1998. С. 164.

Обыденное знание выражается не только в высказываниях, которые полностью подходят под определение протокольных предложений, но и в массе общих универсальных выводных высказываний, которые вполне могут быть верифицируемыми. А раз так, то они вполне могут, если придерживаться неопозитивистских критериев, считаться научными. Как видно из все сказанного выше, все претензии неопозитивистов на то, что ими создана философия науки, не имеют под собой никаких оснований. Крах неопозитивизма наметился уже тогда, когда выяснилось, что они оказались совершенно беспомощными разобраться с теорией, когда выявился их принципиальный антитеоретизм.

И окончательно рухнула неопозитивистское философское здание, когда даже некоторые приверженцы аналитической философии поняли, что уже протокольные предложения в силу того, что они состоят из общих понятий, содержат знание, которого нет в восприятиях, и уже поэтому не могут считаться фиксацией чистого опыта, нейтральными по отношению к остальному знанию. Отсюда они сделали вывод, что между этими предложениями и теми, которые именуются теоретическими, нет принципиальной разницы. Как писал постпозитивист Имре Лакатос (Лакатош) (1922-1974): «Нет никакой естественной (то есть психологической) демаркации между предложениями наблюдения и теоретическими предложениями»²³. В такой своеобразной форме была понята давно уже многим известная истина, что даже самый первичный слой эмпирического познания относится к разряду не чувственное познания, а мышления.

Все это вместе взятое означало крушение неопозитивистского принципа верификации, практически же джастификации, как способа отделения научного знания от ненаучного. Попытку предложить другой способ отграничения научных высказываний от ненаучных предпринял Карл Раймунд Поппер (1902-1994), труды которого положили начало новой разновидности позитивизма — постпозитивизму. Он в качестве принципа проверки научности теории взамен джастификации предложил другой — принцип фальсифицируемости, или опровергаемости. Только такое универсальное высказывание может быть признано научным, которое в принципе может быть опровергнуто путем наблюдения. Вот как он изложил свою точку зрения: «Теория называется „эмпирической“ или „фальсифицируемой“, если она точно разделяет класс всех возможных базисных высказываний на два следующих непустых подкласса: во-первых, класс всех тех базисных высказываний, с которыми она несовместима (которые она устраняет или запрещает), мы называем его классом потенциальных фальсификаторов теории;

²³ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995. С. 22.

и, во-вторых, класс тех базисных высказываний, которые ей не противоречат (которые она „допускает“). Более кратко наше определение можно сформулировать так: теория фальсифицируема, если класс ее потенциальных фальсификаторов не пуст»²⁴.

В принципе поддаются опровержению множество универсальных чисто житейских высказываний. Следуя логике Поппера, их следует признать научными. Таким образом, фальсификационизм, точно так же как джастификационизм, не позволяет отделить научное знание от обыденного, житейского. Не позволяет он отличить его и от других видов знания.

Как достаточно убедительно показал И. Лакатос, который по праву считается учеником К. Поппера, что при отсутствии декларированной неопозитивизмом принципиальной разницы между предложениями языка наблюдения и языка теории не только джастификационизм, но и фальсификационизм не может служить критерием, позволяющим отделить научные высказывания от ненаучных. «...Мы не можем, — писал он, — не только доказательно обосновать теории, но и опровергнуть их»²⁵.

Как уже указывались выше, неопозитивисты, клянясь в верности науки, практически действовали как ее враги. Так же поступали и первые постпозитивисты и иные новейшие представители аналитической философии. Но у поздних постпозитивистов суть позитивистских взглядов вырвалась наружу. П. Фейерабенд открыто выступил против науки. Присущий всему позитивизму антитеоретизм перерос у него в полный иррационализм. В этом отношении более чем красноречиво название его последней книги «Прощай, разум» (1987; рус. пер.: М., 2010).

Ничуть не лучше отношение к теории вообще, к «теоретическим объектам» в особенности, у тех аналитических философов, которых не принято причислять ни к неопозитивистам, ни к постпозитивистам. «Как эмпирик, — писал У. ван О. Куайн, — я продолжаю считать концептуальную схему науки инструментом для предсказания будущего опыта в свете прошлого опыта. Физические объекты концептуально вводятся в ситуацию как удобные посредники, причем не путем их объяснения в терминах опыта, но просто как простые несводимые постулируемые сущности (*posits*), эпистемологически сопоставимые с богами Гомера. Что касается меня, то я как правоверный физик, верю в физические объекты, а не в гомеровских богов, потому что было бы научной ошибкой думать иначе.

²⁴ Поппер К. Логика научного исследования // Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983. С. 114-115.

²⁵ Лакатос И. Указ. соч. С. 23.

Но с точки зрения эпистемологии физические объекты и боги Гомера отличаются только по степени, а не в принципе. Оба типа сущностей входит в наше познание только как культурно постулируемые сущности. Миф о физических объектах эпистемологически превосходит большинство других мифов в том отношении, что оказался более эффективным, чем другие мифы, в качестве устройства для выработки поддающейся управлению структуры потока опыта»²⁶. Таким образом, по У. Куайну, научная теория есть не что иное, как одна из разновидностей мифологии.

3. Проблема научного познания вообще, теоретического в первую очередь, в советской философии

С большим опозданием, лишь во второй половине XX в. к разработке проблемы теоретического знания обратились советские философы. И сразу же они столкнулись с трудностями. Ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, ни В. И. Ленин специально этим вопросом не занимались. Нужно было во многом начинать с самого начала. Некоторые философы попытались подойти к этой проблеме с позиций теории отражения. Они исходили из того, что теория есть отражение объективной сущности явлений. Но, к сожалению, нередко все у них сводилось к самым общим положениям, которые давали не слишком много. Большинство же советских философов все в большей и большей степени стали обращаться к входившей у нас тогда в моду философии логического позитивизма и заимствовать оттуда вначале отдельные положения, относящиеся к теоретическому знанию, а затем практически все их концепции в целом. Одновременно все они продолжали клясться в верности марксистско-ленинской теории отражения: одни это делали более или менее искренне, а другие — для прикрытия своего фактического перехода на позиции феноменализма. Некоторые из этих философов пытались соединить материализм с позитивизмом, результатом чего была невероятно эклектическая концептуальная похлебка. Другие либо принимали неопозитивизм в тех его формах, который существовал на Западе, либо пытались создать свои собственные его варианты. Так, например, известный советский логик, доктор философских наук Владимир Александрович Смирнов (1931--1996) вслед за Р. Карнапом подразделил предложения языка науки на три типа, дав им при этом свои названия: (1) фиксирующие индивидуальные факты (язык наблюдения); (2) фиксирующие эмпирические зависимости (язык эмпирических конструктов) и (3) выражающие теоретические законы (язык теоретических конструктов)²⁷.

²⁶ Куайн У. ван О. Две догмы эмпиризма // Куайн У. ван О. Слово и объект. М., 2000. С. 365.

²⁷ См.: Смирнов В. А. Уровни знания и этапы процесса познания // Проблемы логики научного познания. М., 1964. С. 41-42.

От большинства советских философов, включая и обратившихся к логическому позитивизму, не ускользнула такая его явная слабость, как отказ от исследования процесса познания. Как уже указывалось, неопозитивисты ограничивались изучением готового знания.

Рассматривая теории, они, в частности, ничего не могли сказать об их возникновении. С этим связан торжественно декларируемым многими нашими философами призыв к созданию иной логики, отличной от неопозитивистской, символической логики, — логики науки, или логики научного познания. Одни говорили, что этой логикой должна стать диалектическая логика. Другие писали о создании особой, ранее не существовавшей логики как частной философской дисциплины, отличной от материалистической диалектики. Но когда и те, и другие от призывов переходили к делу, перед нами предстала та же самая символическая логика, чуть-чуть обрамленная марксистскими словесами, выступавшими в качестве прикрытия. Все это особо наглядно можно было видеть на примере статей, составивших объемистый сборник под названием «Проблемы логики научного познания» (М., 1964).

Все то, о чем было сказано выше, закрывало путь к подлинному материалистическому решению проблемы теоретического знания и познания. Но это отнюдь не означает, что в существующих работах, посвященных теоретическому знанию, вообще нет ничего положительного. Были, разумеется, подмечены те или иные моменты, но в целом материалистическую разработку проблемы теоретического познания приходится во многом начинать заново.

Глава 13. Факты, идея, гипотеза и теория

1. Теория и гипотеза

В одной из работ крупного отечественного философа доктора философских наук Льва Борисовича Баженова (1926–2005) говорится о трудности определения научной теории. Конечный вывод его заключается в том, что «строгое определение теории в рамках содержательно-философского исследования невозможно и не нужно»¹.

С этим вряд ли можно согласиться. Но чтобы достаточно четко определить теорию, нужно исходить не из ее формы, а из ее содержания. Как уже неоднократно отмечалось, суть теории состоит в том, что она есть отражение сущности явлений. Именно этим объясняются все основные особенности, или, как у нас принято писать, функции теории. Именно потому, что теория отражает сущность явлений, она позволяет понять явления и объяснить их, и тем самым предвидеть, или, что же самое, предсказать ход событий.

Как уже многократно говорилось, сущность в чистом виде как таковая не существует. Она не имеет самобытия. Она существует только в явлениях и через явления. Познать сущность — воссоздать ее в мышлении в чистом виде, т. е. в таком, в каком она в реальности не существует и существовать не может. Сущность можно зреть лишь умом, она всегда только умозрима. Для этого необходимо воображение, причем, разумеется, мыслительное. Поэтому теория никогда не может быть выведена из фактов посредством индукции. Последняя способна давать лишь общие факты, но никак не больше. Для того, чтобы создать теорию, необходимо, во-первых, исходить из фактов, опираться на факты, во-вторых, оторваться от фактов. Поэтому возникновению теории должно предшествовать появление идеи, причем идеи не колической, а эссенциальной, которая может быть только сознательной. Так как о природе и возникновении идей вообще, эссенциальных в особенности, уже достаточно было сказано выше (9.1), то рассмотрим здесь лишь дальнейшую судьбу уже возникшей эссенциальной идеи.

¹ Баженов Л. Б. Строение и функции естественно-научной теории // Синтез современного научного знания. М., 1973. С. 392. См. также: *Он же*. Строение и функции естественно-научной теории. М., 1978. С. 6.

Возникнув в качестве догадки, идея разрабатывается, нередко превращаясь в целостную систему идей. Простая или сложная система идей первоначально является лишь предположением о том, какой может быть сущность явлений, лишь вероятной, но не достоверной истиной. Ее именуют *гипотезой*. По своей структуре гипотеза принципиально ничем не отличается от теории. Различие заключается лишь в том, что теория является уже не вероятностной, а достоверной истиной. Гипотеза есть предтеория.

Создание гипотезы — рывок познания далеко вперед, за пределы познанного, заброска интеллектуального десанта в области непознанного. «Факт, — красочно писал, рисуя ход научного познания, великий ученый, основоположник стереохимии Якоб Гендрик Вант-Гофф (1852-1911), — основа, фундамент, фантазия — строительный материал, гипотеза — строительный план, который нужно исследовать, истина — здание»². Верная гипотеза есть единство знания и незнания, знания о том, что еще не знаем. «Научная гипотеза, — отмечал В. И. Вернадский, — всегда выходит за пределы фактов, послуживших основой для ее построения»³.

Чем меньше фактов в распоряжении ученого, тем больший простор для догадок. Возникает несколько идей и создается еще большее число гипотез, ни одной из которых не гарантировано превращение в теорию. Более того, существует возможность того, что все они окажутся ошибочными. Такого рода гипотезы обычно именуются рабочими. Но создание даже таких гипотез является необходимым условием продвижения научного знания. Как говорил И. В. Гёте: «Ложная гипотеза лучше, чем никакой гипотезы»⁴. Только наличие гипотезы делает систематическим и целенаправленным дальнейший поиск фактов. «Предвзятая идея или гипотеза, — писал К. Бернар, — есть необходимая точка отправления всякого экспериментального рассуждения. Без нее нельзя было бы ни сделать какое-нибудь исследование, ни научиться; можно только накапливать бесплодные наблюдения. Если *производят опыт* без предварительной идеи, то блуждают наудачу...»⁵

2. Способы проверки истинности гипотезы и теории

Созданную гипотезу обязательно подвергают проверке. Существует несколько ее способов. Один из них — *проверка фактами*. Он существует в трех видах, которые все уже были рассмотрены, когда решался вопрос о средствах проверки истинности холии, как расследовательской (профессионально-специализированной), так и исследовательской (научной).

² См.: *Вант-Гофф Я. Г.* Очерки по химической динамике, М., 2012. С. 11.

³ *Воронцов Вл.* Симфония разума. Саратов, 1979. С. 295.

⁴ *Гёте И. В.* Учение о свете. Теория познания. М., 2011. С. 133. См. также: С. 101.

⁵ *Бернар К.* Введение к изучению опытной медицины. СПб.; М., 1866. С. 41.

Холия, как уже отмечалось, представляет собой систему фактов, объединенных той или иной простой или сложной идеей. Чтобы претендовать на истинность, холическая идея прежде всего должна объединять, а холия тем самым включать в себя все без исключения известные факты. И далее, истинная холия обязательно должна предполагать существование одних определенных еще неизвестных фактов и полностью исключать бытие других тоже определенных фактов.

Гипотеза (предтеория), а тем самым теория, базируясь на фактах, самих фактов в себя не включает. Она есть система только идей и понятий, причем понятий разума (интеллектуалий). Но хотя гипотеза (предтеория) существенно отличается от холии, для проверки ее истинности могут применяться и применяются те же приемы.

Гипотеза может претендовать на статус теории только в том случае, если она дает понимание и тем самым объяснение всех без исключения фактов, относящихся к данной проблеме. Но этого еще недостаточно. Если сущность явлений действительно такова, как она выступает в гипотезе, то отсюда вытекает, что такие-то и такие-то еще неизвестные нам явления должны существовать, а таких-то и таких-то явлений быть не должно. Иными словами, из гипотезы следует существование или не существование определенных фактов. Если вытекающие из гипотезы факты обнаруживаются, а «запрещенные» ею факты не находятся, то гипотеза превращается в теорию, которая, как уже указывалось, отличается от гипотезы не внутренней структурой, а лишь тем, что представляет собой истину уже не вероятную, а достоверную.

Если же выясняется, что предсказанных гипотезой фактов нет, а «запрещенные» ею найдены, то тем самым обнаруживается ее недостаточность или даже ошибочность. В последнем случае возникает нужда в новой идее и разработке новой гипотезы. Однако не следует думать, что новая гипотеза выдвигается лишь после выявления ошибочности более ранней. Может одновременно создаваться и проверяться несколько гипотез.

Два последних рассмотренных выше способа проверки гипотезы (теории) фактами учеными давно применялись, но мало кто из них пытался их достаточно четко выявить. Пожалуй, единственным исключением был К. Бернар. Он подчеркивал, что ученый, создавший идею, гипотезу, не должен ставить целью найти *подтверждение* ее правильности. Он должен стремиться ее *проверить*. «Опыты, — писал К. Бернар, — следует делать не для подтверждения своих идей, а просто для их проверки»⁶.

⁶ Бернар К. Введение к изучению опытной медицины... С. 49.

«Когда опыт, — читаем мы у него, — опровергает предвзятую идею, экспериментатор должен ее отвергнуть или видоизменить. Но даже в том случае, если опыт вполне подтверждает предвзятую идею, экспериментатор должен еще сомневаться; ибо так как дело вдет о бессознательной истине, то его разум требует еще проверки от противного»⁷.

«Именно проверка от противного, — продолжает великий физиолог, — становится существенным и необходимым характером заключения опытного рассуждения. Она — выражение философского сомнения, доведенного сколь возможно далее... Проверка от противного есть возражение, направленное прямо против опытного вывода и составляющее один из его необходимых членов. В самом деле, никогда в науке доказательство не бывает надежным без проверки от противного... Чувство необходимости этой опытной проверки представляет по преимуществу научное чувство. Оно хорошо знакомо физикам; но далеко не так хорошо понимается медиками... Есть медики, которые боятся и избегают проверки от противного; как только у них явились наблюдения, которые благоприятствуют их идеям, они не хотят искать противоречащих фактов из боязни увидеть свои гипотезы опровергнутыми. Мы сказали, что тут виден весьма плохой ум: когда хотят найти истину, то твердо установить свои идеи можно только стараясь разрушить свои собственные заключения противоопытами»⁸.

В последующие годы ученые и философы, занимавшиеся разработкой проблем научного познания, чаще всего абсолютизировали один из названных выше способов проверки в ущерб другому. Это в равной степени относится и к неопозитивистам и постпозитивистам.

Как уже указывалось, одним из самых важных, если не самым важным вопросом философии логические позитивисты считали проблему демаркации научного знания, т. е. отграничения его от ненаучного, осмысленных предложений от бессмысленных.

Эту, по существу, конечно, не проблему, а псевдопроблему они пытались решить путем обращения к принципу верификации (проверки, проверяемости), который большинством их фактически сводился к принципу джастификации (подтверждения, подтверждаемости), о котором уже шла выше речь (12.2). Но джастификацию они понимали крайне упрощенно: как сведение общих предложений (языка теории) к протокольным, базисным предложениям (языку наблюдения).

⁷ Там же. С. 68.

⁷ *Поппер К.* Предположения и опровержения: Рост научного знания. М., 2004. С. 68.

⁸ Там же. С. 72-74.

Когда выяснилось, что настоящие теоретические высказывания совершенно не сводимы к протокольным, концепция рухнула. И в результате вместе с принципом подтверждения в его неопозитивистской трактовке было отброшено и то рациональное, что в нем содержалось.

Когда выяснилось, что джастификация не дает возможность решить проблему, которую неопозитивисты считали столь важной для себя, К. Поппер в книге «Логика научного исследования» (1934) в качестве принципа проверки научности универсальных высказываний взамен джастификации предложил другую процедуру — фальсифицируемость, или опровергаемость. Выше уже были приведены соответствующие высказывания из этого его труда (12.2). Речь в них шла о применении фальсификации только для отделения науки от ненауки.

Позднее в работе «Предположения и опровержения: Рост научного знания» (1964) К. Поппер свою позицию сформулировал несколько иначе: «(3) Каждая „хорошая“ научная теория является некоторым запрещением: она запрещает появление определенных событий. Чем больше теория запрещает, тем она лучше. (4) Теория, не опровержимая никаким мыслимым событием, является ненаучной.

Неопровержимость представляет собой не достоинство теории, а ее порок»⁹. И в этой формулировке есть явные перефразы, К. Поппер и здесь истолковывает проверку истинности теории только как проверку ее принадлежности к числу научных, но все-таки второй из названных выше способов проверки истинности теории фактами тут все же просвечивает.

В промежутке между появлением двух указанных выше книг К. Поппера на этот способ проверки обратил внимание выдающийся британский математик, механик и историк науки Эдмунд Тейлор Уиттекер (1873-1956). В опубликованной в 1942 г. статье «Некоторые спорные вопросы философии физических наук» он назвал его *Postulates of Impotence*, что в данном контексте должно быть переведено как «Постулат Невозможности» или «Принцип Невозможности»¹⁰. И в отличие от К. Поппера у Э. Уиттекера речь идет об установлении не научности теории, а ее истинности.

Возвращаясь к К. Попперу, нельзя не отметить, что фальсифицируемость взятая сама по себе, вопреки его мнению, не способна отграничить научное знание от ненаучного. Как мы уже видели, вторая форма проверки фактами пригодна и для отделения истинных профессионально-специализированных холий от ложных. А эти холии не представляют собой научного знания.

⁹ Поппер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания. М., 2004. С. 68.

¹⁰ Whittaker E. T. Some Disputed Questions in the Philosophy of the Physical Sciences // London, Edinburgh and Dublin Philosophical Magazine and Journal of Science. Seventh series. № 220. May 1942. P. 360-361.

И еще одно замечание. Обратив внимание на вторую форму проверки теории фактами, К. Поппер абсолютизировал ее, превратив ее в единственную. Джастификацию он считает совершенно несостоятельной. Понятия опровергаемости и проверяемости у него полностью совпадают. Подводя итоги своим размышлениям, он пишет: «*Критерием научного статуса теории является ее фальсифицируемость, опровержимость, проверяемость*»¹¹.

Вопреки и неопозитивистам, и постпозитивистам рассматриваемая проблема заключается вовсе не в установлении научности или не научности теории. Научным или ненаучным может быть только знание. Теория же может быть только научной. Других теорий нет и быть не может. Если какая-либо система понятий не является научной, то она ни в каком смысле не представляет собой теории. Во второй книге цикла (II.1.1) уже было введено понятие концепции как любой системы понятий. Любая теория есть концепция, но не всякая концепция есть теория. Теорией может быть названа только система понятий, отражающая реальную сущность явлений. Не являются теориями различного рода учения, прежде всего религиозные. Поэтому словосочетание «религиозная теория» — совершеннейшая бессмыслица.

Реальная проблема заключается в проверке гипотезы (теории) фактами. И здесь одинаково важны оба рассмотренные способа. Их как-то следует назвать. Термины и «джастифицируемость» («джастификация») и «фальсифицируемость» («фальсификация»), как явствует из сказанного выше, совершенно не годятся. Первый из названных способов я буду называть способом *позитивной проверки фактами*. В основе его лежит постулат, который можно назвать принципом необходимости подтверждающих фактов. Второй я буду называть способом *негативной проверки фактами*, а лежащий в его основе постулат — принципом несуществования противоречащих фактов, или, короче, принципом запрета фактов.

Когда речь идет о проверке теории фактами, полученными в ходе наблюдений, то к сказанному выше разве только можно добавить, что теория предсказывает не только бытие уже существующих эквивалентов, но и появление пока еще не возникших, но долженствующих возникнуть.

В случае эксперимента, особенно сложного, дело обстоит иначе. Развернутый эксперимент, имеющий целью проверку той или иной предтеории или теории, заключается в том, что мы, руководствуясь ею, вызываем к жизни определенный объективный процесс и затем наблюдаем его протекание.

¹¹ Поппер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания... С. 69.

Если это процесс в общем и целом протекает так, как предсказывает теория, и приводит к предсказанному ею результату, то это достаточно убедительно свидетельствует о ее истинности. Доказательством правильности предтеории или теории является успешное протекание и завершение предпринятого нами эксперимента.

Высшей формой доказательства истинности уже не предтеории, а теории является успешное протекание деятельности уже не экспериментальной, целью которой является обогащение человеческого знания, а практической в собственном смысле этого слова, производственной в первую очередь, имеющей целью получение полезных для человека результатов: определенных материальных продуктов и т. п. В этом случае человек господствует над объективным миром в полном смысле слова, и эта его свобода является неопровержимым доказательством истинности используемой им теории. Как писал К. Маркс: «Вопрос о том обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос»¹².

Формально и эти случаи можно подвести под формулу проверки теории фактами. Но по существу здесь мы имеем дело с чем-то значительно большим — проверкой делом, практикой.

Высшей формой эссенциализации является *процессиализация* — создание теории тех или иных процессов, происходящих в мире. Создать такую теорию означает создать логический процесс, воспроизводящий в чистом виде внутреннюю объективную необходимость развития тех или иных конкретно-реальных природных или социальных процессов (см. II.9.3). Этот частнологический процесс есть не только и не просто движение понятий, а движение вещей для нас, воспроизводящее движение вещей в себе. Формальная логика имеет дело с выведением одних суждений из других, диалектическая же — с вытеканием одних состояний объективного процесса из других. И если мы наблюдаем, что реальный конкретный (исторический) процесс развивается в главном и основном именно так, как развивается созданный нами частнологический процесс, то это доказывает истинность нашей теоретической конструкции.

¹² Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 3. С. 1-2.

3. Два компонента теории и два пути развития теоретического знания

С превращением гипотезы в теорию процесс познания не прекращается. Происходит накопление новых фактов, и некоторые из них могут вступить в противоречие с данной теорией. Это делает необходимым дальнейшее развитие теоретического знания. Оно может идти по-разному.

Как уже указывалось в первой книге цикла (I.8.2), каждая скольконибудь сложная научная теория состоит из двух основных частей, во-первых, из ядра, во-вторых, из окружающей его периферии. Ядро теории включает в себя главные, основные идеи. Выявление несостоятельности хотя бы одной из этих идей означает разрушение ядра, а тем самым и опровержение данной теории в целом. Иначе обстоит с идеями, образующими периферийную часть. Опровержение одной из них и даже всех их вместе взятых не требует с необходимостью отказа от теории. Вполне достаточно ее более или менее основательная перестройка.

Имплицитное осознание подразделения сложной теории на две указанные части встречается у целого ряда мыслителей. Как уже было показано в первой книге цикла (I.8.2), В. И. Ленин достаточно четко различал в теории марксизма вообще, в марксистской философии в частности главные, фундаментальные идеи, отказ от которых означал полный разрыв с марксизмом, и идеи не столь важные, замена которых иными не только не означала отхода от марксизма, но, наоборот, представляла собой необходимый шаг вперед в развитии марксистской теории. То, что В. И. Ленин подразделял марксистскую теорию на «ядро» и «периферию», было подмечено многими исследователями, в том числе и теми, которые относились к нему не слишком доброжелательно¹³.

Но, по-видимому, первым, кто сделал шаг по пути к эксплицитному осознанию существования в теории указанных двух частей был уже известный нам И. Лакатос в работе «Фальсификация и методология научно-исследовательских программ» (1970; рус. пер.: М., 1995). Первую часть он назвал «твердым ядром», вторую — «защитным поясом», а саму конструкцию из этих двух элементов окрестил «научно-исследовательской программой». Эта терминология была во многом продиктована ему его общей философской позицией. И. Лакатос, как уже указывалось, был постпозитивистом.

¹³ Понятия ядра и периферии для характеристики ленинского понимания структуры теории использовал, например, В. А. Кувакин в статье «Ленин: эффект неразорвавшейся бомбы» (Вестник Российского философского общества. 2005. № 1. С. 162).

Он не только был противником теории отражения, но и вообще отказывался в своей концепции от использования понятия истины. Важнейшей проблемой он считал вопрос о демаркации научного и ненаучного знания, примыкая в его решении к фальсификационизму. Вводя понятие научно-исследовательской программы, И. Лакатос в то же время не отказывался от понятия теории. Но понять, какой конкретно смысл он вкладывал в словосочетание «научно-исследовательская программа» и в каком отношении находится это понятие к понятию теории из его работы крайне трудно, если вообще возможно. Не помогают и приведенные им примеры, ибо во всех их фигурируют те мыслетворения, которые все и всегда называли теориями. Практически под научно-исследовательскими программами И. Лакатос подразумевает те теории, которые при столкновении с не укладывающимися в них фактами обновляются, сохраняя при этом все свои основные идеи. Их можно назвать *развивающимися теориями*. Каждая такая теория существует в виде нескольких стадийальных вариантов, из которых наиболее соответствующим действительности является последний.

Развитие, обновление существующих теорий — один из путей прогресса теоретического знания. Другой, более изученный — смена теорий. Они могут сочетаться. И развивающейся теории рано или поздно может прийти конец: от нее откажутся и заменят новой.

4. Проблема соответствия фактов теории

Обычно говорят лишь о соответствии теории фактам. Но дело обстоит далеко не так просто. Сколько раз у нас в качестве образца чуть ли не полной антинаучности приводилось приписываемое Г. Гегелю высказывание, что если факты не соответствуют теории, то тем хуже для фактов. Полностью истинным признать его, разумеется, нельзя. Но доля истины в нем, несомненно, содержится.

Когда при наличии теории, которая создана на базе огромного множества проверенных фактов и прекрасно их объясняет, вдруг появляется сообщение о выявлении факта, который находится в разительном противоречии с ней, то не нужно спешить отказываться от данной теории. Нужно тщательно проверить, действительно ли мы здесь имеем дело с подлинным фактом. И нередко при этом выясняется, что факта-то не было и нет. Мне самому при работе над проблемой антропосоциогенеза с такого рода «открытиями» приходилось сталкиваться не один раз.

Так, например, в 1971 г. известный археолог и палеоантрополог Ричард Лики объявил, что им найден череп существа (KNM-ER1410), которое жило 3 млн лет тому назад, но тем не менее по уровню развития стояло выше не только хабилисов, но в целом ряде отношений было более прогрессивным, чем появившиеся по меньшей мере миллион лет назад питекантропы, синантропы и даже возникшие еще позднее (0,3-0,2 млн лет) палеоантропы¹⁴. Это было настоящей сенсацией. Появилось множество заметок и статей, принадлежащих не только журналистам, но и палеоантропологам, в которых утверждалось, что все наши прежние представления о возникновении человека безнадежно устарели и должны быть пересмотрены.

Мне тогда пришлось спорить с некоторыми нашими специалистами в этой области, которые мгновенно присоединились к этому мнению. В ответ на мое утверждение, что такого человека в такое время быть не могло, ибо это противоречит теории, меня обвинили в нежелании считаться с фактами. Прошло некоторое время и выяснилось, во-первых, что возраст черепа — не 3 млн лет, а всего лишь около 2 млн, во-вторых, что он принадлежит не человеку, а хабилису. И все стало на свое место. К этому времени довольно давно уже было известно, что хабилисы появились где-то около 2,5 млн лет тому назад.

В 1976 г. антропологами Доналдом Джохансоном, Ивом Коппенсом и Морисом Тэбом было объявлено, что ими в Хадаре (Эфиопия) были найдены существа, возрастом в 3 млн и даже более лет, которые были людьми, сходными с питекантропами¹⁵. Все повторилось. Снова невероятный шум в печати, снова статьи о людях возрастом в 3 млн лет. Я снова говорил знакомым археологам и палеоантропологам, что этого быть не может, а меня в ответ снова упрекали в игнорировании несомненных фактов. И снова вскоре все стало на место. Сами же первооткрыватели признали, что ими были найдены вовсе не люди, а самые примитивные из австралопитеков, которых они предложили именовать австралопитеками афарскими. В этом ничего сенсационного не было. Существование австралопитеков в это время вполне согласовывалось с теоретическими положениями.

Приведенным выше «фактам», которые не соответствовали теории, действительно пришлось плохо: они навсегда бесследно исчезли. Археологи и палеоантропологи в большинстве своем принадлежат к числу тех ученых, которые рабски преклоняются перед фактами и не допускают мысли о проверке фактов через их сопоставление с теорией. И в результате они нередко принимают за факт то, что заведомо им быть не могло.

¹⁴ *Leakey R. F.* Skull 1470 // *National Geographic Magazine*. 1973. Vol. 143. № 6.

¹⁵ *Johanson D. C.* Ethiopia Yields First «Family» of Early Man // *National Geographic*. 1976. Vol. 150. № 6; *Taieb M. et al.* Geological and Palaeontological Background of Hadar Hominid Site, Afar, Ethiopia // *Nature*. 1976. Vol. 2-60. № 5549.

Сходные ситуации встречались и истории физики. Об одной из них рассказал выдающийся физик-теоретик Поль Адриен Морис Дирак (1902-1964).

В начале XX в. были созданы две теории электрона — релятивистская модель Лоренца—Эйнштейна и модель Абрагама (и близкая ней модель Бюхерера)¹⁶. В 1906 г. крупнейший немецкий физик-экспериментатор Вальтер Кауфман (1871-1947) провел опыты и объявил, что они подтверждают концепцию Абрагама. «Когда Лоренц услышал об этом результате, — повествует П. Дирак, — он был совершенно выбит из колеи. Он воскликнул: „Все мои труды пошли прахом“. Пуанкаре принял это за ограничение его схемы преобразования. Когда Эйнштейн узнал о результате, его реакция была совершенно иной. Он чувствовал, что его теория была настолько красива математически, что она *должна быть* правильной и поэтому, если эксперимент подтверждает другое решение, нужно подождать и посмотреть: может быть, что-то неправильно с опытом. Так что Эйнштейн не был слишком обеспокоен. Он чувствовал спокойную уверенность в правильности своей точки зрения и занял выжидательную позицию по отношению к экспериментам. Опыты были повторены несколько лет спустя и поздние эксперименты подтвердили правильность модели Лоренца—Эйнштейна и ошибочность модели Абрагама. Еще через несколько лет выяснилось, что была неисправность в аппаратах, которыми пользовался В. Кауфман. Таким образом, Эйнштейн оказался прав. Подобная позиция была характерна для него. Она состояла в требовании больше полагаться на фундаментальные идеи, если они основываются на здоровой красивой математике, чем на результаты экспериментов. Экспериментаторы всегда переоценивают аккуратность своих результатов и склонны к ошибкам. Поэтому не нужно позволять себе слишком беспокоиться по этому поводу»¹⁷.

Правда, сам А. Эйнштейн, отказывая «фактам» в «праве» решить вопрос об истинности отстаиваемой им теории, исходил вовсе не из ее математической «красивости». «Однако, по нашему мнению, — писал он, — эти теории (М. Абрагама и А. Бюхерера. — Ю. С.) вряд ли достоверны, поскольку их основные предположения о массе движущегося электрона не вытекают из теоретической системы, охватывающей более широкий круг явлений»¹⁸.

¹⁶ Хендрик Антон Лоренц (1853-1928), Макс Абрагам (1875-1922) и Альфред Бюхерер (1861-1927) — известные физики-теоретики.

¹⁷ *Dirac P. A. M. Einstein and Development of Physics // The Impact of Modern Scientific Ideas on Society. In Commemoration of Einstein. Ed. by E. N. Kinnon with A. N. Kholodilin and J. G. Richardson. Dordrecht, Boston, 1981. P. 15-16. См. также: Абрахам А. Время вспять, или Физик, физик, где ты был. М., 1991. С. 361-363.*

¹⁸ *Einstein A. Über das Relativitätsprinzip und die aus demselben gezogenen folgerungen // Jahrbuch der Radioaktivität und Elektronik. 1907. Bd. 4. 1907. Heft 4. S. 439.*

Все сказанное о соответствии фактов теории может быть отнесено и к универсальной холии. Когда Д. И. Менделеев создавал свою Периодическую таблицу элементов, выяснилось, что она существенно расходитсся с целым рядом, казалось бы, совершенно точно установленных фактов, а именно с атомными весами целого ряда элементов: бериллия, урана, тория, церия, иттрия, индия, лантана. Это противоречие великий ученый преодолел путем допущения, что атомные веса данных элементов были определены неверно. Исходя из открытого им закона и созданной на этой основе таблицы, он сделал прогноз, что реальный атомный вес бериллия в полтора раза меньше того, который ему приписывался, реальные атомные веса индия и лантана в полтора раза больше, урана, иттрия, церия и тория — в два раза больше. И этот прогноз блестяще оправдался¹⁹.

О необходимости проверки фактов разумом еще в середине XIX в. говорил уже известный нам К. Бернар. «Одни факты реальны, говорят обыкновенно, и нужно полагаться на них всецелым и исключительным образом. Часто говорят еще: *это факт*, грубый факт, тут нечего рассуждать, следует ему покориться. Без сомнения, я допускаю, что факты суть единственные реальности, могущие дать формулу опытной идее и в то же время служить ей проверкой, но лишь при том условии, что разум их принимает. Я думаю, что слепая *вера* в факт, претендующая заставить разум молчать, также опасна для опытных наук, как *верования* чувства или веры, которые тоже налагают на разум молчание. Одним словом в опытном методе, как и повсюду, *единственный действительный критерий есть разум*... Из предыдущего следует, что если бы на опыте встретилось явление с такой противоречивой видимостью, что его нельзя было бы связать необходимым образом с определенными условиями существования, то разум должен отвергнуть *этот факт*, как факт ненаучный. Следовало бы выждать *ИЛИ* искать прямыми опытами, в чем заключается причина ошибки, которая могла вкрасться в наблюдение»²⁰. И К. Бернар был не одинок.

¹⁹ См.: Кедров Б. М. Прогнозы Д. И. Менделеева в атомистике. II. Атомные веса и периодичность. М., 1978.

²⁰ Бернар К. Введение к изучению опытной медицины... С. 69, 71.

«Чем прочнее установлена теория, — писал А. М. Бутлеров, — чем больше число фактов, на которые она опирается, удовлетворительно объясняя их, тем с большей осторожностью, с большим скептицизмом должна отнестись ко всякому новому наблюдению и открытию, не согласному с теорией: надо всеми средствами убедиться в реальности явления прежде, чем признать его за факт. Но тщательно нужно остерегаться и противоположной крайности. Научное знание должно противопоставляться слепому верованию...»²¹

5. Проблема рациональности познания

С проблемой обоснования истинности идей и теорий теснейшим образом связан вопрос о рациональности познания, точнее, мышления. Последние десятилетия данная проблема более чем оживленно обсуждалась и в западной, и в нашей философской литературе. Появилось множество монографий и сборников: Б. С. Грязнов «Логика, рациональность, творчество» (М., 1982); М. К. Мамардашвили «Классические и неклассические идеалы рациональности» (Тбилиси, 1984); Б. И. Пружинин «Рациональность и историческое единство научного знания» (М., 1986); Н.С. Автономова «Рассудок. Разум. Рациональность» (М., 1988); «Рациональность как предмет философского исследования» (М., 1995); «Рациональность на перепутье». Кн. 1-2. (М., 1999); В. Н. Порус «Парадоксальная рациональность» (М., 2000) «Рациональность, наука, культура» (М., 2002); В. С. Швырев «Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность рациональности» (М., 2003) и др.

Но при знакомстве с ними выясняется, что все там сказанное без остатка сводится к определению, содержащемуся в «Философском энциклопедическом словаре» (М. 1989). «Рациональность, — говорится там, — ...способность человека мыслить и действовать на основе разумных норм: в широком смысле — соответствие деятельности разумным (рассудочным) правилам, соблюдение которых — условие достижения цели. Научная рациональность означает соотносимость познания с образцами, стандартами, логическими и методологическими нормами»²². Все остальное, что сказано в указанных монографиях и сборниках, не только не раскрывает содержание понятия рациональности, но, наоборот, затемняет его. Это означает, что все авторы по сути проблемы так и не поняли.

Обращаясь к этой проблеме, спешу оговориться, что речь у меня пойдет исключительно о рациональности познания, но не практической деятельности людей.

²¹ Бутлеров А. М. Основные понятия химии // Соч. Т. 3. С. 63-64.

²² Автономова Н. С. Рациональность // Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 546.

Под рациональностью познания я прежде всего понимаю обоснованность мышлением истинности создаваемых им способных нести истину конструкций (мыслетворений).

Из приведенного выше определения рациональности видно, что автор статьи не отличает разума от рассудка и, соответственно, рассудочного мышления от разумного. В какой-то степени это исторически оправданно. Понятие рациональности возникло тогда, когда большинство философов рассматривало понятия разума и рассудка, разумного и рассудочного как тождественные, и сводило мышление к рассудочному мышлению. Понятие рациональности возникло как понятие обоснованности рассудком, рассудочной обоснованности. И лишь потом под рациональностью стали понимать, сколько-нибудь четко этого не осознавая, обоснованность не только рассудком, но и разумом. Это и породило представление о разных типах или формах рациональности.

Несомненно существование двух видов мышления: разума и рассудка. Отсюда с неизбежностью следует вывод о бытии двух форм обоснованности мышлением: разумной и рассудочной. Поэтому возникает нужда в трех терминах, обозначающих: первый — обоснованность истинности мышлением вообще, независимо от его вида, второй — обоснованность рассудком, третий — разумной обоснованности. Эти термины соответственно: *мыслеобоснованность*, или *ментофундированность* (от лат. *fundare* — основывать), *рассудообоснованность*, или *рациофундированность*, и *разумообоснованность*, или *интеллектофундированность*.

Из всего сказанного в предшествующих главах ясно, что рассудообоснованность заключается в выведении при строгом соблюдении законов формальной логики из исходных суждений, которые являются заведомо истинными, новых суждений. При этом считается, что новое полученное знание является всеобщим и необходимым. Разумное обоснование истинности идей, холий и теорий детально рассмотрено в предшествующих разделах и снова это повторять нет никакой необходимости.

Но существует еще одна проблема, которая практически ранее почти совсем не затрагивалась, а именно, проблема мыслительного обоснования знания, полученного непосредственно из опыта. Поставлена она была впервые элеатами. Признавая, что чувствозримый мир предстает перед людьми как многообразный и находящийся в движении, они отказывали ему в бытии, объявляли его существование всего лишь видимостью. Чувственный опыт, согласно их точке зрения, не может служить доказательством. Объективное существование этого мира нуждается в логическом обосновании. А логика, по их мнению, неопровержимо доказывает прямо противоположное: такого рода мира нет и быть не может.

В определенной степени тезис о необходимости логического обоснования объективного существования движения, например, разделяли и некоторые их оппоненты. Г. Гегель, приведя в «Лекциях по истории философии» рассказанный Диогеном Лаэртским анекдот о том, как Диоген Синопский опровергал тезис своего противника-элеата об отсутствии движения собственной ходьбой²³, добавил: «Но анекдот продолжают еще и так: когда один ученик был удовлетворен этим опровержением, Диоген начал бить его палкой на том основании, что так как учитель спорил с основаниями, то он и возражения ему должен был представить также основательные. Поэтому не следует удовлетворяться чувственной достоверностью, а необходимо понимать»²⁴.

Несколько иное звучание приобрел этот вопрос в философии Нового времени. Если Фрэнсис Бэкон (1561-1626) не сомневался в достоверности опытного знания, то уже у его ближайшего продолжателя Томаса Гоббса (1588-1679) возникли определенные сомнения на этот счет. Последний проводит различие между науками демонстративными, дедуктивными, к которым относится, например, геометрия, и науками индуктивным, прежде всего естествознанием, физикой. В дедуктивных науках все их положения с необходимостью выводятся из общих очевидно истинных принципов. Поэтому они дают абсолютно достоверное знания. Индуктивные науки основываются на опыте. А опытное познание всегда ограничено: оно дает нам только факты. Наука о природе путем аналитического метода выявляет связи и зависимости между фактами, но это знание всегда является предположительным, вероятностным, а не достоверным²⁵.

Но если даже эмпирик и сенсуалист Т. Гоббс не признавал опытное знание всеобщим и необходимым, то тем более такой взгляд был присущ рационалистам Рене Декарту (1596-1650), о чем выше уже шла речь (12.3), и Бенедикту Спинозе (1632-1677). По мнению последнего, не обладает признаком всеобщности и необходимости не только знание, полученное из беспорядочного опыта, но и опытное знание, подвергшееся обработке мышлением. Но в отличие от Т. Гоббса, достоверность у него обеспечивается не дедукцией, а интуицией.

²³ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1970. С. 246.

²⁴ Цит.: Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии»... С. 230. Эта часть текста во втором немецком издании этой работы Г. Гегеля была опущена. Поэтому его нет в русском переводе этой работы, который был сделан именно с этого издания.

²⁵ См.: Гоббс Т. Основы философии... С. 114-115, 178-179.

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1636-1716), будучи рационалистом, в то же время придавал определенное значение и эмпирическому знанию. Он подразделял все истины на две категории: истины необходимые и всеобщие, или «истины разума», и истины случайные, или «истины факта»²⁶. К логически необходимым истинам относятся положения логики и математики, к случайным истинам — данные естественных наук.

Эмпирик и сенсуалист Давид Юм (1711-1776) все объекты мышления подразделял на два класса: отношения идей (*relation of ideas*) и факты (*matters of fact*). К числу первых относятся положения геометрии, арифметики, алгебры. Они — продукты чистой мысли и абсолютно независимы от опыта. «Такого рода суждения, — пишет Д. Юм, — могут быть открыты путем одной только деятельности мысли независимо от того, что существует где бы то ни было во вселенной. Пусть в природе никогда бы не существовало ни одного круга или треугольника, и все-таки истины, доказанные Евклидом, навсегда сохранили бы свою достоверность и очевидность»²⁷.

Положения же, относящиеся к фактам, удостоверяются иным способом. Истинность или ложность этих положений не доказуема посредством умозаключений, логическим путем. «Как бы велика ни была для нас очевидность их истины, — читаем мы у Д. Юма, — она иного рода, чем предыдущая. Противоположность всякого факта всегда возможна, потому что она никогда не может заключать в себе противоречие, и наш ум всегда представляет ее так же легко и ясно, как если бы она вполне соответствовала действительности. Суждение *солнце завтра не взойдет* столь же ясно и столь же мало заключает в себе противоречие, как и утверждение, что *оно взойдет*; поэтому мы напрасно старались бы демонстративно доказать его ложность; если бы последняя была доказуема демонстративно, суждение заключало бы в себе противоречие и не могло быть ясно представлено нашему уму»²⁸.

Все заключения о фактах основаны на отношении причины и следствия. Но «*причина и следствие могут быть открыты не посредством разума, но посредством опыта*»²⁹. «Выводить следствие заставляет нас не какая-нибудь вещь, которую разум усматривает в причине.

²⁶ См.: Лейбниц Г. В. Монадология // Соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1982. С. 418; Он же. Замечания к первой части Декартовых «Начал» // Соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1984. С. 175 и др. раб.

²⁷ Юм Д. Исследование о человеческом познании // Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1965. С. 27.

²⁸ Там же. С. 27-28.

²⁹ Там же. С. 30.

Такой вывод, будь он возможен, был бы равносильен дедуктивному доказательству, ибо он всецело основан на сравнении идей. Но вывод из причины к следствию не равносильен доказательству... Не существует дедуктивного доказательства какого-либо соединения причины и следствия»³⁰.

Таким образом, опыт не может дать всеобщего и необходимого знания. Если мы сотни раз наблюдали, как за определенным явлением всегда следовало другое столь же строго определенное явление, это отнюдь не означает, что связь между ними носит всеобщий и необходимый характер. Причинная связь есть просто привычная связь ощущений, предвидение появления следствия — ожидание привычной связи этих ощущений. «Камень или кусок металла, поднятый вверх и оставленный без поддержки, тотчас же падает, — пишет Д. Юм, — но если рассматривать а priori этот факт, то разве мы находим в данном положении что-либо такое, что вызвало бы у нас идею движения камня или металла вниз скорее, чем идею его движения вверх или в каком-нибудь ином направлении?»³¹

Все названные выше мыслители, несмотря на все их расхождения по важнейшим проблемам философии (Р. Декарт был дуалистом и рационалистом, Т. Гоббс — материалистом и эмпириком, Б. Спиноза — материалистом-пантеистом и рационалистом, Г. Лейбниц — объективным идеалистом и рационалистом, Д. Юм — агностиком и сенсуалистом) сходились в одном: достоверным знанием может быть только всеобщее и необходимое знание. А таковым может быть только знание, обоснованное мышлением. Единственный способ мыслительного обоснования знания — выведение его, получение его путем умозаключений из абсолютно истинных, общих положений. Опытное знание не получено и заведомо не может быть получено путем дедукции. Поэтому оно не может быть всеобщим и необходимым, а тем самым и достоверным. Всеобщим и необходимым не может его сделать никакая индукция. Индуктивное знание не может быть всеобщим и необходимым.

В наиболее четком виде этот взгляд получил выражение в философии Иммануила Канта (1724-1804). «Опыт, — писал он, — никогда не дает своим суждениям истинной или строгой всеобщности, он сообщает им только условную и сравнительную всеобщность (посредством индукции), так что это должно, собственно, обозначать следующее: насколько нам до сих пор известно, исключений из такого или иного правила не встречается.

³⁰ Юм Д. Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Соч. Т. 1. М., 1965. С. 109-110, 798.

³¹ Юм Д. Исследование о человеческом познании... С. 31.

Следовательно, если какое-нибудь суждение мыслится как строго всеобщее, т. е. так, что не допускается возможность исключения, то оно не выведено из опыта, а есть безусловное априорное суждение... Итак, необходимость и строгая всеобщность суть верные признаки априорного знания и неразрывно связаны друг с другом»³².

Действительно, опытное знание не может быть обосновано рассудочным мышлением. Но кроме рассудка существует разумное мышление. И разум в отличие от рассудка способен обосновать опытное знание. Это обоснование заключается в том, что разум, вскрывая сущность явлений, законы ими управляющие, создавая теории, тем самым дает понимание и объяснение фактов, понимание и объяснение объективных явлений.

Явления, каждое из которых взято в отдельности, является случайным, выступает теперь как проявление и форма бытия необходимости. Пока человек знает только, что за определенным данным событием наступает другое строго определенное событие, его знание о связи между ними является общим, но еще не необходимым. Он одновременно и знает данную причинно-следственную связь, и не знает ее. Нет никакой гарантии, что она является всеобщей и необходимой.

Только тогда, когда человек раскрывает механизм порождения одним явлением другого, его знание становится всеобщим и необходимым. Мало знать, что за А всегда следует Б, мало даже быть совершенно уверенным, что А вызывает Б, надо знать, как именно А порождает Б. Для этого нужно создать теорию.

Когда мы знаем, что существует закон всемирного тяготения, мы абсолютно достоверно знаем, что камни и куски металла, поднятые над поверхностью земли кверху и лишенные поддержки с необходимостью упадут вниз, а не взлетят вверх. Когда мы знаем закон Архимеда, мы всегда можем совершенно точно рассчитать, какие тела будут плавать, а какие — потонут. Здесь нет выведения одного суждения из других по законам формальной логики, но тем не менее существует знание о том, как одно объективное явление с неизбежностью порождает и не может не породить другого объективного явления. Место формальной логики заступает здесь логика диалектическая, которая является не формальной, а содержательной.

Но ни Т. Гоббс, ни Г. Лейбниц, ни Б. Спиноза, ни Д. Юм, о существовании логики разумного мышления не знали. Для них существовала только одна логика — формальная. Но о существовании разума некоторые из них догадывались, что выражалось в допущении ими интуиции (Б. Спиноза, Г. Лейбниц и Д. Юм).

³² Кант И. Критика чистого разума... С. 107.

И. Кант говорил о существовании не только рассудка, но и разума, но последний он вовсе не понимал как объективный процесс, идущий по объективным законам. Соответственно, и выделенная им вторая логика — трансцендентальная — не была диалектической логикой.

6. Проблема структуры теории (и предтеории, гипотезы)

Как уже указывалось, вопреки утвердившимся представлениям теория никогда не является ни совокупностью, ни даже целостной системой суждений. Она действительно есть целостная система, но только не суждений, а идей (состоящих, разумеется, из понятий) и понятий, не обязательно входящих в состав идей. Понятия, в своем единстве образующие теорию, представляют собой интеллектуалии, а тем самым и рационалии. Понятия являются образами внешнего мира, точнее прежде всего образами существующих в нем различного рода универсатов. Теория, будучи целостной системой понятий, является целостным образом одного из видов существующих в мире универсатов, тех, которые принято называть сущностью. Теория, и в этом ее специфика, есть образ, отражение сущности.

Как всякий образ мира теория одновременно и объективна и субъективна, субъективна по форме, объективна по своему содержанию. И как в случае с любым образом внешнего мира, мы можем подойти к теории со стороны ее содержания, отвлекаясь от формы. И тогда она предстанет перед нами не как образ мира, а как сам мир, но, разумеется, мир таким, каков он в теории, — *теорозримый мир*. Теорозримый мир есть разновидность умозримого, мыслезримого мира. И мы снова, в который уже раз сталкиваемся с проблемой отношения мира, каков он сам по себе, мира в себе, и мира, каков он в сознании, мира для нас, т. е. тем же самым основным вопросом философии.

Мы уже рeshали его, когда перед нами вставал вопрос об отношении чувствозримого мира в себе и чувствозримого мира для нас. Эти миры суть и одно, и одновременно не одно. Точно так же решается вопрос об отношении умозримого мира в себе и умозримого мира для нас. Они тоже одновременно и одно и то же, и не одно и то же. То же самое можно сказать и об отношении теорозримого мира в себе и теорозримого мира для нас.

Теорозримый мир в себе есть сложнейшая иерархия объективных, реальных универсатов (реуниверсатов). Теорозримый мир для нас есть система идеальных универсатов (идеуниверсатов). Теория есть отражение сущности.

Объективная сущность выступает в теории как освобожденная от явлений, как чистая сущность. В мире в себе сущность существует как реальный универсат, в теории она выступает как чистый, идеальный универсат. Сущность никогда не может быть содержанием одного понятия, даже разумного, тем более рассудочного. Она может быть содержанием только системы понятий — теории. По содержанию теория есть сложный универсат, состоящий из определенного числа подогнанных друг другу, связанных друг с другом более простых, включая элементарные, универсатов. Создавая теорию, мы создаем систему понятий, а тем самым систему идеальных универсатов, воспроизводящую объективную связь реальных универсатов. При создании теории используются уже созданные идеуниверсаты и по мере необходимости творятся новые.

Когда теория создана в сознании того или иного исследователя, необходимым становится довести ее до сведения других ученых. Для этого теорию нужно изложить, а изложена она может быть только с помощью рассудочных понятий, соединенных в суждения. Теория должна быть текстуализована, т. е. выражена в теоретексте. Одна и та же теория может быть представлена в виде не одного, а нескольких отличных друг от друга рациотекстов, тем более лингвотекстов. Говоря о лингвотексте, я имею в виду не только естественный язык.

Как известно, физические теории чаще всего выражаются языком математики. И одна и та же такая теория может быть изложена математически по-разному. Это особенно наглядно можно видеть на примере квантовой механики. Вначале Вернером Карлом Гейзенбергом (1901-1976) был создан матричный вариант квантовой механики (1925). «Затем, — пишет М. Борн, — начали появляться работы Шрёдингера по волновой механике (1926). Казалось, будто теперь имеются две совершенно независимые теории, но вскоре сам Шрёдингер сумел продемонстрировать их математическую эквивалентность»³³. И это не исключительное явление.

Этому вопросу особое внимание уделил выдающийся отечественный философ и ученый Сергей Владимирович Илларионов (1938-2000). Об этом он говорил в курсе лекций, которые он много лет читал для аспирантов Московского физико-технического института. Текст этого курса под названием «Лекции по теории познания и философии науки» вошел состав сборника его работ «Теория познания и философия науки» (М., 2007). Как он указывал, классическая механика может быть выражена по меньшей мере в двенадцати различных математических формах, квантовая механика — в шести формах³⁴.

³³ Борн М. Моя жизнь и взгляды. 2-е изд. М.: URSS, 2004. С. 28-29.

³⁴ Илларионов С. В. Лекции по теории познания и философии науки // Илларионов С. В. Теория познания и философия науки. М., 2007. С. 75-76.

С. В. Илларионов занимался исследованием научного познания главным образом на материале физики, теории которой, как правило, выражаются на языке математики. Это привело его к выводу, что теории вообще могут быть высказаны только математически. Если нет математики, то нет и теории. Думаю, что с этим вряд ли можно согласиться. Теории могут выражаться в самого различного рода теоретических текстах, включая тексты естественных языков.

Необходимое и неизбежное изложение теории в форме теоретического текста принимается большинством, если не всеми философами и учеными, за собственно теорию. Именно в этом исток взгляда на теорию как на совокупность суждений. Теоретический текст отождествляется с самой теорией. В силу сходных причин большинство философов не замечали существование идеи как особой самостоятельной формы мышления. Идея тоже всегда может быть изложена только в виде текста. И этот идеотекст и принимался за саму идею.

Теоретический текст есть описание не идей и понятий, из которых состоит теория, а содержания этих связанных воедино идей и понятий, т. е. описание идеальных универсатов и их связей, а тем самым реальных универсатов и их связей. Это наглядно можно видеть на примере самой первой из всех возникших в истории науки подлинной теории, которую принято называть законом Архимеда. Формулировка этого закона: на всякое тело, погруженное в жидкость (или газ) действует со стороны этой жидкости (газа) выталкивающая сила, равная весу вытесненной телом жидкости (газа), направленная по вертикали вверх и приложенная к центру тяжести вытесненного объема.

Перед нами тут предстают несколько универсатов: тело вообще, жидкость вообще, газ вообще, сила (выталкивающая) вообще, центр тяжести, вес, вертикаль. Связанные воедино они рисуют сущность явлений: скажем, плавание в жидкости одних тел, погружение на дно водоема других. Выявление этой сущности позволяет понять и объяснить, почему одни тела плавают, а другие — тонут, и предвидеть, какие именно из интересующих нас тел будут плавать, а какие не будут.

Таким образом, при обращении к теории нужно различать три тесно связанных, но тем не менее разных момента: (1) саму теорию как субъективный образ объективного мира; (2) содержание теории — теоретически видимый мир для нас, который и совпадает, и не совпадает с теоретически видимым миром самим по себе и (3) теоретический текст.

Различие между теоретекстом и самой теорией нагляднейшим образом проявляется в том, что может прочитать и даже полностью запомнить все предложения, из которых состоит теоретекст и в то же время ничего в теории не понять. Теория существует только в сознании ученых. Чтобы она начала существовать в уме ученого, ее нужно создать. Другого пути нет. Теорию творит не только тот, кто создал ее впервые, ее первооткрыватель, ее первооткрыватель. Творить ее должен любой ученый, который хочет ее знать. Другое дело, что это ему легче сделать, чем ее первооткрывателю. Он не создает ее впервые, а воссоздает. У него есть инструкция по созданию теории в виде теоретекста. Но и ему нужно потратить много сил на это дело. Осознание того, что ученые воссоздают в уже существующую теорию в своем уме, нашло выражение в положении о необходимости усвоения теории. Усвоить теорию значит сделать ее своей, заново создать ее в своем уме.

7. Проблема теории в советской и постсоветской «философии науки»

У большинства философов, занимавшихся разработкой теории, понимание существования отмеченных выше моментов почти полностью отсутствует. Не буду заниматься здесь непозитивистами и постпозитивистами. С ними все ясно: их концепция исключает такое понимание. Обращусь только к советским философам, которые полностью или частично заимствуя догмы феноменалистической философии науки, в то же время без конца провозглашали свою приверженность теории отражения.

В качестве примера остановлюсь на взглядах уже упоминавшегося выше логика и философа В. А. Смирнова. В статье «Уровни знания и этапы процесса познания» автор много говорит об объектах науки и объектах научной теории, не определяя точно, какой смысл он вкладывает в эти слова. Но в целом из сказанного в ней можно понять, что автор в соответствии с общепринятой точкой зрения понимает под объектом науки то, что наука изучает, под объектом теории то, что она исследует. Как пишет он, объекты науки, объекты теории — это то, относительно чего «делаются утверждения»³⁵.

Подразделяя объекты науки на эмпирические и теоретические, В. А. Смирнов одновременно утверждает, что ни те, ни другие в объективной реальности не существуют. Они существуют только в сознании, только в теории.

³⁵ Смирнов В. А. Уровни знания и этапы процесса познания... С. 26.

«Объект науки, — пишет он, — и реально существующая вещь — не одно и то же... Все эти точки, прямые, абсолютно твердые тела, точечные массы не являются чем-то реально существующим. Ясно, что перечисленные объекты суть результаты определенных процессов схематизации и идеализации, суть логические конструкции, создаваемые соответствующими теориями»³⁶.

Сразу же возникает масса вопросов. Если объекты теории есть логические конструкции, создаваемые путем схематизации и идеализации, то собственно чем они отличаются от понятий, которые, несомненно, есть логические конструкции, создаваемые тем же самым способом. Никакого ответа на этот вопрос автор не дает, то ли действительно не заметив его, то ли не пожелав его заметить, ибо, чувствуется, сказать ему совершенно нечего.

Далее, если теория создает и изучает объекты, то она должна быть чем-то отличным от этих объектов. Но как выясняется из других мест этой же статьи, теория включает в себя эти объекты. Так чем же она сама по себе является, из чего состоит? Как можно понять из статьи, теория состоит из «утверждений». Но утверждения, высказывания, суждения, как их ни назови, состоят из понятий, а понятия есть логические конструкции. Получается, что одни логический конструкции (понятия) творят другие логические конструкции (объекты теории).

Но самое главное, если строго исходить из того, что объекты науки суть то, что исследует наука, то получается, что теория изучает свое собственное содержание, создаваемое ею самой. Где же здесь реальный мир и где же его отражение. В. А. Смирнов пытается найти выход из создавшегося довольно трудного положения. «Но не превращаются ли в таком случае, — продолжает он, — научные теории и построения в некоторые фикции, как склонны считать позитивисты и субъективные идеалисты? Действительно, объекты научной теории имманентны ей, но это „но“ есть водораздел между материализмом и идеализмом — эти логические конструкции являются более или менее приблизительными моделями реальности, моделями предметов, трансцендентных научной теории, мышлению»³⁷.

Но это заявление является лишь отговоркой, но отнюдь не ответом на поставленный вопрос. В самом деле, какой смысл вкладывает автор в слово «модель», когда объявляет названные логические конструкции (объекты теории) моделями? Сразу же уточню, что речь в данном случае идет не о моделях вообще, в числе которых могут быть модели и материальные, а о моделях идеальных и только идеальных.

³⁶ Смирнов В. А. Уровни знания и этапы процесса познания... С. 26.

³⁷ Там же.

Допустим, что понятие модели (идеальной) у него равнозначно образу внешнего мира? Но тогда получается, что теория исследует образы внешнего мира, а не сам мир. А если идеальная модель не есть образ внешнего мира, то что же она такое? Заявляя на первой странице статьи о приверженности к диалектикоматериалистической теории отражения, автор всячески уклоняется от ответа на вопрос, является ли теория отражением внешнего мира или не является. И судя по всему сказанному в статье, таковой он ее не считает. Но тогда здесь нет ни грана ни материализма, ни диалектико-материалистической теории отражения.

И понять, почему автор придерживается такой позиции, можно. Первая его ошибка заключается в том, что он принимает за теорию теоретекст. А теоретекст не есть отображение внешнего мира. Таким отображением является только сама теория. В изложении теории описываются универсаты, а идеуниверсаты действительно являются логическими конструкциями и существуют только в теории, имманентны ей. Отсюда само собой напрашивается вывод, что эти логические конструкции и являются объектами теории.

Понятно и то, почему В. А. Смирнов не характеризует эти логические конструкции как образы мира. Идеуниверсаты на самом деле не суть образы внешнего мира. Такими образами являются понятия. Идеуниверсаты суть не образы мира, а содержание образов мира, суть реальные универсаты, но только не в том виде, в каком они существуют во внешнем мире, а в таком, в котором они только и могут существовать в мышлении, а именно, в чистом виде, идеальные дубли реальных универсатов.

Как уже говорилось, реальные универсаты и идеальные универсаты суть и одно и то же, и одновременно не одно и то же. Именно поэтому, зная идеальные универсаты, мы тем самым знаем и реальные универсаты, существующие в мире только в явлениях, только в отдельном, в сингулатах. Ученые, исключая лишь математиков, не исследуют идеальные универсаты, они их создают, соединяют и разъединяют и тем самым изучают, познают реальные универсаты. Объектом их исследования являются не идеуниверсаты, а объективный мир и реальные универсаты.

Но всего этого В. А. Смирнов понять так и не смог, ибо он, как и все неопозитивисты, является номиналистом. Для него в мире существует только отдельные предметы. Общего, универсатов там нет и быть не может. Они существуют и могут существовать только в мышлении вообще, теоретическом мышлении в первую очередь. Такую его позицию понять можно. Дело не только и не просто во влиянии феноменалистической философии.

Ведь перед ним, как и перед большинством философов, включая и советских, стояла дилемма: либо номинализм, либо реализм. Третьего не дано. И имея дело, как он сам пишет, «с опасностью платонизма», он безоговорочно избирает номинализм³⁸.

У читателя может возникнуть вопрос, имеет ли смысл уделять столько места разбору взглядов философа, который уже ушел из жизни и не может ни учесть высказанных выше замечаний, ни возразить. Дело не в самом В. А. Смирнове. Я обратился к его работе потому, что в ней в предельно четкой форме нашли свое выражение те взгляды на теорию, которых придерживались, если и не все, то подавляющее большинство отечественных философов, занимающихся проблемами научного познания. Эти взгляды и сейчас преподносятся чуть ли не как абсолютно верные, как последнее достижение философской науки. Именно поэтому-то в них и нужно было более или менее основательно разобраться.

Все, то было сказано В. А. Смирновым о теории, излагалось и излагается почти во всех работах отечественных философов, посвященных данной проблеме. Различие лишь в мелочах, в деталях. Не вдаваясь теперь ни в какие детали, отмечу самые главные из них.

В совместной монографии советских философов Бориса Семёновича Грязнова (1929-1978), Бориса Семёновича Дынина и Евгения Петровича Никитина (1934-2001) «Теория и ее объект» (М., 1973) категорически утверждается, что объект теории «всегда представляет собой продукт нашей деятельности»³⁹.

В 1976 г. В Минске вышла книга доктора философских наук Вячеслава Семёновича Стёпина «Становление научной теории. Содержательные аспекты строения и генезиса содержательных знаний физики». И здесь речь идет о тех же самых «абстрактных объектах теории».

Единственное оригинальное в ней, содержащееся в одной из сносок предупреждение о недопустимости смешения понятий и абстрактных объектов. Сам В. С. Стёпин, когда пытается провести различие между ними, говорит нечто совершенно невнятное и отсылает читателя к работе доктора философских наук Дмитрия Павловича Горского (1920-1994) «Вопросы абстракции и образования понятий» (М., 1961), в которой, как он уверяет, подробно рассказывается об «операциях перехода от понятия к абстрактному объекту и от абстрактного объекта к понятию»⁴⁰.

³⁸ Смирнов В. А. Уровни знания и этапы процесса познания... С. 31.

³⁹ Грязнов Б. С., Дынин Б. С., Никитин Е. П. Теория и ее объект. М., 1973. С. 22.

⁴⁰ Стёпин В. С. Становление научной теории. Содержательные аспекты строения и генезиса содержательных знаний физики. Минск, 1976. С. 40.

Но если ознакомиться со страницами книги Д. П. Горского, на которые делается ссылка, то легко убедиться, что по этому вопросу данный автор ничего сколько-нибудь внятного не сказал⁴¹.

В 2000 г. В. С. Стёпин, тогда уже академик и директор Института философии РАН, выпустил книгу «Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция», в которую в отредактированном виде целиком вошла предшествующая работа. Единственное, что отличает главы, посвященное теории, от старой работы — в них нет бесконечных клятв верности диалектико-материалистической теории отражения. От этого авторская концепция теории лучше не стала, но по крайней мере в ней теперь оказалось меньше внутренних противоречий: материализма в ней как не было, так и нет, но концепция теперь и не выдается за материалистическую. Все встало на свое законное место.

В дополнение к прежнему в данной книге, как и в других поздних работах В. С. Стёпина, излагается его концепция развития науки, в которой она подразделяется на классическую, неклассическую и постнеклассическую. В основе перехода от одного этапа развития науки к другому, согласно Стёпину, лежит изменение типа научной рациональности: классический тип рациональности сменяется неклассическим, а последний уступает место постнеклассическому типу.

Спорным здесь является даже подразделение науки в целом на классическую и неклассическую. Эти понятия применяются в большинстве случаев только к физике. И связано это деление с той революцией в физике, которая произошла в конце XIX в. — начале XX в. и привела физиков к отказу от понятий абсолютного времени и пространства и абсолютного детерминизма. Ни рациональность вообще, ни научная рациональность в частности отношения к этому не имели. Кстати сказать, и понятие рациональности вообще, и понятие научной рациональности в работах В. С. Стёпина является крайне неясным. По сути он их никак не определяет⁴². Еще более неопределенны и расплывчаты выдвигаемые им критерии различения и типов научной рациональности и стадий развития науки. Если крайне спорно даже выделение в развитии не физики, а науки в целом классической и неклассической стадий, то положение о постнеклассической ступени в ее эволюции всерьез принять невозможно. Открытие явно не состоялось.

⁴¹ См.: Горский Д. П. Вопросы абстракции и образования понятий. М., 1961. С. 80-90, 108-118.

⁴² См.: Стёпин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2003. С. 29.

Те же самые, по существу, взгляды на теорию излагались в книге доктора философских наук Георгия Ивановича Рузавина «Научная теория. Логико-методологический анализ» (М., 1978). Но некоторые высказывания автора, без конца говорящего о своей приверженности диалектико-материалистической теории отражения, более чем удивительны в устах материалиста. «Мы будем рассматривать, — пишет он, — теорию в собственном смысле слова, т. е. как определенную систему научного знания, отличающуюся и от понятий, и от гипотез, и от законов, хотя и содержащую их в качестве своих элементов»⁴³. Понятия, гипотезы и теории суть формы знания. Но ведь законы-то мира такими формами не являются. Если они и существуют в познании, то не как его формы, а как его содержание. Все подлинные естествоиспытатели прекрасно понимают различия между законами природы, с одной стороны, и теориями, гипотезами — с другой. Ученые создают гипотезы и теории, но не законы природы. Законы природа они лишь открывают.

Впрочем с точки зрения позитивизма, согласно которому теория есть совокупность предложений, а закон — предложение, все правильно. И Г. И. Рузавин по сути, клянясь в верности материализму, переходит на позиции неопозитивизма. И если бы только он один. И другие советские философы, писавшие об этих проблемах, повторяли в своих работах те же самые положения⁴⁴.

Повторяются они и постсоветскими философами, что мы уже видели на примере одной из поздних работ В. С. Стёпина. Было бы, конечно, интересно дать более или менее полный обзор последних трудов наших философов, посвященных проблеме научного познания. К сожалению, объем данной работы не позволяет это сделать. Придется ограничиться несколькими примерами.

Начнем с хорошо знакомого нам А. Л. Никифорова. Теория у него — то совокупность понятий и утверждений, то одних лишь утверждений. Эти утверждения «говорят» нам не о реальных, а идеализированных объектах. «Из этих идеальных объектов, — пишет автор, — складывается онтология, формируемая теорией. Собственно говоря, именно *эта онтология и является предметом исследования данной теории*»⁴⁵. И в заключение: «Теория, парадигма создает собственную онтологию, мир объектов, который она изучает»⁴⁶. Все до боли знакомо и не нуждается в комментариях.

⁴³ Рузавин Г.И. Научная теория. Логико-методологический анализ. М. 1978. С. 8.

⁴⁴ См., например: Ракитов А. И. Курс лекций по логике науки. М., 1971; Грязнов Б. С., Дынин Б. С., Никитин Е. П. Теория и ее объект. М., 1973; Карпович В. Н. Проблема, гипотеза, закон. Новосибирск, 1980 и др.

⁴⁵ Никифоров А. Л. Понятие истины в теории познания // Понятие истины в социогуманитарном познании. М., 2008. С. 20.

⁴⁶ Там же. С. 21.

Следующий пример — воззрения доктора философских наук, профессора, заведующего кафедрой философии ИППК при МГУ Сергей Александрович Лебедев. Он ныне — высший авторитет в области философии науки: ответственный редактор книг «История и философия науки» (М., 2007), «Философия науки. Общий курс» (М., 2010), автор трудов «Философия науки. Краткая энциклопедия» (М., 2008) и «Современная философия наук: Дидактические схемы и словарь» (М.; Воронеж, 2010) и др. Квинтэссенция его взглядов содержится в статье «Уровни научного знания», опубликованной в первом номере журнала «Вопросы философии» за 2010 г.

Как эмпирическое, так и теоретическое знание есть множество высказываний. Эмпирическое знание есть множество высказываний об эмпирических (абстрактных) объектах⁴⁷. Таким образом автор исключает знание об отдельных конкретных объектах мира из эмпирического знания. Но ненадолго. На той же странице чуть ниже мы узнаем, что исходным первичным элементом эмпирического познания являются единичные высказывания, т. е. высказывания об единичных объектах, *протокольные предложения*. Вторым элементом эмпирического уровня знания являются *факты*. «Факты, — поясняет автор, — это общие утверждения статистического или универсального характера»⁴⁸. С. А. Лебедев, как это видно, отождествляет факты и общие высказывания. На деле, факты — вовсе не высказывания и даже не суждения, а содержание суждений, а тем и высказываний: единичные факты, с обретения которых начинается научное исследование, существуют в форме единичных высказываний, общие факты, получаемые в результате обобщения единичных фактов, — в форме универсальных высказываний. В качестве третьего элемента эмпирического уровня у С. А. Лебедева выступают *эмпирические законы*. Пример такого закона: «все тела при нагревании расширяются». О том, чем такой закон отличается от общего факта, автор не говорит ни слова. Четвертый элемент — «так называемые феноменологические теории, которые представляют собой логически организованное множество, систему эмпирических законов»⁴⁹. «Научная теория, — определяет наш автор, — есть логически организованное множество высказываний о конкретном классе идеальных объектов, их свойствах, отношениях, изменениях»⁵⁰. Высший ее уровень составляют аксиомы, общие принципы и наиболее общие теоретические законы.

⁴⁷ Лебедев С. А. Уровни научного познания // ВФ. 2010. № 1. С. 63.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 64.

⁵⁰ Там же.

Мир идеальных объектов, или теоретический мир, создается сознанием и после сотворения обретает объективный статус. Если «содержание эмпирического мира лишь частично зависит от сознания, а в основном оно определяется объективной материальной действительностью», то «содержание теоретического знания является имманентным продуктом сознания (мышления, разума)»⁵¹. Какая-то связь между теоретическим и эмпирическим уровнями познания, а тем самым между теорией и реальностью все же существует, но понять, в чем она заключается, из статьи совершенно невозможно. И хотя автор признает, что существует объективная реальность, в целом у него царит позитивизм, причем самого худшего толка. И все это нагромождение высказываний, лишенных какой бы то ни было мысли, преподносится несчастным студентам, аспирантам и даже преподавателям философии как последнее слово эпистемологии.

С. А. Лебедев полностью принимает положение о наличии в развитии научного знания трех этапов: классической, неклассической и постнеклассической науки. Для первого этапа характерно признание чисто объективного знания и абсолютной истины, для второго — субъект-объектности знания и относительной истины, для третьего — конструктивности знания и плюрализма методов и концепций⁵². Таким образом получается, что постнеклассическая наука занимается чем угодно, но только не поиском истины. Так как автор в своем развитии уже достиг этого высшего уровня, то понятно, что в его построениях понятие истины полностью отсутствует как совершенно устаревшее и абсолютно не нужное. Практика у него не расходится с его теорией: истину он в своих работах не ищет и искать не собирается.

8. Проблема «теоретической нагруженности» фактов

В последние десятилетия перед философами встал и активно обсуждается вопрос, который получил название проблемы «теоретической нагруженности» фактов. По существу этот вопрос о том, зависят ли факты от теории или не зависят от нее. Учитывая, что теория — лишь одна из форм интерпретации, унитаризации фактов, что кроме нее существуют еще и холии, а также разнообразные виды концепций, не представляющих собой ни теории, ни холии, вопрос этот должен быть поставлен более широко: о зависимости фактов от их интерпретации, их унитаризации вообще, от идеи и ее развертывании в форме теории, нетеоретической концепции или холии.

⁵¹ Лебедев С.А. Указ. соч. С. 67.

⁵² Там же. С. 72.

В самом широком плане это вопрос об «идейной нагруженности» фактов, в более узком — «концепциальной нагруженности» фактов, в еще более узком — «теоретической нагруженности» фактов.

Трудно сказать, когда впервые появилось положение об «идейной нагруженности» фактов, но встречается оно уже в статье Дёрдя Лукача (1883-1971) «Что такое ортодоксальный марксизм?» (1919). «Факты вообще, — читаем мы там, — впервые становятся фактами лишь после такой методологической обработки, которая проводится по-разному в зависимости от цели познания»⁵³.

Так как современные философы по сути знают одну лишь эссенциализацию (теоретизацию), то они, соответственно, ограничиваются обсуждением вопроса о зависимости или независимости фактов от одной лишь теории.

Уже более чем известный нам А. Л. Никифоров в статье «Научный факт и научная теория» (1984) писал о существовании двух направлений в решении этого вопроса. Одно из них он называет фактуализмом, другое — теоретизмом. Первую позицию он формулирует так: «научные факты лежат вне теории и совершенно не зависят от нее», вторую: «факты лежат в рамках теории и полностью детерминируются ею»⁵⁴. Сам автор считает, что хотя в каждой из этих двух позиций есть рациональное зерно, но целом обе они неприемлемы. Его критика теоретизма в целом верна, хотя и не очень глубока. Он совершенно справедливо отмечает, что подобного рода трактовка фактов превращает теории в совершенно произвольные конструкции субъекта.

Что же касается критики А. Л. Никифоровым фактуализма, то она совершенно бездоказательна. «Нетрудно заметить, — пишет он, — что фактуализм отводит теории и ученому довольно пассивную роль. Факты и их комбинации существуют до процесса познания, и задача познающего субъекта заключается лишь в их констатации»⁵⁵. Как уже указывалось ранее (6.1), различными философами факт понимается по-разному. Вероятно, среди «фактуалистов» имеются люди, которые трактуют факт как событие во внешнем мире. Но это совершенно не обязательно. Вполне можно быть «фактуалистом» и мыслить факт, как фрагмент действительности, пересаженный в наше сознание. Это исключает понимание факта как существующего до познания и без познания. И трактовка таким «фактуалистом» факта как совершенно независимого от теории ни в малейшей степени не исключает трактовки им теории как творения субъекта, основанного на фактах, но не включающих их в свой состав.

⁵³ Лукач Г. История и классовое сознание. Исследование по марксистской диалектике. М., 2003. С. 108.

⁵⁴ Никифоров А. Л. Научный факт и научная теория // Творческая природа научного познания. М., 1984. С. 151.

⁵⁵ Там же. С. 152.

Кстати сказать, я никогда ни у кого не встречал трактовки теории как комбинации фактов. Даже холии, которые включают в себя единичные и частнообщие факты, ни в коем случае не представляют собой комбинации фактов. Тем более теории, которые не включают в себя не только единичные, но и общие факты.

Еще одна попытка А. Л. Никифорова скомпрометировать фактуализм: «Сказать, что факты совершенно не зависят от теории, значит разорвать все связи между теорией и фактами и лишить теорию всякой познавательной ценности»⁵⁶. Конечно, никаких аргументов в пользу этого тезиса автор не приводит. И понятно почему: их просто нет.

Сам А. Л. Никифоров по крайней мере в ряде работ пытался занять промежуточную позицию. И в этом он далеко не одинок. Крайне любопытно, что автор сам же предупреждает об опасности такого рода подхода. «Когда же некоторые методологи, — пишет он, — пытаются избежать крайностей — фактуализма и теоретизма, то чаще всего это приводит к противоречию»⁵⁷. И здесь он как в воду смотрел: у него получилась жалкая эклектическая похлебка, не имеющая никакой научной ценности. По-видимому именно это и толкнуло его к переходу на позицию полного теоретизма. В одной из последних его работ мы встречаемся с утверждением о всеобщем согласии с положением о том, что «именно теория определяет, какие именно факты мы получим»⁵⁸.

Здесь — прямая неправда; никакого общего согласия по этому вопросу, как не существовало, так и не существует. Но приверженцам теоретизма очень хотелось бы уверить всех в этом и объявить фактуализм давно устаревшим взглядом, придерживаться которого могут только люди, безнадежно отставшие от жизни. И этот прием действует. Боясь быть заподозренными в консерватизме, многие люди, в общем и целом понимающие всю антинаучность теоретизма, вынуждены клясться в верности этому воззрению.

Это можно наглядно видеть на примере работ известного специалиста, работающего в области исследования научного познания, доктора философских наук Елены Аркадьевны Мамчур. Она начинает с признания верности теоретизма. Но основательное знание истории науки заставляет ее спохватиться.

⁵⁶ Никифоров А.Л. Научный факт и научная теория... С. 154.

⁵⁷ Там же. С. 155.

⁵⁸ Никифоров А. Л. Историческая память, история и истина // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторического познания. М., 2011. С. 146.

И она в конечном счете подразделяет научные факты на две группы: (1) факты, зависящие от теории и (2) факты, от нее не зависящие. И далее автор приводит примеры последних. Это было нетрудно, далеко за ними ходить не пришлось⁵⁹. Гораздо хуже бы пришлось Е. А. Мамчур, если она попыталась найти такие факты (именно факты, а не лежефакты), которые исчезали бы вместе с теориями. Таких фактов просто напросто не существует.

Что бы ни говорили привержены теоретизма о фактуализме, он — единственно верный подход к фактам. Факты действительно независимы от теории, добавим, также и от холии. В этом отношении они объективны и только объективны. И если речь заходит о субъективности фактов, то их субъективность заключается лишь в их изолированности друг от друга, но ни коем (случае не в их зависимости от теории или холии).

Тезис о концептуальной нагруженности не верен, но как всякое ошибочное положение он имеет под собой определенные основания. Дело в том, что факты редко предстают перед человеком в совершенно «голом», никак не интерпретируемом виде. Чаще всего они уже так или иначе истолкованы. Это особенно заметно на примере житейских фактов. Они почти всегда сразу так или иначе понимаются (истолковываются) людьми, причем как мы уже видели (10.1), нередко интерпретируются различными людьми совершенно по-разному.

Средства массовой информации, которые в принципе должны бы давать факты такими, как они есть, без какой-либо интерпретации, должны были бы, как нередко провозглашается в западной печати, «информировать, а не пропагандировать», никогда этого принципа не придерживались и не придерживаются. Суть этого «информирования» прекрасно вскрыта в одной из побасенок К. Чапека: «Сообщение. Враг пытался злодейски обстреливать наши самолеты, мирно сбрасывавшие бомбы на его город»⁶⁰.

Теории всегда строятся на основе фактов. Вначале факты, а затем на их базе создаются теории. В этом смысле факты первичны, а теория вторична. Но это справедливо тогда, когда речь идет о какой-нибудь одной конкретной теории. Но ведь до этой теории существовали другие теории. И если не все, то по крайней мере некоторые факты, которые легли в основу данной новой теории, были до этого определенным образом истолкованы, объяснены ранее существовавшими теориями.

⁵⁹ Мамчур Е. А. Современные представления о понятии истины // Истина в науках и философии. М., 2010. С. 68-59.

⁶⁰ Чапек К. Побасенки. Современные // Соч.: в 5 т. Т. 1. М., 1958. С. 569.

Да и каждая новая конкретная теория базируется не только на тех фактах, которые уже были и известны к моменту начала работы по созданию этой теории. Когда возникает идея, а затем она развертывается в гипотезу, возникает нужда в добывании все новых фактов. И эти появляющиеся факты сразу же определенным образом интерпретируются. Движение мысли идет, таким образом, не только от фактов к теории, но от теории (гипотезы) к фактам.

Довольно часто то обстоятельство, что тот или иной житейский или научный факт предстает перед нами не в «голом» виде, а в определенной интерпретации, сколько-нибудь четко, а иногда вообще не осознается. В результате за факт принимается не сам факт, а факт вместе с определенной его интерпретацией. Это плохо даже тогда, когда интерпретация факта верна. Но еще хуже, когда она ошибочна. Когда факт в сознании ученых намертво срастается с той или иной его интерпретацией, то это может быть огромным препятствием для развития научного знания.

С этим мне самому приходилось сталкиваться в процессе исследования первобытного общества. Так, например, в этнографической науке до сих пор считается несомненным фактом, что все аборигены Австралии к моменту открытия этого материка европейцами находились на одной, причем очень низкой стадии развития первобытного общества. Приняв это укоренившееся мнение за истину, я долгое время не мог понять и объяснить некоторые важнейшие особенности экономики целого ряда австралийских племен. И только тогда, когда я наконец-то понял, что в действительности разные группы австралийцев находились на двух качественно отличных ступенях социального развития, одни — на первобытно-коммунистической стадии, а другие — на первобытно-престижной, все встало на свое место⁶¹.

Очень часто оторвать факт от его давно ставшей привычной его интерпретации стоит немалых усилий. И поэтому важнейшей задачей исследователя, расследователя и т. п. является детальный анализ фактов, освобождение их от прошлой интерпретации. Как писал немецкий физик П. Фолькман в книге «Теоретико-познавательные основы естественных наук» (рус. пер.: «Теория познания естественных наук». 1911): «Одна из важнейших задач естественных наук есть описание фактического материала во всей его чистоте и оголенности.

⁶¹ См.: Семёнов Ю. И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Вып. 1. М., 1993.

Трудно представить себе, сколь трудна эта задача, до того человек среднего калибра не в состоянии точно различать между фактами и своими собственными представлениями»⁶². Четкое разграничение фактов и их интерпретации отнюдь не означает обязательного отказа от старого их истолкования. Нужна тщательная проверка, и если в ходе нее выяснится, что старое истолкование истинно, необходимо его принять, согласиться с ним.

Именно то обстоятельство, что факты часто предстают перед нами не в «голом» виде, а в определенной интерпретации, и легло в основу тезиса об их обязательной «теоретической нагруженности».

Были и иные причины, относящиеся исключительно к особенностям научного знания. В науке многие факты добываются не непосредственным наблюдением (экспериментом), а наблюдением (экспериментом) с определенной теоретической интерпретацией. Это было использовано французским философом Эдуардом Леруа (1879-1955), стоявшим на позициях крайнего конвенционализма. В работах «Наука и философия» (1899-1900) и «Позитивная наука и философия свободы» (1900) он стремился доказать, что в научных построениях нет ничего объективного, они чисто произвольны. Ученые создают не только гипотезы и теории, но и факты. Правда, при этом он сделал уступку научному здравому смыслу, подразделив факты на голые, которые может быть и не создаются учеными, и научные, которые, безусловно, — творчество ученых.

С резкой критикой такой точки зрения на факты выступил А. Пуанкаре. «Я позволю себе, — писал он, — привести два примера, которые, быть может, несколько разъяснят дело. Я наблюдаю отклонение гальванометра с помощью подвижного зеркальца, которое отбрасывает световое изображение или „зайчик“ на проградуированную шкалу. Голый факт таков: я вижу перемещение зайчика по шкале. Научный факт будет: в цепи проходит ток. Или еще: когда я произвожу какой-нибудь опыт, я должен подвергнуть результат некоторым поправкам, так как мне известно, что я должен был сделать погрешности... Итак, первый полученный результат представляет собой голый факт, тогда как научным фактом будет окончательный результат после выполнения поправок»⁶³.

Даже Э. Леруа вынужден допустить, что голый факт не есть создание ученого. А научный факт? «Наука, — подчеркивает А. Пуанкаре, — не могла бы существовать без научного факта, а научный факт — без голого факта, ведь первый есть лишь пересказ второго. А в таком случае, имеем ли мы право сказать, что ученый создает научный факт?»⁶⁴.

⁶² Фолькманн П. Теория познания естественных наук. М.: URSS, 2010. С. 77.

⁶³ Пуанкаре А. Ценность науки... С. 332.

⁶⁴ Там же. С. 337.

Ответ может быть только отрицательным. «Резюмируем сказанное, — заключает А. Пуанкаре, — *вся творческая деятельность ученого по отношению к факту исчерпывается высказыванием, которым он выражает факт...* Не существует резкой грани между голым фактом и научным фактом; можно только назвать одно выражение факта *более голым* или, наоборот, *более научным*, чем другое»⁶⁵.

В последующем к этой проблеме обратился Л. де Бройль. «Прежде чем закончить эти общие рассуждения о роли эксперимента и теории, — писал он, — подчеркнем, что результат эксперимента никогда не имеет характера простого факта, который нужно только констатировать. В изложении этого результата всегда содержится некоторая доля истолкования, следовательно, к факту всегда примешаны теоретические представления. Физик, измеряющий ток амперметром, не удовлетворится словами: „Я видел, что стрелка моего измерительного прибора переместилась на столько-то делений шкалы“, — поскольку констатация в такой форме не представляет ни малейшего интереса; он скажет: „Я измерил силу тока; она оказалась равной 10 А“. Но если на этот раз утверждение представляет интерес, оно связано с совокупностью теоретических представлений о законах электричества, о работе измерительного устройства и т. д. Это неизбежное вмешательство теоретических представлений в формулировку экспериментальных результатов так поражает некоторые умы, что они начинают сомневаться в том, что экспериментальные факты существуют независимо от наших теоретических представлений, и иногда говорят: „Ученый создает научный факт“. Это высказывание, конечно, представляет собой преувеличение, с которым некогда воевал А. Пуанкаре. Научный факт, разумеется, существует независимо от представлений, служащих для его выражения. Иногда даже факт отказывается подтвердить теоретическое истолкование, которое ему хотели дать»⁶⁶.

Можно привести и более сложные примеры: наблюдения с помощью камеры, созданной Чарлзом Томсоном Вильсоном (1869-1959) и названной его именем. В ней можно наблюдать белые струйки, образованные конденсированным насыщенным паром. Этот пар конденсируется на ионах, возникающих вдоль траектории заряженных частиц. Выявить, что струйки в камере Вильсона представляют собой следы (треки) движения этих частиц, невозможно без привлечения соответствующей теории. Но будучи установленным с помощью теории, этот факт после этого ни в малейшей степени не зависит ни от данной, ни от какой-либо другой теории.

⁶⁵ Пуанкаре А. Ценность науки... С. 338-339.

⁶⁶ Бройль Л. де. По тропам физики... С. 164-165.

Предпосылки «теоретизма», т. е. концепции зависимости фактов от теории, намечаются уже в работах К. Поппера. Оформляется она в труде Томаса Сэмюэла Куна (1922-1996) «Структура научных революций» (1963) и доводится до полного абсурда в сочинениях Пола Карла Фейерабенда (1924-1994) и философствующих постмодернистов. Она представляет собой наукообразное выражение давно существовавшего взгляда, согласно которому факты не добываются, не устанавливаются учеными, а создаются, фабрикуются ими. Суть этой концепции состоит в отрицании объективности научных фактов, а тем самым и научной теории, в отрицании существования объективной истины. Принятие этой концепции означает полный отказ от науки. Она является концептуальным оправданием любой фальсификации в науке, концептуальной основой бурно расцветающей в современном западном и в нашем обществе лженауки и ее борьбы против настоящей науки.

Редко кто из наших философов осмеливался выступить против концепции «теоретической нагруженности» фактов. Одним из немногих, подвергшим ее аргументированной критике, был уже известный нам философ и ученый С. В. Илларионов⁶⁷.

Хотя тезис о «теоретической нагруженности» фактов был четко сформулирован сравнительно недавно, некоторые ученые, в частности историки, руководствовались им давно. И ни к чему хорошему это не вело. Уже известный нам историк В. Б. Кобрин, указывая на существование у части его коллег убеждения, что «достоверность фактов, сообщаемых источниками, зависит от того, какую концепцию принимает исследователь», пишет: «Тем самым утрачивается критерий истинности концепции, а любая фальсификация, любая подгонка фактов под априорные общие суждения становится простым и легким делом»⁶⁸.

⁶⁷ Илларионов С. В. Указ. соч. С. 62-68.

⁶⁸ Кобрин В. Б. Опасная профессия // Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 216.

Глава 14. Теорозримый мир в себе и для нас

1. Мышление как отражательное творчество, творческое отражение

Как уже неоднократно отмечалось, все понятия человека, а тем более системы понятий — идеи и различного рода концепции, включая сюда и холии, и теории, суть результаты человеческого творчества.

Мышление есть неразрывное единство творчества и отражения, есть творческое отражение мира, есть отражательное творчество.

Долгое время творческий характер мышления не бросался в глаза.

Ведь понятия вплоть до появления философии и науки не создавались сознательно теми или иными людьми, а возникали стихийно. У них был творец, но не индивидуальный, а коллективный, который привычно именуется народом. Здесь наблюдается огромное сходство с тем, что принято называть устным народным творчеством, фольклором. Пословицы, поговорки, былички, сказки и т. п. не имеют индивидуальных авторов. У всех у них коллективный автор — народ. И только с переходом к цивилизации возникло индивидуальное авторство. Также обстояло дело и с понятиями. Только тогда, когда возникли философии и науки, появились люди, которые стали сознательно творить понятия. Выше было приведено немало примеров: Левкипп и Демокрит создали понятие атома, Платон ввел понятие эйдоса и т. п.

Но творческий характер мышления был осознан далеко не сразу после возникновения философии и науки. По существу он стал окончательно обнаруживаться только в ходе революции, которая произошла в естествознании на рубеже XIX-XX вв. Она представляла собой коренную ломку многих устоявшихся понятий и концепций и возникновение совершенно новых, крайне необычных.

Своеобразное осознание происшедших перемен проявилось в форме стихотворного диалога через века. Английский поэт Александр Поп (1688-1744), восхищенный научным подвигом Исаака Ньютона, открывшего основные законы классической механики и тем обосновавший взгляд на мир как на подчиненный строгому естественному порядку, написал эпиграмму:

Был этот мир глубокой тьмой окутан.

Господь сказал: Да будет свет! И вот явился Ньютон ¹.

¹ *Маршак С.* На Ньютона и Эйнштейна// Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1959. С. 601. Перевод С. Маршака дан в моей редакции. В соответствии с английским оригиналом в начале второй строки вставлены слова: Господь сказал (см.: *Pope A. Eminent physicists // Topsy-Turvy World. English Humour in Verse. Moscow, 1978. P. 223.*)

В первые десятилетия XX в. другой английский литератор — Джон Коллинз Сквайр (1884-1958) выразил свое впечатление от происходившей на его глазах ломке привычных представлений о мире: Но сатана недолго ждал реванша. Пришел Эйнштейн — и стало все как раньше².

Важную роль в осознании творческого характера человеческого познания сыграла математизация физики. То, что понятия математики суть творения человека, было понято давно. Но мир математических понятий долгое время рассматривался как что-то исключительное, не имеющее прямого отношения к реальной действительности. Математика в отличие от физики меньше всего участвовала в создании картины мира. Положение изменилось, когда теории физики стали излагаться на языке математики. Стало отчетливо ясным, что по крайней мере все понятия науки суть творения человека.

Почти все, если не все, естествоиспытатели XIX в. сознательно или стихийно придерживались взгляда на понятия науки как на образы внешнего мира. И все они были далеки от диалектики. Они руководствовались старым правилом формальной логики: либо, либо. И заново возникшая перед ними в результате революции в естествознании проблема природы понятий науки встала перед ними в форме вопроса: эти понятия суть образы мира или творения человека. Новые факты неопровержимо свидетельствовали, что понятия науки — несомненно продукты творчества ученых. В результате некоторые из них пришли к выводу, что научные понятия не являются образами внешнего мира и, следовательно, взгляд на науку как отражение внешнего мира должен быть раз и навсегда отброшен. Результатом было возникновение *конвенционализма* (от лат. *conventio* — соглашение) — философской концепции, согласно которой объективной истины не существует, истина в науке есть результат соглашения между учеными. Крайним конвенционалистом был уже упоминавшийся Э. Леруа. Более умеренную позицию занимали А. Пуанкаре и П. Дюгем.

² Там же.

Наиболее ярко осознание того, что понятия науки являются творениями человека проявилось в трудах А. Эйнштейна. Он снова и снова писал о том, что понятия человека «суть свободные творения человеческого ума»³, «являются свободными творениями разума»⁴, что в науке мы имеем дело «со свободного организованными понятиями»⁵, что основы физики как логической системы могут быть получены «лишь свободным вымыслом»⁶ и др. (см. также: 12.1).

2. Отделение в сознании человека чистоумозримого (теорозримого) мира от чувствоумозримого мира. Проблема «физической реальности»

Важнейшим философским следствием революции в естествознании состояло в открытии учеными того, что мир, который исследует наука, который выражается в ее понятиях, существует в сознании ученых. И раньше философы и некоторые естествоиспытатели понимали, что мир существует в сознании. Но это касалось в основном лишь мира отдельного, мира макросингулатов, чувствоумозримого мира. Другого мира для нас, кроме чувствоумозримого, большинство людей, включая естествоиспытателей, просто не замечало.

Но, как уже указывалось, в действительности, мир для нас всегда был миром не только в чувственном познании, но и в мышлении. Он всегда был единством чувствоумозримого и умозримого. Однако, как тоже уже отмечалось, умозримое в мире для нас выступало не как что-то самостоятельное, а (как это было у И. Канта) в качестве костяка, скелета, каркаса чувствоумозримого мира. Этот понятийный скелет был облечен плотью и кровью чувствоумозримых вещей для нас и поэтому был совсем или почти совсем не замечен (см.: 1.1; 3.1-2).

В ходе революции в естествознании и после нее мир, каким он существовал в научном познании, отделился в сознании человека от чувствоумозримого мира и предстал перед ним как нечто самостоятельное, как чистоумозримый мир. Только умозримый, чисто умозримый мир есть теорозримый мир. О том, что идет «вытеснение специфически-чувственного элемента из определения физических понятий» еще в 1909 г. говорил М. Планк⁷. Спустя 20 лет он снова вернулся к этой теме: «Хотя причиной для всякого улучшения и упрощения физической картины мира всегда является новое наблюдение, т. е. процесс в мире ощущений, однако, — писал он, — физическая картина мира по своей структуре при этом все больше удаляется от мира ощущений, все больше лишается она своего наглядного первоначально совсем антропоморфно окрашенного характера.

³ Эйнштейн А. О методе теоретической физики // СНТ-4. С. 182-183.

⁴ Эйнштейн А. Замечания о теории познания Бертраана Рассела // СНТ-4. С. 251.

⁵ Эйнштейн А. Физика и реальность // СНТ-4. С. 203.

⁶ Там же. С. 226.

⁷ Планк М. Единство физической картины мира // Избранные труды. М., 1975. С. 615.

Чувственные ощущения исключаются из нее во все возрастающей мере — напомним только о физической оптике, в которой о человеческом глазе уже вовсе нет речи. Тем самым сущность физической картины мира все больше абстрагируется, причем чисто формальные математические операции начинают играть все более значительную роль, а качественные различия все более сводятся к количественному различию»⁸.

«Мы можем добавить, — пишет крупный американский математик Морис Клайн (1908-1992), — что современная наука постепенно отошла от интуитивного и физического содержания, которое в равной мере апеллирует к чувствам; она все более исключает из системы своих представлений классический образ материи, прибегая к таким чисто синтетическим понятиям, как „поля“ или „электроны“... С чувственным восприятием наука поддерживает лишь весьма ограниченный, хотя и жизненно важный контакт посредством длинной цепочки математических дедуктивных выводов. Естествознание стало рационализированным вымыслом — рационализированным с помощью математики... Ныне мы вынуждены признавать реальность объектов и явлений, недоступных непосредственно чувственному восприятию. Чувственное подтверждение больше не требуется. Природа богаче, чем говорят о ней наши органы чувств»⁹.

Даже когда, как это было у И. Канта, чувствозримый мир понимался не просто как возникший, а как созданный мышлением, то все же при этом считалось, что он был создан разумом из материала, независимого от разума — чувственного. В отношении же мира, каким он теперь стал существовать для науки, все в большей степени становилось ясным, что он не только существует в уме, но и является чистым созданием человеческого ума. Человек творит его как бы из ничего. В этом отношении нельзя не отметить, что следующий за И. Кантом представитель классической немецкой философии И. Г. Фихте, приняв кантианский взгляд на познание мира как на творение мира и отбросив при этом кантианское понятие вещи в себе, стал рассматривать мир для нас как полностью созданный мышлением из самого себя.

⁸ Планк М. Двадцать лет работы над физической картиной мира // Избранные труды. М., 1975. С. 572.

⁹ Клайн М. Математика. Поиск истины. М., 1988. С. 226.

Человек, творя понятия и теории, творит тем самым их содержание, создает тем самым и мир, каким он предстает в теориях. Человек создает не просто понятия атома, электрона, электромагнитного поля и т. п., он тем самым создает в мире, каков он для науки, атомы, электроны, поля и т. п.

А. Эйнштейн говорил не просто о творении человеком научных понятий, а о создании им реальности, какова она для физики. «Мы вольны, — писал он, — сами выбирать, из каких элементов строить физическую реальность»¹⁰. Эта мысль присутствует в написанной А. Эйнштейном совместно с Леопольдом Инфельдом (1898-1968) книге «Эволюция физики. Развитие идей от первоначальных понятий до теории относительности и квантов» (1938). Закljučая свою работу, авторы писали: «Мы видели новые реальности, созданные прогрессом физики... Реальность, созданная современной физикой, конечно, далеко ушла от реальности прежних дней»¹¹.

«Поскольку математика — творение человека, и с ее помощью мы открываем совершенно новые физические явления, люди, — писал М. Клайн, — создают отдельные части окружающего их мира: тяготение, электромагнитные волны, кванты энергии и т.д.»¹².

Таким образом, в результате происшедшей в естествознании революции мир в сознании человека окончательно раздвоился на чувствоумозримый мир, имеющий своим костяком умозримый мир, и самостоятельный чисто умозримый мир, мир каким он предстает в науке, прежде всего физике, мир, созданный самими физиками. И этот последний мир постепенно стал обретать названия. Тот же М. Планк начал говорить не только о физической картине мира, но и о «*мире физической науки*», определяя его как «сознательное, служащее определенной цели творение человеческого духа»¹³.

Не только о физической картине мира, но о мире физики, построенном физиками, говорил японский физик-теоретик, лауреат нобелевской премии Хидеки Юкава (1907-1981). «Попытаюсь, — начал он свой курс лекций, — говорить о физическом мире так, как я построил его для себя. Не знаю, выполнил ли для себя я эту работу хотя бы наполовину. Физику, ее мир, в течение долгого времени создавали многие ученые. Каждое новое поколение, включаясь в творчество, должно идти дальше, взяв за основу созданное предшественниками.

¹⁰ Эйнштейн А. Письмо Г. Сэмьюэлу // СНТ-4. С. 328.

¹¹ Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики // СНТ-4. С. 541-542.

¹² Клайн М. Указ. соч. С. 254.

¹³ Планк М. Двадцать лет работы над физической картиной мира. С. 570.

На новом уровне нужно понять, что еще необходимо для усовершенствования физической картины мира, которая и сейчас далеко не закончена. Иногда здание физики кое-где приходится разбирать и перестраивать... Сам я тоже, оглядываясь назад, неоднократно перестраивал свой собственный физический мир»¹⁴. Мир физической науки, мир, каков он для физики, постепенно чаще всего начали именовать *физической реальностью*. Первоначальное значение этого термина — объективная реальность, изучаемая физикой: Именно в таком смысле он использовался в статье Альберта Эйнштейна, Бориса Подольского (1896-1966) и Натана Розена (1909-1995). «Можно ли считать, что квантово-механическое описание физической реальности является полным?» (1935)¹⁵. В отклике на эту работу крупнейший физик-теоретик Нильс Хендрик Давид Бор (1885-1962) заявил, что новейшие открытия науки сделали необходимым «радикальный пересмотр наших взглядов на физическую реальность»¹⁶. Смысл этих слов был раскрыт во вступительной статье к этим двум публикациям, написанной советским физиком, академиком Владимиром Александровичем Фоком (1898-1974), которой показал, что под физической реальностью Н. Бор понимает не мир, изучаемый физикой, как таковой, а «сведения» о нем, полученные в результате опыта¹⁷. Слово сочетание «физическая реальность» в качестве термина, обозначающего мир, как он существует для науки, постепенно прижилось, и в дальнейшем изложении я буду использовать его именно в этом и только этом смысле.

3. Проблема отношения «физической реальности» и природы

Проблема, которая встала перед философами и естествоиспытателями в результате революции в физике, во многом сходной с той, с которой столкнулись философы, когда выяснилось, что чувствозримый мир существует в сознании человека. Нужно было прежде всего ответить на вопрос, существует ли мир, с которым имеет дело наука, только в научном познании или же он существует также и вне и независимо от сознания. Подавляющее большинство ученых вообще, физиков в частности, не сомневаются в существовании мира вне и независимо от сознания.

¹⁴ Юкава Х. Лекции по физике. М., 1981. С. 5.

¹⁵ Эйнштейн А., Подольский Б., Розен Н. Можно ли считать, что квантово-механическое описание физической реальности является полным? // Успехи физических наук. 1936. Т. 16. Вып. 4. С. 440.

¹⁶ Бор Н. Можно ли считать, что квантово-механическое описание физической реальности является полным? // Успехи физических наук. 1936. Т. 16. Вып. 4. С. 457.

¹⁷ Фок В. А. Можно ли считать, что квантово-механическое описание физической реальности является полным? // Успехи физических наук. 1936. Т. 16. Вып. 4. С. 437-438.

В случае положительного решения необходимо дать также ответ и на вопрос, какое отношение существует между физической реальностью, т. е. миром, каким он предстает перед наукой, прежде всего перед физикой, и природой, т. е. миром самим по себе, объективной реальностью. Предлагалось несколько решений этой проблемы, а тем самым и основного вопроса философии. Они по существу аналогичны тем, что предлагались при решении вопроса о соотношении чувствозримого мира в себе и для нас (II.1-2).

Первое решение заключалось в том, что этот вопрос нелеп. Физическая реальность это и есть объективный мир, природа. Физическая реальность и объективный внешний мир — абсолютно одно и то же. Перед нами новый вариант того самого наивного реализма, с которым мы уже сталкивались (II.1-2) при рассмотрении чувственного познания.

Естествоиспытатели, придерживавшиеся наивного реализма, ни в малейшей степени не сомневались ни в том, что мир существует вне сознания, ни в том, что физика признана давать и дает истинную картину мира. Задачу ученого они видели в том, чтобы тот постоянно сравнивал рисуемую им картину мира с миром, каков он сам по себе, и столь же постоянно подгонял эту картину действительности под объективную реальность. Им как-то и в голову не приходило, что для того чтобы сравнить мир, каков он сам по себе, с картиной этого мира, нужно иметь знание о мире, а это значит, иметь мир в сознании, обладать его картиной.

Подобное представление еще могло держаться, пока умозримый мир существовал во многом как костяк, каркас чувствозримого мира. Говоря о мире самом по себе, отличном от научной картины мира, данные естествоиспытатели имели в виду чувствозримый, точнее чувствоумозримый мир. В ходе революции в естествознании такого рода представления рухнули. Если их кто-то и пытался отстаивать, то это были немарксистские материалисты, прямые наследники «вульгарных» материалистов XIX в., и, к сожалению, немалое число советских философов, считавших себя диалектическими материалистами.

Задержимся на одном из эпизодов философской борьбы в СССР в сталинскую эпоху. В 1947 г. во втором номере только что начавшего выходить журнала «Вопросы философии» появилась статья известного физика-теоретика Моисея Александровича Маркова (1908-1994) «О природе физического знания», в которой использовалось понятие физической реальности как отличного от категории объективной реальности в привычном смысле слова.

Вначале в журнале началось более или менее нормальное обсуждение статьи, но затем его редколлегия была расформирована, сменил главный редактор — будущий академик Бонифатий Михайлович Кедров (1903-1985), и в третьем номере за 1948 г. в заметке «От редакции» было заявлено, что понятие «физическая реальность» является «махистским» и что оно изобретено современным «физическим идеализмом» с целью подрыва материалистического взгляда на мир¹⁸. Вслед за этим утверждение о ложности и неприемлемости для материалистов понятия физической реальности появилось в статьях ряда философов, занимавшихся философскими вопросами физики¹⁹.

Вторая точка зрения внешне была сходна с первой. И здесь физическая реальность полностью отождествлялась с природой, с внешним миром. Но по-иному. Физическая реальность объявлялась единственно существующей, но при этом существующей независимо от сознания человека. Это — новый вариант субъективного идеализма, который был назван В. И. Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм» (1909) «физическим идеализмом». Спустя почти полвека крупнейший физик XX в. М. Борн, критикуя работы английского ученого Г. Дингла, в которых отстаивался подобный взгляд, писал: «Перед нами воззрение, типичное для крайнего субъективизма, которому можно было бы дать подходящее название — „физический солипсизм“»²⁰.

По существу, к числу такого рода «физических солипсистов» принадлежал Э. Мах. Конечно, в центре его интересов была проблема природы чувствозримого мира. Но и теорозримый мир не был обойден его вниманием. С его точки зрения, атомы были чистыми творениями человеческого ума. Он до конца своих дней так и не признал их объективного существования.

Философские взгляды этого ученого были подвергнуты резкой критике в работах М. Планка еще в 1909 г. Последний ставил в заслугу Э. Маху его выступление против механицизма. «Но, — писал М. Планк, — он пошел дальше своей цели, ниспровергая вместе с механистическим мирозерцанием всякое физическое мирозерцание»²¹.

¹⁸ См.: От редакции // ВФ. 1948. № 3. С. 233-234.

¹⁹ Дискуссия о природе физического знания. Обсуждение статьи М. А. Маркова. Окончание. А. А. Максимов // ВФ. 1948. №3. С. 224-227; *Суворов С. Г.* Критика В. И. Лениным махизма и борьба против современного «физического идеализма» // Философские вопросы современной физики. М., 1952. С. 134-136; *Омельяновский М. Э.* Диалектический материализм и так называемый принцип дополнительности Бора // Философские вопросы современной физики... С. 397, 417.

²⁰ Борн М. Физическая реальность... С. 268.

²¹ *Планк М.* Единство физической картины мира... С. 631.

Философская система Э. Маха, по мнению М. Планка, чужда естествознанию, которое признает и не может не признавать существование объективной реальности²². А. Эйнштейн, которого вначале привлекала философия Э. Маха, в последующем стал относиться к ней резко отрицательно. Во время дискуссии, состоявшейся в Париже в апреле 1922 г., он отозвался о Э. Махе как о «хорошем механике», но «никудышном (deplorable) философе»²³. «Система Маха, — говорил он, — изучает существующие отношения между данными опыта; для Маха наука — это совокупность этих отношений. Эта точка зрения неверна, и фактически то, что делает Мах, это каталог, а не система»²⁴.

Такую же точку зрения А. Эйнштейн несколько позднее (в 1926 г.) высказал и в беседе с В. Гейзенбергом. Он обратился к последнему с вопросом: «Что касается орбит электронов в атоме, то Вы хотите их совсем упразднить, несмотря на то, что траектории электронов в камере Вильсона можно наблюдать непосредственно. Не могли бы Вы несколько подробнее разъяснить причины столь странного подхода?»²⁵. «Орбиты электронов в атоме наблюдать нельзя, — так примерно отвечал я. — ...Поскольку же разумно включать в теорию только величины, поддающиеся наблюдению, мне казалось естественным допустить лишь эти данные, так сказать, в качестве представителей электронов. — Но неужели Вы всерьез думаете, — возразил Эйнштейн, — что в физическую теорию можно включать лишь наблюдаемые величины. — А разве не Вы сами, — спросил я в изумлении, — положили эту идею в основу своей теории относительности? Ведь Вы подчеркивали, что нельзя говорить об абсолютном времени потому, что это абсолютное время невозможно наблюдать... — Возможно, я и пользовался философией этого рода, — отвечал Эйнштейн, — но она тем не менее чужда»²⁶.

Не всегда сторонники данной точки зрения прямо заявляли, что физическая реальность существует в сознании или зависит от сознания. Тот же Э. Мах, выступивший вначале с позиций чистого субъективного идеализма, в последующем стал маскировать свои взгляды.

²² Там же. С. 631-632.

²³ Einstein and the Philosophies of Kant and Mach // Nature. 1923. Vol. 112. № 2807. 18 august. P. 253.

²⁴ Цит.: Холтон Д. Эйнштейн о физической реальности // Эйнштейновский сборник. 1969-1970. М., 1970. С. 221.

²⁵ Гейзенберг В. Целое и часть // Гейзенберг В. Физика и философия. Целое и часть. М., 1989. С. 191.

²⁶ Там же. См. также: Heisenberg W. Encounters with Einstein, and other Essays on People, Places and Particles. Princeton, N.J. 1983. P. 114.

Он объявил, что в основе всего существующего лежат «элементы мира», которые не представляют собой не физическое и не психическое, а нечто «третье». Тем самым он перешел на позицию позитивизма. В ход шли и другие термины, чаще слово «опыт». К нему особенно часто прибегал Рихард Авенариус (1843-1896), назвавший свое философское учение эмпириокритицизмом.

Физическая реальность в таком случае объявлялась порождением опыта или самим этим опытом. Субъектом во избежание солипсизма объявлялся не индивид, а человечество в целом. И вдобавок добавлялось, что порожденный опытом человечества физический мир является объективным.

Примером такого рода учения могут послужить взгляды Александра Александровича Богданова (наст. фам. — Малиновский) (1873-1928). Его философская система именовалась эмпириомонизмом. «Вообще, — писал он, — физический мир это — социально-согласованный, социально-гармонизованный, словом *социально-организованный* опыт»²⁷. «Объективный характер физического мира, — поясняет он в другом месте того же сочинения, — заключается в том, что он существует не для меня лично, а для всех, и для всех имеет определенное значение, по моему убеждению, такое же, как для меня»²⁸. В последующих работах А. А. Богданов к прежнему наименованию своей философской системы добавляет новое. Она теперь выступает у него также и под названием «философии живого опыта».

Если в более ранней работе «Эмпириомонизм» (1905-1906) он говорит больше о чувствозримом мире, чем об умозримом, то в более поздней книге «Философия живого опыта» (1913) у него выступает на первый план мир, каков он в науке. «Физический опыт, — пишет А. А. Богданов, — это опыт чей-нибудь, а именно всего человечества в своем развитии. Это — мир строгой, установленной выработанной закономерности, определенных, точных соотношений, тот благоустроенный мир, где действуют все теоремы геометрии, все формулы механики, астрономии, физики и т. д. Можно ли принять, что этот мир, эту систему опыта независимой от человечества? Можно ли сказать, что она существовала раньше его?»²⁹ Ответ автора на этот вопрос категоричен: конечно, нет. Но это не что иное, как тот вид идеализма, начало которому положил И. Г. Фихте и который был в первой книге цикла (I.4.7) назван социоконструктивным идеализмом.

²⁷ Богданов А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Кн. 1. Изд. 3. М., 1908. С. 33.

²⁸ Там же. С. 23.

²⁹ Богданов А. Философия живого опыта. СПб., 1913. С. 226.

Третья точка зрения в чистом виде состоит в том, что если физическая реальность существует несомненно, то вопрос об объективной, т. е. имеющей бытие вне и независимо от сознания, реальности объявляется либо в принципе неразрешимым, либо псевдопроблемой, заниматься которой не имеет никакого смысла. Это — уже давно знакомый нам агностицизм, но примененный не только к чувствозримому, но и умозримому миру науки. Его придерживаются почти все, если не все приверженцы аналитической философии, прежде всего неопозитивисты.

Четвертый подход к проблеме состоит в том, что существует и физическая реальность, т. е. мир в научном познании, и мир сам по себе, независимый от сознания, но эти миры имеют между собой либо очень мало, либо вообще ничего общего, они различны и только различны. Перед нами новый своеобразный чисто рационалистический вариант кантианства. В пользу такой точки зрения приводятся факты из истории науки. Было время, когда в мире, каков он для науки, в «физической реальности», существовали теплород, флогистон, эфир. Затем они исчезли. Сейчас в «физической реальности» существуют атомы, электроны, протоны, кварки и т. п. Где гарантия, что завтра они не выбудут из нее?

Довольно любопытный вариант подобного рода концепции был создан безвременно умершим советским философом Игорем Серафимовичем Алексеевым (1935-1988). Он назвал свое детище *деятельностной концепцией познания*, а сам себя в разговорах иногда называл субъективным материалистом. И. С. Алексеев по вполне понятным причинам не смог изложить эту концепцию сколько-нибудь подробно в печати. В работах, которые им были опубликованы, содержатся в основном лишь более или менее завуалированные отзвуки его взглядов³⁰. Но я несколько лет работал с ним на одной кафедре, слушал его доклады и лекции, много спорил с ним и поэтому достаточно хорошо знаком с подлинными его взглядами по этому вопросу.

И. С. Алексеев исходил из того, что мир вне сознания существует, но мы ничего о нем не знаем и никогда не узнаем. Единственный мир, знаниями о котором мы располагаем, это мир, существующий в научном познании. Но этот мир нельзя назвать только субъективным. Он одновременно и объективен. Но эта его объективность обусловлена вовсе не тем, что в нем есть содержание, взятое из внешнего объективного мира. Мир, каков он в научном познании, объективен потому, что он создается людьми в ходе практической деятельности, является продуктом реальной практической деятельности людей.

³⁰ См.: Алексеев И. С. Деятельностная концепция познания и реальность // Избранные труды по методологии и истории физики. М., 1995.

Но практическая деятельность людей не остается неизменной, она непрерывно развивается, совершенствуется. Поэтому ее продукты, бывшие на определенном этапе ее эволюции совершенно объективными, на следующем этапе могут потерять объективность и выбыть из мира. Именно это и произошло с теплотородом, флогистоном, эфиром. Их бытие было объективным, они существовали на самом деле, а затем перестали существовать, исчезли из мира ³¹.

Почему-то И. С. Алексеев полностью игнорировал то обстоятельство, что практическая деятельность, если ее не понимать как чисто духовную, мыслительную (а от такой ее трактовки он открепивался) есть не что иное, взаимодействие не с миром, существующим в научном познании, а с миром, как он существует сам по себе, независимо от науки, есть преобразование настоящего объективного мира. Но такое преобразование может быть успешным только в том случае, когда мы знаем, каков этот мир. Иначе говоря, условием успешной практической деятельности является определенное совпадение мира, каков он для нас, с миром, каков он сам по себе. Нетрудно заметить, что деятельностная концепция познания И. С. Алексеева перекликается с изложенными выше взглядами А. А. Богданова. По существу это тот же самый социоконструктивный идеализм, но с кантианским довеском и виде существующего вне сознания, но абсолютно непознаваемого мира. Но И. С. Алексеев пришел к сходным с А. А. Богдановым взглядам совершенно независимо от последнего. По крайней мере, когда я сказал ему об этом сходстве, он был искренне удивлен. Обстоятельной критике концепция И. С. Алексеева была подвергнута С. В. Илларионовым в уже упоминавшихся «Лекциях по теории познания и философии» ³². Взгляды, сходные с воззрениями А. А. Богданова и И. С. Алексеева, излагал доктор философских наук Вадим Маркович Розин в 2000 г. на круглом столе «Перспективы научной рациональности в XXI веке» в редакции «Независимой газеты». Там он отстаивал понимание мира, согласно которому «никакой природы самой по себе, вне нашей интеллектуальной и практической деятельности не существует» ³³. Здесь перед нами чистый социоконструктивный идеализм.

³¹ Алексеев И. С. Деятельностная концепция познания и реальность // Алексеев И. С. Избранные труды по методологии и истории физики. М., 1995. С. 270-272.

³² Илларионов С. В. Указ. соч. С. 31-54.

³³ См.: Перспективы научной рациональности в XXI веке // НГ—Наука. № 2. 16 февраля 2000. С. 4.

«Культура, — развивал В. М. Розин свой взгляд, — существует только в связи со знаковыми и языковыми системами. А они уже порождают реальность. Например, нам кажется, что тепло — это природный феномен. Как вещь в себе — конечно. Но что делать с таким теплом? Другое дело тепло как момент человеческой практики, то есть то, что можно объяснить, рассчитать, предсказать, промоделировать. Но такое тепло каждый раз другое. Лет двести люди были уверены, что тепло — это теплород, поскольку такова была семиотическая деятельность. Теперь мы уверены, что тепло — это энергия частиц... А завтра? И этот момент, связанный с тем, что реальность, предметность порождаются за счет знаковой деятельности, является одной из предпосылок вот этой случайности (выбора пути, по которому пошло развитие человечества. — Ю. С.)... Культура не может развиваться, не создавая знаковых систем, не порождая новых реальностей. Когда люди научились создавать новые реальности в форме новых материальных физических миров, они оказались в ловушке»³⁴. Здесь к социоконструктивному идеализму добавляется момент кантианства — вещь в себе.

И наконец, решение, которое предлагает материализм. Оно единственное, которое полностью согласуется с наукой. Об этом, частности, говорил М. Планк. «Последние соображения, — читаем мы в завершающей части доклада „Единство физической картины мира“ (1909), — приводят нас уже к ответу, который я поставил в конце своего выступления: является ли физическая картина мира только более или менее произвольным созданием нашего ума, или же, наоборот, мы вынуждены признать, что она отражает совершенно независимые от нас явления природы? Выражаясь конкретнее, имеем ли мы разумные основания утверждать, что принцип сохранения энергии существовал в природе еще тогда, когда ни один человек не мог думать о нем, или что небесные тела будут по-прежнему двигаться согласно закону тяготения и после того, как Земля со всеми ее обитателями разлетится в куски? Если я, на основании вышесказанного, отвечу утвердительно, то я при этом хорошо сознаю, что мой ответ находится в известном противоречии с тем направлением в философии природы, которым руководит Эрнст Мах и которое пользуется в настоящее время большими симпатиями среди естествоиспытателей»³⁵.

³⁴ Перспективы научной рациональности в XXI веке // НГ—Наука. № 2. 16 февраля 2000. С. 5.

³⁵ Планк М. Единство физической картины мира... С. 629-630.

Выше уже было показано, что философские взгляды А. Эйнштейна были довольно противоречивыми и менялись в ходе его деятельности. Но в одном из его неопубликованных отрывков, написанном после 1949 г., великий ученый упоминает об «основной аксиоме» своего мышления: «постулате о „реальном мире“», которому соответствует «мир» думающего и экспериментирующего субъекта. «Крайние позитивисты полагают, что могут обойтись без него. Мне кажется, — подчеркивал А. Эйнштейн, — что это иллюзия, если мы не хотим отказаться вообще думать»³⁶.

С точки зрения материализма наука есть отображение, воспроизведение объективной реальности. Это значит, что мир, каков он в науке («физическая реальность»), и мир, как он сам по себе, обязательно и совпадают, и одновременно не совпадают. Совпадают, ибо содержанием мира, каков он для науки, является мир сам по себе. «Физическая реальность» есть объективный физический мир, каким он предстает в сознании.

И не совпадают, причем в нескольких смыслах. Во-первых, мир для науки в течение всего времени ее существования имел, сейчас имеет и всегда будет иметь своим содержанием только часть мира в себе. Во-вторых, познанная часть объективного мира, т. е. такая, которая существует не только в себе, но и для нас, всегда существовала и всегда будет существовать в научном познании в субъективной форме. Общее, сущность, законы, вообще все универсаты, существующие в объективном мире только в отдельном и через отдельное, только в реальных сингулатах, в научном познании существуют в чистом виде, к которому их в объективном мире нет и не может быть. Это чистое общее, идеальные универсаты создаются, творятся людьми, прибегающими при этом к фантазии.

Другого пути к познанию объективного общего, объективных универсатов, кроме создания идеальных универсатов нет и быть не может. Поэтому люди, пытаясь объяснить те или иные явления, могут создавать и такие идеальные универсаты, у которых нет коррелятов в мире, которым не соответствуют никакие реальные универсаты и в этом смысле не имеют объективного содержания. Так в «физической реальности» появились теплород, флогистон, эфир.

³⁶ Цит.: Холтон Д. Эйнштейн о физической реальности // Эйнштейновский сборник. 1969-1970. М., 1970. С. 225-226. Д. Холтон был допущен хранителями наследия А. Эйнштейна к его неопубликованным записям.

Таким образом, несовпадение между миром в себе и миром для науки («физической реальностью») не исчерпывается только тем, что в первом есть то, чего пока нет во втором, что содержание первого шире содержания второго. Оно может заключаться и в том, что в мире для науки («физической реальности») может существовать и то, чего нет в объективной реальности. Несовпадение первого рода существует всегда. Оно постоянно преодолевается в ходе развития науки, но никогда не будет полностью преодолено. Несовпадение второго рода то и дело возникает и преодолевается. Результатом его преодоления является движение ко все большему и большему совпадению мира, каков он для науки, с миром самим по себе.

4. Структура мира для нас, появление нового знания и обогащение концептофонда

В одном из предшествующих разделов (3.4) были введены понятия концептофонда и ментофонда. Концептофонд содержит упорядоченный набор понятий вообще, предельно общих понятий (категорий) прежде всего, при помощи которого наводится порядок в хаосе ощущений и возникает чувствопонятийный мир для нас, воспроизводящий мир каков он сам по себе. Но такого рода миром для нас чувствуюмомозримый мир для нас не исчерпывается. Он включает в себя также холиофактуальный мир для нас. И наконец, с возникновением науки мир для нас начинает включать чистоумозримый, или теорозримый мир.

При всем различии холиофактуальный и теорозримый миры имеют между собой общее. И холии и теории базируются на фактах и представляют собой разные формы унитаризации фактов, в основе которой всегда лежит идея. Поэтому холиофактуальный и теорозримый миры можно объединить под названием унитарно-фактуального мира для нас.

Именно в унитарно-фактуальном мире возникает новое знание. Возникновение нового знания и есть то, что принято называть открытием. С появлением нового знания открываются все новые и новые стороны мира, о которых человек ранее ничего не знал. Открытия совершаются в процессе и житейского, и научного познания. Научные открытия подразделяются на два основных вида. Первый — открытие новых ранее не известных явлений. Примеры фактологических открытий: обнаружение в 1895 г. Вильгельмом Конрадом Рентгеном (1845-1923) лучей, названных его именем, и в 1896 г. Антуаном Анри Беккерелем (1852-1908) — радиоактивности. Второй вид научных открытий — выявление сущности явлений путем создания теории. Теоретические открытия — магистральный путь развития научного познания.

Только в процессе разумного мышления возникают новые понятия и создаются новые прочные связи между понятиями. Идеи, холии и теории излагаются в форме суждений и систем суждений, в форме рациотекстов и лингвотекстов. Новое знание из унитарно-фактуального мира переходит в понятийный мир. Но, что самое важное, новые понятия и вновь созданные прочные связи из мыслетфонда проникают в концептофонд и закрепляются в языке. Происходит, если можно так выразиться, выпадение нового знания в осадок, его кристаллизация, обогащение мыслеконцентрата.

Самым заметным проявлением происходящего в унитарно-фактуальном мире возникновения нового знания является смена одних теорий другими. Когда умножается число новых фактов, которые совершенно не укладываются в существующую теорию, необходимостью становится создание новой теории, способной объяснить все имеющиеся факты: и те, что объясняла старая теория, и те, что с ней не совместимы. Когда новая теория проходит проверку и становится достоверной истиной, старая отбрасывается. И сразу же возникает вопрос, эта, теперь отброшенная, теория, является истинной или ложной. Ведь она тоже в свое время прошла проверку и была признана истинной. Так остается ли она истинной и сейчас.

Если остается, то выходит, что мы сейчас отказываемся от истины. Если же она теперь является ложной, то как она могла быть раньше истинной. Может быть, выход из положения состоит в признании того, что в действительности она всегда была ложной и лишь считалась истинной. Но ведь вполне возможно, что и новая теория, пришедшая на смену старой, в последующем развитии тоже может быть отброшена и заменена еще более новой. И допустив, что отброшенная теория всегда была ложной, мы должны прийти к выводу, что развитие теоретического знания есть процесс смены одних заблуждений другими, что истины в теоретическом знании нет и быть не может.

Все это, взятое вместе, побуждает детальнее разобраться с проблемой истины, а тем самым и с вопросом об отношении истины и заблуждения. Но прежде чем приступить к этому, необходимо подвести некоторые итоги всему сказанному в данной книге о теории (логике) разумного мышления.

Глава 15. Категориальный аппарат теории (логики) разумного мышления

1. Онтогностические и гностические формы разумного мышления

О существовании двух видов мышления (рассудка и разума) и о том, что после Гегеля философия стала наукой о разумном мышлении (логикой разумного мышления) говорилось и в первой (I.2.2) и во второй (II.9.1; II.9.3) книгах цикла.

Это отнюдь не означает, что философия не должна заниматься ни чувственным познанием, ни рассудочным мышлением. Ведь мышление непосредственно, прямо с объективным миром не связано, весь материал, на котором оно основывается, поступает к нему только через каналы чувственного познания. Поэтому философия будучи наукой о мышлении, не может не заниматься чувственным познанием. Без этого мышление понять невозможно. Не может наука о разумном мышлении обойтись и без выявления природы рассудочного мышления. Разум не существует без рассудка. Они работают всегда только вместе. Более того, результаты работы разума, чтобы стать известными, должны быть облечены в формы, присущие рассудочному мышлению. Поэтому понять деятельность разума без выявления природы рассудка совершенно невозможно. Теория разумного мышления с неизбежностью является теорией человеческого познания в целом. Только такая философия может открыть путь к познанию истины.

Но при всем при этом философия есть прежде всего исследование процесса разумного мышления. Именно этому и была посвящена данная, четвертая по счету, книга цикла.

Как было уже показано во второй книге (II.9.3), Г. Гегель фактически (независимо и даже отчасти вопреки собственной интерпретации) открыл разумное мышление как процесс движения предельно общих понятий (категорий диалектики), представляющих собой отражения наиболее общих форм бытия мира (мироформ) по наиболее общим законам развития мира (законам диалектики). В результате, как уже указывалось, наука о разумном мышлении является одновременно и логикой, и предельно общим взглядом на мир и всеобщим методом познания. Именно система законов и категорий была в центре внимания и диалектического идеализма и диалектического материализма. Нередко к ней сводили всю логику разумного мышления.

Категории диалектики, бесспорно, являются формами разумного мышления, мыслительными формами, причем особого рода. Открытые формальной логикой понятия, суждения и умозаключения представляют собой формы исключительно мышления, формы только познавательные, *гностические* (от греч. «гносис» — познание). Категории же диалектики (случайность, необходимость и т. п.) есть содержательные формы мышления. Каждая из них имеет своим содержанием определенную общую форму бытия объективного мира — миротформу. Понятия и суждения существуют лишь в сознании человека. Необходимость, случайность и т. п. существуют не только в сознании, но и вне сознания, но существуют по-разному. В объективном мире они существуют как всякое общее лишь в отдельном и через отдельное, в сознании в чистом виде — в качестве категорий диалектики, являющихся формами разумного мышления. Если понятия, суждения и умозаключения являются *гностическими* формами мышления, то категории диалектики — *онтогностическими* (от греч. «онтос» — сущее и «гносис» — познание) его формами.

На естественно возникающий вопрос: являются ли категории диалектики единственными формами разумного мышления, или же у него наряду с онтогностическими формами имеются и гностические, давались разные ответы. Как мы уже знаем, Э. В. Ильенков давал на него отрицательный ответ (4.2). Первооткрыватель процесса разумного мышления Г. Гегель склонялся скорее к положительному решению вопроса. Его «Наука логики», как известно, состоит из трех частей. В первых двух («Учение о бытии» и «Учение о сущности») рассматривается движение категорий диалектики по законам диалектики. Третья часть носит название «Учение о понятии». Если подходить чисто формально, то у Гегеля нет гностических форм разумного мышления. Ведь согласно его взглядам, понятия существуют не только в сознании человека, но и в мире в качестве духовных сущностей вещей (см.: II. 11.3). Но по существу, третья часть «Науки логики» посвящена разработке гностических форм разумного мышления. Г. Гегель приходит к выводу, что первичной единицей разумного мышления является понятие, но отличное от рассудочного понятия. Между понятиями рассудка и понятиями разума существует не только различие, но и сходство, что позволяет использовать для их обозначения одно и то же слово.

«Можно было бы, пожалуй, — писал Г. Гегель, — поставить еще один следующий вопрос: если в спекулятивной логике понятие имеет совершенно иное значение, чем то, которое обычно связывают с этим выражением, то почему мы все же называем здесь это совершенно другое понятие и даем тем самым повод к недоразумениям и путанице? На такой вопрос мы должны были бы ответить, что как бы ни было велико расстояние между понятием формальной логики и спекулятивным понятием, все же оказывается при ближайшем рассмотрении, что более глубокий смысл, в котором употребляется термин „понятие“, отнюдь не так уж чужд обычному словоупотреблению, как это кажется сначала»¹. Но если разработка Г. Гегелем понятия была во многом успешной, то с созданием «спекулятивных» аналогов формально-логических суждений и умозаключений у него ничего не получилось, что отмечали многие исследователи (см.: 4.2). Не смогли этого сделать и другие философы и логики (см. там же). И понятно почему: суждения и умозаключения — формы исключительно лишь рассудочного мышления.

У разумного мышления, кроме онтогностических форм, есть свои, только ему свойственные гностические формы. Г. Гегель их обнаружить не смог в силу чисто исторических причин: для этого не было достаточно материала. В XX в. многие из этих форм были выявлены, прежде всего те, что были связаны с теоретическим мышлением, которое может быть только разумным. Но так как почти все философы, включая и тех, что считали себя марксистами, либо совсем не замечали, либо не принимали во внимание существование двух видов мышления, то они не смогли осознать эти формы как формы не просто мышления, а именно разумного мышления.

Именно потому, что разработка системы гностических форм разумного мышления в отличие от исследования законов и категорий диалектики практически отсутствовала в марксистской философской литературе, этим формам было уделено при изложении логики разумного мышления особое внимание. Было показано, что категориальный аппарат логики разумного мышления отнюдь не исчерпывается категориями диалектики. Важными для понимания процесса разумного мышления являются такие понятия, как факт, истолкование (интерпретация), понимание, объяснение, интеллектуализация и текстуализация, унитаризация в двух ее видах: холизации и эссенциализации, идея, интуиция, холия, версия, гипотеза, теория. Одни из этих понятий обозначают собой гностические формы разумного мышления, другие — гностические процессы.

¹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 342.

Особое внимание автора к этим понятиям отнюдь не означает недооценку им значения законов и категорий диалектики.

Диалектический материализм есть не только теория познания истины, теория разумного мышления, но метод познания истины.

Диалектический материализм есть материалистическая диалектика, диалектический метод познания. Поэтому диалектика присутствует во всех книгах цикла, включая и данную. И она там не просто излагается, а постоянно применяется при решении всех поставленных в книгах цикла вопросов. Целый ряд почти всех книг был посвящен детальному исследованию и системы категорий диалектики в целом и тех или иных определенных ее категорий (отдельного, особенного и общего, качества и количества, явления и сущности, причины и следствия, случайности и необходимости, возможности и действительности и т. д.). Но все это было разбросано по всем книгам. Поэтому существует необходимость изложить законы и категории диалектики в определенной системе, не вдаваясь при этом ни в какие детали.

2. Диалектики: *summa summarum*

Самым важным законом диалектики является тот, который в марксистской литературе чаще всего называли законом единства и борьбы противоположностей. Слово + борьба + в данном контексте не самое удачное. Как-то не поворачивается язык говорить о борьбе волновой и корпускулярной природы света, борьбе ассимиляции и диссимиляции в организме, качества и количества, необходимости и случайности и т. п. Поэтому лучше было бы именовать этот закон, как это делал Ф. Энгельс, законом взаимного проникновения противоположностей², либо законом единства и взаимоотрицания противоположностей.

Основным этот закон является потому, что диалектика есть учение о развитии, движении, а всякое развитие, всякое движение всегда противоречиво. Одним из первых в истории философии это показал третий представитель школы элеатов Зенон Элейский. Он стремился доказать правильность тезиса Парменида об отсутствии движения. При этом он исходил из положения о том, что в мире нет и не может быть ничего внутренне противоречивого. Анализируя простейший вид движения — перемещение в пространстве, Зенон убедительно доказал, что даже механическое движение, не говоря уже о более сложных его формах, есть вопиющее противоречие.

² Энгельс Ф. Диалектика природы... С. 384.

Ему казалось, что он тем самым обосновал положение элеатов об отсутствии в мире движения. В действительности же он только открыл противоречивый характер движения. Одновременно он показал, что пространство и время не могут быть только прерывными или только непрерывными, только делимыми или только неделимыми. Но сделать вывод о том, что они одновременно и прерывны и не прерывны, и делимы и неделимы, он, конечно, не смог.

Закону диалектики о единстве и взаимоотрицании противоположностей противостоят законы противоречия и исключенного третьего, на которых базируется формальная логика. Но это противопоставление не является абсолютным. Суть обоих законов, прежде всего закона исключенного третьего, заключается в требовании к человеку не противоречить самому себе. В противном случае он с неизбежностью придет к заблуждению.

Диалектика тоже, как само собой разумеющееся, предполагает, что человек во избежание заблуждения не должен вступать в противоречие с самим собой. Формальная логика доводит требования к человеку не противоречить самому себе до предписания рассуждать во всех случаях по принципу: либо да, либо нет, что предполагает отсутствие в мире внутренних противоречий. Диалектика исходит из того, что и мир, и познание насквозь пронизаны противоречиями. Познать мир и само познание означает раскрыть существующие в них противоречия. И в мире, и в познании одно и то же может быть одновременно и своей собственной противоположностью.

Поэтому рассуждать в таких случаях по принципу «либо да, либо нет» означает искажать реальную картину и мира, и познания, т. е. скатываться к заблуждению. Чтобы прийти к истине, нужно в такого рода ситуациях рассуждать по принципу «и нет, и да». Это было наглядно показано во всех книгах цикла, когда рассматривались вопросы об отношении между восприятиями предмета и предметами восприятий, между миром в себе и миром для нас, необходимостью и случайностью и т. п. и т. д. Раскрывать реальные противоречия и вступать в противоречие с самим собой — совершенно разные вещи. Когда человек выявляет реальные противоречия и говорит о них, он не противоречит самому себе.

Конечно, и человек, пользующийся диалектикой, не застрахован от риска впасть в противоречие с самим собой. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо тщательно разбираться в том, раскрываем ли мы при этом реальные противоречия или же просто запутываемся в собственных рассуждениях. Для этого нельзя ограничиться утверждением, что в данном случае нужно мыслить по принципу «и да, и нет», а необходимо раскрыть, как одно и то же может быть одновременно и своей собственной противоположностью. Именно в этом суть закона единства и взаимоотрицания противоположностей.

Г. Гегель подразделил свою систему категорий диалектики на две части: учение о бытии и учение о сущности. В этом был глубокий смысл: познание человека действительно идет от внешности мира, от явлений к сущности.

Первой категорией диалектики, несомненно, является категория *бытия*, или *существования*. Первоначальным объектом познания является то, что существует. Этим существующим является прежде всего сам объективный мир, материя. Все, что существует, всегда существует где-то и когда-то. Формами бытия мира являются *время* и *пространство*. Как уже отмечалось во второй книге (II.7.1), мир первоначально предстает перед человеком как совокупность *материальных тел, материальных же потоков и объективных событий*. Познание его идет по двум линиям.

Первая линия — обнаружение свойств объектов, подразделение этих свойств на существенные и несущественные и тем открытие общего в отдельных объектах — их качеств. Категории *свойства* и *качества*, *общего (универсатов)* и *отдельного (сингулатов)* уже были рассмотрены во второй (II.10-13) и настоящей книге (1). Повторять сказанное нет смысла.

Вторая линия — познание связей между объективными событиями и отделение связей существенных от несущественных. Важнейшей формой существенных связей между событиями являются причинно-следственная связи. И сами причинные связи и способы их обнаружения были уже рассмотрены третьей книге (III.5). Важно подчеркнуть, что на этой стадии познания человек знает, что одно событие — *причина* вызывает другое *событие* — следствие, но не знает, почему это происходит, не знает механизма этого порождения. Постепенно наряду с понятиями причины и следствия выделяется понятие *условий*. Если тела и потоки могут существовать долгое время, то события, свершившись, перестают существовать, уходят в *небытие*. Так *бытие* превращается в *небытие*.

Наряду с качествами вещей обнаруживаются и их количественные характеристики. Первоначально *количество* предстает как безразличная к качеству определенность вещи. Затем выявляется связь между качеством и количеством. Выясняется, что количество безразлично к качеству лишь в известных пределах, которые носят название *меры*. Когда изменения количества переходят узловую точку меры, изменяется качество объекта, т. е. одно материальное образование превращается в другое, качественно от него отличное. Это качественное изменение принято именовать *скачком*.

Закон перехода количества в качество — второй закон диалектики. Он крайне важен для понимания мира. Пренебрежение этим законом лежит в основе редукционизма — сведения высших форм движения материи к низшим, что и сейчас имеет широкое распространение. Редукционисты не в состоянии понять, что казалось бы то же самое качество, но в ином количестве, есть уже другое, новое качество.

Каждому качеству присуще количество и мера, переход узловых точек которой ведет к исчезновению данного качества, к его *отрицанию*. Но это отрицание качества есть не только его гибель, но одновременно и рождение нового качества. Старое качество не исчезает полностью, а сохраняется в новом, но только в снятом виде. Отрицание, которое является не просто отрицанием, а *снятием*, есть необходимый момент развития. Понятия перехода количества в качество, выхода за меру, отрицания, снятия характеризуют разные стороны превращения одного качества в другое качество, коренного изменения объекта. Таким образом, в небытие могут уходить и уходят не только события, но материальные тела и потоки. Но этот уход в небытие есть одновременно появление нового бытия.

С возникшим новым качеством с неизбежностью произойдет то же самое: произойдет его отрицание, его снятие еще более новым качеством. Здесь перед нами третий закон диалектики — *закон отрицания отрицания*. Превращение одного качества в другое есть процесс, тем более процессом является непрерывный ряд таких превращений. С открытием законов перехода количества в качество и отрицания отрицания мир предстает перед человеком как совокупность не вещей, а процессов. Категория «*процесс*» является важнейшей категорией диалектики, соединяющее воедино объекты и события. За внешним чередованием событий скрывается процесс превращения объектов.

Превращение одного качества в другое может происходить поразному. При одной форме не существует промежуточного состояния между старым и новым качествами. При другой форме между старым и новым качествами существует переходное состояние, когда новое качество одновременно и существует и не существует: существует, ибо уже возникает, и не существует, ибо еще не возникло. Процесс, происходящий в это время, носит название *становления*. Становление есть неразрывное единство бытия и небытия.

Важнейший вид процесса — не очередное повторение того, что уже происходило раньше, а появление принципиально нового качества, более высокого, чем прежнее, процесс поступательного развития, или *прогресс*.

Исследование процесса предполагает переход познания от *явления к сущности*, раскрытие его внутренней *необходимости*, которая внешне проявляется в чередовании событий, каждое из которых взято в отдельности случайно. Как уже было показано в третьей книге (III.5), кроме категорий *необходимости* и *случайности* нужны понятия *предопределенности* и *неопределенности*, *возможности* и *действительности*, *возможности* и *невозможности*, *вероятности* и *неизбежности*, а также *закономерности* и *закона*.

Путь, ведущий к выявлению законов развития, лежит через категорию меры. Выяснение причин перехода количества в качество при переходе через узловыe точки меры дает ключ к пониманию сущности явлений, т. е. законов, управляющих ими. Познать сущность происходящих процессов означает знать не только то, что одно событие влечет за собой другое, но и каким образом первое вызывает второе, знать не только внешнюю сторону, но внутреннюю необходимость, предопределенность протекания процесса.

Хотя понятие процесса является одним из важнейших категорий диалектики, оно не признается таковым. С этим связана неразработанность целого ряда его сторон. Как это ни странно, но в философской литературе есть понятия движения и развития, но нет специального термина для обозначения того, что движется, развивается. Таким термином могло бы быть слово *субстант* (от лат. *substantivus* — самостоятельный, существующий). Субстант — это то, что движется, развивается, находится в состоянии процесса. В мире существует целая иерархия субстантов. Каждый субстант может и сам состоять из меньших субстантов и быть частью другого, большего субстанта. С введением понятия субстанта получают конкретизацию понятия *целого* и *части*. Целое всегда субстант, части — всегда части субстанта. Сейчас для характеристики субстанта, состоящего из частей, применяется понятие *системы*. Система всегда состоит из *элементов*, связанных воедино *структурой*.

Важными понятиями, дающими возможность схватить протекание любого процесса, являются категории *содержания* и *формы*, понимаемой не как внешняя оболочка субстанта, а как внутренняя организация его содержания. Изменяющееся содержание рано или поздно приходит в противоречие со своей формой. В результате происходит сбрасывание старой формы и перестройка содержания: один объект трансформируется в другой.

Каждый процесс развития того или иного определенного субстанта тоже иерархичен. Существуют два главных его уровня: событийный и процессуальный, последний из которых включает в себя несколько подуровней.

Другими важными категориями, без которого невозможно понимание процесса, являются понятия *факторов*, *движущих сил развития*. У Г. Гегеля эта категория отсутствует и понятно почему. У него везде

движущей силой развития является абсолютная идея во всех ее видах. Материалистическая же диалектика без этой категории обойтись не может.

Каждая категория диалектики, являясь отражением одной из всеобщих объективных форм существования и развития объективного мира — одной из мирформ, представляет собой предельно общую форму движения мышления как объективного процесса. Диалектика этих категорий отражает диалектику объективного мира.

Именной указатель

- Абрагам, Макс** (1875–1922) *243*
Авенариус, Рихард (1843–1896) *278*
Автономова, Наталия Сергеевна *79, 245*
Адамар, Жан Соломон
(1865–1963) *47, 96*
Алексеев, Игорь Серафимович
(1935–1988) *279, 280*
Альшиц, Даниил Натанович
(1919–2012) *206, 207*
Анаксагор (499–428 до н. э.) *28*
Андронников, Иракий Луарсабович
(1908–1990) *214*
Аристотель (384–322 до н. э.) *18, 93, 162, 175*
Арсеньев, Владимир Клавдиевич
(1872–1930) *183, 184*
Архимед (287–212 до н. э.) *250, 253*
Асмус, Валентин Фердинандович
(1894–1975) *89, 109, 161, 163*
Ах, Нарцисс Каспар (1871–1946) *86*
- Баджелл, Юстус** (1686–1737) *111*
Баженов, Лев Борисович
(1926–2005) *233*
Бассин, Филипп Вениаминович
(1905–1992) *48, 91*
Беккерель, Антуан Анри
(1852–1908) *283*
Белинский, Виссарион Григорьевич
(1811–1848) *141, 142*
Бенвенист, Эмиль (1902–1976) *64*
Бергсон, Анри (1859–1941) *164*
Беркли, Джордж (1685–1753) *8, 142*
Бернар, Клод (1813–1878) *131, 132, 141, 221, 234–236, 244*
Блондло, Рене Проспер
(1849–1930) *114*
- Богданов (Малиновский), Александр Александрович**
(1873–1928) *278, 280*
Богомолов, Алексей Сергеевич
(1927–1983) *144*
Богомолов, Владимир Осипович
(1926–2003) *181*
Бодуэн де Куртенэ, Иван Александрович (1845–1929) *93*
Бодуэн де Куртенэ, Иван Александрович (1845–1929) *57*
Бор, Нильс Хендрик Давид
(1885–1962) *274, 276*
Борн, Макс (1882–1970) *227, 228, 252, 276*
Бозций, Аниций Манлий Северин
(ок. 480–524) *162*
Браун, Роджер *56*
Бриллюэн, Леон Никола (1889–1969) *113*
Бройль, Луи Виктор де (1892–1987)
154–160, 167, 169, 267
Брунер, Джером *65*
Бруно, Джордано (1548–1600) *162*
Бунге, Марио *136*
Бунин, Иван Алексеевич (1870–1953) *116*
Бутлеров, Александр Михайлович
(1828–1886) *132, 244, 245*
Бэкон, Фрэнсис (1561–1626) *217, 247*
Бюлер, Карл (1879–1963) *86*
Бюхерер, Альфред (1861–1927) *243*
- Вагенфельд, Фридрих** (1810–1846) *118*
Вайнберг, Стивен *227*
Вайсгербер, Йоханн Лео
(1899–1985) *53, 55*
Валла, Лоренцо (1405/7–1437) *118*

Вант-Гофф, Якоб Гендрик
(1852–1911) 234
Вахтомин, Николай Кононович
(р. 1923) 144
Вежбицкая, Анна 64
Вентрис, Майкл Джордж Фрэнсис
(1922–1956) 117
Вернадский, Владимир Иванович
(1863–1945) 113, 234
Вильсон, Томас Вудро (1856–1924) 118
Вильсон, Чарлз Томсон
(1869–1959) 267, 277
Виндельбанд, Вильгельм
(1848–1915) 199, 200
Винклер, Гуго (1863–1913) 116
Владимиров, Леонид Евстафьевич 196
Вольтер (Франсуа Мари Аруэ)
(1694–1778) 182, 183
Выготский, Лев Семёнович
(1896–1934) 87–89, 91, 93–95
Вяземский, Петр Андреевич
(1792–1878) 69, 70

Гадамер, Ганс Георг (1900–2002) 127
Галилей, Галилео (1564–1642) 8
Гальтон, Фрэнсис (1822–1911) 47, 95, 96
Гаман, Иоганн Георг (1730–1788) 163
Ганка, Вацлав (1791–1861) 118
Гардинер, Алан Хендерсон
(1879–1963) 58
Гарднер, Эрл Стэнли (1889–1970) 195,
209
Гартман, Эдуард (1842–1906) 163
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих
(1770–1831) 14, 22, 33, 38, 40,
43, 46, 76, 78, 80, 81, 83, 142,
152, 159, 160, 162, 169, 175, 176,
241, 247, 285–287, 290, 293
Гейзенберг (Хайзенберг), Вернер Карл
(1901–1976) 252, 277
Геккель, Эрнст (1834–1919) 132
Гельмгольц, Герман Людвиг Фердинанд
фон (1821–1894) 166
Гемпель, Карл Густав (1905–1997)
137, 228
Георгиев, Филипп Игнатьевич
(1904–1974) 77
Гераклит (ок. 540 – 480 до н. э.) 128, 175
Герцен, Александр Иванович
(1812–1870) 125

Гершель, Джон Фридерик Уильям
(1792–1871) 220
Гёте, Иоганн Вольфганг (1749–1832)
98–101, 146, 153, 234
Гоббс, Томас (1588–1679) 8, 218, 247,
249, 250
Горский, Антон Анатольевич 120
Горский, Дмитрий Павлович
(1920–1994) 257, 258
Грю, Неемия (1641–1712) 218
Грязнов, Борис Семёнович (1929–1978)
245, 257, 259
Губин, Валерий Борисович 171
Гулыга, Арсений Владимирович
(1921–1996) 83
Гумбольдт, Вильгельм фон
(1767–1835) 53
Гуссерль, Эдмунд (1859–1938) 127,
164, 170

Давыдов, Василий Васильевич
(1930–1998) 40, 80
Дальтон, Джон (1766–1844) 219
Деборин (Июффе) Абрам Моисеевич
(1881–1963) 27
Декарт, Рене (1596–1650) 162, 163, 217,
218, 247, 249
Демокрит (460–370 до н. э.) 8, 28, 269
Джевонос, Уильям Стэнли (1835–1882)
220, 221
Джеймс, Уильям (1842–1910) 47
Джохансон, Доналд 242
Дильтей, Вильгельм (1833–1911) 127,
199, 209, 210
Дингл, Герберт (1890–1978) 227,
228, 276
Диоген Лаэртский 247
Диоген Синопский (ок. 412–323) 247
Дирак, Поль Андриен Морис
(1902–1984) 243
Доил, Артур Конан (1859–1930) 188, 189
Дроздов, Александр Васильевич
(1924–1988) 82
Дройзен, Иоганн Густав (1808–1884)
198–200
Дынин, Борис Семёнович 257, 259

- Дюгем, Пьер Морис Мари (1861–1916) 221, 270
- Дюма, Александр (1802–1870) 184, 186, 201
- Е**вклид (ок. 365 – 300 до н. э.) 176, 248
- Ж**иряев, Александр Степанович (1815–1856) 195
- Жолковский, Александр Константинович 89
- З**ализняк, Андрей Анатольевич 55, 120
- Земляной, Сергей Николаевич 204, 205
- Зенон Элейский (ок. 490–430 до н. э.) 175, 288
- Зимин, Александр Александрович (1920–1980) 120, 201
- Зиммель, Георг (1858–1918) 210
- Зиновьев, Александр Александрович (1922–2006) 40
- Знаков, Виктор Владимирович (р. 1950) 126
- И**вин, Александр Архипович 79
- Илларионов, Сергей Владимирович (1938–2000) 252, 253, 268, 280
- Ильенков, Эвальд Васильевич (1924–1979) 40, 61, 84, 286
- Инфельд, Леопольд (1898–1968) 273
- Иоанн Скот Эриугена (ок. 810 – после 877) 162
- К**айат, Андре 180, 181
- Кант, Иммануил (1724–1804) 8, 49–52, 74, 78, 142, 162, 218, 249–251, 271, 272
- Капра, Фритьоф 171
- Кармин, Анатолий Соломонович 48
- Карнап, Рудольф (1891–1970) 224, 231
- Карсавин, Лев Платонович (1882–1952) 210, 211
- Кауфман, Вальтер (1871–1947) 243
- Кедров, Бонифатий Михайлович (1903–1985) 244, 276
- Кеннан, Джордж Фрост (1904–2005) 119
- Клайн, Морис (1908–1992) 272, 273
- Кобрин, Владимир Борисович (1930–1990) 204, 268
- Коллингвуд, Робин Джордж (1889–1943) 148, 201
- Кони, Анатолий Федорович (1844–1927) 195, 196
- Конт, Огюст (1798–1857) 220
- Копнин, Павел Васильевич (1922–1971) 77, 78, 82, 83, 85, 109, 143, 144
- Коппенс, Ив 242
- Коул, Майкл 174
- Красногорский, Николай Иванович (1882–1969) 41
- Крачковский, Игнатий Юлианович (1883–1951) 214
- Кристи, Агата (1891–1976) 194
- Кроче, Бенедетто (1866–1952) 164
- Куайн, Уиллард ван Орман (1908–2000) 56, 222, 230, 231
- Кун, Томас Сэмюэл (1922–1996) 114, 268
- Куросава, Акира (1910–1998) 180
- Куторга, Михаил Семёнович (1809–1886) 141
- Кюльпе, Освальд (1862–1915) 86
- Л**акатос (Лакатош), Имре (1922–1974) 229, 230, 240, 241
- Ламарк, Жан Батист (1744–1829) 218
- Ламартин, Альфонс Мари Луи де (1790–1869) 44
- Ланглуа, Шарль Виктор (1863–1929) 117, 119, 122–124, 134
- Лаплас, Пьер Симон (1749–1827) 219
- Лебедев, Сергей Александрович 260, 261
- Лейбниц, Готфрид Вильгельм (1646–1716) 162, 163, 218, 248–251
- Ленин, Владимир Ильич (1870–1924) 14, 17, 18, 39, 40, 43, 61, 83, 119, 132, 133, 142, 204–206, 231, 240, 247, 276
- Леннеберга, Эрика 56
- Леонтьев, Алексей Алексеевич (1936–2004) 64
- Леруа, Эдуард (1879–1955) 266, 270
- Либих, Юстус (1803–1873) 131, 140, 141
- Лики, Ричард (р. 1944) 241
- Линней, Карло (1707–1778) 215, 218

Локк, Джон (1632–1704) *8, 142, 162, 163, 218*
Ломоносов, Михаил Васильевич (1711–1765) *68*
Лоренц, Хендрик Антон (1853–1928) *243*
Лосский, Николай Онуфриевич (1870–1965) *164*
Лукач, Дёрдь (Георг) (1985–1971) *262*
Лурия, Александр Романович (1902–1977) *58, 88, 89, 93, 94, 121, 173, 174*
Лысенко, Трофим Денисович (1898–1976) *112*

Мазон, Андре (1881–1967) *120*
Маковский, Александр Осипович (1884–1969) *176*
Малкей, Майкл *113*
Мамардашвили, Мераб Константинович (1930–1990) *245*
Мамчур, Елена Аркадьевна *263, 264*
Маргенау, Генри (1901–1997) *228*
Марков, Моисей Александрович (1908–1994) *275, 276*
Маркс, Карл Генрих (1818–1883) *17, 39, 40, 77, 142, 175, 231, 239*
Мартин, Лора *56*
Маршак, Самуил Яковлевич (1887–1964) *270*
Масарик, Томаш Гарриг (1850–1937) *119*
Мах, Эрнст (1838–1916) *154, 158, 159, 227, 276, 277, 282*
Мельгунов, Сергей Петрович (1880–1956) *119*
Мельчук, Игорь Александрович (1932–1995) *89*
Менделеев, Дмитрий Иванович (1834–1907) *215, 244*
Миль, Джон Стюарт (1806–1873) *221*
Молотка, Эхарт *56*
Мозм, Уильям Сомерсет (1874–1965) *97–99*

Навиль, Жюль Эрнест (1816–1909) *221*
Налимов, Василий Васильевич (1910–1997) *171, 172, 176*
Налчаджян, Альберт Агабекович *44, 48, 92*

Никитин, В. И. *78*
Никитин, Евгений Петрович (1934–2001) *137, 257, 259*
Никифоров, А. Л. *129, 130, 137, 138, 259, 262, 263*
Николай Кузанский (Николай Кребс) (1401–1464) *162*
Ньютон, Исаак (1643–1727) *218, 269, 270*

Овчинников, Николай Федорович *110*
Огурцов, Александр Павлович (р. 1936) *56*
Омельяновский, Михаил Эразмович (1904–1979) *276*

Павлов, Иван Петрович (1849–1936) *109, 148, 151–153*
Пайпер, Бим Хорас (Генри) (1904–1964) *66*
Палама, Джеффри *56*
Парменид (540–470 до н. э.) *8, 288*
Паустовский, Константин Георгиевич (1892–1968) *165*
Пенроуз, Роджер *48, 96, 97*
Пик, Альберт (1851–1924) *86*
Пинкер, Стивен *56, 57, 64*
Пифагор (570–490 до н. э.) *31*
Планк, Макс Карл Эрнст Людвиг (1858–1947) *133, 140, 227, 271–273, 276, 277, 281, 282*
Платон (ок. 427–347 до н. э.) *12, 31, 63, 68, 93, 142, 162, 175, 269*
Плэтт, Вашингтон (1890–1965) *166, 187, 188, 192*
Подольский, Борис (1896–1966) *274*
Поп, Александр (1688–1744) *269*
Поппер, Карл Раймунд (1902–1994) *16, 229, 230, 237, 238, 268*
Пуанкаре, Жюль Анри (1854–1912) *132, 154, 155, 158–160, 169, 221, 243, 266, 267, 270*
Пушкин, Александр Сергеевич (1799–1837) *69, 70, 99*

Рагт, Гарольд (1886–1960) *46, 47, 91*
Рамсей, Фрэнк Памплон (1903–1930) *228*

Рассел, Бертран Артур Уильям
(1872–1970) *219, 271*
Рей, Абель (1873–1940) *221*
Рейли, Сидней (1874–1921) *118*
Рейхенбах, Ганс (Ханс) (1891–1953) *228*
Рентген, Вильгельм Конрад
(1845–1923) *283*
Рикёр, Поль (1913–2005) *127, 138*
Риккерт, Генрих (1863–1936) *199, 200*
Розен, Натан (1909–1995) *274*
Розенталь, Марк Моисеевич
(1906–1975) *40, 82–84*
Розин, Вадим Маркович *280, 281*
Рузавин, Георгий Иванович *128,
258, 259*
Рюноскэ, Аутогава (1892–1927) *180*

Салтыков-Щедрин, Михаил
Евграфович (1826–1889) *203*
Семеновский, Петр Сергеевич
(1883–1959) *190*
Сеньобос, Шарль (1854–1942) *117, 119,
122–124, 134*
Сепир, Эдуард (1884–1939) *53–56, 63, 64*
Сиссон, Эдгар (1875–?) *118, 119*
Сквайр, Джон Коллинз (1884–1958) *270*
Смирнов, Владимир Александрович
(1931–1996) *231, 232, 254–257*
Сократ (469–399 до н. э.) *175*
Солженицын, Александр Исаевич
(1918–2008) *204–206*
Соссюр, Фердинанд де (1857–1913) *57,
58, 93*
Спиноза, Бенедикт (Барух) (1632–1677)
162, 163, 247, 249–251
Старцев, Виталий Иванович
(1931–2000) *119*
Стеклов, Владимир Андреевич
(1863/64–1926) *60, 154, 155,
159, 169, 170*
Стёпин, Вячеслав Семёнович *257–259*
Суслова, Любовь Артемьевна *78*

Тарусина, Е. И. *137, 138*
Тит Лукреций Кар
(ок. 99 – 55 до н. э.) *28*
Толстой, Лев Николаевич
(1828–1910) *97–101*

Треваранус, Готфрид Рейнхольд
(1775–1837) *218*
Тулмин, Стивен Эделстон
(1922–1997) *126*
Тэб, Морис *242*
Тютчев, Федор Иванович
(1803–1873) *100*

Уиттекер, Эдмунд Тейлор
(1873–1956) *237*
Уоллес, Грэм (1858–1932) *47*
Уорф, Бенджамин Ли (1897–1941) *25,
53–58, 61, 64, 65*
Успенский, Глеб Иванович
(1843–1902) *87*
Уэвелл, Уильям (1794–1866) *214, 221*

Фалес (ок. 625–545 до н. э.) *175*
Фарадей, Майкл (1791–1867) *151*
Фейерабенд, Пол (Пауль) Карл
(1924–1994) *114, 230, 268*
Фейербах, Людвиг Андреас
(1804–1872) *239*
Фейнберг, Евгений Львович
(1912–2006) *154, 158–160, 170*
Фейнман, Ричард Филлипс
(1918–1988) *139*
Фет, Афанасий Афанасьевич
(1820–1892) *100*
Фихте, Иоганн Готлиб (1762–1814) *162,
163, 272, 279*
Фок, Владимир Александрович
(1898–1974) *274*
Фолькман, Пауль Оскар Эдуард
(1856–1938) *221, 265, 266*
Фреге, Фридрих Людвиг Готлоб
(1848–1925) *9, 32*
Фрейд, Зигмунд (1856–1939) *47*

Хайдеггер, Мартин
(1889–1976) *127, 164*
Хилл, Джордж (1893 – после 1946) *118*
Хомский, Ноам Абрам *56, 89, 90, 94*

Чапек, Карел (1890–1938) *194, 195, 264*
Черкесов, Виталий Иванович
(1906–?) *83, 84*
Черняк, Владимир Семёнович
(р. 1938) *112, 113*

Честертон, Гильберт Кит
(1874–1936) 209

Чудинов, Энгельс Матвеевич
(1930–1980) 110

Шахматов, Алексей Александрович
(1864–1920) 214

Шейнин, Лев Романович (1906–1967)
189–191

Шеллинг, Фридрих Вильгельм Йозеф
(1775–1854) 162, 163

Шинкарук, Владимир Илларионович 78

Шлейермахер, Фридрих (1768–1834) 127

Шопенгауэр, Артур (1788–1860) 163

Шрёдингер, Эрвин Рудольф
(1887–1961) 252

Шапов, Афанасий Прокопьевич
(1830–1876) 69

Щерба, Лев Владимирович
(1880–1944) 59

Щукарев, Александр Николаевич
(1864–1936) 221

Эйдельман, Натан Яковлевич
(1930–1989) 206, 214

Эйнштейн, Альберт (1879–1955) 95,
154, 157–159, 219, 220, 243, 270,
271, 273, 274, 277, 282

Энгельгардт, Владимир Александрович
(1894–1984) 141

Энгельс, Фридрих (1820–1895) 17, 39,
43, 76, 77, 83, 142, 175, 231, 239

Эпикур (341–270 до н. э.) 28

Юкава, Хидеки (1907–1981) 273, 274
Юм, Давид (1711–1776) 8, 142, 218,
248–251

Якоби, Фридрих Генрих
(1743–1819) 163

Якобсон, Роман Осипович
(1896–1982) 120

Оглавление

Глава 1. Умозримый мир в себе и для нас. Основные типы словопонятий и идеальных универсатов	8
1. Повторение пройденного	8
2. Проблема типологии словопонятий	20
3. Первый основной тип (род) словопонятий — сингулатно-универсатные (сингулоуниверсатные) словопонятия	21
4. Второй основной тип (род) словопонятий — универсатно-универсатные (униуниверсатные) словопонятия	24
5. Общее и сущность. Этажи мира. Виды сущности	27
6. Третий основной тип (род) словопонятий — квазисингулатно-универсатные словопонятия	30
Глава 2. Мышление: Словопонятийная и пунктолинейная энграммная корковая сети ..	32
1. Проблема связи между понятиями	32
2. Словопонятийная сеть и пунктолинейная корковая энграммная сеть	34
3. Мыслительный процесс: мыслеручьи и мыслепоток. Активное и субактивное мышление	40
4. Психологи и психология о двух видах мышления	45
Глава 3. Создание чувстоумозримого мира для нас как воссоздание в сознании человека мира в себе, объективной реальности	49
1. Вступительные замечания	49
2. Учение И. Канта о чувстоумозримом мире для нас	49
3. Неогумбольдтианство. Концепция лингвистической относительности (гипотеза Сепира—Уорфа)	53
4. Язык, речь и лингвофонд. Концептофонд, мышление и ментофонд	57
5. Проблема детерминации концептофонда	61
6. Основные этапы развития концептофондов и языков	63
7. Наука и новоментальные языки	66
8. Пример России: от староментального языка к новоментальному	68
9. Языковая проблема до и после распада СССР	70
10. Отношение между чувствозримым и умозримым мирами для нас	73
Глава 4. Проблема особенностей и форм разумного мышления	76
1. Проблема разума и рассудка в современной философской и научной мысли	76
2. Проблема единиц мышления вообще, единиц разумного мышления в частности ..	81
3. Проблема взаимоотношения (взаимоперехода) мышления (мысли, смысла) и речи (высказывания, речевого сообщения, текста) в психологии и лингвистике	86
4. Лингвотекст, рациотекст и разумотворения (идеи и теории). Текстурализация и интеллектуализация	92
5. Проблема соотношения художественного литературного образа и лингвотекста ..	97

Глава 5. Мир для нас как единство реального, парареального, псевдореального, фидереального и реально-фидереального миров	102
1. Вводное замечание	102
2. Первая разновидность мыслечувствотворений (квазиобразов) — параобразы	102
3. Вторая разновидность мыслечувствотворений (квазиобразов) — фантаобразы (псевдообразы и фидеобразы).....	104
4. Мыслетворения: образы и квазиобразы	106
5. Структура мира для нас: реальный мир, парареальный мир, псевдореальный мир, фидереальный мир и реально-фидереальный мир	107
6. Мир для нас вообще, этномир и персономир	107
Глава 6. Факт как исходная категория теории разумного мышления.....	109
1. Понятие факта	109
2. Обретение житейских и научных фактов. Два основных способа добывания научных фактов: наблюдение и эксперимент.....	113
3. Критика источников как способ нахождения фактов в исторической науке	116
4. Первичная обработка фактов — их превращение из единичных в общие	123
Глава 7. Проблема понимания и объяснения фактов	125
1. Проблема понимания и объяснения в философии и науке.....	125
2. Герменевтика и понятие понимания (истолкования, интерпретации).....	126
3. Объединение (унитаризация) фактов. Два вида унитаризации фактов: эссенциализация и холизация	131
4. Понимание и объяснение	136
Глава 8. Идея — главная, ключевая форма разумного мышления.....	140
1. Идея в понимании ученых и философов	140
2. Идея и истина	144
3. Идея эссенциальная и идея холическая.....	145
4. Проблема и идея	146
5. Идея и суждение	149
Глава 9. Интуиция как форма разумного мышления	151
1. Рождение идеи. Озарение (инсайт) и интуиция (наитие)	151
2. А. Пуанкаре, В. А. Стеклов, Л. де Бройль, А. Эйнштейн, Э. Мах и Е. Л. Фейнберг о двух видах мышления	154
3. Проблема интуиции в истории философской мысли	161
4. Проблемно-фактуальная интуиция как необходимый момент разумного мышления.....	164
5. Разум и рассудок: проблема их «приручения», «окультуривания», «одомашнивания».....	171
Глава 10. Житейская и расследовательская идея и холизация	177
1. Житейская стихийная (бессознательная, имплицитная) холизация	177
2. Житейская сознательная холизация	182
3. Профессионально-специализированная (расследовательская) холизация	187
Глава 11. Холизация в науке	198
1. Проблема специфики исторического знания	198
2. Идея (система идей) и холия в исторической науке.....	201
3. Концепция «вживания» в образы исторических деятелей как пути к пониманию истории	208
4. Универсальная холия и теория в исторической науке	211
5. Идея и холия в иных, кроме историологии, гуманитарных науках	214
6. Холическая идея и холия в естественных науках.....	214

Глава 12. Проблема научного знания в истории философской и научной мысли Нового и Новейшего времени.....	216
1. Проблема научного знания в философии и естествознании XVII-XIX веков.....	216
2. Проблема научного знания вообще, теоретического в частности, в позитивистской философии XX века	221
3. Проблема научного познания вообще, теоретического в первую очередь, в советской философии	231
Глава 13. Факты, идея, гипотеза и теория.....	233
1. Теория и гипотеза	233
2. Способы проверки истинности гипотезы и теории	234
3. Два компонента теории и два пути развития теоретического знания	240
4. Проблема соответствия фактов теории	241
5. Проблема рациональности познания.....	245
6. Проблема структуры теории (и предтеории, гипотезы).....	251
7. Проблема теории в советской и постсоветской «философии науки»	254
8. Проблема «теоретической нагруженности» фактов.....	261
Глава 14. Теорозримый мир в себе и для нас	269
1. Мышление как отражательное творчество, творческое отражение	269
2. Отделение в сознании человека чистоумозримого (теорозримого) мира от чувстоумозримого мира. Проблема «физической реальности».....	271
3. Проблема отношения «физической реальности» и природы.....	274
4. Структура мира для нас, появление нового знания и обогащение концептофонда	283
Глава 15. Категориальный аппарат теории (логики) разумного мышления.....	285
1. Онтогностические и гностические формы разумного мышления.....	285
2. Диалектики: <i>summa summarum</i>	288
Именной указатель	294
Оглавление	300